

ирина дынина

AK

АПОЛЛОН

КУЧКИН

ПОГОНЯ ЗА ВУРДАЛАКОМ,

ИИ

СИНЯЯ КРЫСА СЧАСТЬЯ

Ирина Валерьевна Дынина Аполлон Кучкин. Погоня за вурдалаком, или Синяя крыса счастья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68787438
SelfPub; 2023*

Аннотация

Нелегка жизнь специалиста-консультанта по конфиденциальным вопросам, особенно, если упомянутый специалист молод, неопытен и не имеет положительных рекомендаций. Однако Аполлон Кучкин не привык пасовать перед трудностями. Первые клиенты и первые загадки. В небольшом провинциальном городе творится всякая чертовщина. Объявляются вампиры, отравляющие жизнь мирных обывателей. Покинутый муж требует немедленного возвращения жены, а похищенные ценности никак не желают находиться. Ко всему прочему, на улицах города замечен таинственный зверь, экзотический и агрессивный, а опасный маньяк, терроризирующий местных красоток, не спешит попадаться в руки полиции. Обо всём этом и многом другом вы узнаете, прочитав эту книгу.

Ирина Дынина

Аполлон Кучкин. Погоня за вурдалаком, или Синяя крыса счастья

*

Скажи кто Аполлону Кучкину, что вторник этой недели не задастся с самого утра, то парень, скорей всего, покрутив пальцем у виска, прогнал бы незадачливых предсказателей куда подальше. А конкретно – в синие дали.

Вторник же. Что плохого может случиться во второй день недели? Во вполне себе безобидный день? Не в понедельник, ни в пятницу, а во вторник?

Аполлон Михайлович Кучкин был глубоко убежден в том, что эти самые противные понедельники и пятницы придумали враги народа, дабы осложнить жизнь этому самому народу.

Ну, с понедельником все ясно. После выходных тяжело, не просто тяжело, а очень тяжело идти на работу. В особенности, если накануне, то есть в субботу и воскресенье, жизнь была ключом и всё по голове.

Вот и болит голова с утра понедельника, мысли ворочаются лениво. И будильник, жутко коварное изобретение трудо-

голиков, вопит, призывая к активности.

А так не хочется. Ни призываться, ни активничать.

Знакомо, да?

Несправедлива жизнь!

С пятницей всё гораздо сложнее.

Брутальный понедельник и кокетливая предвестница выходных – какая огромная между ними разница! В целых три дня! Но обычно в пятницу неожиданно обнаруживается, что неделя закончилась как-то быстро. Отчеты не составлены, списки не подготовлены и цифры – о, ужас! не сходятся! Как на зло, семнадцать часов и конец рабочего дня не за горами. Вот и приходится трудиться в поте лица своего, бегать, шуршать, суетиться, позабыв о планах на вечер.

В результате после семнадцати часов весь, как выжатый лимон, ползешь домой на полусогнутых, судорожно пытаешься вспомнить – все ли ты успел, учел, отправил, сбросил и скопировал? Потому как, понедельник, сам по себе, день неприятный, а если уж он начинается с недовольного начальственного рыка и разноса на планерке, то неприятно становится вдвойне, что грозит затяжной депрессией и урезанием премии или ещё того хуже, оклада.

Так вот, с некоторых пор Аполлона Михайловича Кучкина перестали волновать проблемы понедельников, пятниц и неприятностей, связанных с этими днями недели.

Кто такой Аполлон Михайлович Кучкин, спросите вы?

Парень, которого, незаслуженно обидевшие неродную

кровиночку, сотрудники «Дома малютки» обозвали редким и претенциозным именем – Аполлон, на свет появился тридцать лет назад, внешность имел самую заурядную, рост – средний, глаза – яркие и беспокойные, мечты – амбициозные.

Имя свое, необычное и не особо понятное, Аполлон получил благодаря тётке-библиотекарше, питавшей склонность к прочтению романов с уклоном в мифологию, преимущественно греческую. Тетка, засидевшаяся в девках неприлично долгое время, мечтала о большой и горячей любви. Любовь всей своей жизни она представляла страстной, атлетически сложенной и безупречно – красивой. Черно-белое фото статуи Аполлона, однажды увиденное и жадно рассмотренное старой девой в одном из глянцевого журналов, пленило ее трепетное сердце. Облик идеального мужчины сформировался раз и навсегда. Потому, младенец, обнаруженный этой достойной женщиной на выщербленных ступенях детского учреждения, был обречен носить столь громкое и многообещающее имя – Аполлон, хотя, по мнению окружающих, от Аполлона в пищащем и пачкающем пеленки, младенце, было мало чего – разве что, безупречной лепки, нос на щекастой физиономии и, изумительно яркие, бирюзовые глаза.

В отличие от имени – божественного и требующего слишком многих жертв от обычного мальчишки, отчество крохе прилетело от вечно хмельного завхоза, всё того же, детско-

го дома, по имени Михайло Гаддеевич – седого, как лунь, мужичка неопределенного возраста, рукастого и мастеровитого. Завхоз любил детишек, но, еще больше, он любил поддать в конце рабочего дня, изображая из себя огнедышащего кролика-альбиноса, в виду, покрасневших от крепкого алкоголя глаз и мощного выхлопа, разящего наповал. Хорошо, хоть прилипло имя, а не отчество работника детского учреждения, а, то, Аполлона Михайловича, аж передергивало от мысли, что он мог зваться – Аполлоном Гаддеевичем, в добавок ко всем прочим жизненным несуразностям.

Фамилия парня – Кучкин, образовалась от того, что щекастый, горластый младенец мужского пола, был найден мечтательной библиотечаршей, возлежавшим на ступенях казенного дома, верхом на неприглядной кучке той неаппетитной субстанции, которую, в наши дни, принято прятать в удобные памперсы, обещающие, если верить рекламе, комфорт и сухость филейной части ребенка.

Вот и стал подвижный и энергичный мальчуган воспитанником, вначале «Дома малютки», а, затем – и детского, обзаведясь именем, отчеством и фамилией.

Следов биологических родителей Аполлона Михайловича Кучкина, правоохранительными органами, обнаружено не было. Они, то есть, родители, растворились среди миллионов россиян и не пытались хоть как-то себя обозначить по отношению к крепкому бутузу, в которого, со временем, превратился щекастый ангелочек по имени Аполлон.

Кстати, имечко парнишке досталось, еще то! С самого первого дня в детском доме, Кучкин страдал от излишнего романтизма той самой перезрелой барышни, решившей облагодетельствовать горластого младенца столь помпезным именем, принадлежавшим, как позже выяснил малец, некому греческому божеству, олицетворявшему мужскую красоту, мощь и силу.

Аполлон из Аполлона Михайловича Кучкина, честно признаться, получился так себе – ни особой статью, ни широкими плечами, ни божественной красотой, выпускник детского дома похвастаться не мог, а, имя, обретенное в нежном младенческом возрасте, обязывало!

Разве что, глаза парень унаследовал от родителей замечательные – необыкновенного оттенка, словно ласковое море в прекрасный, солнечный день.

За эти самые глаза, Аполлон родителям был благодарен, а, вот за то, что они бросили его в нежном младенческом возрасте – нет.

Жизненный путь молодого человека протекал обычно, можно сказать, скучно – детский дом, армия, институт и работа.

Служба в армии не радовала от слова совсем, но свой долг Родине, Кучкин отдал беспрекословно, а, потом еще, ухитрился задержаться ровно на два года, оформив контракт.

Вернувшись на малую родину, Аполлон, некоторое время подрабатывал в родном учреждении на должности «мастер

на все руки» и осматривался, пытаясь отыскать свое место в этом неприветливом мире.

О своих армейских перипетиях Аполлон распространяться не любил, но местная шпана предпочитала держаться от него подальше, после одной-единственной встречи, случившейся в темной подворотне и закончившейся печально для любителей халявы, но никак не для бывшего детдомовца.

Там, в армии, сослуживцы, одно время, любили позубоскалить, склоняя оригинальное имя Кучкина на право и на лево, так что, парню пришлось поднапрячься и слегка убавить улыбочности тем самым любителям посмеяться.

Не смотря на природную лень, ах, да – Кучкин предпочитал лениться, когда выпадала такая возможность, упорства и целеустремленности Аполлону было не занимать. Поэтому, насмешки вскоре прекратились, чему очень способствовала пара-тройка выбитых ненароком зубов и один, свернутый набок, нос.

Уступив рекомендациям своих воспитателей, желавших выпускнику Кучкину добра и процветания, парень поступил в институт на факультет...

Название специальности, длинное, невразумительное и малопонятное, как и сам предмет, подлежащий изучению, сердце Кучкина не затронуло, но, привыкший доводить дело до логического конца, Аполлон учебу закончил, диплом получил и работу, соответственно, тоже. Благо дело – офисов по городу оказалось наткано в достаточном количестве и

молодые специалисты, пусть и на низкооплачиваемые должности, требовались постоянно, в связи с непрекращающейся текучкой.

К тому времени, окончательно отпочковавшись от родного детдома и обиходив собственное, положенное ему, как сироте, жилье, Кучкин отправился в автономное плавание.

Связь с родными, пусть и казенными пенатами, прервалась.

Очень быстро молодой специалист заскучал на своей монотонной службе. Ходить в одно и то же место, выполняя рутинную работу, наводящую зевоту и вызывающую изжогу, было откровенно лень.

Спасали парня книги. Читал Кучкин запоем, все больше детективы и романы о приключениях, уважал фантастику и презрительно фыркал в сторону любовных романов, вспоминая ту самую, увлеченную мечтами, романтическую старую деву из библиотеки.

Через несколько лет, устав тянуть лямку скучного труда, решившись на коренные перемены, Аполлон Михайлович уволился со старой службы, на новую устраиваться решил не спешить, и занялся Кучкин, как это ни странно – работой на себя любимого.

В жизни парень умел не так, чтобы и много – отслужил срочную, немного занимался спортом и, несколько лет, параллельно учебе, добросовестно оттрубил в офисе, занимаясь непонятно чем и исправно получая за это заработную

плату. Работа ему досталась скучная, сидячая и бумажная, ведущая к потере зрения, скалиозу и хондрозу, а, так же, к такому неприятному заболеванию, как геморрой.

В тридцать лет редко кто задумывается о здоровье и неприятностях, связанных с его потерей, но, Аполлон, как ни странно задумался и решил, что ему подобного счастья не надобно – ни за деньги, ни, тем более, бесплатно.

Хотелось чего-то эдакого, особенного и необычного, связанного с опасностями, приключениями и выбросами адреналина. Почитывая на досуге детективы и триллеры, Кучкин подумал – а, почему, собственно и нет?

Помните, старый, смешной фильм-комедию про глупенькую блондинку, решившую стать юристом? Как там, было-то, в фильме – проснулась она в одно прекрасное утро и подумала: «А, не пойти ли мне на юридический?»

Примерно, тоже самое случилось со скучающим Аполлоном Михайловичем.

Раскинув мозгами и посчитав денежные купюры, припавшие на черный день, бывший офис-менеджер приуныл – нет, не миллионы, конечно, но, хотелось бы, чтобы тех самых денежных знаков обнаружилось побольше.

Со скудными финансами развернуться не получится и бизнес – нормальный, стоящий, не займешь.

К тому же, Кучкин надеялся на то, что новое поле деятельности, окажется связано с интересными людьми, различными событиями и романтикой. Да-да, той самой, которая

«не терпит позолоты».

Как найти работу мечты, спросите вы?

Кучкин, вот, смог.

Главное – решиться на Поступок и сделать первый шаг в направлении желаемой перспективы.

На дверях его нового кабинета – небольшая комната, четыре на пять, бюджетный вариант с очень скромным ремонтом, красовалась приятная, блестящая табличка.

Лаская глаз, на табличке сверкала надпись, черным, по – золотому: «А.М. Кучкин – специалист-консультант по решению конфиденциальных вопросов. Аномальное и ненормальное – наш профиль».

«Специалистом» Кучкин стал согласно собственному волевому решению – нет, а что? Сказать честно, поначалу, хотелось Аполлону выбрать стезю частного сыщика. Романтика – жуткие тайны, таинственные расследования, смертельные опасности, погоня, допросы и, конечно же, триумф правосудия!

Ага! Два раза – ага!

Лицензия частного сыщика – вот не давалась она Кучкину в руки, и, всё тут. Всю имеющуюся у него наличность, парень вбухал в ремонт, да и, ко всему прочему, Аполлону было просто лень возиться с оформлением лицензии, комиссией и наймом персонала. К тому же, персоналу надобно что-то платить, а с деньгами, как обычно, было очень напряженное положение.

Пришлось ограничиться «специалистом-консультантом». И, то – хлеб. Как надеялся Аполлон – с маслом и черной икрой.

*

Так, вот – о вторнике.

В свой первый рабочий день на новом месте и в новой должности – «сам себе начальник», Аполлон Михайлович, радуясь ясной, солнечной погоде, тем не менее, решил перестраховаться – куртку взял теплую, обмотал шею ярким шарфом (имел Аполлон склонность именно к этой, броской детали гардероба), прихватил brutальный чёрный зонт, натянул на лоб мягкую вязанную шапочку и покинул дом в прекрасном расположении духа.

Своему четвероногому другу – шотландской кошке с выразительным именем Бася, он приказал сидеть дома, на хозяйстве, вести себя прилично и не гадить мимо лотка.

Бася, а, полностью этого представителя кошачьего мира звали – Барселона, в честь футбольного клуба, за который имел счастье болеть её бывший хозяин, на распоряжения Аполлона Михайловича ответила широким зевком жаркой пасти, презрительным прищуром янтарных глаз и царапаньем лап по линолеуму. Именно, что лап, потому как, во избежание порчи мебели и прочего имущество, Басю принудительно лишили когтей на передних лапках, после чего, кошка, затаив обиду на весь белый свет, мстила этому свету, как могла – гадила мимо лотка и, вообще, гадила, как та, всем

известная, англичанка. Правда не всегда, а, иногда, по всей видимости, находясь в особо паршивом настроении.

Переступив через порог, захлопнув за собой дверь, Кучкин, всё ещё сохраняя превосходное расположение духа, перепрыгивая через ступеньку, ринулся на встречу новому дню и новой жизни – богатой, разнообразной и содержательной.

Он надеялся на наплыв клиентов – реклама в газете, умеренные цены и сам Кучкин, внушающий людям чувство приязни и доверия – вот три простые, бесхитростные составляющие грядущего успеха.

– Аполлончик! – окликнула парня соседка со второго этаже, Лидия Николаевна -милейшая женщина пятидесяти пяти лет, владелица огромного лохматого пса, тяжеловеса – сенбернара по имени Тяпа.

Быть тятнутым Тяпой – это означало лишиться половины руки и поэтому, соседи, все без исключения, обращались с Лидией Николаевной замечательно вежливо, почти что, виляя хвостиками. Не смотря на всю свою лень и флегматичность, Тяпа хозяйку любил и на окружающих посматривал с нескрываемым недоверием – вдруг, отыщется безумец, замысливший недоброе и решивший причинить вред обожаемой хозяйке? Кто тогда станет, его, Тяпу, холить и лелеять?

Счастливый владелец, полученной по наследству кошки с экзотическим именем Барселона, прекрасно знал о недоверчивости лохматого питомца Лидии Николаевны, и, поскольку, дверь квартиры соседки оказалась слегка приоткрыта,

Аполлон растянул губы в приветливой улыбке.

– Здравствуйте.

– Не выручишь? – женщина глубокого бальзаковского возраста, торопливо обтирала руки о фартук. Из квартиры вкусно пахло – жареным мясом, печевом и еще чем-то острым и пряным.

Аполлон невольно принялся, бодро шевеля ноздрями. На завтрак ему перепала кружка жидкого кофе и черствый, позавчерашний пирожок с непонятным содержимым. Арендная плата и красивая табличка пробили брешь в семейном бюджете молодого специалиста Кучкина и шотландской кошки Барселоны. Пока что, брешь заткнуть было нечем, но Кучкин крепился, убеждая себя в том, что молодой и растущий организм – это только до двадцати пяти, а после, пусть это «после» составляет всего лишь пять лет и четыре месяца, организм расти перестает. Это значит, что можно экономить, как калории, так и денежные купюры, которыми те самые калории оплачиваются.

– Выручу. – с готовностью согласился Кучкин, мысленно облизнувшись – как-то очень быстро переварился тот самый, упомянутый пирожок. Непозволительно быстро.

– Возьми с собой Тяпивара. – попросила Лидия Николаевна, настороженно приняв к витавшим в воздухе ароматам. – Гости приехать должны. Издалека. Племянница с женихом, и сестра с мужем. Хочется принять и угостить. Вот, готовлюсь, а моему мальчику внимание нужно. Прогул-

ка. Моцион. Ты же сейчас не работаешь, Аполлончик? Выручай, а?

Кучкин терпеть не мог уменьшительно-ласкательный вариант своего имени, но женщинам, прощается многое, а, женщинам, умеющим готовить вкусно – еще больше.

«Специалист-консультант по решению конфиденциальных вопросов» ощутило напрягся – взять Тяпу с собой? Вот эту самую, рыже-черно-белую копну лохматой шерсти? Конечно же – да.

Тяпа, предвидя, что отказ не состоится, в отличие от прогулки, просунул в двери квадратную башку и, умилительно шаркнув лапкой, зевнул.

Ну, как шаркнув? Когти ему, как несчастной жертве ветеринаров, Барселоне, в своё время никто удалять не решился и шарканье получилось оглушительное – этакий скрип и скрежет, а на половой плитке образовались новые, отчетливые царапины. Их там много просматривалось, этих царапин. Не раз, видимо, лапкой Тяпа шаркал.

– Веди себя прилично, мой мальчик. – потрепав по голове четвероногого питомца, Лидия Николаевна ловко всунула в руки Кучкину сверток, приятно шуршащий и источающий вкусные ароматы и вложила поводок в ладонь само назначенного специалиста. – Не потеряйся. Слушай Аполлончика и не шали.

Тяпа вывалился из квартиры, Кучкин сглотнул и попятился.

«Кто кого еще выгуливает?» – подумалось молодому специалисту по конфиденциальным вопросам, но Тяпа уже начал свой спуск вниз и Кучкину пришлось поторопиться – весил сенбернар килограмм восемьдесят пять и дерни добрый песик поводок – лететь бы Аполлону по лестнице кубарем.

Тяпивар не признавал намордников и успешно с ними боролся, а потому, люди, смешные и пугливые, отпрыгивали от бредущего по тротуару сенбернара с похвальной поспешностью. Голуби, кошки и, мимо пробегающие псы, тоже.

Никто не мешал прогуливаться лохматой копне, виляющей хвостом и принимающей к вкусняшкам, спрятанным в пакете.

«Ну, уж нет. – твердо решил Кучкин. – Это только для меня. Тебя, домашний любимец, хозяйка покормит, в отличие от некоторых».

Явившись на свою новую работу – кабинет, табличка, кресло у окна и все такое – Аполлон позволил себе расслабиться и вздохнуть с облегчением

Выбрав себе местечко поукромней, а, именно – уместив свое могучее тело на каких-то старых папках, бумажных и пыльных, выкинуть которые у Кучкина никак руки не доходили, Тяпа отключился, впад в летаргический сон, приглушив шумное сопение и прикинувшись лохматым ковриком интересного дизайнерского решения.

Кучкин, заняв надлежащее место – удобное кресло у окна, принялся ждать.

Клиент должен был валить косяком, дела предвиделись денежные, простые в исполнении, но интересные.

Кучкин считал, что не зря потратился на кабинет и табличку? Любые траты должны быть оправданы и отбиты, возратившись в семейный бюджет.

Семейный бюджет Аполлона и Барселоны зиял дырами и благополучно шел ко дну.

Через три часа томительного ожидания, чесания затылка, игры в «Слова» и просто – верчения в кресле, Кучкин сдался, заварил чай и зашуршал пакетом.

Табличку с надписью «Обед» он заказать не успел и потому решил обедать без таблички.

Чем Бог послал. Вернее – вкусняшками из пакета милейшей дамы с собачкой, Лидии Николаевны.

Выпав из летаргии, очнулся Тяпивар, тот, который Тяпа и всеми своими многочисленными килограммами надвинулся на временного сопровождающего – типа, делиться надо, брат.

Пришлось делиться. Кучкину самому было мало, но клыки, торчащие из пасти флегматичного Тяпы, могли уговорить кого угодно, быстро и качественно.

Вкусные пирожки закончились очень скоро, как и все хорошее.

Тяпа вернулся на, облюбованные бумажные завалы, Кучкин продолжил скучно зевать и глазеть в окно.

Любовно вымытые стекла сияли в свете солнечного осен-

него дня, перевалившего далеко за полдень. Стояли первые, особенно нежные и щедрые деньки бабьего лета. Летела паутинка, колыхались тронутые золотом и багрянцем осенние листья, на клумбах царили пестрые астры и разноцветные сентябрины.

Мир радовался, цвел и блаженствовал.

Кучкин скучал – хоть бы, кто! Хоть бы, с чем?

«Может быть табличку нужно было заказывать в серебре? – лениво размышлял молодой специалист по решению проблем. – Но, на золотом, чёрное смотрится куда интересней».

Взгляд парня, по-прежнему был направлен в окно и в этот раз Кучкин углядел на улице нечто непонятное, но интересное. Приятное разнообразие под конец скучного рабочего дня.

По тротуару крался человек. Мужчина – невысокого роста, в потертом тёмном пальто, ботинках и шляпе, надвинутой на самый лоб. В синей медицинской маске, скрывающей лицо. В перчатках.

И это происходило на улице, в середине, не по-осеннему жаркого дня – градусник за окном показывал сумасшедшие двадцать четыре градуса тепла. Кучкин, вон, совсем запарился в своем шарфе, пока гулял с Тяпой, а, тут – и пальто, и шляпа, и боты!

Медицинская маска, опять же! Разумеется, в канун пандемии никого не удивишь подобным средством индивидуаль-

ной защиты от коварных микробов, но не на улице же?

Незнакомый любитель тепло одеться, именно крался, пугливо переставляя ноги и поминутно озираясь по сторонам. Ноги незнакомца совершал странные движения взад и вперед, словно их обладатель никак не мог решиться на какой-то отчаянный шаг.

– Перепил дядя. – недовольно буркнул Кучкин, устав наблюдать за странными, угловатыми движениями мужика в пальто. – Или же, обкурился. Вот его и колбасит, дергает из стороны в сторону. Маску нацепил в целях маскировки – мол, болен я, не приставайте.

К тому времени, как Аполлон снова решил выглянуть в окошко и продолжить любование погожим осенним днем, странный персонаж успел благополучно испариться – по тротуару бродили жирные голуби, наглая, рыжая такса вела наблюдение за птицами и готовилась к охоте на беспечных сизарей, сновали туда-сюда автомобили и пробегали, спешащие по своим делам, люди.

С-ку-ко -та!

Стук в дверь снес Кучкина с кресла, и парень внезапно осознавший, что стоит, вытянувшись по струнке, перед той самой дверью, усмиряя бешенный стук своего собственного сердца, выдохнул и торопливо, неслышными шагами, прокрался на прежнее место, уместив задницу в кресло.

Стук повторился.

– Войдите. – выдохнул хозяин кабинета и владелец золо-

той таблички с черными буквами.

Выдох получился громкий, но писклявый. Волнение сделало свое грязное дело и Кучкин смутился.

Тяпивар поднял голову – этакий мохнатый коврик с глазами, хитрыми и самую малость красноватыми, зевнул и уронил тяжелую башку на лапы.

Двери распахнулись, в комнату просочился посетитель, щурясь на свет, особенно яркий, после полутемного коридора.

– Я так и знал. – подумал Кучкин, стремительно выправляя кислое выражение лица и меняя его на радостно-придурковатое. – Тот самый тип с вихляющей походкой, при шляпе и с медицинской маской на моське лица.

Снятая шляпа и убранный в карман средство индивидуальной защиты от хищных микробов, ясности не добавили, а, наоборот, заставили Аполлона насторожиться еще больше.

Перед Кучкиным стоял типичный одинокий мужчина. Пенсионер скучающий, тараканы в голове которого, давно и надежно обосновавшись, творили что хотели, как хотели и когда хотели.

– Дохлик. – произнес мужчина, уставившись на Кучкина немигающим взглядом, изготавившейся к нападению, змеи и пристально его при этом разглядывая.

Аполлон Михайлович, полных тридцати лет от роду, владелец кабинета и таблички, специалист по решению вопро-

сов, несказанно оскорбился и обиженно всхрапнув, выставив перед собой руку с торчащим вперед указательным пальцем, рывкнул басом, словно, очнувшийся от спячки, Тяпа.

– Вон!

Мужик в пальто опешил. Он не ожидал столь резкого ответа.

– Что? – глаза незнакомца выпучились от удивления. – Вон? Но, почему? Я же только вошел и ещё ничего не успел сделать.

– Зато, вы уже все сказали. – Кучкин, мрачный и гордый, скрестив руки на груди, взглянул на странного типа без приязни. – Вошли и, сразу же, стали разбрасываться оскорблениями. Без повода. Так, что – вон. И, без разговоров.

– Ничем я не разбрасывался. – мужик внезапно успокоился, перестал щуриться и брюзгливо скривил губы. – Никого не оскорблял. Просто представился – Дохлик!

– Вот! Опять! Разве я похож на задохлика? Разве я позволял вам себя обзывать? – вскипел Кучкин, распаляясь и ярясь. То, что он в два раза моложе этого противного типа, не дает тому никакого права оскорблять его, Аполлона Кучкина. Как сказал кто-то из великих – молодость – это недостаток, который быстро проходит. Так, что – нечего тут качать права! Это кабинет Кучкина и потому..

– Вон! – повторился Аполлон, горяча обиду на странного посетителя и проворно выпрыгивая из кресла. – Я и в первый раз достаточно ясно высказался. У вас что-то со слухом,

милейший? Не в таком уж вы глубоком пенсионерстве находитесь, чтобы скверно слышать то, что я произнес четко, ясно и с выражением.

«Милейший» без маски и шляпы, вздохнув, присел на стул для посетителей, укоризненно качнул головой произнес:

– Молодежь.

«Молодежь», в лице Кучкина, продолжала кипеть и бурлить, нависая над странным типом, а тип, закинув ногу за ногу, пояснил:

– Профессор философии, Дохлик Афанасий Анатольевич – мои имя, фамилия и отчество, а, вы что подумали, молодой человек?

Молодой человек резко сдулся – и он еще обижался на своих, так сказать, недоброжелателей-воспитателей, одаривших его именем и фамилией? Подумаешь – Кучкин, Аполлон Михайлович. Имя, как имя, с уклоном в греческие мифы. Но, Дохлик? Ох! Не повезло мужику с фамилией – факт.

С профессором Дохликом срочно требовалось что-то делать, но, что? Не извиняться же перед невзрачным типом за то, что Кучкину послышалось что-то не то? И, вообще – невразумительное представление посетителя спровоцировало владельца кабинета на агрессию. А, посему..

– Прошу. – изображая любезность, Кучкин ткнул пальцем в стул для клиентов и, ничуть не смущаясь тем фактом, что посетитель на нем уже угнездился, произнес:

– Располагайтесь. У вас, как я заметил, дело?

– У меня – дело, – ворчливо подтвердил А.А. Дохлик, извлекая из кармана очки и начиная протирать стекла большим клетчатым платком. – а, у вас, как я погляжу – простой, застой и недостаток финансирования.

Кучкин вздернул брови вверх – нет, он, разумеется, молодой специалист, почти без опыта работы, но, недостаток финансирования? Неправда ваша – вон, какая замечательная табличка получилась! Кресло – мягкое, стул для посетителей – удобный.

– Излагайте. – скучным голосом произнес Аполлон, придавая своему лицу не столь восторженное, сколь занятое выражение. – Свою проблему. – и взглянул на часы.

На те самые часы, что висели на стене, прямо над входной дверью.

И, что с того, что часы изображали сову в перчатках? Пластиковую, дурацкого канареечного цвета, с бегающими глазами и облезлым клювом? Сова – символ мудрости и канареечный окрас, той самой мудрости, не помеха.

Часы, в количестве трёх штук, Кучкин прикупил по случаю и оптом, решив, что лишняя мудрость, пусть и в таком странном виде, ему не помешает.

Сова показывала без трех четвертей пять.

Рабочий день близился к завершению. Но, Кучкин сам себе утверждал график работы, решив сделать его максимально гибким, а, потому, спешить не следовало. Пусть мужик

излагает.

Афанасий Анатольевич Дохлик, ссутулившись и изогнув спину вопросительным знаком, перекинув ногу за ногу и уронив на ладони острый подбородок, пригорюнившись и спав с лица, заявил грустным голосом:

– Вы моя последняя надежда, молодой человек.

Молодой человек в лице Кучкина необычайно воодушевился многообещающим началом разговора и приосанился – значит, не всё ещё потеряно для него, как для специалиста. Нашлись люди, поверившие в не разрекламированное дарование!

Энтузиазм так и брызнул из Аполлона, словно жидкое повидло из рыхлого пирожка. Хотелось творить, вытворять и оправдывать доверие.

Закончив протирать очки, Афанасий Анатольевич нацепил их на нос и выставился на хозяина кабинета взглядом строгим и придиричивым.

Вероятно, таким взглядом профессор философии взывал к совести своих нерадивых студентов.

– Как я уже сказал, – проскрипел странный посетитель. – вы – моя последняя надежда. Я обращался в несколько, заслуживающих доверия, инстанций и мне везде отказали.

Улыбка Аполлона Михайловича Кучкина несколько поблекла – вот, как? Значит, к нему пришли в самую последнюю очередь, перебрав все иные варианты?

Обидно, но ожидаемо. Все-таки, отсутствие рекоменда-

ций и лицензии частного сыщика, заключенной в красивую рамку и вывешенной на видном месте, давало о себе знать.

Не показывая своего разочарования, Кучкин продолжил улыбаться и качать головой – какие его годы? Тридцать лет! Всё еще впереди – и рекомендации, и дипломы и мировая известность.

– Рассказывайте. – задушевно произнес молодой специалист, тревожно посматривая на мохнатый коврик, вздумавший, аккурат, в этот ответственный момент, поменять позу возлежания. Не дай Бог спугнет перспективного клиента!

Но господин со странной фамилией Дохлик, на копошащегося в груди бумаг Тяпивара, не обратил ни малейшего внимания. Даже странно – не заметить громадного сенбернара, мохнатого и неуклюжего, надо умудриться.

– Точно – проблемы у мужика. – утвердился в своих подозрениях Кучкин. – Что ж, послушаем.

– Понимаете, господин специалист-консультант, – выделив последние два слова, Афанасий Анатольевич перешел к изложению своего дела. – я являюсь коллекционером редких, можно даже сказать – раритетных, печатных изданий.

По мнению Кучкина, коллекционеры, собиратели древностей и антиквары, выглядели несколько иначе, не так, как господин Дохлик. Солидные и самодостаточные ценители древностей не таскали потертую верхнюю одежду, старомодные боты и медицинские маски, а передвигались исключительно на роскошных лимузинах, выгуливали длинноногих

авантюристок в алых вечерних платьях и посещали знаменитые аукционы, выписывая в чековых книжках красивые цифры с многими нулями.

– Так, вот – в моей квартире – отличная противопожарная безопасность, – хвастливым тоном заявил господин Дохлик, переводя собственную спину из вопросительного в восклицательное положение. – но, к сожалению – с соседями мне так не повезло.

«Мало кому везет с соседями. – флегматично пожал плечами молодой специалист по решению конфиденциальных вопросов. – Мне, вон, тоже, не особо.» – и взглянул на подкинутого, безмятежного Тяпу, дрыхнувшего среди картона и старых газет.

– До недавних пор, – продолжил изложение проблемы господин Дохлик. – соседи меня волновали мало – ходят, суеются, выгуливают детей и собак. Это их личное дело на личной, принадлежащей им, жилплощади, но, с прошлого четверга, положение резко ухудшилось. Я почувствовал угрозу, непонятную, но вероятную.

Кучкин медленно кивая головой, с тоской размышлял о том, что дразги с соседями – это не совсем то, что он подразумевал под делами «конфиденциальными». Для решения подобных вопросов лучше обращаться в управляющую компанию, или к домкому и участковому.

При чём здесь он, Кучкин?

– У меня в соседях завелся вампир, сиречь, живой мерт-

вещ, вурдалак, упырь – назовите, как хотите, но смысл останется тем же. – медленно и невыразительно произнес господин Дохлик и Кучкин, продолжавший кивать, как заведенный, внезапно поперхнувшись, вытаращил глаза и принялся громко кашлять, пытаясь скрыть собственное изумление.

Вампир?

– Осторожнее надо быть, молодой человек. – Афанасий Анатольевич, профессор философии и собиратель печатных древностей, неторопливо налив в стакан воды из графина, стоявшего на столе, протянул стакан с жидкостью хозяину кабинета. – Не надо так глубоко вдыхать воздух – можно не просто подавиться, а и вовсе – задохнуться.

Употребив стакан воды единым махом, растерявший всю сонливость, Аполлон Михайлович уставился на Дохлика с ожиданием. Слово «вампир» вывело специалиста из состояния уютного блаженства, приподняло и встряхнуло.

Кучкин приготовился работать.

– Вот так, сразу, взял и завелся самый настоящий вампир? – хмыкнул парень, забывшись и выбившись из образа – то есть, запустив пятерню в волосы, взъерошив их и недоверчиво качая головой. – Завелся, точно моль? С чего вы это взяли? Он, вам, что, свой паспорт показал, в котором, черным по белому написано – вампир?

Ничуть не обидевшись, Дохлик, в свою очередь, почесав собственный затылок, в точности повторив каждое движение своего визави, спокойно ответил.

– Паспорта я не смотрел – врать не стану. Самого вампира в подробностях рассмотреть не получилось и, потому, опознать не смогу. Но то, что он совершенно точно проживает в одном со мной доме – доказать сумею.

Слегка успокоенный рассудительностью, прозвучавшей в голосе странного посетителя, Аполлон сосредоточился и приготовился внимать. Мало ли – вдруг, да повезет и случится что-то действительно странное и интригующее, на самом деле требующее пристального внимания специалиста его уровня?

Афанасий Анатольевич Дохлик, среди жильцов большого, многоэтажного дома, человеком слыл незаметным, неконфликтным и непритязательным. Увлеченный собирательством и коллекционированием, он мало на что, кроме своих редкостей, обращал внимание – кушал, то, на что хватало денег, носил, что придется, жениться не решился, а с соседями общался редко, мало и неохотно. Собственный крохотный мирок, интересный лично ему, Афанасию Дохлику, вполне устраивал странного человека, ничего не желающего трансформировать в своей устоявшейся жизни.

Как и многие представители его круга, до определенного времени, Афанасий Анатольевич считал себя атеистом. Молодой профессор философии легкомысленно не верил ни в Бога, ни в чёрта.

Но, с возрастом люди меняются.

С годами изменился и Дохлик. Он очень много читал вся-

кой разной литературы, посещал всевозможные собрания и конференции, знакомясь с интересными, зачастую, выдающимися людьми.

Особенно потрясла профессора встреча с некой мадемуазель Гололупенко Асмодеей Имоловной – ясновидящей, гадалкой, шаманкой племени Моржового клыка и Повелительницей зомби.

С той самой, памятной встречи, окружающий мир больше не казался профессору простым и понятным. Асмодея Имоловна смогла убедить Дохлика в том, что существуют иные силы – таинственные, малопонятные и чуждые обычным людям.

Вера в сверхъестественное поселилась в сердце профессора и прочно там угнездилась.

Дохлик начал опасаться. Многого – ведьм, колдунов, черных кошек и пустых ведер в женских руках.

А, так же, всяческих потусторонних тварей – призраков, упырей и, особенно, вампиров.

Сангвиворифобия (боязнь вампиров) напала на него без предупреждения.

С некоторых пор, Афанасий Анатольевич резко переменялся.

Однажды, а вернее, в прошлый четверг, возвращаясь с вечерней прогулки и предвкушая приятное чаепитие в компании одной из своих раритетных книг, Афанасий Анатольевич, поднимаясь вверх по лестнице, имел несчастье неосто-

рожно наткнуться на молодого человека, спешащего куда-то с неприличной скоростью.

Вернее, даже не так – это молодой человек, большими прыжками обгонявший медлительного соседа, врезался в Дохлика самым возмутительным образом и, вместо того, чтобы извиниться за собственную торопливость и неуклюжесть, принялся что-то там бухтеть в адрес коллекционера.

Афанасий Анатольевич, по своему обыкновению, промолчав, решил не связываться – мысли о чае и уютном вечере в компании печатных изданий, все еще занимали его целиком и полностью, но молодой человек, так скоро стремящийся обогнать пенсионера, оттолкнув того с дороги, неловко взмахнул пластиковым пакетом из которого, о ужас! вывалилась упаковка чего-то и, шмякнувшись с высоты, ударилась о каменные ступени и, лопнув перезрелым помидором, обдала Афанасия Анатольевича брызгами густой жидкости характерного окраса.

Резкий, неприятный, металлический привкус раскрасил окружающую среду в токсичный красный цвет.

Этот вкус и цвет отлично были знакомы Афанасию Анатольевичу – единственное в своей жизни переливание крови коллекционер и собиратель редкостей, никогда не смог бы забыть. Ни при каких обстоятельствах!

Торопыга с верхнего этажа, продолжая что-то недовольно бормотать, помчался дальше, а Афанасий Анатольевич, отмер, оглянулся, посматривая по сторонам настороженно и с

подозрением – в руках у спешащего типа он разглядел раздутый пластиковый пакет, из которого, собственно и вывалился эта ненадежная емкость с гемоглобин содержащей жидкостью, испоганившей пол и стены в подъезде.

Так и не усмотрев более ничего подозрительного, Афанасий Анатольевич проследовал в собственную квартиру, напрочь позабыв о запланированном чаепитии и любимых книгах. Вооружившись перчатками, ведром с водой и тряпкой, коллекционер вернулся на лестницу и приступил к уборке – нельзя, чтобы подобное безобразие увидели дети. Современные дети, конечно, еще тот подарочек и сюрприз, но кровь на полу, согласитесь, совершенно не то зрелище, которое следует наблюдать перед сном подрастающему поколению.

Озадачившись непонятным происшествием и покончив с уборкой, коллекционер, собственноручно отмывший ступеньки в подъезде, возвратившись в квартиру, некоторое время посвятил раздумью над тем – зачем, собственно, жильцу с верхнего этажа энное количество крови?

В тот раз мысль о вампирах в голову профессора еще не закралась.

Это случилось гораздо позже.

Так ничего толкового и не придумав, Афанасий Анатольевич, все же приступил, хоть к позднему, но чаепитию и прочтению книги, нет-нет, но возвращаясь мыслями к загадочному происшествию на лестнице.

И всё бы благополучно забылось – и неуклюжий сосед, и грязная лестница и кровь на ступеньках, если бы не продолжение непонятностей, нарушивших привычный ход вещей.

Через день, то есть в субботу, ранним утром – нужно заметить, что предпочитал гулять коллекционер Дохлик перед восходом солнца, в безбожную рань и темным вечером, когда, большинство, из числа соседей пенсионера, уже отправляются на боковую, на той же лестнице, повстречалась любителю ночных прогулок странная парочка молодых людей. И, если молодой человек, оказался тем самым, расплескавшим кровь по ступеням в подъезде, торопливым невежей, то белокожая, фигуристая девица, прячущая лицо в глубоком капюшоне неброской куртки, показала Афанасию Анатольевичу совершенно незнакомой и подозрительной особой, в этом доме, совершенно точно, прописки не имеющей.

Недолго думая, пенсионер направил в лицо девицы мощный луч своего прогулочного фонарика и оказался неприятно поражен тем, как, пронзительно взвизгнувшая девушка, проворно метнувшись в темноту, попутно отдала пенсионеру ногу и напугала неестественной бледностью своего лица.

Разгневанная бесцеремонностью пожилого человека, незнакомая девица, буркнув что-то, не особо цензурное, прытко рванула вверх по лестнице, громко стуча каблуками и тем самым выражая свое «Фи» в адрес старых мухоморов, отравляющих жизнь молодому поколению.

– Понимаете, господин специалист, – Дохлик, заглядывая в глаза Кучкину, развел руками, изображая беспомощность. – я оказался не готов к подобному зрелищу. Бледнокожие, визжащие девицы, прыгающие по ступенькам – это уже слишком! И, еще, – пенсионер, понизив голос, перешел на заговорщических шепот. – у нее изо рта торчали клыки.

– Клыки? – тупо переспросил Кучкин, собираясь и мысленно обзывая себя тряпкой – ну, что за бред несет этот тип? Кровь, девицы, клыки – нормальный человек, ни за что не поверит в подобную дичь!

– Клыки. – повторился Дохлик, продолжая кивать головой. – Они совершенно точно высывались изо рта, блестели в темноте, точно куски рафинада.

– Рафинада? – тупость не желала выпускать жертву из своих объятий и нервный клиент, талдычивший о вампире, слегка раздраженно повторил.

– Клыки – это такие зубы, хищные, острые, неестественно крупные. Губы девицы атели маками, клыки – белели, взгляд испепелял и пугал. Я, каюсь, испугался. – Дохлик беспомощно развел руками – мол, виновен, не велите казнить. – Испугался, юркнул за дверь, затворившись на все замки, а молодой человек, зачем-то потоптавшись перед дверью моей квартиры, продолжила свой путь на верхний этаж.

– И? – скептически изогнув бровь, потребовал продолжения занимательной истории специалист по решению конфиденциальных вопросов. – Что дальше?

– Дальше наступило утро. – пожал плечами Дохлик. – Мне крайне необходимо было посетить некий адрес и прицениться кое к каким интересным новинкам, а здесь такое! Но, как известно, вампиры беспомощны при свете солнца и поэтому, вооружившись зонтом и бутылкой, собственноручно изготовленной, чесночной воды, я решился и покинул свое убежище.

– Вампир не навестил вас ночью? – недоверчивость Кучкина отчетливо просматривалась невооруженным взглядом. – Разве не правильнее было бы избавиться от свидетеля, заткнув ему рот раз и навсегда.

– Я никого не приглашаю в свой дом. – с достоинством ответил Афанасий Анатольевич, презрительно выпятив вперед полную нижнюю губу. – Мой дом – моя крепость. Я слеую данному принципу в течение многих лет и, как вы можете заметить, благодаря своим убеждениям, прекрасно сохранился.

Кучкин неопределенно пожал плечами – пальто могло выглядеть приличнее, да и боты, кстати, тоже.

– Осторожно высунув нос за двери, – продолжил свой рассказ странный пенсионер. – я убедился в том, что подъезд девственно пуст. На коврике возле двери, я нашел *это*..

Дохлик раскрыл ладонь и показал Аполлону Михайловичу ее содержимое – кусочек чего-то, очень смахивающее на.. кусочек чего-то.

Пока хозяин кабинета непозволительно долго тарашился

на трофее пенсионера, тот любезно снизошел к пояснению:

– Это – осколок клыка вампира. Его женской особи – видите, клык тонок, изящен и безукоризнен.

Кучкин брезгливо скривился, но послушно извлек из ящика стола лупу. Да-да. Очень солидного вида, лупу, имеющую хорошее увеличение.

– Ну-с-с, посмотрим. – Аполлон Михайлович азартно потер руки – может ему повезло и назревает интересное дельце?

– Действительно, – через некоторое время, очень растерянно произнес Кучкин, рассматривая странную находку пенсионера и принюхиваясь к ней. – клык. Причем полый. Странно..

– Вампиры, как известно, – противным голосом пояснил пенсионер. – обладают клыками. Вероятно, полыми. Через полость, знаете ли, удобно высасывать кровь у жертвы.

– Какие ужасные подробности. – поморщился впечатлительный новыми, расширяющими кругозор, знаниями Кучкин. – Откуда вы знаете?

– Перечитал на досуге книгу про графа Дракулу. – Дохлака оказалось достаточно сложно сбить с панталыку. У пенсионера-коллекционера на любой странный вопрос имелся, не менее странный, ответ. – Очень рекомендую – отлично написанная вещь, в меру страшная и подробная. Нравы и быт вампиров описаны достаточно характерно.

Читать «Дракулу»? Нет, Кучкин еще не сошел с ума, но

фильм, при случае, можно и просмотреть. Одним глазом.

– И это всё, что вы можете сказать по существу дела? – разочарование большими буквами прописалось на лице молодого человека. Кучкин заподозрил, что его решили разыграть – скучно дядьке, вот он и изгаляется, занимая ценное время специалиста нелепыми байками.

– Нет, не все. – напористость Аполлона, слишком молодого, по мнению Дохлик, для того, чтобы с гордостью именоваться «специалистом» и, тем более, «консультантом», не понравилась посетителю. – Далее произошли иные, не менее страшные и жуткие события.

– Какие же? – с огромным трудом сдерживая зевок, поморщился Кучкин.

– Знаете, в деле фигурирует гроб. – пенсионер глубоко вздохнул и развел руками – мол, понимаете, как хотите, но я от вас не отстану.

– Гроб? – насторожился Аполлон, забавно дергая носом. Гроб – это странно. Гроб – это, уже, кое-что. Гробы – не грибы, они после дождя не вырастают. – Излагайте. В подробностях.

Дохлик с готовностью изложил. Было заметно, что история с гробом тяготит его куда больше, чем, расплесканная по стенам подъезда, кровь и странная девица, бледная и с торчащими изо рта клыками.

В понедельник, то есть, вчера, пенсионер, прогулявшись по своему обыкновению до самого позднего вечера и до-

ждавшись, пока болтающие парочки, целующиеся в, тронутым багрянцем, кустарнике под окнами дома, разлепятся и разбегутся по домам, неспешно начал подъем по лестнице, взбираясь на третий этаж.

В тот самый момент, когда нога коллекционера ступила на первую ступеньку, тяжелые подъездные двери распахнулись и, уже знакомый Дохлику, невоспитанный молодой человек, прикрываясь гробом, точно щитом, пыхтя от натуги, проскочил мимо опешившего соседа.

Ну, как проскочил? Протиснулся, волоча следом за собой тяжелый и неудобный к волочению, предмет, к которому (вот еще одна странность), были приделаны крепкие колесики.

– Знаете, – разъяснил Дохлик. – такие еще прикручивают к детским велосипедам, для того, чтобы маленькие дети не разбивали себе носы, теряя равновесие.

За молодым человеком, прицепившись к другому концу деревянного ящика, покрытого блестящим лаком, тянулась та самая девица, обладательница полых клыков и бледного вида.

– Кстати, – Дохлик, пожевав губами и тоскливо шмыгнув носом, взглянул на Кучкина, взглядом побитой собаки. – девица выглядела дико сердитой, едва не шипела, как прищемленная дверью кошка, но за гроб цеплялась упорно, точно утопающий за спасательный круг.

– Странное дело. – вынуждено согласился Кучкин, озада-

ченный появлением блестящего, лакированного похоронного атрибута. – И, что, гроб?

– Утащили на верх. – вздохнув, признался пенсионер. – Как вы понимаете – я обеспокоен. Мои соседи – не особо приятные люди, признаю. Но, они, хотя бы, люди – со своими тараканами, детьми и внуками. Но, вампиры? Неприлично – спящие в гробах мертвецы, проснувшись, шастают по дому и размазывают по стенам кровь – это уже слишком. Необходимо было принять меры, и я направился бродить по инстанциям.

Кучкин, сразу же представил, какой фурор произвел рассказ пенсионера на работников управляющей компании и на сотрудников полиции – кровь, зубастые мертвецы и гробы, переносимые мускулистыми молодыми людьми. Странно, что дядечка еще на свободе и не отягощен труднопроизносимым диагнозом.

– Меня все послали. – уныло развел руками пенсионер. – Никто не желает связываться с потусторонними силами. А, господин участковый Гоноренко, тот и вовсе имел наглость заявить о том, что ежели я не угомонюсь, то меня привлекут к административной ответственности, составят протокол и оштрафуют за клевету на честных граждан, ни в чем предосудительном не замеченных.

Гоноренко! Кучкин востепенел – участковый не вызывал симпатии у специалиста по решению конфиденциальных вопросов. Этот самый представитель правоохранитель-

ных органов недавно позволил себе вольность и всячески отговаривал Кучкина от открытия собственного, такого многообещающего дела и предлагал заняться чем-то более простым. Например, торговлей цветами на перекрестке или же, лепкой фигурок из глины и их, последующим раскрашиванием красками.

К тому же, местные правоохранители были озабочены более насущной проблемой. Они ловили маньяка. Маньяк действовал нагло, совершал нападения на девушек с удручающей постоянностью, что очень способствовало непрекращающейся головной боли у местных полицейских.

Проявился сей негодяй пару недель назад и, сразу же, привлек внимание к своей персоне. Скандально известная городская газета «Свекруха» обвиняла власть в бездействии и призывала народ брать дело в свои руки.

Народ пока выжидал, но чаша его терпения быстро истощалась. Мужики во дворах грозились взяться за вилы и отправиться на поиски мерзавца, державшего в страхе прекрасную половину городского населения.

Вопрос о том, где народные мстители добудут вилы в нужном количестве, был вторичен и Аполлон Михайлович им не озадачивался. У самого Кучкина, на всякий случай, был припасен топор. Топор валялся под кроватью, караулил за лежи пыли и являлся очень действенным успокоительным на случай тревожного состояния.

Маньяк внушал Кучкину чувство омерзения. Специалист

с большим удовольствием принял бы участие в его поимке, но, к сожалению, Аполлона к расследованию не привлекали, наоборот, настоятельно рекомендовали не путаться под ногами у представителей власти и не проявлять самостоятельности.

А, жаль – имелись у Аполлона на счет маньяка кое-какие мыслишки, ох, имелись!

Но, ближе к Дохлику и его походу по инстанциям.

– Ожидаемо. – Кучкин понятиво закивал – он и сам, был бы не прочь оштрафовать нудного посетителя – достал уже! Что-то почудилось дядьке в маразме, а молодому специалисту – беспокойство.

– Я направился в последнее место, где меня могли понять и принять. – Дохлик продолжал сверлить Кучкина влажным взглядом блеклых глаз и требовать сочувствия. – В салон «Ворожея», к милейшей мадемуазель Гололупенко, Асмодею Имоловне. О, это необыкновенная дама – гадалка, ясновидящая, прорицательница и шаманка. Она была моей последней надеждой на спасение, лучом света в темном царстве, но, увы! Меня, и в этот раз, подстерегала неудача.

Что-то о салоне «Ворожея» Кучкин, разумеется слышал, но считал, что хозяйка прославленного заведения – шарлатанка, талантливо дуращая головы впечатлительным и внушаемым людям.

– Асмодея Имоловна совершенно неожиданно влюбилась, скоропалительно вышла замуж и умчалась в свадебное пу-

тешество. Теперь, она – мадам Косматкина, счастливая жена и туристка, а, я – несчастный, запуганный человек в возрасте, остался брошен на произвол судьбы.

Кучкин невольно кивнул – искренние слезы блестели в уголках глаз коллекционера редкостей. Хотелось протянуть жертве вампиров руку помощи, с зажатым в ней носовым платком.

– Просматривая объявления в газете, – продолжил повествование о своих злоключениях пенсионер Дохлик. – я, совершенно случайно, наткнулся на ваше объявление и решил, что, вот он – счастливый знак. Вы и только, вы, сможете избавить меня от опасных существ и лишнего беспокойства. Знаете, – воинственно сверкнув стекляшками очков, посетовал коллекционер. – волноваться в моем возрасте опасно. От этого случается инфаркт, инсульт или несварение, а я, как вы понимаете, намерен жить долго и счастливо.

По глубокому убеждению Кучкина, дядя сам мог кого угодно довести до несварения. Вот же прицепился – вынь и положи ему решение проблемы!

– Попрошу задаток. – самым строгим голосом произнес молодой человек. – Расценки вам известны?

– Вы беретесь? – облегчение сквозило в каждом слове Дохлика. Морщинки на лице пенсионера разгладились, потухший взгляд ободрился, а уши – зашевелились.

– Берусь. – развел руками Кучкин. Все равно, заняться ему больше нечем, а здесь, хоть какое-то, но развлечение. –

Заполните, пожалуйста, анкету и договор.

Протянув пенсионеру лист бумаги, Кучкин, задумавшись, притих, пока Дохлик А.А., старательно скрипя ручкой, излагал свои мысли на бумаге.

Нет, в вампиров верить Аполлон категорически отказывался. Он был молод, но не глуп – естественно никаких вампиров и прочих мистических существ, не существует. Да, мало ли кому и зачем, мог понадобиться всамделишный гроб? Может быть, его просто так купили, так сказать – на вырост?

– Заполнил. – пенсионер суетливо вскочив со стула, сунул в руки Кучкину исчерканный лист бумаги и несколько измятых денежных купюр. – Я могу надеяться на то, что вы незамедлительно займетесь моим делом? Мне очень страшно. Я устал от переживаний и мне хотелось бы выспаться в спокойной обстановке.

– Будьте спокойны. – заверил клиента Кучкин. – К расследованию обстоятельств и изучению предмета, я приступлю немедленно. Ваше дело заинтриговало меня, и оно будет в приоритете перед всеми прочими. Идите домой, выпейте горячего чаю с валерьянкой и спокойно ложитесь спать. Вампиры к вам не сунутся.

Успокоенный и ободренный словами консультанта Дохлик, сминая влажными ладонями тулью своей шляпы, стремительно двинулся к выходу. Окрыленный обещаниями специалиста, Афанасий Анатольевич всеми фибрами души стремился к чаю, валерьянке и мягкой подушке. Мысли о

злобных кровососах отпустили его, вытесненные более приземленными желаниями.

Кучкин направился следом за пенсионером, желая убедиться в том, что человек с сангвиворифобией (боязнью вампиров) его на самом деле покинул.

Проводив странного клиента до самого выхода из здания и раскланявшись с охранником торгового центра, размещенного на цокольном этаже этого же здания, Кучкин торопливо вернулся в свой офис за верхней одеждой, шарфом и Тяпой.

Тяпивара, ни в коем случае, не стоило оставлять в одиночестве – пес мог вспылить и испортить ремонт, обошедшийся небогатому Кучкину в целое состояние.

– Безобразие! – дергая за ручку закрытой двери, в офис, облагороженный блестящей табличкой, рвался человек, невысокого роста, но объемный телесно и, явно пребывающий в раздраженном состоянии.

Аполлон насторожился – не псих ли? Рожа у человека выглядела неприятно – красная, потная и возмущенная.

Устав дергать за ручку, нетерпеливый тип обернулся к Кучкину и пожаловался, неожиданно грубым, басистым голосом:

– Представляете – закрыто! До пяти часов еще целых пятнадцать минут, а у них – закрыто. Бардак! В этой стране никто не хочет работать, как положено. Кроме меня, разумеется.

– Еще один. – с неожиданной неприязнью, подумал спе-

циалист по улаживанию вопросов. – Н-да, это вам не безобидный пенсионер с парой тараканов в голове.

Новый персонаж доверия не внушал – хорошо одетый господинчик явно знал себе цену – костюм, блестящие штиблеты, аккуратная стрижка. На улице начинал накрапывать нудный, мелкий дождик, а штиблеты незнакомца сияют – значит, тот приехал на машине. Опять же – ведет себя посетитель бесцеремонно, нагло и нахраписто, как хозяин жизни.

– Задаток будет удвоен. – внезапно развеселившись, заулыбался Кучкин, решительно отесняя мордатого в сторону.

– Посторонитесь, гражданин. – строго произнес Аполлон Михайлович, не желая вступать в физический контакт с плечом предполагаемого клиента. – Позвольте пройти.

– Я первый пришел. – нахохлился красномордый в дорогом костюме. – Куда вы ломитесь? Видите – закрыто?

– Я-то, вижу, а, вы, кажется, ослепли. – Аполлон отбросил назад свою гордость – длинный чуб, погладил аккуратную бородку, которую холил и лелеял, стремясь добавить собственному лицу солидности и основательности и вытащил из кармана ключи. – Дайте пройти, я сказал.

Шумный и неприятный, злобно всхрапнул – знакомство с хозяином кабинета вышло скомканным и неуклюжим, но обладатель красного лица и блестящих штиблет, отступить был не намерен. Вопреки тайной надежде Кучкина, у которого, как нам уже известно, успел завестись первый клиент, посе-

титель, прижавшись к спине Аполлона Михайловича, буквально просочился в офис на лопатках последнего.

Прилип, как репей до.. Ну, в общем, вы поняли.

– Что привело вас ко мне? – Кучкин, не тушуясь, расположился в своем удобном кресле, вцепившись пальцами в подлокотники. – Присаживайтесь и излагайте.

Посетитель, некоторое время изучавший молодое, вихрастое лицо Кучкина, облагороженное ухоженной бородкой, скривился, демонстрируя, что зубная боль его, все же, иногда посещает.

– Слишком молод ты для специалиста. – махнул рукой предполагаемый клиент. – И, бородка эта, смешная, всё портит. – Неприятный тип пренебрежительно хмыкнул, выражая свое мнение о нелепых потугах некоего консультанта казаться старше и выглядеть солидно.

Кучкин озлился – свою бороду он холил и лелеял, считая, что она, словно волшебная борода старика Хоттабыча, поможет ему в исполнении всех его честолюбивых замыслов.

– А, и ладно, – неприятный мужик пожал плечами, примирясь с суровой действительностью. – всё равно, обратиться больше мне не к кому! – и, повторно махнув рукой, едва не снес со стола стеклянный графин с водой.

Кучкин слегка насупился – опять, двадцать пять! Ну и что, что он молод? Зато – старателен, внимателен и усидчив.

– Пропала моя супруга. – красномордый и растрепанный шмякнулся на стул, заставив предмет мебели скрипеть и жа-

лобно крякать. – Вот уже несколько дней она не выходит на связь. Я в бешенстве и нервном расстройстве. – кулаки мужчины, весьма внушительные, нужно сказать, сжимались и разжимались, грозя обрушиться на что-то хрупкое и недолговечное. Кучкин надеялся, что это «что-то» не стол в его новеньком офисе. – Верните мне жену, и я заплачу вам деньги. Иначе, вы не получите ни копейки. Вот!

Кучкин пожал плечами и указал подбородком на дверь – вперед! Знает он подобных типчиков – наобещают золотые горы, а потом отказываются оплачивать и труд и, затраченное на него, время.

– Задаток. – Кучкин, не смотря на молодость и простоватое лицо «парня из народа», помнил об их с Басей, семейном бюджете. Вернее, о дырах в нем. – Иначе – никак. – К тому же, он надеялся на то, что тип отступит. Беглые жены – это скучно, банально и неинтересно. Сразу же видно, что перед Кучкиным – самодур и домашний тиран. Довел супругу придираками до побега, а теперь выискивает крайнего.

– Меня зовут – Викентий Георгиевич Пипко. – мужчина соизволил сменить гнев на милость и представиться. – Да-да, тот самый «Пипко и Ко», вы не ошиблись.

Кучкин мысленно схватился за голову – ну, конечно же! «Пипко и Ко» – завод по производству лаковых и красочных изделий, весьма известный в их городе. И его владелец – лицо солидное и платежеспособное.

Аполлон Михайлович поежился – придется расстараться.

Бизнесмен и меценат – это вам не истеричный коллекционер.

– Что говорит полиция? – поинтересовался Кучкин. Просто так поинтересовался, ни на что не надеясь.

– Ничего не говорит! – возмущенно рыкнул господин Пипко. – Семейные дразги и разборки без мордобоя и членовредительства – не их профиль. Перебесится и вернется сама, говорит. – возмущенно сопение выразило всю степень разочарования уважаемого гражданина, методами местных правоохранителей. – Они слишком заняты – ловят маньяка. Ну, того самого, с ножницами и скотчем. До моих бед им нет никакого дела. Черствые люди! – Пипко наливался дурной кровью и багровел на глазах. – Я не желаю ждать. Мне нужна моя жена. Рядом – живая, здоровая и жизнерадостная.

– Причина побега супруги? – вопрос, вполне себе ожидаемый, вызвал новую волну гнева и сопения со стороны клиента. – Вы предполагаете измену?

– Моя жена – интеллигентная, честная и порядочная женщина. – неожиданно заявил господин Викентий Пипко. – Никаких посторонних мужчин я не заметил, ни намек на то, что моя птичка охладела к своему птенчику.

«Надо же, – умилился специалист по решению вопросов. – какая экспрессия – птичка, птенчик, а сама из гнезда, брык и упорхнула.»

– У нас возникли некие разногласия. – неопределенно вращая в воздухе кистью правой руки, попытался объяснить трудности семейной жизни, покинутый муж. – Аделаидочка

– натура, увлекающаяся. Она все время выискивает себе новое хобби, мечтая найти собственное призвание и развить свои многочисленные таланты.

– Дамочка с претензиями. – призадумался Кучкин, морща нос. – Увлекающаяся, ищущая себя. Н-да.. Ожидать можно всего, чего угодно.

По всей видимости, господин Пипко жену любил, говорить о ней мог много и увлеченно. Из портмоне, тут же, оказалось извлечено фото беглой супруги и предъявлено к опознанию специалисту.

Аполлон Михайлович на фото взглянул, содрогнулся, мысленно перекрестившись – никогда! Никогда бы он не рискнул вступить в брак с подобной особой.

Жена Викентия Георгиевича вызывала у Кучкина оторопь – слишком, слишком красива! Холодное, холеное лицо блондинки, точеный нос, высоки скулы. Глаза, опять же, слегка раскосые, небесно-голубые, яркие до безобразия. Грива роскошных, золотистого цвета, волос, прямых, гладких и шелковистых. Губы-бутоны, сочные и призывающие к лобзаниям. Именно, к лобзанию, а не банальным поцелуйчикам.

В общем – русалка, пери, фея-обольстительница, привыкшая к тому, что ее обожают и носят на руках.

Стерва, хорошо знающая чего хочет.

Сбежала из дома, треплет нервы мужу и доставляет неудобство Кучкину, потому как, отказать подобному человеку, само назначенный специалист по улаживанию вопро-

сов, не решится. Плохо для бизнеса, плохо для репутации.

– Аделаидочка пробовала себя во многом. – продолжал вдохновенно вещать, расстроенный побегом жены, клиент. – Она замечательно рисует – картины, написанные её рукой, украшают холл нашего дома, сочиняет стихи, музицирует. Но, все это не то! Моя птичка постоянно недовольна. Она находится в бесконечном поиске себя. И, вот, недавно, возникло новое увлечение – театр. Жена стала посещать премьеры, познакомилась с богемой нашего города и решила, что призвание актрисы – это её всё.

Пипко замолчал. Он молчал минут пять, усмиряя дыхание и собирая мысли в круг. Как догадался Кучкин, идея с театром не пришлась по вкусу лаково – красочному королю. Заниматься живописью и музицировать можно и дома, но театр? Небольшая студия – куда ни шло, однако, мадам, судя по всему, мыслила масштабно.

– Мы поругались. – признался Пипко, тяжело вздыхая и сжимая кулаки. – Я вспылил – мне не очень понравилось то, что какой-то хлыщ.. Ну, вы меня понимаете? – Викентий Георгиевич насупился. – Партнер моей жены мог перейти рамки дозволенного. Я не мог допустить, чтобы супруга Пипко оказалась замечена в чем-то предосудительном. Эта богема! Они думают только о собственных удовольствиях и страстях, живут бездумно, легко и беспечно. Одним днем. Этим людям нет никакого дела до чьей-то, кристально честной репутации. К тому же, – Викентий Георгиевич нервно сглот-

нул. – вы же знаете нравы современной молодежи. Неформалы и прочие странные люди, считающие себя пупками земли – они так далеки от нас, людей дела. Они вечно чем-то недовольны и ищут новые способы для самореализации. А, эти, так сказать, представители богемы или, как их еще называют – селебрити... – Пипко нахмурился, затем, брезгливо скривившись, произнес. – Они погрязли во всяческих извращениях, а, некоторые, я слышал, – понизил голос лаково – красочный король. – никак не могут решить для себя, на какое местоимение отзывать – он, она, или оно. Я так и сказал своей жене: «Выбирай, дорогая – я, или театр!» – голос Пипко понизился почти до трагического шепота. – Аделаидочка рассердилась, захлопнула перед моим носом двери своей комнаты. Утром я узнал, что она сбежала из дома, прихватив с собой всего лишь одну сумку с вещами. Мне пришлось звонить теще. – Викентий Георгиевич нервно вздрогнул и поежился. – Разговор вышел не из приятных. Теща ничего не знает о месте нахождения Аделаидочки и требует от меня принятия самых экстренных мер по ее скорейшему розыску. Она грозитя приехать. К нам! Ко мне!

Пипко затряс головой, демонстрируя отчаянье.

– Я люблю тещу, – признался лаково-красочный король, мучительно краснея пятнами. – но, предпочитаю это делать на расстоянии. Тамара Гавриловна – человек непредсказуемый. Для того, чтобы с ней общаться лично, а не по телефону, нужен охранник, а, то и парочка. Если она выяснит, что

Аделаида сбежала из дома не захватив с собой теплые вещи, то...

– Какой кошмар. – Кучкин сочувственно качнул головой – по его мнению, такая барышня, как Аделаида Пипко, должна таскать за собой трейлер, набитый шмотками, а тут, всего лишь сумочка и та, без теплых вещей! К тому же, Викентий Георгиевич, не смотря на всю свою воинственность и луженую глотку, совершенно точно, побаивался своей тещи. Это было заметно невооруженным глазом.

«Что же там за монстр такой, в юбке? – озадачился Кучкин. – Никаких тещ и прочих родственников в своем офисе я не потерплю. Я стану решать вопросы исключительно с покинутым супругом.»

– Я искал. – развел руками Пипко, признаваясь в собственном бессилии. – Я сунулся к ее новым друзьям, но, как вы понимаете, мы – слишком разные люди! Они погрязли в искусстве, я – в своих красках. Друг друга мы не поняли, переругались и новостей о своей дорогой Аделаидочке я не разведал. Негодяи просто посмеялись надо мной. Особенно один – этакий мачо, обладатель пухлых губ, роскошной шевелюры и раздутого самомнения. Очень, очень подозрительный тип – похож на торговца наркотиками и сутенера одновременно.

– Как я вас понимаю. – Кучкин оглянулся – по всей видимости, проголодавшийся и выспавшийся Тяпа, решил проявить признаки активности. Мохнатая голова трясла ушами

и зевала зубастой пастью. Заметь это Пипко – того удар хватит. А, с Кучкина, судя по всему, вполне будет достаточно хлопот с супругой бизнесмена. Возиться еще и с самим господином Пипко, Аполлон не собирался.

– Заполняйте анкету и подписывайте договор. – подсунув клиенту стандартную форму, Кучкин отобрал у того фото жены и вытребовал имена, фамилии и явки новых друзей стервозной блондинки.

«Судя по всему, придется побегать. – вздохнул специалист, провожая очередного клиента к дверям. – Жenuшка не так проста – пропала с концами, не выходит на связь даже с родственниками, а свой телефон оставила дома. Решительная особа, задумавшая проучить строптивного супруга. К тому же, этот самый, таинственный парень, порочной наружности. Интересно, где это господин Пипко умудрился свести знакомство с торговцами наркотиками и сутенерами? Возникает вопрос – так ли, кристально чиста, репутация самого господина Пипко? Ну, ничего – разберемся.»

Обговорив с Пипко время и место следующей встречи и списав номер телефона клиента с заполненной анкеты, Кучкин, расслабившись, с неудовольствием прислушался к урчанию в собственном желудке. Урчало громко и настойчиво. Жрать хотелось неимоверно, но Аполлон Михайлович сохранял спокойствие – два задатка, один – двойной, позволяли ему некоторое время не задумываться о добыче хлеба насущного. Им с Басей хватит.

Следовало поторопиться и вернуть проголодавшегося сенбернара в родные пенаты. Судя по урчанию желудка уже Тяпивара, никакие задатки не приглушат его здорового, собачьего аппетита.

Тепло распрощавшись с охранником – человек полезный и с ним надобно дружить, а не враждовать, Кучкин покинул здание и отправился домой. Медленно шагая по знакомой, хорошо освещенной к вечеру, улице, Аполлон Михайлович невольно задержался перед входом в салон «Ворожея», принадлежавший мадемуазель Гололупенко, сменившей фамилию на Косматкина и, так не вовремя, сорвавшейся в свадебное путешествие.

«Солидное заведение. – вздохнув, понурил голову обладатель древнегреческого имени. – Отличный фасад, двери и розы в мраморных горшках! Наверняка, внутри все благоустроено, дорого и богато. Не сравнить с моим бюджетным вариантом!»

Впрочем, очень скоро Кучкин позабыл о салоне «Ворожея», занятый, куда более проблематичными вопросами.

Тяпа тянул поводок. Нет, обычно, сенбернар никуда не спеша, переваливаясь с лапы на лапу, вальяжно шествовал, прогуливаясь степенно, как и полагается солидному псу, но, мимо собачьей парикмахерской, названной кокетливо и помпезно – «Лампапудель», пес проскочил на скорости, протащив за собой Кучкина, точно на буксире.

По всей видимости, заведение сенбернару не нравилось.

Когти на лапах у Тяпы пребывали в девственном состоянии и это значило, что старания грумера успехом не увенчались.

Но, что за дело до того Кучкину? Это же не его личный линолеум станет драть пес-тяжеловес.

И вот, добравшись до родного подъезда, предварительно посетив магазин самообслуживания и запасшись пакетами с пельменями, Аполлон Михайлович осознал, что злой рок его, все-таки настиг. Злой рок, по имени Лидия Николаевна.

– А, нетути её! – злорадно ухмыляясь, оповестила молодого человека соседка с первого этажа, Карташова Наталья Медисовна.

– Как, это – нетути? – удивился Кучкин, удерживая Тяпу, рвущегося с поводка. – Должна быть дома. У нее сегодня гости – сестра с домочадцами и предполагаемый зять.

– Закончились все! – на лице Карташихи – таково было прозвище соседки, расцветала и ширилась улыбка. – Всех забрали и увезли. Под сирены.

– Полиция? – округлил глаза Кучкин. Жених оказался негодяем и отказался жениться, а оскорбленная тетушка приняла меры, закармливая кавалера насмерть своей стряпней?

– Почти так и случилось. – важно кивнула головой соседка, предусмотрительно отступив назад, к порогу своей квартиры. – Пищевое отравление, всех и сразу. Массовое.

– Как, так? – ахнул впечатлительный Кучкин, хватаясь за собственный живот и прислушиваясь к родному организму. Организм вел себя прилично, не посылая никаких сигналов

о недомогании. – Чем?

– Мороженой олениной. – соседка важно ткнула пальцем в потолок. – Гостинец, значит, привезли Лидке ее гости, а, он, возьми, да протухни, а они, возьми, да нажрись тухлятины. Вот и скопытились кучно, да и попали в стационар. Сказали – три дня дристать будут, без продыху, а потом еще.. это самое.. реасби... реалби... реабилитироваться. – с трудом, но всё же, выговорила трудное слово, Наталья Медисовна. – Лидке, оно, всё на пользу – глядишь, телеса растрясет, а то пузо нажрала, в дверях не разойдешься. – и, Карташиха двери захлопнула, а Кучкин так и остался на лестничной площадке, с голодным Тяпой и поводком в руках.

– Мало я купил пельменей. – специалист по решению вопросов вздохнул уныло, предчувствуя грядущие неприятности. – Боюсь, мой друг, – обратился к сенбернару Аполлон. – нас ждут непростые дни на этой неделе.

Так и получилось – обнаружив на пороге своей личной территории, любовно обжитой и помеченной, постороннего, мохнатого и дурно пахнущего, приبلудного пса, вислоухая Барселона, рассерженно зашипев и выгнув спину, ринулась в атаку. Кучкин едва успел отскочить, трусливо бросив пса на растерзание воинственной кошке.

Что сказать – пес оторопел, но не растерялся, перехватив налетчицу на подходе и прижав гибкое тело кошачьей к полу своей тяжелой лапой.

Барселона орала, билась и извивалась. Кошачий мат виз-

гом оглашал окрестности. Пес терпел и не сдавался, а Кучкин, уединившись на собственной кухне, варил пельмени в огромной кастрюле. Всё равно, кроме полуфабрикатов, кушать было нечего.

Сказать по правде, Аполлон питал стойкую неприязнь к процессу приготовления пищи. Нет, так-то парень был привычен и вполне мог управиться с самыми простыми манипуляциями – сварить пельмени, на пример, или же, разогреть в микроволновой печи пиццу, хот-дог или гамбургер.

Что-то сложнее – приготовление борща, лапши, рассольника или модифицированного супа из пакетика, вызывало у Кучкина ступор и желание бежать в ближайшую столовку. Привычный к жидким приютским щам, Аполлон харчами особо не перебирал и, хоть в миру бытует мнение о том, что самые лучшие повара получаются из мужчин, наш парень представлял из себя то самое исключение, которое подтверждает правило.

Для исправления ситуации хорошо было бы обзавестись женой, постоянной или временной, но Аполлон бежал от противоположного пола, как от огня.

Детская травма объясняла все – найденный на ступеньках «Дома малютки» Кучкин не мог простить своим биологическим родителям предательства. Впрочем, кто знает о том, кем были родители Кучкина и причину их предательства по отношению к отпрыску? Как бы то ни было, но Аполлон не желал связывать себя с женским полом, подозревая

каждую его представительницу в коварстве и неблагонадежности. Вот поэтому, Аполлон не выглядел особо удивлённым, выслушав душераздирающую историю, покинутого супругой, гражданина Пипко.

Кормить свою живность, в том числе и временно подселенного пса, Кучкин намеревался теми самыми продуктами, которые купил для себя любимого. Готовый, продающийся в любом супермаркете, корм, кошачий, равно, как и собачий, вызывали у Аполлона Михайловича чувство резкого неприятия – запахом, цветом и сомнительной пользой для любого живого организма. Никогда не стал бы Аполлон скармливать своей хвостатой питомице что-то из того, что не кушал сам. Кошачий корм Кучкин пробовал, как – то раз и по глупости. Потом, долго плевался и полоскал рот, избавляясь от специфического вкуса. Как выяснилось опытным путём – гадость ужасная и к еде малопригодная. Нет, где-то может быть, обитают большие поклонники данного продукта, но Аполлон себя к ним не причислял. Свою кошку он, как добрый и заботливый хозяин, предпочитал кормить продуктами с собственного стола, пусть знатоки и утверждали обратное – мол, человеческая еда котам и собакам противопоказана. По мнению же Кучкина, сугубо личному, противопоказано питомцам то, что продают под видом сухого корма.

Своему мнению Аполлон больше никогда не изменял и шотландской вислоухой, не смотря на ее, жутко породистую статью, приходилось довольствоваться скромными полуфаб-

рикатами.

И, поскольку из продуктов в доме имелись только пельмени, то и кушать все станут пельмени, а кто не захочет, тот ляжет спать голодным.

Оскорбленная и разобиженная Барселона, хлеща собственным хвостом собственные же бока, пробежала мимо предателя-хозяина, променявшего прекрасную кошку на блохастого пса и забила под стол, откуда и следила за всем происходящим, тараща возмущенные глаза, сверкавшие, точно фары автомобиля, ярким янтарным светом.

Заманчивый запах пельменей звал и манил. Кошка мялась, сомневалась и фырчала, наблюдая за тем, как бесстыжий пёс-захватчик поглощает калорийный продукт из глубокой пластиковой миски, имевшей размер в три раза больше, чем ее собственная тара для продуктов питания.

Не выдержав бессовестного издевательства, рычащая от злости фурия, метнулась к своей собственной тарелке и приступила к пожиранию пельменей, стараясь держать зубастую пасть сенбернара в поле своего зрения.

Стрескавший полтора пакета питательного продукта, Тяпа, растянувшись на полу в коридоре, прикрыв морду лапами, блаженно засопел, продолжая злить и бесить шотландскую вислоухую, а Кучкин, махнув рукой, утащил свою, очень скромную порцию в комнату и приступил к составлению плана на завтрашний день.

Что ни говори, а работа на себя – дело хлопотное. Тут уже

не отговоришься и не откосишь, потому как, трудишься не на чужого дядю, а на свой собственный, родимый карман.

Карман надобно наполнять, налоги платить и дело делать.

Проблема с вампирами представлялось Кучкину глупой, нудной и связанной с медициной. Впечатлительному пенсионеру-коллекционеру могло привидеться, что угодно. Удивительно, что обошлось банальными фигурантами дешевого фильма ужасов. Гроб – это уже аргумент посерьезнее, но, возможно, в доме кто-то умер, или умереть собирался, а, пенсионер, далекий от народа, просто не в теме? Но, подозрительный подъезд стоило навестить и опросить возможных свидетелей. Чем черт не шутит – может появится какая-то интересная подвижка?

Беглая жена, как более перспективная и денежная тема, заслуживала плотного внимания и трепетного отношения. Увлекающаяся дамочка по имени Аделаида, разумеется будет найдена и возвращена страдающему мужу, а, уж образуются на голове у любящего птенчика наросты кальция, приобретя причудливый вид ветвистых рогов, самого Кучкина волновало мало.

Вероятней всего, дамочка усиленно репетировала роль – невесты, возлюбленной, или любовницы, может быть, даже в чьей-то постели, но, приложив старание и затратив толику времени, Кучкин обязательно до правды докопается.

Успокоенный собственными рассуждениями, убежденный доводами рассудка и убаженный вкусными пельменя-

ми, Аполлон Михайлович расслабился, позабыв о своей второй половине (кошке, по имени Барселона) и о новом жильце (сенбернаре Тяпе), трехдневном, как он надеялся, квартиранте. Крепкий сон принял специалиста в свои мягкие объятия и Кучкин заснул.

*

«Нельзя так много жрать на ночь. – первая мысль, посетившая Аполлона этим нерадостным утром нового дня, вызвала раздражение, тяжесть в груди и чувство изжоги. – Не зря твердят о том, что переедать – вредно. Никто, кроме меня самого, не позаботится о моем драгоценном здоровье. Может быть, меня, всё же, настигло запоздалое тяжелое пищевое отравление?»

Аполлон чувствовал себя прескверно – необыкновенная тяжесть почти расплющила несчастного по кровати, ему было жарко, душно и влажно, а, еще, что-то тупое и твердое упиралось в бок, мешая дышать.

– Наверно – это пельмени. – решил Кучкин. – Они встряли, забыв перевариться.

Где-то поблизости послышалось недовольное ворчание. Аполлон, смахнув с головы какую-то мохнатую тряпку, распахнул ресницы.

Недовольно фырчавшая Барселона, хлопыстнув хозяина по носу пушистым хвостом, изящно спрыгнула с постели и отправилась по своим делам, а оторопевший Кучкин, раскрыв рот, наблюдал за тем, как с его груди, медленно спол-

зая, отодвигается тяжелая голова сенбернара, который, до этого момента интимно прижимался к человеческому телу всеми своими мохнатыми четырьмя конечностями.

– Я спал в одной постели с собакой. – ужаснулся Кучкин, сплевывая на мятую простынь шерсть – то ли кошачью, то ли собачью, он еще не научился различать её на вкус. – Какой позор? Я теперь, что, извращенец?

Аполлон приуныл – слово извращенец вызывало протест и несогласие. Любые извращения Кучкиным отвергались и поэтому, увидев однажды по телевизору бородатую женщину-певицу, Аполлон решил, что этот мир катится куда-то не туда и, было бы неплохо, его, этот мир, слегка подправить, дав хорошего пинка под зад и придав ускорение в нужную сторону – подальше от бородатых типов, обряженных в платья, женщин с мужскими причиндалами и прочих личностей, далеких от традиционных ценностей и моральных принципов, мечтающих о совокуплениях с представителями животного мира.

– Нет. – не согласился с собственными мыслями, Кучкин, чистя зубы с особым ожесточением. – Я – не извращенец. Я – жертва обстоятельств. – и, закончив гигиенические процедуры, начал убирать за Барселоной, сегодня, особенно злобствовавшей и нагадившей на полу в коридоре.

– Больше никаких полуфабрикатов. – предупредил Кучкин женскую половину своей семьи. – пельмени, как мне кажется, на тебя плохо влияют, дорогуша. Я их лучше скормлю

Тяпивару – смотри, воспитанный пес терпеливо сидит под дверью и ждет похода на улицу, для того, чтобы сделать все свои интимные дела на лоне природы. Твое же лоно, – Кучкин строго грозил пальцем шотландской вислоухой. – находится в туалете и называется «лоток».

Но, по всей видимости, Баська так и не удосужилась выучить русский язык за все то время, что они с Аполлоном проживали в одной квартире.

Кошка, раздраженно фыркнув, удалилась задрвав хвост. Она позволяла этому наглому двуногому жить на своей территории, кормить и поить себя любимую и он, беспардонный тип, еще смеет проявлять недовольство? Притаскивать в дом чужую собаку и кормить постороннего пса, её, Барселониными, пельменями?

Собака, кстати, приготовившись к выгулу, нетерпеливо скребла когтями по полу и Кучкин, внезапно обеспокоившись судьбой полового покрытия, мгновенно натянув на себя верхнюю одежду, распахнул двери в подъезд – пускай Тяпа дерет общедомовое имущество в виде напольной плитки, а, его, личное, Кучкинское, оставит в покое.

*

Адрес, пребывающего в тревоге сангвиворифоба, коллекционера-пенсионера, жег карман. Кучкин, вынужденный заботиться о сенбернаре, оставленном и покинутом собственной отравленной хозяйкой, нацепив псу намордник и, тем самым, вызвав нешуточное раздражение Тяпивара, отправил-

ся по маршруту. Пешком.

Обычно Кучкин прогуливался медленно, не торопясь, дыша воздухом и с удовольствием любясь видами. Впрочем, виды давно приелись, ведь проживал Аполлон в родном городишке с детства и привык к одному и тому же пейзажу. Но, тем не менее – дышать свежим, пусть слегка и загазованным воздухом, куда приятнее, чем вдыхать тот же самый воздух, стерильный и прохладный, охлажденный кондиционером. Ни вкуса, ни запаха, ни удовольствия, а удовольствий в жизни само назначенного специалиста и без того ощущался недостаток.

Тяпа брел, понутив голову и недовольно сопя, изображая французский прононс – любимая хозяйка пропала, привычная пища внезапно закончилась и, в довершение ко всему прочему, на сенбернара нацепили намордник. Намордники Тяпа презирал и терпеть не мог. Но, пришлось. Иначе, как очень быстро уяснил для себя пес-тяжеловес, не видать ему пельменей, как собственных ушей.

Временный человек, приставленный к Тяпе судьбой-злодейкой, вызывал некое чувство дискомфорта, но, гораздо больше Кучкина, пса раздражала вздорная кошка – фырчащая, хрипящая и постоянно орущая. Хотелось прижать наглую хвостатую дрянь к полу и навалиться всей массой. Но, Тяпа отлично понимал, что он – всего лишь гость на чужой территории и, будучи гостем воспитанным, старался вести себя достойно, надеясь на то, что пельмени-пельменями, а

вкусная сахарная косточка за хорошее поведение, рано или поздно, но появится в его чашке.

Кучкин мало думал о Тяпе – бредет себе рядом, команды выполняет и, хорошо. Все мысли Аполлона Михайловича занимали размышления о пенсионере, вампирах и том самом доме, к которому они, с Тяпиваром, направлялись.

Дом – семнадцатипятиэтажное здание-долгострой, много лет мозолившее глаза горожанам и вызывавшее лютое раздражение у властей города, являющегося районным центром, смогли достроить лишь два года назад и это, с учетом того, что возводить злополучное здание начали много лет тому назад.

Строительство не заладилось с самого начала – обманутые дольщики маршировали вокруг недостроя с плакатами и транспарантами, скандировали броские слоганы и писали гневные письма в разные инстанции. Инстанции держали оборону, отправляли юристов в суды и отбивались всеми силами.

Победил, как всегда, счастливый случай, в лице какой-то, облаченной властью шишки, при портфеле, шляпе и машине с мигалкой, приказавшей стройку закончить в сжатые сроки и, своим вмешательством, вернувшей людям надежду.

Да и закон по данному поводу подоспел и созрел, будучи принят к исполнению.

Долгострой достроили, несчастные жильцы обзавелись квартирами и обрели спокойствие, а Кучкин – головную боль

и первого, в своей карьере специалиста, клиента.

– Какие глупости. – тряс головой Аполлон Михайлович, незаметно для посторонних передегивая плечами. – Всем давно известно, что вампиров не существует. Вот, в зеленых человечков-инопланетян, я готов поверить, в некие абстрактные, высшие силы, сующие нос в земные дела – верю, даже в экстрасенсов и гадания – извольте, но, в вампиров? В, пьющих живую кровь, мертвецов? Ну, что за бредятина?

Серо-зеленое семнадцатизэтажное здание приближалось. Благо, дом построили почти что, в центре города, неподалеку от жилища самого Кучкина. Потому, ни самому специалисту, ни псу, навязанному тому в общение, не пришлось долго бить ни ноги, ни лапы. И это, немало утешало обоих.

*

Горемыкина Таисия Григорьевна, размахивая крепенькими, сухонькими кулачками, подпрыгивая на одном месте, вопила подобно паровой сирене, собрав вокруг себя целую толпу почитателей собственного таланта поскандалить. Почитатели, то бишь, соседи сей достойной, шестидесяти двухлетней дамы, морщились, но терпели и даже выражали сочувствие и понимание, потому, как дама, в кои то веки, шумела по делу.

– Обокрали! – Таисия Григорьевна плакала навзрыд, сморкаясь в огромный платок и наскакивая на молоденького участкового, пораженного мощным напором, бодрой до безобразия, пенсионерки. – Обокрали! Бессовестные люди!

Ничего святого. Никакого уважения к почтенным сединам.

«Почтенные седины» пенсионерки, выкрашенные в игривый фиолетовый цвет, щеголяли выбритыми висками под изящной стрижкой «каре». Знакомый парикмахер уговорил Таисию Григорьевну сменить имидж, выбрил и окрасил, и придирчивая клиентка студии красоты «Одуванчик», оказалась удовлетворена полученным результатом. На радостях, она отправилась на недельку в гости к родным, а, по возвращению, обнаружила, что ее квартирку кто-то обчистил. Стихийный митинг собрался у входа в подъезд как раз по этому поводу.

– Отыщи! Отыщи немедленно покражу! – воинственная дамочка с выбритыми височками не собиралась отцепляться от участкового. – Мне крайне важно вернуть украденное, как можно скорее.

Гоноренко Никита Константинович, молодой, необстрелянный и неопытный участковый уполномоченный, столкнувшись с напористой дамочкой, немислимым для его юного возраста, шестидесяти двух лет, едва не кинулся спасаться бегством, надеясь забаррикадироваться от нападок пенсионерки в здании участка, прикрываясь авторитетом более опытных и изворотливых коллег. Но, не тут-то было – Горемыкина вцепилась в жертву мертвой хваткой. Соседи поддержали претензии визгливой дамы своими широкими плечами, отрезав стражу порядка пути к отступлению.

Честолюбивый участковый, втайне мечтавший о блиста-

тельной карьере и лаврах, если уж не Шерлока Холмса, то, хотя бы знаменитого сыщика, с не менее знаменитого, Невского, собирался ловить маньяка, совершающего нападения на девушек и держащего в страхе весь районный центр, а, вместо этого важного и неотложного дела, ему предлагалось утешать дамочку в маразме и слушать ее визгливые вопли, порой затмевающие по тональности песнопения знаменитого Витаса.

Аполлон Михайлович, которому до избранной цели оставалось всего лишь перейти на другую сторону дороги, чтобы оказаться во дворе достроенного долгостроя, ростом в семнадцать этажей, невольно притормозил, заинтересовавшись горячим конфликтом.

– Верните мне его немедленно. – верещала Горемыкина, продолжая наступать на участкового и заставляя того пятиться назад. – Я честно купила товар, оплатила услуги и закрыла дорогую вещь на замок. А, меня – обокрали! Сделайте что-нибудь. Мне крайне необходима эта вещь! Она может понадобиться в любой момент. Учтите!

Никита Константинович размахивал руками, отпихивая от себя шустрюю бабульку – скажет тоже, немедленно! Да эта шепутная бабка еще лет двадцать в своей покупке нуждаться не будет. Подумаешь – обокрали. Еще купит. Вон как голосит, лет на десять этой сирены точно хватит.

– Приходите с обеда. – вежливый участковый, упершись спиной в грудь соседней крикливой пенсионерки, чувствовал

себя загнанным в угол енотом. – Напишите заявление, укажите приметы похищенного имущества и только после этого, мы приступим к розыску.

– Мое имущество могут применить не по назначению, пока я стану ходить и чего-то там писать! – возмутилась скандальная бабка. – Как мне потом с этим жить? Как потом пользоваться украденным? Я специально приобрела новейшую, качественную модель, модную и продвинутую. Даже с подключенным интернетом и сотовой связью, а, ее, возьми и укради. Верните немедленно, я вам говорю.

Участковый кивал головой, как заведенный, продолжая отступать и пятиться, а привлеченный шумом Кучкин, наоборот, выдвинулся вперед – кто знает, может быть, этот скандал сыграет свою положительную роль в его личном расследовании?

Тяпа тащился следом, тряс головой и пытался стянуть намордник.

Гоноренко шестым чувством учуял конкурента – не так давно Аполлон Михайлович Кучкин интересовался лицензией частного сыщика, но участковому пришлось ограничить амбиции претендента. После той памятной встречи неприятный осадок остался у обоих, что не способствовало установлению теплых, дружественных отношений между представителем власти и специалистом по решению вопросов. Глазастый участковый вцепился взглядом в, проходящего мимо, подозрительного типа.

– Гражданин Тучкин? – обрадовавшись выпавшей возможности переключиться с визгливой потерпевшей на иное лицо, Гоноренко рванулся к человеку с собакой. – Что вы тут делаете? Почти что, на месте преступления?

Аполлон Михайлович пожал плечами, подтягивая к себе поводок и Тяпу – не хватало еще, чтобы окрыленный встречей Гоноренко, оттоптал псу лапы. Как слышал Кучкин, собачьи и кошачьи укусы заживают долго и мучительно, а участковый, по всей видимости, нарывался – вон, как неосмотрительно приплясывает прямо перед почти сползшим намордником!

– Я – Кучкин. – поправил Аполлон Михайлович участкового.

– Да, без разницы. – ехидно ухмыльнулся представитель власти.

Гоноренко постоянно стремился вывести из себя Аполлона Михайловича, коверкая фамилию специалиста. Кучкин на выпады участкового внимания не обращал – тому было далеко до недругов Кучкина из детского дома. Вот там были мастера! Они и покойника могли довести до белого каления. Гоноренко до них, еще расти и расти.

– Прогуливаюсь. – степенно ответил Кучкин, доброжелательно улыбаясь участковому, крикливой тетке и всем прочим людям, толпящимся поблизости. – Пса выгуливаю, как видите.

– Пса? – скривился Гоноренко, осматривая Тяпу с особым

подозрением – а, не замечен ли пес в чем предосудительном? Но, нет – и намордник, и поводок на месте, к сожалению. – У вас имеется пес?

– В, данный момент. – Кучкин продолжал прислушиваться к фоновому шуму и пытался понять – что за нужную и жизненно необходимую вещь, стибрили у пенсионерки из закрытой квартиры? И, кто бы это мог сделать? Может быть, под шумок удастся распутать еще одно дело? Задаток-задатком, но прокормить мохнатую гору шерсти – та еще докука!

– Не получится, Мучкин. – Гоноренко, перехватив заинтересованный взгляд специалиста, состроил строгое лицо и ухватил гражданку Горемыкину за острый локоток. – Таисия Григорьевна идет писать заявление. В участке. Немедленно.

Поскучневшие соседи, что-то живенько обсуждая, потянулись к дверям подъезда, а Кучкин, проводив участкового и гражданку с выбритыми височками задумчивым взглядом, начал медленно переходить через дорогу. У центрального подъезда семнадцатизэтажки Аполлон Михайлович углядел знакомые пальто и шляпу – коллекционер не забыл о назначенной встрече и терпеливо караулил, поджидая, оплаченного задатком, специалиста.

Дело о вампирах должно было иметь продолжение.

– Вы запаздываете, господин консультант. – по всей видимости, пенсионер Дохлик, дожидаясь Кучкина, успел слегка продрогнуть – нос у него выгнулся и покраснел кончиком, а руки зябко били по ляжкам растопыренными пальцами ла-

донец. – Что вас задержало и почему вы пришли с собакой?

Кучкин ответить не успел, Дохлик поспешил это сделать за него.

– А! – хлопнув себя по лбу, догадался Анатолий Афанасьевич. – У вас имеется служебно-розыскная собака? Очень, очень похвально и предусмотрительно! Она обязательно вынюхает вампира и станет на след. Но, почему она такая большая? – пенсионер с недоумением обзрел копну на лапах и в наморднике, но смирился с неизбежным. – Надеюсь, ваш пес не нагадит в подъезде? У нас, знаете ли, очень строгий домком.

Недоумение сочилось из глаз, оскорбленного словами Дохлика, Тяпивара прямым упреком – что позволяет себе этот двуногий? Он, Тяпа, вполне себе достойный пес, не щенок-малолеток и приучен обделывать свои делишки солидно и с достоинством.

Кучкин отмолчался, но выразительность морды Тяпы оценил.

– Безумная скандалистка Горемыкина. – продолжал бухтеть Дохлик, открывая кодовый замок своим собственным ключом. – Ее вопли слышно на две улицы и переулок! Поразительно склочная особа. Я, лично, не знаком с этой дамочкой, но, наслышан.. Да-да, наслышан. Наш домком все время говорит о ней и радуется, что мадам-скандалистка, к счастью, проживает не в нашем доме. Что с ней случилось на этот раз?

– Таисию Григорьевну обокрали. – Кучкин скользнул пытливым взглядом по стенам подъезда, надеясь отыскать глазами следы вампирской трапезы.

Ничего! Пенсионер-коллекционер оказался склонен к добросовестному труду и чистоте, поэтому отмыл стены с похвальной старательностью.

– Может быть, – совершенно безумная мысль пришла в голову Кучкину. – Дохлик замывал следы страшного преступления и потому сам усердствовал? Для пущей достоверности, пришел ко мне, принес клык и наболтал про вампиров? Очень подозрительно. И, гроб? При чем здесь гроб?

– Обокрали? – засмеялся Дохлик, приходя в превосходное расположение духа – как славно, что неприятности не только у него. – Что украли у этой вздорной женщины?

– Что-то очень важное и жизненно необходимое. – коротко ответил Кучкин, досадуя на собственную невнимательность. Он же, растяпа, так и не уяснил, что это был за предмет, похищенный самым бессовестным образом, а, жаль. – Этим делом занимается полиция. Сам господин участковый Гоноренко.

– Наглый тип! – Дохлик возмутился и встопорщился. – Мои проблемы этого тупого служаку не заинтересовали. Заявление не принял, выслушать не удосужился, а Горемыкину, значит, пожаловал своим вниманием. Куда катится мир? – вздохнув, пенсионер потащился вверх по лестнице. – Прошу вас, молодой человек – надеюсь, вы оправдаете мое

доверие.

Кучкин изъявил готовность оправдать всё, что ему предложат.

Он медленно поднимался по ступеням и думал о том, что в доме, семнадцать этажей! И на каждом этаже – четыре квартиры! В квартирах, скорей всего, полным-полно молодых пар, девиц и парней. Как найти упомянутых вампиров, привидевшихся дедушке в маразме? Адский труд и, тем более, на высоте.

Тяпа не любил ступени. Он не признавал лишних движений и двигался весьма экономно. Но, пельмени и сахарная косточка, заставили пса подчиниться. Как подозревал пес, хозяйка еще не скоро объявится на горизонте.

– Я сохранил упаковку от жидкости, содержащей гемоглобин. – неожиданно просипел пенсионер, утомленный быстрым подъемом. Вероятно, передвижение по подъезду, в котором, весьма высока вероятность встречи с опасными кровососами, заставила Дохлика двигаться скоро и рвано. – Ваш пес может что-то вынюхать?

Пес уставился на Кучкина, Кучкин – на пса.

– Я, действительно должен что-то делать? – красноватые глазки Тяпивара подозрительно блестели. – Трудиться? Отрабатывать кусок пельменя и косточки?

Взгляд Кучкина обрел упругую твердость – Тяпа! Семнадцать этажей против собачьего нюха! Возможно, что-то и выгорит из этой нелепой затеи?

– Разумеется. – Аполлон Михайлович ответил сразу обоим. – При должном старании.

Пес и пенсионер недоверчиво переглянулись – им бы уверенность Кучкина.

– Хорошо. – раздраженно буркнул коллекционер Дохлик и распахнул двери своего холостяцкого жилища. – Вытирайте ноги, цепляйте бахилы и проходите.

– Бахилы? – недоумение отразилось на лице Кучкина и на собачьей морде одновременно. – Какие строгости, однако!

– Еще и бахилы? – Тяпа сопел особо усердно, пыхтя и трепыхаясь. Мало ему намордника, так еще нацепили на лапы какие-то скользкие, цветные мешки, противные на запах и на ощупь. Он – солидный пес! Невозможно терпеть бессовестный произвол двуногих!

Острые, твердые когти грозили прорвать тонкие, шуршащие мешки на лапах пса – сенбернар твердо вознамерился оставить след в истории этой квартиры и оставлен тот след будет на дорогом паркете.

– Не вздумай. – прошипел предусмотрительный Кучкин, дергая Тяпу за поводок. – Задаток не оправдывает расходов и на пельмени денег не останется. Как я подозреваю – поститься ты не приучен.

Догадливый Тяпа смирил свой гнев, но на Дохлика и на паркет, нет-нет, но посматривал – мало ли как все сложится, а месть, дело святое.

Воздух в жилище коллекционера оказался невкусным –

отдавал затхлостью, старым тряпьем и еще чем-то неопознанным, но, совершенно точно, противным.

Квартира пенсионера-коллекционера походила на пещеру дикаря-троглодита – узкая, темная и сплошь чем-то покрытая. На полу – мохнатый ковер, на стенах – какие-то кожаные таблички в веревочных рамочках, портреты, портретики и, просто, куски шкур, на окнах – бамбуковые занавески, создающие загадочную полутьму. Повсюду – тумбочки и столики с пыльными поверхностями, коробками, коробами и ящиками. И сам Дохлик, беспокойно снующий по комнатам в своем потертом пальто и шляпе.

– Бахилы? – возмущенно сопел Аполлон Михайлович. – Он заставил меня нацепить бахилы! Для чего? Для того, чтобы я не потревожил эту девственно-прекрасную пыль? Лучше бы респиратор предложил, старый хрыч. Я уже чувствую, как мерзкая аллергия пытается удушить меня в своих тугих объятьях.

– Господин специалист, – обратился к Кучкину Афанасий Анатольевич, аккуратно стащивший с головы шляпу и весьма ловко запуливший ее на оленьи рога, украшавшие стену в прихожей. – вампиры в моей квартире не появлялись. Видите, контрольно- следовая полоса не повреждена. – и коллекционер ткнул пальцем прямо в ту самую пыль, так возмущившую Кучкина.

– Всё ещё хуже, чем я думал. – почти простонал молодой специалист, с большим трудом пытаясь сохранять спо-

койствие и невозмутимость. Но вслух Кучкин озвучил совершенно иные мысли.

– Отлично, господин Дохлик. Вы проявили редкую изобретательность, а теперь – несите тот самый пакет, содержащий остатки гемоглобина.

Коллекционер растворился в полумраке квартиры, а Кучкин попытался глубоко вздохнуть – обстановка напрягала. Неудивительно, что Афанасий Анатольевич, того и гляди, грозил раствориться в маразме – все эти штучки на стенах .. Дикие штучки наводили на весьма скверные мысли.

– Вот, например, – подумалось Кучкину. – Почему сия препротивная вещичка повешена на столь почетном месте? На видном месте, посередине стены? Почему не тот портрет, или милая акварель? Что это еще за страхозябра волосатая, выполненная в виде шара и опутанная веревками?

– О! – голос пенсионера заставил Кучкина слегка подпрыгнуть на месте. – Я вижу, вас заинтересовал этот тотем?

– Тотем? – глаза Аполлона Михайловича округлились. – Заинтересовал?

– Ну, как же? – всплеснул руками господин коллекционер, до сих пор не удосужившийся избавиться от своего поношенного пальто. – Вы же смотрите прямо на него. Охранный тотем африканского племени юмбаинути. Говорят, – понизив голос почти до интимного шепота, сверкнул глазами коллекционер, снисходя до объяснений. – что шаманы юмбаинути изготавливают тотемы из высушенных голов своих вра-

ГОВ!

– Что вы говорите? – волосатый шар на стене не внушал ни малейшего доверия ни приглашенному специалисту, ни его временному псу. И тот, и другой, недовольно скаля зубы, пытались оставить между собой и той самой волосатой штукой на стене, как можно большее расстояние.

– Именно. – палец коллекционера устремился вверх. – Я думаю, что тотем спас меня от вампиров. Они учуяли дух шамана и не решились напасть.

– Возможно. – Кучкин и Тяпа переглянулись. В добрых, слегка красноватых глазах сенбернара, легко читался укор – за что?

«За что мне все это? – печалился Тяпивар, постукивая лапой, обутой в бахил, по паркетному полу, превращенному хозяином квартиры в контрольно-следовую полосу. – Пельмени, нелепая кошка, глупые ступени, а, теперь ещё и это? И, эту гадость, простите, я должен вынюхивать?»

Содержавшая жидкость, похожую на гемоглобин, тара выглядела неприлично и отвратительно, но пес ее все-таки понюхал. Понюхал, скривил собачью морду и бодро постукивая когтями по паркету, помчался обратно к дверям, испортив контрольно-следовую полосу подушечками своих лап, засунутых в бахилы, из которых те самые когти и торчали, вопреки всем кучинским предупреждениям.

– Неужели унюхал? – ахнул специалист-консультант, стараясь поспеть за лохматым ковриком в наморднике. – Нет,

это надо же – что, на самом деле, вампиры?

В подобный бред не верилось. Не хотелось верить, но Тяпа, подгоняемый то ли видом волосатого шара-тотема африканского племени юмбаинути, то ли отвратным запахом, подсунутым к носу, бодро скакал по ступеням, напоминая собой компактного, чрезвычайно мохнатого пони с собачьей головой. И, в наморднике.

Кучкин очнулся на двенадцатом этаже.

Галоп по ступеням дался специалисту не легко – не привык Аполлон Михайлович к гонкам по вертикали и вот теперь, раскорячившись и согнувшись у чьих-то входных дверей, тяжело пыхтя и со свистом втягивая воздух, Кучкин пытался раздышаться.

Страшно далек оказался специалист от, атлетически сложенного образа, самого первого древнегреческого обладателя гордого имени. Не даром же говорят – сложен, как Аполлон.

– Не Аполлон, ты, Аполлон. – с сожалением констатировал Кучкин. – Далек тебе до идеала. Спортзал тебе в помощь, Аполлон. Совсем ты, парень, расслабился, сидя сиднем в своем офисе.

Рядом, почти так же, только стоя на четырех лапах, хрипел пес. Его тяжелое тело не возрадовалось внезапным нагрузкам и содрогалось волнами, весьма странно смотревшимися на мохнатой поверхности спины.

Пенсионер-коллекционер потерялся в самом начале, еще

в районе третьего этажа. Даже сейчас, находясь почти под самой крышей, Кучкин отчетливо слышал его далекие завывания.

– Пельмени. – на морде пса отчетливо отпечатался весь список его простых пожеланий. – Много! Сахарная косточка! Мягкая подстилка и никаких кошек.

*

– Только не здесь! – молодой, визгливый и стервозный женский голос прервал краткий отдых, пытавшихся прийти в себя, охотников на вампиров. – Совсем эти бомжи обалдели. Мало того, что сами прутся в приличное общество и гадят на лестнице, так еще и собак своих тащат. Вон! Пошли отсюда вон, уроды маргинальные! Кому сказала!

Оскорбленный нападками неизвестной женщины, Кучкин, задрав голову вверх, попытался дать отпор наглой визгливой бабенке – мол, никакой он, Аполлон, не бомж! И не просто так он толчется на этой лестнице, а, вовсе даже, по делу. И нечего ему, такому опытному и пронырливому указывать, что делать и как поступать.

Не смотря на очень строгого домкома, освещение на лестничной площадке двенадцатого этажа, оставляло желать лучшего – лампочка еле светила, находясь на последнем издыхании.

Ввиду, предполагаемого обитания вампиров, проживающих в, конкретно этом подъезде, освещение могло было быть и лучше.

Голову вверх он задрал напрасно. Позади специалиста слышался тоскливый вой Тяпы, и Кучкин узрел – на него, из полумрака коридора, надвигалось нечто белесое, шелестящее и полупрозрачное. Страшно бледная тень незнакомой особы поражала неестественной синюшностью лица, гибкостью изящной шеи, пламенеющим взглядом диковатых глаз и сахарной белизной длинных, устрашающе длинных зубов.

– Вон! – прошипела белесая тень и само назначенный специалист, позорно взвизгнув, отшатнулся назад, запутался в собственных конечностях, прогнулся и покатился вниз по ступеням, гулко бумкнувшись лбом о последнюю.

Где-то неподалеку жалостливо и, как-то безнадежно, взывал Тяпа, а затем Аполлон Михайлович, в силу особых обстоятельств, позволил себе отключиться.

*

– Что же вы так неосторожны, молодой человек? – в себя Кучкин приходил мучительно трудно и как-то рывками. Ужасно болел лоб, саднило колени и холодило щеки. – Фу-фу, пошел прочь! Прочь! Прекрати облизывать бомжей. Ты же порядочный пес.

– Ужасное ощущение. – трясая головой и испытывая при этом чувство глубокого головокружения, Кучкин вяло отпихивал в сторону горячую, влажную тряпку, которой, неизвестный доброжелатель пытался протереть ему лицо. – Хватит уже, – вслух возмутился специалист, всем своим затылком ощущая твердость каменных ступеней. – прекратите ме-

ня мыть. Лучше бы брызнули на меня холодной водичкой.

– Еще чего! – рядом послышалось рычание какого-то большого животного, и Кучкин, не смотря на плачевное состояние своего организма, понял, что в отличие от голоса, рычание звучало знакомо. – Стану я еще всяким бомжам в лицо воду лить. Хотя, конечно же, – отвратительно жизне-радостный голос насмешливо продолжил. – умыться вам не помешает.

Отважившись распахнуть ресницы, Аполлон Михайлович обнаружил перед собой глаз – большой, влажный и карий. Удивительно, но глаз принадлежал не Тяпе. Тяпа – вон он, совсем рядом, послушно сидит, свесив вниз длинный розовый язык.

– Это им он меня облизывал. – догадался Кучкин. – Это был язык Тяпы, а не горячая тряпка!

Карие глаза, как оказалось, количеством в две штуки, принадлежали невысокой, вертлявой девице, затянутой в нелепый брючный костюм серого цвета. Широкий пиджак и узкая юбка-карандаш, из-под которой выглядывали ноги, обтянутые капроном, создавали довольно-таки привлекательную картину, особенно, если смотреть снизу. Девица выглядела уверенной, целеустремленной и слегка раздраженной. Она нетерпеливо постукивала ножкой, обутой в туфель и трясла кудрями. Рыжими и завитыми мелким бесом.

– Ведьма. – решил Кучкин, собирая глаза в кучу. – Только ведьмы бывают столь бессовестно довольны собой.

– Вашему псу крайне необходимо подстричь ногти. – заявила девица. – Удивительное дело – у бомжа и вдруг такой воспитанный пес! Именно ему вы обязаны тем, что не слетели с вершины до самого низа.

– Поводок. – Кучкин с благодарностью взглянул на добродушную морду Тяпы. – Он удержал меня от падения на самое дно! Восемьдесят пять кило живого веса не так то просто лишить устойчивости.

– Так что на счет когтей? – целеустремленная девица задалась целью извести Кучкина, не иначе. – Стричь будете?

– Я? – изумился Кучкин.

– Собаке. Стричь когти. – девушка хмыкнула. – Сделаю вам скидку, как временно ушибленному на голову. Соглашайтесь.

– Я подумаю. – ничего белесого в одежде обладательницы влажных карих глаз и рыжих кудряшек, Кучкин не углядел. Но, тогда, кто же верещал, противно и громко? Чья звуковая волна спихнула его с лестницы?

– Думайте-думайте, господин бомж. – весело пропищала девица в кудряшках. – И, аккуратней ходите по ступеням, иначе, в следующий раз вам не повезет и шею вы, все-таки, свернете. Пока, здоровяк. – это уже Тяпе.

Легко всунув что-то невесомое в руку специалисту, незнакомка запрыгала вниз по ступеням, а, Аполлон Михайлович, крихтя и стеноя, принялся выдергивать себя из лежачего положения, пытаясь твердо угнездиться на ногах.

Получалось плохо – ноги подрагивали и подкашивались, а, тут еще, снизу, начали прилетать какие-то весьма странные, заунывные звуки.

– Ч-ки-ки... Ки-чи-ки.. – кто-то неизвестный хрипел весьма противно и протяжно.

– Пенсионер Дохлик. – догадался молодой специалист, стряхивая с куртки куски побелки. – Соскучился и обеспокоился. Но, простите...

Глаза Кучкина внезапно выхватили из полутьмы нечто. Нечто, очень даже знакомое и подозрительно опасное, валялось на полу.

– Клыки! – почувствовав, как вздыбились волосы на затылке, Кучкин похолодел. – Это же самые настоящие вампирские клыки. Те самые. Опять?

Вот и не верь после этого в сверхъестественные силы – глаза Аполлона Михайловича обеспокоенно обшаривали лестничную площадку – стены, окрашенные синей краской, пыльные ступени, половая плитка, клочки шерсти Тяпы, сам Тяпа, мило улыбающийся через, наполовину стянутый намордник, парочка длинных клыков, уже виденных Кучкиным ранее и... И, клочок ткани – белоснежный, полупрозрачный и такой страшный!

– Этого не может быть, потому что, этого никогда не может быть. – оцарапанные пальцы Кучкина сами по себе схватили невесомый клочок. – Глупости и дурости! Вампиров не существует в природе. Живые мертвецы – нонсенс по опре-

делению. Но, тогда кто? Кто столкнул меня со ступеней и чье белое лицо я успел рассмотреть в миг своего падения с этого Олимпа?

– Господин специалист? – громко голосащий пенсионер Дохлик, с огромным трудом ковыляющий вверх по лестнице, обозначил себя при помощи потертой шляпы, не иначе, как стащенной обратно с оленьих рогов. – Господин Кучкин, вы почему молчите и не изволите отзываться? Как вам не стыдно? Разве можно столь неуважительно относиться к почтенным сединам и преклонному возрасту?

И, вынырнув из полутьмы, вытаращив глаза и икнув от испуга, многоуважаемый коллекционер древностей, поспешно ухватился за сердечную сторону груди – в глазах Дохлик плескалась откровенная паника и страх.

*

– Я вас предупреждал! – картинно заламывая руки, стелая чайкой, метался по пыльно-контрольной полосе Афанасий Анатольевич. – Не шутите с силами Тьмы! Вы не вняли. Вы усомнились. Вы пренебрегли моими советами. И, результат? Каков результат, я вас спрашиваю? – допытывался дотошный Дохлик. – Вас едва не загрызли.

Аполлон Михайлович вяло отмахивался, не принимая вопли клиента близко к сердцу. Кучкин был занят – он рассматривал свою страшную находку.

Клык?

Пожалуй, он обнаружил вампирский клык, спокойно себе

валявшийся на полу, прямо под ногами той самой девицы в игривых кудряшках.

Клык сохранился плохо – кудрявая топталась по нему каблуками, но ничем иным, кроме странного зуба, эта штука-вина, обломанная и, перепачканная во что-то красное и липкое, быть не могла.

Кучкин плохо разбирался в стоматологии, особенно, в стоматологии вампиров. Пенсионер Дохлик, едва взглянув на страшную находку специалиста, выводы сделал поспешные, но однозначные.

– Клык вампира, одна штука. Принадлежит, как и ранее найденный, женской особи этого вида.

По всей видимости, разумеется, если принять на веру слова перепуганного Афанасия Анатольевича, в доме завелся вампир, женщина-вамп, решившая открыть сезон охоты на боязливого и безобидного пенсионера.

Чем и как провинился Дохлик перед потусторонней сущностью, неясно, но клиент пребывал в отчаянье и требовал от Кучкина немедленных и решительных действий.

Кучкин с некоторым удивлением рассматривал себя в зеркало – страх и дичь! Мало того, что тщательно вычищенная куртка и нарядный шарф превратились в нечто неприличное, так и на лбу обнаружился отпечаток чьего-то ботинка, на щеке – царапина, а на шее, которую, о ужас, перестал защищать теплый шарф, брызги красной жидкости непонятного состава.

– Чего тут непонятного? – удивился Дохлик, в голосе которого отчетливо звучали панические нотки. – Эти брызги – чья-то невинная кровь! Она стекала с чьих то клыков. Вас определенно пытались сожрать. Загрызть и превратить в упыря. В труп! Живой! Мертвый! А, потом, они придут за мной. Какой кошмар! – и Дохлик, рухнув в кресло своим толстым задом, замер, спрятав лицо в скрещенных руках.

– У вас, хотя бы, тотем имеется. – проворчал недовольный Кучкин, не представляя себе, как можно в подобном безобразном виде выйти в люди. – Тот самый, племени юмба-мумба.

– Юмбаинути. – поправил приглашенного специалиста пенсионер, любивший точные и строгие определения. – Но, тотем – один, а нас двое. Что же делать? Как поступить?

– Я спасу себя сам. – заявил Кучкин, мужественно отказываясь от шаманской защиты. – К тому же – меня охраняет Тяпа.

– Как не вовремя нас покинула мадемуазель Гололупенко. – почти натурально всхлипнул Дохлик, плюхаясь задницей на контрольно-следовую полосу, пролежавшую через тумбочку. – Я читал в прессе о том, – имеется в виду скандально известная городская газета «Свекруха», что мадемуазель Гололупенко повысила свой рейтинг и приобрела новое звание – Повелительница зомби. Может быть, в виду своих многочисленных талантов, она и с вампирами могла бы управиться одной левой? Ведь, кто такие есть они, вурдала-

ки? – задался вопросом пенсионер-коллекционер, жалобно поглядывая на Кучкина, который все никак не мог найти силы и отлипнуть от зеркала. – Вурдалаки – суть есть мертвецы, только живые. Те же зомби, а госпожа Гололупенко – их повелительница. Как она не вовремя решила бракосочетаться, менять фамилию и пускаться в свадебное путешествие.

– Да-да. – неопределенно поддакивал Аполлон Михайлович, усиленно очищая собственную шею от, содержащей гемоглобин, жидкости.

Жидкость стиралась плохо и неохотно.

Кучкин морщил лоб, активизировав мысленный процесс – его, что, на самом деле, кто-то облил кровью? Краской? Но, с какой целью – запугать или загрызть?

Аполлон пыхтел от возмущения – как посмели? Новый шарф и чистая куртка! Кровь плохо отстирывается и ему придется обращаться в химчистку. Непредвиденные расходы! Мало ему Тяпы и его отменного собачьего аппетита. Задатки, знаете ли, на заборе не растут и на счет сами по себе не падают.

– Вы – мужественный человек. – польстил специалисту пенсионер Дохлик. – Я – нет. Я так ценю, что вы взяли меня защищать. Может быть вы останетесь на ночь? Могу предложить вам это кресло..

– Н-не надо! – содрогнулся Кучкин, разглядев упомянутый предмет мебели и быстро отскакивая от него в сторону. Кресло представляло собой, не иначе, как орудие пыток –

узкое, вытянутое ввысь, оно громоздилось седалищем на четырех тонких ножках и все седалище было утыкано острыми гвоздями, торчащими заостренными концами из этого самого седалища. Хищные кончики блестели в свете электрической лампочки и приглашали специалиста присесть.

– Уникальная вещь. – гордый Дохлик поторопился подтвердить самые худшие предположения приглашенного специалиста. – Стул индийского йога. Эксклюзивный вариант, выполненный из натуральных материалов. Раритет, но, чего не сделаешь ради сохранения душевного спокойствия? Надеюсь, вы его не испортите при эксплуатации? Мы положим сверху подушку и...

Представив себе, как он, раскорячившись, пытается вздремнуть на этом, с позволения сказать, «Прокрустовом ложе», Кучкин содрогнулся, цыкнул и поспешно начал пятиться к выходу.

– Ни в коем случае! – панически вскрикнул он, удачно преодолевая еще одну контрольно-пропускную полосу. – Нас не простят за варварство. Раритет должен содержаться в надлежащих условиях и не унижать себя всякими там подушечками. Меня отлично устроит моя собственная постель.

Двери квартиры Дохлик распахнулись и, исторгнув из собственной, отнюдь не атлетической груди, вздох облегчения, Кучкин вывалился на лестничную площадку.

– А, как же я? – раненой чайкой простонал пенсионер.

– Вы – отлично. – избавившись от навязчивого арома-

та, источником которого являлся пакет, содержащий протухший гемоглобин, коим пропиталась вся квартира предполагаемой жертвы вурдалаков, Кучкин вздохнул полной грудью, расправляя плечи. – Заприте двери, завесьте окна и в изголовье положите ту самую волосатую штуку со стены. Она уберезет вас от зла.

– А, вы? – глаза профессора философии шурились от боли – такой молодой парень. Он обречен без защиты и беспомощен перед исчадиями ночи.

– Я позвоню вам завтра. – с облегчением захлопнув двери квартиры клиента, Кучкин бросился вниз – этаж, еще один и, вон он, спасительный двор.

*

Замечательно молоденькая девушка, одетая в яркую курточку и узкие брючки, цокая высокими каблучками, взволнованно металась от одного подъезда к другому.

Светлые волосы девушки, беспорядочно разбросанные по точеным плечам, игриво теребил прохладный вечерний ветерок. Розовые наушники кокетливо выглядывали из, розовых же, ушек красавицы.

Из наушников лилась задорная мелодия, но девушке, увы, было совсем не до веселья.

Миловидная блондинка кусала пухлые губки и утирала горькие слезы – ее предали! Она – обманута и бессовестно брошена.

Девушка обиженно шмыгнула носом и мстительно при-

щурилась – она сама, своими собственными глазами, наблюдала омерзительную картину – ее жених, этот вероломный изменщик, усаживал в машину какую-то высокомерную фифу, вульгарно размалеванную, словно бульварная шлюха. И он, предатель, называл эту дамочку «Дорогая»!

– Нет, я этого так не оставлю! – блондинка прошмыгнула мимо молодого и незнакомого мужчины, шею которого обвивал пестрый шарф, перехватила, слегка удивленный, взгляд его ярких глаз и прошипела себе под нос.

– Никогда! Никогда я не уступлю своего парня другой. Я готова на все ради нашей любви.

*

С удивлением специалист по решению вопросов осознал, что день, оказывается, успел закончиться. На город напали сумерки и заполнили собой все свободное пространство. Листва шелестела золотом и багрянцем, лукаво улыбались уличные фонари и, хорошо освещенные витрины кафе манили к себе голодных людей, мечтающих о плотном ужине и посиделках у экрана телевизора.

Мимо человека с собакой промчалась симпатичная девчонка – яркая блондинка, скрывающая горькие слезы под невеселой улыбкой.

Девушка показалась Кучкину замечательной, но слишком молоденькой для такого парня, как он.

Собака жадно втянула воздух широкими ноздрями и вопросительно взглянула на своего временного хозяина.

– Пойдем в кафе? – взглядом вопрошал Тяпа. – Кофе с молоком и пончик – для тебя и кусок мяса – для голодного сенбернара?

– Мы не можем себе этого позволить. – суровым тоном заявил специалист, грозя Тяпе пальцем. – Вот, если бы ты вынюхал вампира, то дело было бы успешно закрыто, и мы с тобой получили свой гонорар. А, так – довольствуйся малым.

Пес возмущенно фыркнул – у него молодой, все еще растущий организм! Он должен довольствоваться многим – пусть пельменями, но обязательно с сахарной косточкой!

– Пошли домой, нахлебник. – Кучкин уныло втянув ноздри свежий, живительный вечерний воздух, бодро потрусил по улице, направляясь к собственному дому. Думать о том, какими гневными криками встретит его усатая Барселона, специалисту не хотелось. Зачем заранее настраивать себя на неприятности? Может быть, случилось чудо, и кошка неожиданно впала в крепкий, летаргический сон?

Кстати, Аполлон нащупал в кармане твердый картонный квадратик. находка озадачила специалиста-консультанта – чтобы это могло быть? Неужели еще один привет от тех самых, возможно существующих, вампиров?

– «Лампапудель» – буквы сложились в нелепое, по мнению Кучкина, слово. – Мы вернем блеск вашему любимцу!

– Отличный слоган. – буркнул успокоенный Кучкин, вспомнив, что «Лампапудель» – это название собачьей па-

рикмахерской, расположенной неподалеку от здания, в котором находился его собственный, облагороженный золотой табличкой, офис. Так вот, что, та, рыжеволосая и в кудряшках, вложила Кучкину в руку, воспользовавшись беспомощным положением, уроненного с двенадцатого этажа, специалиста.

Она – работница собачьей парикмахерской и впарила Аполлону, бесполезную для него, визитку этого самого салона.

Какая наглость!

По мнению Кучкина, собачьи парикмахерские – та еще глупость.

Для чего, скажите, это нужно – полировать когти, чистить зубы и стричь шерсть домашних питомцев? Вон, Тяпа, прекрасно существует на свете без полировки когтей и стрижки своей мохнатой шубы. Он же не овца – зачем ему стрижка? У сенбернара великолепный, brutальный вид истинного самца.

Что будет, если его, к примеру, подстричь? Под пуделя? На кого, скажите на милость, станет похож Тяпа? На пугало для собак? Или же, выкрасить когти сенбернара во все цвета радуги?

Глупости – у Тяпы нормальная ориентация. Кучкин сам видел, как пёс заглядывался на, пробегающих мимо, собак женского пола.

Бред! Ни один порядочный пёс не позволит так издевать-

ся над собой.

Неожиданно в кармане забился телефон. Кучкин, все еще пребывающий под впечатлением случившихся с ним непонятностей, резко замер и Тяпа, поскользнувшись в нелепых бахилах, крепко поддал специалисту под колени.

– У-й! – взвыл Кучкин, взлетая и приземляясь.

– Р-ва-х! – рыкнул недовольный пес, осознав, что между ним и питательным ужином вновь образовалось чье-то падение.

– Опять? – веселый женский голос, прозвучавший с вышины, заставил Кучкина мобилизовать все ресурсы организма и задрать голову вверх. – Вы продолжаете падать, господин бомж? Вначале – с лестницы, теперь, вот – катаетесь по дороге? Пить надобно меньше! Подумайте о том, какой пример вы подаете своей собаке. Она, в отличие от хозяина, производит вполне приятное впечатление.

Тяпа невольно приосанился, покусывая намордник и укоризненно взглянул на Кучкина, все еще возлежащего на тротуаре – мол, вставай, недотепа, не позорь благопристойного пса своим поведением. Стыдно, стыдно, товарищ специалист, зажавший косточку для приличного пса.

– Опять эта рыжая ведьма. – мучительная гримаса исказила лицо молодого специалиста, но девушка в сером костюме, обладательница пары прекрасных карих глаз, на жертву внезапного падения, уже не смотрела.

Она занималась странным делом – торопливо приседая,

светила мощным фонариком под лавочкой, захватывая световым лучом фундамент ближайшего дома и при этом громко цокала языком.

– Цок-цок.

Очень странные звуки слетали с языка ведьмы в мелких кудряшках.

– Рыцарь-джедай в поиске врагов. – подумалось Кучкину. – Обидно – могла бы и помочь.

Закусив губу, Кучкин мужественно поднялся с асфальта, отряхиваясь после падения и невольно копируя характерные манеры Тяпы.

Пес, в обалдении, наблюдал за тем, как бесшерстный и бесхвостый двуногий стряхивает с себя пыль и мусор виляющими движениями тела, а, затем, как ни в чем ни бывало, продолжает идти по дорожке, не обращая никакого внимания ни на девицу с глазами и фонариком, ни на самого Тяпу.

– Телефон! – рыжеволосая и кудрявая напомнила Аполлону Михайловичу про звонящий гаджет и специалист, лапая себя по карманам, извлек аппарат.

– У аппарата. – откашлявшись для солидности, выдохнул Кучкин, делая страшные знаки псу – молчи несчастный, не пали контору.

– Вы нашли мою жену, молодой человек? – громкий голос выдернул Аполлона из мирного, тихого вечера и вернул в суетную жизнь, осложненную падениями и прочими неприятностями. – Я надеюсь, в деле появились подвижки, и

моя ненаглядная Аделаидочка вскорости вернется к своему птенчику?

– Я, как бы это, выразиться точнее.. – прочистил горло Аполлон Михайлович, приготовившись к долгим и подробным объяснениям, но голос в телефоне не желал ничему внимать и продолжал оглашать окрестности ревом крепких голосовых связок абонента, пугая поздних прохожих и бродячих котов.

– Ищите! Ищите мою жену! Я надеюсь, вы не жулик? Не шарлатан? Имейте в виду, у меня, Пипко – отличные адвокаты. Если вы не вернете мне мою жену, я затаскаю вас по судам. Не рассчитывайте, что вам удастся уйти от ответственности.

– Я отлично вас понял Викентий Георгиевич. – сильная головная боль посетила Кучкина внезапно, застав врасплох. – Я вам обязательно позвоню, как только в деле появятся подвижки! Очень плохо слышно.. – и сунул, вопящего на всю улицу, лаково-красочного фабриканта в карман.

Аполлон бессовестно врал – слышимость была превосходная. Вон, даже та самая рыжая и в кудряшках развернулась и взглянула на Кучкина с ярко выраженным неодобрением на лице.

– Еще и обманщик. – возмущение легко читалось на лице сотрудницы салона «Лампапудель». – Как не стыдно врать?

– Не стыдно, – поморщился Кучкин, отворачиваясь от странной девицы, заглядывавшей в широко распахнутую

пасть мусорного бака, изготовленного в форме пингвина и прикрученного к дверям какого-то офиса, крепкой цепью. – ни капельки.

– Интересно, – входя в, гостеприимно распахнутые, двери торгового центра, подумалось Кучкину. – что потеряла сия бесцеремонная особа? – специалист презрительно фыркнул, строя догадки, одну нелепее другой. – Скорей всего, какую-нибудь откровенно бесполезную вещицу – веер там, или сломанные наушники. Дамочки – они все такие жуткие собственницы. Никак не в силах расстаться с ненужным и бесполезным хламом. А, эта, куда хуже всех прочих – обозвать меня бомжом. Меня, Аполлона Михайловича Кучкина!

– Мы не приветствуем в нашем магазине маргинальные элементы. – ошарашенного подобным приёмом специалиста, прямо в дверях остановил дюжий охранник. – Тем более – с блохастыми и хвостатыми в компании.

Терпение Тяпивара истончилось – его целый день таскали на поводке, в ошейнике и голодного! Он падал с лестницы и ловил неуклюжего двуногого, падающего рядом и, к тому же – ему, добропорядочному и законопослушному псу, давали нюхать всякую гадость. Вонючую! Противную! Голодному! А, еще, – Тяпа рыкнул глубоким, густым басом, взъерошив шерсть и раздувшись от негодования – дома ждет та самая, мерзкая, горластая кошка. С крохотными ушами и приплюснутой мордой. Ужасно уродливая. И все это счастье идет в комплекте со скверным характером кошачьей!

– Ты.. Это.. Того-самого.. – впечатленный могучим рыком пса, оскорбленного тем, что его, Тяпивара, обозвали «блохастым», охранник попятился. – Уйми свою нервную псину!

– Я вам не бомж. – с достоинством заявил Кучкин, намазывая на шею свой пестрый шарф. – У меня имеется личная жилплощадь и паспорт с постоянной пропиской. Местной. Что касается внешнего вида, – шарф, наконец-то, занял свое место, обвив шею специалиста, словно яркая, тропическая змея. – то, у каждого может выдаться неудачный день. Мне – пельменей.

Охранник, смирившись с неизбежным, отступил, пропуская Кучкина к прилавку с вожаделенными полуфабрикатами.

Пусть его – тем более, что рычащий пес оставался на месте, жевал намордник и больше не пытался издавать звуки устрашения, пугая припозднившихся посетителей торгового центра.

Пробившись к кормовой базе, специалист по решению вопросов, шустро ухватив четыре пакета с пельменями, рванул к кассе, намереваясь исчезнуть из торгового зала раньше, чем придут стражи порядка.

А, они придут – молодой, но ранний участковый Гоноренко не упустит своего шанса напакостить специалисту по решению конфиденциальных вопросов.

Но, Гоноренко, утомленный общением с обокраденной гражданкой Горемыкиной, ни о каких полуфабрикатных пельменях не помышлял. Тем более, не помышлял о Кучки-

не. Гоноренко, вернувшись домой, за обе щеки уплетал наваристый борщ со сметаной и, если бы ведал о тревогах Кучкина, то с удовольствием показал бы тому язык.

Мама Гоноренко умела готовить удивительно вкусный борщ! Разве можно сравнить это эксклюзивное произведение кулинарного искусства с каким-то ширпотребом, в виде казенных пельменей?

Возвратившись в родные пенаты и каждому воздав по заслугам – то есть, покормив Тяпу дважды, а, Басю – покормив один раз и один раз выговорив за отвратительное и позорящее высокое звание кота специалиста, поведение, поужинав и рухнув на диван, Кучкин, блаженно прикрыв глаза, принялся размышлять.

О вампирах.

Об их странной природе.

И о связях этих потусторонних сущностей с пенсионерами вообще и, с пенсионером Дохликом, в частности.

Картинка никак не желала вырисовываться – ни маслом, ни акварелью.

Кучкин отчаянно зевнул, выставил будильник на «утро» и прикрыл глаза.

*

Итак – его звали Дубровский.

Вернее, Дубровский – это было не имя, данное гражданину родителями при рождении, а прозвище, но, не приобретенное, а выбранное сознательно.

Петриков Василий Иванович – темная, мутная личность тысяча девятьсот девяностого года рождения, чрезвычайно гордился своим необычным псевдонимом.

Надо сказать, что трудился Петриков отнюдь не в госучреждении и потому, псевдоним был ему крайне, можно сказать, жизненно, необходим.

С детских лет Петриков испытывал тягу к экспроприации – чужого у чужих. Свое имущество Петриков холил и лелеял, и всячески пресекал любые попытки его у себя отнять.

Тырить мелочь по карманам Петриков начал еще с младых школьных лет, вступив на скользкую тропу порока, затем, продолжил, но уже в автобусах и трамваях, а, так же, домах, зданиях и любых иных строениях, содержащих внутри себя различные материальные ценности.

Лишая людей денег и имущества, Петриков, вопреки мнению окружающих, себя вором не считал. Ни в коем разе.

Вор! Это звучит не гордо, а грубо.

Фи! Приземленно и не эстетично.

Петриков считал себя вольным художником, этаким благородным разбойником, лишаящим богатых несправедливо нажитого.

Помните – Дубровский?

Во-во! А, еще лучше – Робин Гуд.

Парень по имени Робин Гуд был не промах – прославился в веках задолго до появления большевиков, тоже бывших большими любителями чего-нибудь экспроприировать у бо-

гатых.

Вот так и Петриков – дубровствовал и имечко-псевдоним себе взял соответствующее. С корнями, аристократическое и романтическое.

А, то, что он, в отличие от того самого, благородного Дубровского, беря у богатых, не думал делиться с бедными, так, то – мелочи. Мелочи, и все тут. Ему, Петрикову, тоже кушать хочется каждый день, да и жить на что-то надо.

В общем, получив в очередной раз заказ на изъятие очередных материальных ценностей в пункте «а» и доставке их, без ведома хозяина ценностей, в пункт «б», Василий Иванович Петриков, не испытывал ни колебаний, ни сомнений.

Дело-то пустяковое – проникнуть, взять и удалиться.

Заказ, по правде сказать, образовался какой-то смутный – что, скажите на милость, можно изъять в доме самого обычного, штатного, среднестатистического пенсионера – пожеванную молью меховую шапку, или раритетный гаечный ключ, утащенный с завода в далекие, молодые годы?

Правда, посетить предлагалось какого-то заурядного профессора, до сих пор, не смотря на преклонный возраст, что-то там читавшего студентам местного вуза.

Звание профессора, по мнению опытного Петрикова, не значило ничего – бюджетник! Это звучит гораздо хуже, чем даже самозанятый. Что такого ценного можно обнаружить в бюджетных закромах? Уж точно, что не золото и бриллианты.

Но, расплачивались с Петриковым всегда в срок, без проволочек и до копейки. Потому, получив невнятное распоряжение, описание затребованного предмета и срок исполнения акции, Василий Иванович отправился на прогулку.

Прогуливался дубровствующий экспроприатор возле достроенного долгостроя, печально знаменитого на весь районный центр и, прохаживаясь, стал свидетелем того, как некий незнакомый, но ужасно подозрительный тип с собакой на поводке, выскочив из, нужного Петрикову, подъезда, стремительно растянулся на дороге, а затем, о чем-то коротко переговорив с тощей девицей в рыжих кудряшках, поспешно удалился в сторону ближайшего супермаркета, утащив за собой своего пса, похожего внешним видом на копну сена, отрастившую ножки и вздумавшую прогуляться по вечерним улицам.

Рыжеволосая девица в приметном сером костюмчике некоторое время маячила возле дома – она, по неизвестной Петрикову причине, не спешила возвращаться домой и заниматься хозяйством. Девица засовывала свой нос в различные укромные уголки, заглядывала под лавки, что-то делала на детской площадке и пыталась толкать мусорные баки.

– Не террористка ли, часом? – озадаченный Василий Иванович, теряя остатки терпения, наблюдал за хаотичными передвижениями подозрительной особы по просторному двору семнадцатипятиэтажки. – Не холодно ей шастать по ночам, в одном костюме. И, маньяк ни почем. Отчаянная нынче пошла

молодежь. – покачал головой, не любящий свидетелей своих неправедных дел, Петриков. – Может быть она участница какого-нибудь шоу, и сейчас из кустов выскочит человек с аппаратурой и громко воскликнет: «Внимание! Улыбнитесь – вас снимает скрытая камера!»?

Демонстрировать свое лицо скрытой и открытой камере, Петриков, укрывающий свои таланты под звучным псевдонимом «Дубровский», намерения не имел. Слава – штука прилипчивая. Как прилипнет, так и потянется следом, а оно ему, Петрикову, надобно? Его дела требуют тишины и скрытности, можно даже сказать, что – интима.

Не нужны ему, Петрикову, ни лишняя слава, ни, тем более, свидетели.

Закончив с бесцельным шараханьем по двору, девица вскоре ушла, захлопнув двери подъезда.

Петриков хмуро усмехнулся – обычные пути, это для слабаков. Тем более, что благородный разбойник, с не менее благородным псевдонимом, знал точно, что заказанный к ограблению гражданин, отлично укрепил двери в свое жилище.

Но коварный Петриков избрал иной вариант проникновения и полез вверх.

Нет, он не отличался субтильным телосложением и не смог бы протиснуться в, неосторожно приоткрытую форточку, но, требуемое окно, вернее – окна балкона и без того оказались широко распахнуты и приглашающе сверкали при

свете луны чисто вымытыми стеклами.

Жильцы нижних этажей старательно укрепили себя решетками на окнах, обезопасив от воров-домушников и всяких там любителей подглядывать в форточки, но для гибкого и спортивного, почти благородного Дубровского, забраться по решетке вверх, оказалось делом плевым.

Как он надеялся, коллекционер не ждет подвоха и мирно поживает на своем третьем этаже, отдавшись на милость Морфея.

Петриков полз.

Решетка неприятно холодила ладони, но перчатки смягчали обостренные чувства почти благородного разбойника. Жильцы семнадцати этажного дома мирно отдыхали перед своими телевизорами, ужинали, совершали гигиенические процедуры и занимались прочими повседневными делами, а темная личность в черной одежде, поспешно карабкалась вверх, почти достигнув нужного этажа.

Петриков отдышался – сейчас он находился на втором, забравшись на балкон и невольно наблюдая за тем, как обитатели квартиры яростно и самозабвенно ругаются, бросая в друг друга различными предметами, преимущественно, кухонной утварью.

– Милые бранятся – только тешатся. – с умилением подумалось Петрикову после того, как супруг, не рассчитав силы замаха, запулил в лоб дражайшей половине тарелкой. Лоб у половины оказался, на удивление, крепким, но заорала

дамочка так, что благородного вора звуковой волной, обрушившейся на него подобно цунами, едва с балкона не снесло. Перепуганный и, вспомнивший про уголовный кодекс, супруг бросился утешать супружницу, а та, вероятно, испытывая к нему дикое чувство благодарности, принялась стучать благоверного по спине, приводя того в себя при помощи скалкой.

– Крутые страсти. – переходя к последнему этапу подъема, размышлял Петриков. – Какая экспрессия! Куда там Шекспиру! Скалка, она и есть, скалка. Как бы участкового не вызвали, при таком-то раскладе.

Оставив далеко внизу ссору любящих супругов, Петриков, зацепившись за подоконник, слегка расслабился – он почти на месте. Последнее усилие и твердыня профессора неизвестных наук падет, а банковский счет, почти благородного экспроприатора, пополнит весьма круглая сумма денег.

И тут случилось то, на что многоопытный и осторожный почти Дубровский, никак не рассчитывал.

На него напали.

В воздухе. На высоте.

А ведь он, Петриков, работает без страховки.

С пронзительным писком на голову незадачливого расхитителя материальных ценностей, обрушилось нечто. Это нечто, крепко вцепившись в волосы, выбившиеся из-под черной шапочки, залепило глаза Василия Ивановича чем-то плотным, темным и кожистым и Петриков, издав при-

глушенный вопль ужаса, изрядно прибавив в прыти, взлетел вверх, аки птаха небесная и суматошно всплеснув руками, ввалился на чей-то балкон, при этом больно шандарахнувшись затылком о твердый пол.

И, затих.

*

Проводивший приглашенного специалиста, страдающий от страха и недосыпа, пенсионер Дохлик, любовно перебиравший ворсистые жгуты на круглом, охранном тотеме шаманов африканского племени юмбаинути, был безжалостно вырван из нежных объятий, подкрадывающихся к нему сновидений и приведен в почти что боевую готовность.

Где-то рядом, фактически за окном, Афанасий Анатольевич отчетливо расслышал громкое хлопанье крыльев, приглушенный мат, придушенный хрип и грохот.

Вооружившись шваброй, крадучись на, полусогнутых в коленях, ногах и, поминутно крестящийся, Дохлик, осторожно, скрываясь в тених и оставляя отпечатки комнатных тапочек на контрольно-следовой полосе, пробрался к своему собственному балкону и, распахнув двери, предварительно потыкав в темноту древком швабры, высунул голову из комнаты.

Никого!

Тишь, гладь, благодать и Луна во все небо.

Некоторое время Афанасий Анатольевич, близоруко шурясь, тарашился в эту самую враждебную тьму, обмирая при

вздохе-выдохе и опасаясь того, что с черной небесной выси на него обрушится клыкасто-крылатый ужас. Но, нет – где-то орала вздорная кошка, у соседей с нижнего этажа продолжалась вечеринка с битьем посуды и матами, его сопровождающими, но никаких теней и иных инородных объектов в воздухе, в районе балкона коллекционера, невооруженным взглядом не просматривалось.

Недобрым словом помянув оплаченного задатком специалиста, Дохлик с возмущенным треском захлопнул балконную дверь, пыхтя и отдуваясь, подтащил к ней тяжелую тумбочку и, с осознанием честно выполненного долга, отправился на боковую, совершенно позабыв принять привычную дозу валерьянки – в каплях, пилюлях и саше, которое он укладывал себе под подушку.

Рухнув головой на мягкое, коллекционер мгновенно зазнул и пропустил все самое загадочное и мистическое, случившееся сразу после его отхода ко сну.

Очнувшись после незапланированного впадения в посторонний балкон, Петриков-Дубровский некоторое время провел в задумчивой неподвижности – лежа на полу, он пытался вернуть себя в настоящее, прилежно тарасился в темноту и настороженно прислушивался.

Тишина стояла глухая.

Исходя из всего, Петриков решил, что ему повезло, в очередной раз и заслуженно. Он, столкнувшись с коварным нападением, отделался легким испугом и пульсирующей шиш-

кой в районе затылка.

Ах, да – по голове сочилась вязкая, вонючая субстанция, размазываясь по волосам экспроприатора и приводя того в состояние угрюмой озлобленности.

Но, даже с учетом понесенных потерь, можно было утверждать, что Петриков почти не пострадал, а ведь мог приземлиться и не так удачно – на чужом балконе, а сверзиться с небес на землю, разбив не только затылок, но и весь организм. Вдребезги.

Затылок, разумеется, имел на этот счет свое личное мнение, тут же начав наливаясь болью и горячить и без того, раздосадованного некими шероховатостями плана, Петрикова. Но, в конце концов, все закончилось благополучно – почти Дубровский попал в нужное место, сделал это в нужное время и теперь, приложив самую малость усилий и заполучив требуемый к заказу предмет, покинет чужую территорию тем же путем, которым сюда и проник.

Спускаться всегда легче, чем подниматься – в этом Петриков был убежден глубоко и полностью.

Поднявшись на ноги и натянув на физиономию шапочку, Василий Иванович сделал первый шаг в сторону выполнения ответственного задания и недрогнувшей рукой ухватился за ручку балконной двери.

*

Млада Великанова, будущая восходящая звезда Больших и Малых театральных подмостков, оправила на пышной гру-

ди восхитительное кружево, напоминающее собой морскую пену.

Это так часто пишут в любовных романах – «кружево, похожее на морскую пену».

Сорочка белого шелка, украшенная всевозможными изысками – кружевом, шитьем и всякими там блескучими штучками, стоила недешево. Очень недешево.

Бессовестно дорого, по мнению самой Млады, стоила сия тонкая безделица, но восходящая звезда ее все равно нацепила.

Как же иначе? Сегодняшний вечер – он особенный!

Млада скрестила на груди свои красивые руки, задержала дыхание, чувствуя, как горячо струится кровь по венам. Или, по артериям?

В общем, струится.

Дыхание восходящей звезды отличалось прерывистостью, глубиной и трепетом.

Ко всему прочему, Млада вылила на себя чуть ли не целый флакон отличных духов. По всей видимости, слегка переборщив, ибо теперь, кроме, как аромата фиалок, она больше ничего не могла унюхать.

Особенный день для Млады.

Она возлежала в особенной рубашке, на особенном ложе и поджидала особенного человека для особенной встречи.

Полно – человека ли? Для Млады он являлся всем – братом, другом, возлюбленным, поддержкой и опорой в одном

лице.

Человек, кстати, не торопился и это начинало слегка раздражать будущую звезду – она тут вся истомилась, а, он, злодей, медлит?

Через приоткрытую балконную дверь тянуло прохладой. Приятный, осенний холодок охлаждал обнаженные руки и плечи нежной, томной девы. Да что там, блин, охлаждал? Млада замерзла, как дворовая собака, поджидая того самого особого человека, вся охладилась до состояния курицы в супермаркете и посинела, дойдя почти до такой же кондиции. И кровь больше не струилась по венам или артериям, а застыла, превратившись в почти заледеневшую жидкость. Зубы, к тому же, начинали чего-то там отбивать во рту, перестукиваясь под посиневшими от холода губами.

– Где его носит? – выдохнув облачко пара, нахмурилась грядущая звезда. – Так и околеть не долго, от таких-то томлений?

В этот момент прозрачная кисея на окне дрогнула и яркий свет луны закрыла темная тень.

– Ого! – обрадованная Млада слегка шевельнула замерзшими пальцами. Длинные, алые ногти – прекрасный образец маникюрного искусства зашевелились и шелкнули. – Парнишка-то, с выдумкой. С огоньком. Знает, шельмец, как угодить звезде. Не зря, значит, я здесь прохлаждалась, застыв в этой позе. Ну же, милый – удиви меня. Порази меня, и я откликнусь на твой зов со всем своим пылом.

Бледные щеки Млады Великановой слегка порозовели, но совсем чуть, почти незаметно. Красавица в шелковом пеньюаре задержала дыхание на выдохе и изготовилась.

Василий Иванович Петриков терпеть не мог шторы, особенно те самые, тюлевые – длинные, полупрозрачные, волнительно колыхающиеся под порывами ночного ветра.

Вообще, какой толк от подобной безделицы? От жары и яркого солнца – не укрывают, к тому же, пылятся и пачкаются, да и спрятаться за таким, простите, занавесом, честному экспроприатору, скажем прямо – затруднительно.

Отодвинув рукой, затянутой в перчатку, тюлевое безобразие, Петриков неторопливо просочился в комнату, щуря глаза и пытаясь что-либо рассмотреть в темноте квартиры.

Уши Петрикова возрадовались – квартира мирно почивала, сном крепким и праведным – не шаркали шаги, склонного к бессоннице, жильца, не бормотал телевизор, никто не спускал воду в туалете – просто раздолье для благородного разбойника.

Начав осторожное движение к центру комнаты, Петриков медленно полез в карман – там, в его глубинах, Василий Иванович хранил очень удобную для работы штуковину – мало-мощный, но очень надежный фонарик, которым так удобно подсвечивать места с затрудненным доступом. Например – тайники, сейфы и прочие вместилища материальных ценностей.

Нужный предмет, подлежащий экспроприации, скорей

всего хранился в книжном шкафу, который, угрюмой громадой притулился у противоположной стены.

К нему Петриков и направился, рассчитывая управиться как можно быстрее и успеть прихватить пару-тройку часов крепкого и здорового сна. Созвониться с заказчиком и отчитаться о проделанной работе можно и утром. Время терпит.

Как это часто водится у людей пожилых и старомодных, посреди комнаты стоял огромный стол. Здоровенная такая бандура, темной полировки, неподъемная и трудно перемещаемая.

Чертыхнувшись, Петриков задел угол того самого стола, больно ударившись бедром, прищурился, обнаружив, что на столе возвышается какая-то массивная фигня и едва не заорал в тот самый момент, когда внезапно вспыхнув, всю комнату залил яркий электрический свет.

Случилось страшное.

– Спалился. – решил Василий Иванович, распахивая глаза. – Какая досада.

И в это время волосы зашевелились на голове у несчастного, вставая дыбом вместе с той самой, черной шапочкой.

На глазах у Петрикова, из самого, что ни на есть настоящего гроба, установленного на столе посреди комнаты, медленно и торжественно поднималась ОНА!

Она! Ослепительно-восхитительная, бледная, как смерть, прекрасная дева в развевающихся одеждах!

Петриков судорожно сглотнул, не в силах оторвать взгляд

от чудного лика, восставшей из гроба, девы – о, да! Подобного зрелища ему еще никогда лицезреть не доводилось.

Темноволосое видение в белых, развевающихся по ветру одеждах, тянуло к Петрикову тонкие руки, жадно и плотоядно улыбаясь окровавленным ртом, из которого, о, ужас! торчали огромные, дико огромные, клыки!

Чудное виденье раскрыло глаза, медленно слизнуло алую кровь с полных губ и призывно улыбнулось в лицо обомлевшему домушнику.

– Иди ко мне, милый. Чего же ты медлишь?

«Милый», взыв дурным голосом, засучил ногами, попытался, развернувшись на сто восемьдесят градусов, немедленно покинуть помещение, позабыв о материальных ценностях, так ему необходимых.

Вид бледнокожей и черноволосой дамочки с клыками и окровавленными губами до такой степени впечатлил почти благородного разбойника, что тот, не вспомнив о том, что находится на третьем, а, на самом деле, на четвертом этаже семнадцатипятиэтажки, был готов совершить мгновенный спуск, без всяких задержек, просто вывалившись в окно.

Очевидно, осознав то, что ночной гость, при чем, гость долгожданный, действуя не по плану и отступая от сценария, твердо вознамерился ее покинуть, темноволосая дамочка в белом, в буквальном смысле выпрыгнув из гроба, изогнув спину колесом и раздраженно шипя, завопила, старательно выпячивая вперед длинные, окровавленные клыки:

– Куда намылился, негодяй? Я, что, по твоему мнению, здесь просто так прохлаждаюсь? Из любви к высокому искусству? Немедленно вернись и согрей меня, мерзавец. Я тебя так просто не отпущу. Вон, смотри – у меня даже клыки примерзли, до того мне холодно. Вернись. Мне срочно требуется горячее питье и теплое покрывало. Нет, вы только на него взгляните – у меня кровь в жилах стынет, а он кочевряжится.

– Питьё? – Петриков скакал точно юный архар в Кавказских горах, не в силах оторвать взгляд от верещавшей дамочки, гипнотизировавшей его, точно удав кролика. – Она хочет горячего питья! Сейчас как вцепится в горло! Мама, зубища, зубища какие! Все, хана котенку.

Выпрыгнув из своего уютного гроба для того, чтобы слегка размяться и согреться, Млада Великанова пришла в глубокое негодование от того, что этот, с позволения сказать, помощник и ассистент, наконец-то изволивший вспомнить о том, что великая будущая звезда могла соскучиться и замерзнуть, никак не желает приступить к исполнению своих прямых обязанностей. Она, значит, тут лежала, изображала и играла, а он, хмырь неблагодарный, манкует и пренебрегает?

Как бы не так! От Млады Великановой еще никто не убегал безнаказанно.

– Вернись, – наглый ассистент совершенно точно вознамерился скрыться и при этом не оставить Младе ни термоса

с кофе, ни теплого пледа. Да она тут околеет до утра без подогрева. – негодяй! Вернись, кому сказала. Дай я хоть обниму тебя, мерзавец. Подари мне частицу своего тепла. Согрей меня этой одинокой, холодной и долгой осенней ночью.

Услышав про частицу тепла, Петриков испугался еще больше – куда он попал? Что за страшную тварь прячет пенсионер – коллекционер в глубинах своей квартиры?

Как и всякий, уважающий себя домушник, Петриков слышал о том, то не каждый предмет старины прост и доступен к изъятию. Встречаются некие штучки, проклятые или заклятые, несущие смерть своим похитителям. Да-да, смотрел Петриков кино про расхитителей гробниц и мумии фараонов. Помнится, смеялся тогда сильно. Глупец! Но, кто ж знал, кто ж знал?

Дамочка с окровавленным ртом прекратила кокетливо извиваться в своем гробу и спрыгнула на пол. Петриков тут же пожалел, что не прихватил с собой на дело крест, чеснок и длинный осиновый кол. Глаза упырицы нехорошо сверкали, синюшные губы кривились, а зубы клацали от злости. Хищные алые когти воинственно щелкали, а босые ноги бодро шлепали по холодному полу.

Вскинув остренький подбородок, Млада твердо вознамерилась отобрать у ассистента хотя бы куртку – погреться. А, потом, можно и обратно в гроб – для полноты, так сказать, вхождения в образ.

Прощаться с литрами крови Петриков был не намерен, но

вурдалачка надвигалась, неотвратимо как айсберг на, всем известный, Титаник.

– Врешь, не возьмешь. – взвизгнул Петриков, вспомнив о том, что в рабочей сумке у него находится тяжелая связка отмычек. – Н-на, получай упырица! – и метнул в страшную девку свой рабочий инструмент.

Немыслимым движением изогнувшись, кровососка уклонилась от летящих по воздуху предметов и прыгнула вперед, намереваясь впиться Василию Ивановичу в горло. Тот, взыв дурным голосом, отшатнулся назад, на что-то наткнулся, побелевшими от ужаса глазами взглянул на незнакомого типа – к счастью, обычного, без клыков и крови на роже, подкатил глаза и рухнул на пол, отключившись во второй раз за последние полчаса.

Воспользовавшись временной неподвижностью объекта, Млада двумя руками вцепилась в плотную куртку мнимого ассистента, стащила ее с, внезапно упавшего и потому, неподвижно лежащего, тела и поспешно натянула теплую вещь поверх своего стильного пеньюара.

– Что здесь произошло, дорогая? – округлившие глаза Гамлета Аванесовича Гоголидзе, являвшегося напарником Млады по театральной постановке «Невеста Дракулы и все-все-все», свидетельствовали о том, что молодой человек очень сильно удивлен, встретив на, снятой через подставное лицо, квартире кого-то еще, кроме своей партнерши по спектаклю.

– Твой ассистент сошел с ума. – капризным голосом пожаловалась Млада Великанова, постукивая зубами от холода и пережитого волнения. – пришел странно, ввалившись через балконную дверь и никак не желал выполнять свои обязанности. Я тут замерзла, как собака, вживаясь в образ, а, он, не принес мне ни пледа, ни кофе. Пришлось отобрать у твоего помощника куртку. Теплая. – похвалилась Млада, кокетливо хлопая ресницами.

– Это не мой ассистент. – мертвенно-спокойным голосом произнес Гамлет Гогулидзе, картинно заламывая руки и роняя в кресло свою, накачанную в спортзале, тушку. – Все пропало, моя дорогая. Они нас нашли.

*

Владелица косметического салона для животных «Лампа-пудель», Жизель Малявкина, вот уже третий день пребывала в диком нервическом расстройстве. Девушка отменила все ближайшие встречи, предоставила расчетный лист своей бывшей помощнице – Карабаджаковой Мадине Байрамовне и, закрывшись на замок, отгородившись от всего мира плотными полотняными шторами, позволила себе впасть в истерику.

Всё пропало! Вся жизнь Жизели Малявкиной летела под откос и она – умная, современная и деловая женщина, ничего не могла поделать с этой напастью.

С самого раннего, сопливого детства, обожающая животных, пухлощекая малышка Жизель мечтала о том, как став

большой и взрослой тётёй, она посвятит всю свою жизнь общению с животными. Она, Жизель, станет холить и лелеять братьев наших меньших, потому что только они, в отличие от большинства представителей гомо сапиенс, в полной мере способны оценить заботу и отплатить за любовь лаской, пониманием и преданностью.

Так в Каменске появился салон для домашних питомцев – «Лампапудель».

Жизель цвела и пахла – она любила животных, и они отвечали ей взаимностью. Умелыми руками хозяйка салона мыла, стригла, завивала и причесывала, красила и облагораживала, приводя капризных дамочек и нервных мужчин, владеющих этими самыми животными, в восторг и платежеспособное расположение духа.

Салон «Лампапудель» завоевал любовь и признание, став популярным, а Жизель, решив расширять успешный бизнес, взяла себе помощницу Мадине Байрамовну.

Именно Мадине Карабаджакова внесла еще одно новшество, организовав небольшое бистро для питомцев, в котором они могли слегка перекусить, дожидаясь своих процедур.

В общем, местечко стало общеизвестным, признанным и популярным.

И, как водится, не обошлось без завистников и недоброжелателей.

Зоомастерская «Фауна», расположенная в двух кварталах

от салона «Лампапудель», вернее её владелец, Бугаев Пётр Павлович, почувствовал осязаемый отток клиентуры.

Владельцы и владелицы всевозможных любимцев предпочитали иметь дело с улыбчивой и гостеприимной Жизелью Малявкиной, а не с Петром Павловичем – здоровым, бородастым громилой, внешний облик которого, полностью соответствовал его говорящей фамилии.

– Коновал! – возмущалась Жизель, накапав себе капель Зеленина и выпивая их залпом после яростной перепалки с конкурентом, имевшей место быть на оживленном пяточке перед мэрией. – Что он себе позволяет, этот невоспитанный тип?

– Лахудра! – сжимая кулаки, кружил по помещению студии «Фауна», тот самый Бугай. Кружил и сыпал угрозами. – Пигалица! Вертихвостка! В порошок сотру мерзавку.

Вопреки прогнозам хозяина «Фауны», салон «Лампапудель» процветал, обрастая клиентурой и приобретая все большую популярность среди городских любителей животных.

Бугай ходил мрачнее грозовой тучи, отпугивая хмурым видом последних из своих постоянных посетителей и измышлял всевозможные каверзы, намереваясь напакостить сопернице и разорить наглуую девицу.

В ответ на угрозы конкурента, Жизель мило улыбалась, уподобившись коту Леопольду и призывала Бугая жить в мире и согласии.

Все рухнуло в тот самый миг, когда порог салона переступила, известная всему городу, дамочка – мадам Кололосникова, привлеченная в «Лампапудель» рекламным баннером на фасаде дома и восторженными отзывами со стороны своих товарок.

Мадам Кололосникова, женщина изящных манер и голоса, напоминающего звучание тромбона, представила Жизель своего питомца – чрезвычайно редкую и экзотическую особь мужского пола, привезенную хозяйкой из последнего зарубежного турне.

Как работать с подобными созданиями, Жизель понятия не имела, но, не Боги горшки обжигают, и девушка решила рискнуть.

Экзотического питомца приняли на процедуры и оставили на передержку, поскольку госпожа Кололосникова собиралась отлучиться из города на неделю. Деловая женщина отправлялась в столицу для того, чтобы провести там очень важные переговоры.

Вернее, как подозревала сама Жизель, на переговоры отправился муж дамы, господин Кололосников, а Ираида Максимовна, прикрываясь интересами фирмы, намеревалась совершить забег по столичным бутикам и модным кафешкам.

Ну и пусть – ей, Жизель, какое до того дело?

Итак, питомец по имени Кельбас поселился в уютном домике, установленном специально для него посередине салона и готовился к проведению ряда манипуляций – купанию,

стрижке и обрезанию ногтей. За те деньги, что пообещала Ираида Максимовна за надлежащее содержание своего экзота, Жизель была готова и зубы чистить Кельбасу, хоть по три раза в день, благо они у него были совершенно выдающихся пропорций.

В то злополучное, проклятое Жизелью и звездами утро, Кельбас, обычно очень послушный и милый мальчик, хандрил и капризничал, дергая ушами и носом и норовя оцарапать хозяйку «Лампапуделя» острыми когтями.

Жизель, приготовившая для очередного клиента раствор для окраски шерсти – огромный таз с разведенным в нем красителем, радостно напевая что-то веселое, гламурное и бессмысленное, порхала бабочкой по своему уютному салону и не заметила, как, пребывающий в истерике Кельбас, зацепив острым и длинным когтем дужку засова, ухитрился распахнуть дверцы и выбраться из узилища.

Как так получилось, что замок на домике-вольере оказался открыт, Жизель догадалась гораздо позже, а, пока что, она, ничего не подозревая, занималась текущими делами, поджидая свою, слегка запаздывающую, помощницу.

Что уж за критические дни случились у экзотического питомца вполне заурядной бизнес-вумен, Жизель не знала, но, взбесившийся Кельбас, выбравшись на свободу, впал в ярость и принялся крушить всё, до чего только смог дотянуться.

Сильные, мускулистые лапы, оттолкнувшись от пола, воз-

несли Кельбаса в воздух. Яростно вереща и размахивая конечностями, он отлетел от стены, сполз по шелковой шторе вниз, раздирая ее на узкие и лохматые полосы и, бодро стуча нестриженными когтями по кафельному полу, помчался вскачь, цокая, точно взбесившаяся белка и лая, словно ошалевший пес.

Жизель, издав крик смертельно раненой чайки, ласточкой метнулась вперед, намереваясь облапив, утащить Кельбаса вниз и, прижав к своей груди, лишит свободы маневра.

Хитрый и капризный зверь прижиматься и сдаваться не желал – конечности у него были крепкие, дури хватало с избытком, а нрав, как выяснилось, в организме питомца, дремал скверный и горячий.

Прыгая по салону и круша все на своем пути, питомец Ираиды Максимовны ухитрился всей своей тушкой влететь в чужой чан для окраса и...

Жизель застонала – что уж там за химические процессы и реакции случились между шерстью экзотического создания и импортным, жутко дорогим, красителем, она не знала, но, неяркая и невыразительная меховая шкурка прыгучего животного приобрела радикальный, ярко синий цвет.

Кельбас, вынырнув из купели, злобно ощерился, нырнул еще и еще раз, погружаясь в раствор с головой, а, затем, громко цокнул и взревел, вознамерившись идти на таран.

Жизель взвизгнула, подпрыгнула, поджав в воздухе ноги – синяя морда чужого питомца выражала ярость и негодо-

вание, а он сам, ловко прошмыгнув мимо хозяйки салона «Лампапудель», бодро перескочил через стол, перевернутое кресло и распотрошенную куртку Жизели, рванув к выходу

Зверь почувствовал дуновение свежего воздуха – там, за дверью его ждали свобода и вольная жизнь. Экзотическое создание с мехом, окрашенным в радикально синий цвет, взвившись в воздухе, долбануло мощными лапами возникшее на его пути препятствие, а, именно – Мадине Байрамовну Карабаджакову, в это время, как раз, входившую в служебное помещение и было таково, растворившись в гуле оживленной уличной суеты и оставив после себя разоренный салон и его несчастную хозяйку, впавшую в состояние депрессии.

Еще бы не впасть! Мадам Кололосникова репутацию имела заслуженно-суровую и ни за что бы не простила растяпистой владелице салона утраты своего редкого и экзотического питомца. Как подозревала бедная Жизель, всех ее денег не хватит для того, чтобы оплатить день работы Кололосниковского адвоката.

Почуяв, что дело пахнет жареным, милейшая Мадине Байрамовна, уроженка одной из стран постсоветского пространства, мгновенно преобразившись, утратила способность к пониманию русского языка и, изображая глухонемую, потребовала полный расчет. Поспешно разорвав любые контакты с бывшим работодателем, Мадине Байрамовна растворилась в голубом тумане, утащив, из-под, носа, растерян-

ной и подавленной случившимся, Жизели большую коробку элитного корма для джунгарских хомячков. По слухам, женщина устроилась в студию «Фауна», где вполне успешно справлялась с обязанностями помощницы Бугая по бизнесу, совмещая их с должностью любовницы Петра Павловича.

Хитрый и изобретательный Бугай специально подсунил неопытной Жизели свою сердечную подругу и та, выждав нужный момент, нанесла подлый удар по деловой репутации Малявкиной.

Никто из клиентов не захочет иметь дело со специалистом, у которого из салона сбегают дорогостоящие питомцы, оставленные на передержку, а Ираида Максимовна, прознав про потерю своего экзота, сотрет незадачливую владелицу «Лампапуделя» в порошок.

Жизель, оплакав свой разгромленный салон и загубленную жизнь, приступила к методичным, но бессмысленным поискам сбежавшего Кельбаса.

К моменту встречи Жизели с Аполлоном Михайловичем Кучкиным, до возвращения мадам Кололосниковой в родной город, оставалось три дня.

Три дня для поимки коварного, быстроногого и пронырливого зверя.

К вящему отчаянью Жизели Малявкиной, в городской газете, имевшей скандальную репутацию и говорящее название «Свекруха», начали появляться короткие заметки о диковинном звере, терроризирующем местных обывателей.

«Смута и хаос воцарились на улицах нашего мирного города – писал, всем известный корреспондент Капустка. – Мало нам было сексуального маньяка, бесчинствующего в округе, так, вдобавок ко всем прочим бедам, в городе объявился хищный зверь, подозрительного вида и скверного нрава, обладающий когтями, клыками и завидной наглостью. Хищник пугает мирных обывателей, врываясь в квартиры и авто, портя продукты питания и нападая на одиноких прохожих. Кривоногая, зубастая тварь жуткого синего цвета не щадит ни старых, ни малых! Все станем стеной на защиту родного города! Проявим гражданскую сознательность и единство перед лицом опасности, угрожающей нам всем! Смерть синим убийцам! Смерть острозубым и агрессивным паразитам!»

Жалея и сострадав несчастному Кельбасу, вероятней всего, голодающему где-то на помойке, Жизель, в тоже время, жалела себя, и свои разбитые мечты. Каждый вечер, не теряя надежды на то, что удастся отыскать и примириться с беглецом, Жизель отправлялась на поиски чужого питомца, шастая по дворам, заглядывая под лавки и суя нос в мусорные баки.

В один из таких вечеров она повстречала специалиста по решению вопросов и огромную, добродушную собаку, которую, этот самый специалист выгуливал.

В отчаянье, девушка хотела попросить помощи у человека, специализация которого соответствовала критической

ситуации, но сплеховала, вначале приняв Кучкина за бомжа и, стыдясь собственной оплошности, так и не решилась обратиться к нему со своей проблемой.

Несчастной хозяйке салона «Лампапудель» оставалось бессильно заламывать руки и считать дни до приезда суровой госпожи Кололосниковой.

А, дней, как ни печально, до часа икс оставалось все меньше и меньше.

*

Утро наступило внезапное, неизбежное и умытое холодным, октябрьским дождем.

В кои то веки Кучкин оказался рад своей разнообразной семейной жизни. Нет, вертлявая и шерстистая Барселона, нагло устроившаяся на его голове и пытавшаяся свить гнездо из подушки, была безжалостно согнана с постели, а вот с Тяпой, который уютно прижался к своему временному хозяину, теплым, мохнатым боком, Аполлон Михайлович прощался куда, как более медленнее.

Вылезать из уютной постели, стараниями двух питомцев – кота и собаки, превращенной в некое подобие логова, категорически не хотелось.

Холодно. Холодно, сыро и зябко. А, еще – лениво.

Но, учуявшая, что нерадивый двуногий сожитель раскрыл глаза и даже имел наглость командовать более совершенными созданиями, а, именно – кошками, Барселона мгновенно взяла ситуацию в свои, лишенные когтей, лапы.

Она заорала.

Голос кошка имела громкий, противный и какой-то липучий. Он прилипал к ушам намертво, залазил в черепную коробку и уже там звучал с удвоенной силой.

По печальному опыту, Кучкин знал о том, что орать таким образом, эта представительница семейства кошачьих может долго, громко и самозабвенно. И продолжаться сия ария будет до тех пор, пока, возмущенные воплями, истязаемого живодером животного, соседи не начнут настойчиво стучать по батареям центрального отопления.

А, там и до появления участкового Гоноренко рукой подать.

Голодный Тяпа вел себя куда с большей солидностью и достоинством – выпустив из своих мохнатых объятий нового кормильца и поильца – и то и другое, третьего сорта, по мнению пса, сенбернар издал одно, жутко басистое «Гав» и замер, подозрительно сверля Кучкина своими маленькими глазками.

Как справедливо подозревал пес – косточка в собачьей миске, сама по себе не появится. Нет-нет, только в не в этом доме, где царствует бестолковая и горластая кошка.

Аполлону пришлось смириться с неизбежным и встать, покинув мягкую постель и уютную подушку.

Совершив все необходимые гигиенические процедуры, позавтракав – пельмени, плиз, и покормив животных – фырканье хвостатой Барселоны и укоризненный взгляд от Тяпы,

Кучкин, обмотав шею шарфом и застегнув теплый пиджак на все пуговицы, вывел чужого пса на прогулку.

Физиономия Тяпы, в отличие от хитрой моськи вислоухой Барселоны, выражала уныние и недовольство судьбой. Как справедливо подозревал пес, его снова начнут таскать по всяким подозрительным местам и давать вынюхивать различную гадость.

Тяпа считал себя псом воспитанным и из хорошей семьи. Он привык к жизни по режиму, а что теперь? Бесконечная беготня по лестницам, неправильное питание и отсутствие любимой хозяйки? Мир перевернулся. Не весь, но Тяпивара, так совершенно точно.

Аполлон Михайлович Кучкин, спускаясь вниз по лестнице, на всякий случай остановился у дверей Лидии Николаевны, замер и прислушался, вытянув уши на манер локатора – а, вдруг городские медики совершили чудо и поставили соседку на ноги гораздо раньше запланированного? Вдруг существует чудо-таблетка, способная излечить сложное отравление, случившееся в следствии поедания тухлой оленины?

Тяпа, тот даже не почесался – пес совершенно точно знал о том, что хозяйка в квартире отсутствует. Факт. Собачий нос вынюхал этот факт еще на подходе и, позавтракавший пельменями, пес пребывал в меланхоличной задумчивости, демонстрируя всем своим видом глубокое чувство неудовлетворения.

– Н-да. – произнес Кучкин, раскланиваясь с болтливой

соседкой Лидии Николаевны, которая, не смотря на все свое злорадство, старалась держаться подальше от крупногабаритного соседского пса.

Вредная тетка Карташиха, изобразив на лице сладкое сочувствие, принялась это самое сочувствие всячески продвигать в массы.

– Ой, Аполлоша, чего ты все с этим псом возишься? Вот навязался, коврик блохастый – корми его, пои, денежки трать кровные. Выгони этого дармоеда шерстистого на улицу. Чай не зима, от холоду не сдохнет, а там, глядишь и Лидка от своей тухлятины оправится и домой притащится вместе со всем семейством.

От части, Кучкин был согласен со словами вздорной соседки – навязали, как есть навязали. Сам Кучкин ни за какие коврижки не согласился бы стать хозяином крупного и прожорливого пса. Это ж, какая ответственность и нагрузка? Но выгнать, ни в чем не провинившегося перед ним сенбернара, Аполлон не мог. Если уж он терпит вздорную кошку, доставшуюся ему в наследство от прошлого хозяина квартиры, то пес, вежливый и хорошо воспитанный, подобной участи, точно не заслуживал.

– Вы, наверно, в курсе, как она там? – Аполлон неопределенно махнул рукой, свободной от поводка, пытаясь нарисовать в воздухе вензель, обозначавший ту самую Лидию Николаевну. – Улучшения есть?

Соседка Карташиха и в самом деле звонила в больницу с

самого утра, потому была в курсе последних событий.

– Ой, да какие там улучшения. – фыркнула она презрительно. – Сидят всем семейством на толчке и бурно фонтанируют.

Столь интимные подробности Кучкину не были нужны и он, поспешно раскланявшись с ехидной теткой, продолжил спуск.

Мысли о вампирах, сиречь – вурдалаках и упырях обыкновенных, прочно засели в голове у парня. Следовало непременно выяснить, что за несуразица творится в подъезде, где проживает пенсионер Дохлик. Сказать честно, Кучкин и сам был заинтересован в скорейшем раскрытии своего самого первого, но очень сложного дельца.

К тому же, своей очереди ожидал брошенный муж сбегавшей Аделаидочки.

Как подозревал Кучкин, сама по себе эта дамочка домой не вернется. Не для того мамзель убегала, оставив жизнь в комфорте и роскоши, ради нового увлечения

Точно подслушав мысли специалиста по решению вопросов, телефон в кармане слабо курлыкнул и завибрировал. Кучкин выпал из состояния задумчивости, двери в подъезд захлопнул и решил ответить на звонок.

– Легок на помине. – вздохнул специалист, рассмотрев на экране номер звонившего.

– Алле! – орал в телефонную трубку бизнесмен Пипко. – Алле, вы меня слышите?

– Слышу, слышу. – недовольно прошипел Аполлон Михайлович, вминая собственное ухо в череп при помощи гаджета.

– Вы нашли мою жену, молодой человек? – голос покинутого мужа звенел от напряжения. – Я обнаружил ее дневник, – торжественно оповестил всю улицу Викентий Георгиевич. – но он, к сожалению, совершенно пуст. Девственно пуст. Она сбежала, ни написав ни строчки.

– Я – в процессе. – скривился Аполлон Михайлович. – Ваша жена нигде не сможет скрыться. Мы совершенно точно ее отыщем в самое ближайшее время.

– Постарайтесь голубчик, – голос Пипко отмяк, но, почти сразу, обрел прежнюю строгость. – или я затаскаю вас по судам. Слово Пипко, а оно, тверже гранита.

И, отключился.

Кучкин взглянул на Тяпу и развел руками, Тяпа молча встал и потрусил дальше. У сенбернара накопилось много дел – не купленная и не еденная сахарная косточка, обнюхивание придорожных кустов и, просто – обнюхивание прохожих, сопровождение временного хозяина, размышления о вислоухой и хвостатой надоеде, всячески пытающейся выжить его, солидного пса, со своей территории. Дня не хватит все переделать.

К великой радости Кучкина и Тяпы, утренний дождь, холодный и унылый, благополучно закончился. Выглянуло солнышко, начало припекать, согревая озябший город.

В теплом пиджаке и шарфе Аполлон Михайлович мог не бояться простуды. Поговаривали, что по области бродит особая свирепая форма гриппа – свиная. Этот зловредный вид не щадил ни малых, ни старых.

Кучкин и обычным гриппом болеть опасался, что уж говорить о свином? Поэтому, теплый пиджак и шарф, не взирая на мягкий и приветливый октябрь, постоянно сопровождали своего хозяина на прогулке.

Он бы и Тяпивара укутал в стеганый пиджачок, да только, где его взять? Разве что, купить? Но, как подозревал Кучкин, рыжеволосая хозяйка салона «Лампапудель», вряд ли продаст одежду на крупногабаритного пса со скидкой.

Мимо упомянутого салона Кучкин и Тяпа прошествовали медленно и с достоинством, но, так и не заметили, как рыжеволосая Жизель, выглянувшая в окно и опознавшая специалиста в шарфе, набросив на плечи легкий плащ, поспешила пристроиться в кильватере, решив, во чтобы то ни стало, уговорить Кучкина помочь в разрешении её собственных, неприятных проблем.

Кучкин, не подозревавший о том, что рядом топчется еще один задаток, гарантирующий ему и двум его квартирантам, сытую жизнь, облагороженную пельменями, направлялся к знакомой семнадцатизэтажке. Дело пенсионера Дохлака занимало все свободные мысли специалиста и Кучкин, отвлекшись на размышления, потерял бдительность и оказался атакован в самый неподходящий момент.

Горемыкина Таисия Григорьевна, неторопливо прогуливаясь вокруг собственного дома, пыхтела и шипела, точно закипевший чайник, забытый на раскаленной плите.

Никто не собирался искать ее потерю.

Ограбленная неизвестными недоброжелателями, Таисия Григорьевна, убедившись в некомпетентности местных правоохранительных органов, решила напрямую обратиться к более перспективному типу, а, именно, к специалисту по решению вопросов.

– Молодой человек! – Таисия Григорьевна, перегордив дорогу Кучкину, напрочь игнорировала мохнатого Тяпу, который исподлобья разглядывал внезапное препятствие, выросшее на пути.

– Та самая, вчерашняя, обокраденная бабка. – вспомнил голосистую пострадавшую Кучкин. – Сейчас привяжется.

Таисия Григорьевна так и поступила. Привязавшись.

– Вы обязаны мне помочь. – Горемыкина яростно пошла в атаку, наскакивая на парня в шарфе активно и без предисловий. – Никакого уважения к сединам – все норовят увильнуть от исполнения своих обязанностей.

– У меня нет перед вами никаких обязательств. – попытался отбиться от приставучей бабки Аполлон Михайлович. Наивный. Кто ж, ему бы, позволил. В свое время, от милейшей Таисии Григорьевны не смог отбиться ее муж, ныне покойный, а он был еще тот пройдоха, не чета само назначенному специалисту.

– Как это, нет? – возмущенная Горемыкина, вытаращив глаза, вцепилась в лацканы пиджака Кучкина крепко и надежно, норовя оттоптать лапы мохнатому Тяпе. – Как это нет? Вы специалист? Вы людям помогаете?

– Помогаю. – попытка отцепить тонкие, покрытые пергаментными пятнами, пальцы старушки, не увенчалась успехом. Бабка впилась, как клещ. – За определенную плату.

– Куда катится этот мир? – подкатив глаза, Горемыкина всем своим видом изобразила вселенскую скорбь. – Я согласна заплатить, только верните. Верните мою вещь, дорогую и солидную. Я требую! Как можно скорее.

– Приходите в мой офис через три четверти часа. – никак не думал Аполлон Михайлович, что клиентов можно цеплять на улице, точно репы на брюки. – Я займусь вашим вопросом.

– Через полчаса. – категорично заявила Таисия Григорьевна, тряся головой и демонстрируя выбритые височки. – Учтите, молодой человек – я уважаю пунктуальных людей и терпеть не могу болтунов и прощелыг.

– Три четверти часа. – повторился Кучкин и ускорился – время поджимало, а ему обязательно надо осмотреть место своего вчерашнего падения и отыскать следы вампира. Вампиры, хоть и сверхъестественные существа, но совсем без следов существовать не могут. Если след остался, то Тяпа его обязательно вынюхает.

Петриков, сквозь туман в голове и шум в ушах, чувствовал, что с его бранным, абсолютно беспомощным телом, кто-то совершает строго определенные манипуляции. Точнее – волочет это бранный тело по полу, периодически обстукивая головной частью данного тела, выступающие из пола предметы.

– Проклятый шпион! – шипела разгневанная Млада Великанова, пиная, незадачливого и почти благородного, разбойника с аристократической кличкой «Дубровский» под зад. – Ишь, повадились тут шастать, подсматривать и разнюхивать. Хотите сорвать нам премьеру? Не получится! «Граф Дракула» бессмертен! Спектакль состоится обязательно и в любую погоду.

Напарник будущей звезды Больших и Малых театральных подмостков, некий Гоголидзе Гамлет Аванесович (да-да, такой вот странный выверт), тянул вора-домушника за голову, норовя отделить последнюю от шеи, путем резких подергиваний и ухваток. На счастье, Петрикова-Дубровского, голова держалась крепко и отрываться не спешила, но сам Петриков, исходя из соображений безопасности, глаза открывать остерегся и всем своим видом показывал, что Бобик сдох. Во всяком случае, на ближайшее время.

Лже-вампириша, (впрочем, Петриков, до сих пор пребывал в заблуждении и твердо уверовал в то, что вурдалачка в шелковом пеньюаре – настоящая!) вздыхала и томилась, нагло укутываясь в трофейную куртку. Руки у нее продолжали

оставаться ледяными и, хватая Петрикова за различные части тела, дамочка с клыками пугала домушника до икоты.

Сам Гоголидзе, чертыхаясь на двух языках – русском и грузинском, старательно уволакивал незваного гостя вон из квартиры, подальше от прекрасной Млады Великановой.

Парочка любителей театра, избавившись от тела в своей квартирке, на том не успокоилась. Подозревая Петрикова во всех смертных грехах, а именно, в шпионаже и доносительстве, Гоголидзе, волевым решением, взял всю ответственность на себя, задумав заточить в узилище, не внушающего доверия, незваного гостя, проникшего на явочную квартиру странным путем – через балкон.

Надо сказать, что подвальные помещения под семнадцатизэтажкой, ушлые жильцы обживать не спешили. Просторные клетки, распределенные между жильцами, частично пустовали и для домушника там отыскались отличные хоромы – надежные и под замком.

Пересчитав собственной задницей ступени, с четвертого по первый этаж, горе-разбойник, переборов звездочки, мелькавшие перед глазами, отважился и слегка приоткрыл ресницы, мечтая о том, чтобы какой-нибудь забулдыга, возвращаясь домой поздно ночью, хотя бы на мгновение отвлек на себя внимание кровожадной парочки. Он бы, Петриков, ни медлил ни секунды и мигом, схватив ноги в руки, рванул в сторону свободы.

Но, нет – вурдалачка, жадно облизывая длинные клыки,

нежно поглаживала Василия Ивановича за икры, обжигая их ледяными пальцами. Струйка крови, подсыхавшая в уголках алых губ, приводила незадачливого вора в священный ужас и тот, из последних сил сдерживая рвущийся из глотки вопль ужаса, непослушными губами шептал молитвы.

Ну, как молитвы? Поминал имя Всевышнего всеу, не всегда цензурно, зато, от души.

– Дорогая, помоги мне тащить мерзавца. – мускулистый и широкоплечий Гогулидзе, красуясь перед Младой Великановой, напрягая литые мускулы, волок тушку вора в укромный уголок. – Пусть пока здесь полежит, гаденыш, а вечером... Вечером, моя дорогая, я обязательно решу эту проблему. Обещаю, больше тебе не придется ни мерзнуть, ни голодать.

Петриков приоткрыл глаза – ох, лучше бы он этого не делал. Вурдалачка продолжала облизывать свои клыки розовым язычком, плотоядно ощупывая тушку почти благородного разбойника хищным взглядом голодной упырицы.

– Плохи мои дела. – Петриков едва не застонал в голос. – Сообщник пообещал вампирше, что она не станет голодать! Совершенно точно – придурок решил скормить меня этой дурной девке с клыками. Надобно бежать. Бежать, спасая свою жизнь.

Невезучего домушника поймали на месте преступления, заперли в подвале на крепкий, висячий замок, но горе-Дубровский, помнил о том, что граф Монте-Кристо смог сбе-

жать из неприступной морской крепости.

– Я тоже сбегу. – мрачная решимость пылала в глазах благородного разбойника. – Петриков ни за что не станет кормить упирицу своей кровью. Сбегу! Обязательно сбегу и больше никогда не выйду из дома без осинового кола и связки чеснока.

*

О событиях, случившихся в семнадцатипэтажке поздно ночью, Кучкин, скорым шагом пересекавший проезжую часть, понятия не имел.

И рассказать о том специалисту по конфиденциальным вопросам, было некому – изнуренный волнениями пенсионер Дохлик всю ночь сладко проспал в своей кровати, нежно прижимая к груди шаманский тотем, как самое верное средство защиты от кровожадных тварей.

Вампиры и прочие создания ночи Афанасия Анатольевича не тревожили и рассказать Кучкину что-нибудь новое об их злобных происках, профессор Дохлик не мог.

Сам же Аполлон, тяжело вздохнув, состроил мужественное выражение лица и бодро начал подниматься на двенадцатый этаж.

Именно на двенадцатом этаже у него состоялась незабываемая встреча с какой-то тенью в белесом одеянии, после чего Кучкин едва не свернул себе шею, упав с лестницы и был обозван «бомжом» некой дамочкой в рыжих кудряшках.

Правда, подъем слегка застопорился, потому, как Тяпа,

резко обеспокоившись уже на четвертом, принялся что-то вынюхивать, царапая когтями коврик у дверей чьей-то квартиры.

– Проголодался пес. – легкомысленно решил Кучкин. – Наверно, собачий нюх учуял что-то вкусненькое за закрытой дверью, вот Тяпа и мечется. И, вправду – пельменей для нас всех на завтрак вышло маловато.

Исполнительный пес, которому недавно было приказано вынюхать след от гемоглобин содержащего пакета, со своими обязанностями справился на «отлично». Вынюхал и даже указал на нужную дверь и не его вина, если глупый двуногий так ничего и не понял. Если бы Тяпа мог, то он пожал бы плечами, а так, пес просто продолжил подъем, недовольно ворча на временного хозяина, которого за каким-то лядом понесло на верхотуру.

Псу было лень карабкаться по ступенькам, но чего только не сделаешь ради того, чтобы заслужить вкусный обед?

Добравшись до двенадцатого этажа, Кучкин, растерянно оглядевшись – четыре двери, очень похожие друг на друга, почесал затылок и задумался – откуда может исходить угроза для беспомощного пенсионера? И, где скрывается та самая, неприятная личность, оравшая на него, Аполлона, намедни, в голос? А, гроб? За какой из дверей спрятали тот самый предмет, напугавший впечатлительного Дохлика до невозможности?

Вопросы оставались без ответов еще пару минут, затем,

двери одной из квартир распахнулись, и Кучкин заметил высокого, темноволосого, плечистого мужчину, обладателя щегольских усов и стильной кепки, который, совершенно не обращая внимания на незнакомца в шарфе и с собакой, закрыв квартиру, неторопливо прошел мимо Кучкина, точно тот – пустое место.

Аполлон Михайлович обиделся – как же, так? Вот, он, стоит, а на него – ноль внимания?

– Простите пожалуйста, – Кучкин самым внимательным образом рассматривал черноглазого жильца с двенадцатого этажа – вам не знакома вот эта, вот, дама? – и, сунул темноволосому в кепке фото под самый нос.

Фото принадлежало беглой жене лаково – красочного фабриканта, Аделаиде.

Темноволосый незнакомец как-то странно всхрипнул и восторженно уставился на фото:

– Ах, какая красавица, э! Где мне найти ее, скажи, друг? Я, э, уже почти влюблен.

– Если бы я только знал. – буркнул Кучкин, поскучнев лицом. Это «э»! Его ни с чем не перепутаешь. Горячий парень, с горячей горской кровью, моментально сделал стойку на красивую блондинку, а ему, Кучкину и сказать нечего.

Жаль!

Бородатый и черноглазый ушел, а специалист еще некоторое время тыкался по углам, но, увы – двери больше открывать никто не спешил.

Кучкин проявил невнимательность, занятый своими собственными мыслями, иначе, он обязательно бы заметил, как молодой человек в кепке, наставив на Аполлона свой телефон, сделал фото специалиста в фас и в профиль.

Тяпивар, в отличие от своего временного хозяина, обративший внимание на манипуляции незнакомца с телефоном, на всякий случай втянул воздух ноздрями, запоминая запах любознательного типа. Так, на будущее – вдруг этот самый, временный хозяин, предложит сенбернару вынюхать еще чего-нибудь, или кого-нибудь.

– Лифт. – решил Кучкин. – Хорошего понемножку. Если часто заниматься спортом, – а, подъем по лестнице ногами, да еще на двенадцатый этаж, по мнению Аполлона и есть – самый настоящий спорт. – то можно переутомиться и, в самый ответственный момент, остаться без сил. Поэтому – побережем здоровье. – и нажал кнопку.

Тяпа одобрительно рыкнул – на одних пельменях он долго не протянет, а тут еще заставляют напрягать силы и скакать по ступенькам. Он, Тяпа, скакать не отказывается, да и вынюхивать – тоже. Но, косточка и питание по режиму – обязательное условие для полноценной работы. Иначе – никак. Иначе – он не согласен.

Лифт приехал и сладкая парочка – временный пес и его временный хозяин, благополучно загрузившись, были остановлены громким криком.

– Подождите! Подождите меня!

Жизель Малявкина, все-таки решилась – она незаметно кралась за Кучкиным и его собакой, добралась до двенадцатого этажа, круглыми от удивления глазами наблюдала за тем, как Кучкин, самым внимательнейшим образом изучает двери квартир и коврики, лежавшие перед каждой из дверей и чуть не опоздала. Лифт приехал слишком быстро, а, вот ей, Жизели, всегда приходится долго ждать вредный агрегат.

– Это, вы? – Кучкин неприятно удивился, обнаружив, что в кабине лифта стало очень тесно. Наглая девица в рыжих кудряшках ему откровенно не нравилась. Она обозвала Кучкина некрасивым словом «Бомж», а сама рылась в мусорных бачках.

– Это – я. – согласилась Жизель, сразу же уловив, исходящие от специалиста флюиды неудовольствия – А, это, вы, господин бомж? Надумали подстричь своей собаке когти?

– Что вы прицепились ко мне с этими когтями? – возмутился Кучкин. – Ничего я не надумал, а, если бы и надумал, то, вас бы, мои задумки касалось в последнюю очередь.

– Как, это? – Жизель уставилась на Аполлона горящим взглядом карих глаз. – Как раз-таки, меня это и касается.

– Нет, не касается. – Кучкин вспыхнул всем своим лицом – вот же, пристала, надоеда доставучая. Ничего он Тяпе стричь не станет – жизнь, она, дороже. Тяпа, вон, как насторожился – того гляди, зубы оскалит, и чего-нибудь этими зубами прикусит! А, у него, Кучкина, нет ничего лишнего – все нужное и родное. Пусть кусает рыжую занозу, раз уж ей

так приспичило.

– Ах! – Жизель словно кто-то за язык тянул. – Вам денег жалко? Вы скупердьяй, сударь. Пожалели денежек для прекрасного пса.

Кучкин чуть не подавился – скупердьяй? Да он скоро на одних пельменях разорится. По миру пойдет! Кто бы сказал ему раньше, что у сенбернара такой зверский аппетит!

– Мне – не жалко. – Кучкин в корне не соглашался с постановкой вопроса. – Но, когти стричь не будем. Тяпа с ними сроднился и расставаться категорически не желает. А, вы, мамзелька, – Кучкин снисходительно взглянул на вздорную девицу. – идите себе мимо. Там, на улице, еще много мусорных баков – вы не все успели осмотреть.

Лифт остановился и Кучкин, который помнил о том, что его ожидает встреча с гражданкой Горемыкиной, поспешно покинул кабинку, а Жизель, задыхаясь от возмущения и краснея всем лицом, замешкалась, зацепившись каблуком за порожек.

– Вы! Вы! – пищала девица, вырывая туфель из капкана. – Вы – жлоб, прохиндей и неприятная личность.

«Неприятная личность» даже не подумала оглянуться, небрежно махнув рукой и выскочила из подъезда. Пес степенно удалился следом за своим хозяином, а Жизель разрыдалась.

Всё пропало! Уже очень скоро из столицы вернется Ираида Максимовна и что она, Жизель, ей скажет? Что?

– Простите, Ираида Максимовна, но ваш любимец сбежал, перевернув вверх дном мой уютный салон?

Кого волнуют проблемы несчастной Жизели, кроме самой Жизели? Вот и этот черствый тип ускользнул, не выслушав. Как горько и обидно!

– Не стоит так убиваться из-за мужчины, милочка. – мимо Жизели, обдав ту крепким ароматом сладких, восточных духов пробежала незнакомая женщина в роскошном, «леопардовом» пальто. – Мужчины, все, как один – жуткие эгоисты. Слезами их не пронять. В следующий раз попробуйте что-нибудь оригинальное.

– Что? – заплаканная Жизель отвлеклась от своих переживаний и в недоумении взглянула на незнакомку.

Эту дамочку она видела впервые, хотя, как казалось Жизели, она успела перезнакомиться со всеми жильцами своего подъезда.

Высокая, роскошная и броско одетая брюнетка с ярко накрашенными, пунцовыми губами выглядела, точно модель из журнала «Глянец». Такая дамочка, совершенно точно, не станет бегать за бомжеватым незнакомцем и рыдать в укромном уголке возле лифта.

– Попробуйте его покормить. – дала полезный совет жгучая брюнетка. – Мужчина с собакой обязательно должен любить мясо! Впрочем, любой мужчина, по своей натуре хищник, а, значит – любит мясо и сжирает его при первой же возможности. Это – ваш шанс, милочка. Проявите смекалку

и подайте себя в самом лучшем виде.

Дамочка крутанулась на высоких каблуках, желая что-то добавить, но тут, во дворе, начала громко сигналить чья-то машина и брюнетка в «леопарде» поспешно выскочила из подъезда.

– Мясо? – озадаченная советом Жизель перестала рыдать и торопливо вытерла глаза носовым платком. – Он – голодный и потому, дико злой? Точно-точно, – осенило владелицу салона «Лампапудель». – у него же, такой огромный пес! Пес много кушает и несчастному хозяину остаются одни объедки. Ура! Я накормлю грубияна мясом, а он подманит для меня Кельбаса. Отличная мысль. – и, повеселевшая Жизель, громко цокая каблучками, ринулась в ближайшую мясную лавку.

Благодаря рекламе, Жизель Малявкина знала о том, что офис молодого специалиста по решению конфиденциальных вопросов открыт с девяти до семнадцати. Она успеет! Она обязательно успеет, и ее маленькая проблема, безусловно, окажется разрешена в самое ближайшее время.

*

Горемыкина Таисия Григорьевна – вздорная тетка почтенного возраста, в нетерпении прохаживалась перед дверями закрытого офиса, облагороженного табличкой с надписью.

Специалист задерживался. Вернее, до назначенного времени оставалось еще пять минут, но Таисия Григорьевна

очень сильно сомневалась в том, что молодой и ранний консультант, явится вовремя.

Почему сомневалась, спросите вы? Так, молодежь же!

Горемыкина Таисия Григорьевна, особой слыла подозрительной, скандальной и неуживчивой. Она вечно ссорилась с соседями, особенно с разными там девицами, которым, по мнению Таисии Григорьевны, незаслуженно повезло в жизни.

Вот, на пример, ее соседка, некая Саша Шевчук – на редкость глупая и бесполезная девица, сидевшая сиднем много лет и неожиданно для всех, так удачно выскочившая замуж за владельца торговой сети «Семь*я».

За что свиристелке подобное счастье?

Нет, Таисия Григорьевна считала, что, если кто и заслуживает всех радостей жизни, то, только она – Горемыкина, и не важно, что по этому поводу думают другие. Они все завидуют ей, бабе Тае! Все, как один, поэтому и решили отомстить, обокрав несчастную соседку.

Вспомнив о том, что в результате наглой диверсии, а, иначе, акт варварства по отношению к беспомощной старушке и ее имуществу, и назвать было нельзя, она лишилась самого дорогого, в прямом смысле слова – очень недешевого, скарба, Таисия Григорьевна рассвирепела и злобно рявкнула на охранника из торгового центра, который, решив приглядеть за подозрительной и нервной дамой, неосторожно высунул нос из-за угла.

– Хватит за мной подглядывать, извращенец! – Таисия Григорьевна в порыве гнева слов не выбирала. – Геронтофил несчастный. Вот, как вызову я участкового, как напишу заявление и пожалуюсь, что вы ко мне грязно домогались.

Охранник опешил, отпрянув назад – что за народ? Сразу обзываться норовит непонятными, наверно, ругательными словами. А, бабка очень подозрительная – синеволосая и виски у нее выбриты, точно у скинхеда! Не иначе, как задумала, что-то пакостное. И трется возле чужого офиса. Возле того самого, в котором обосновался вежливый молодой парень с собакой.

Охранник призадумался – кто такая, эта бабка? Может быть..

И, тут, его осенило – точно! Это теща парня с собакой. Пришла к зятю на работу и решила устроить скандал.

Охранник вздохнул – н-да! Пареньку, точно не позавидуешь! Моськая у престарелой дамочки, еще та – злобная и ехидная! Теперь ясно почему молодой человек так много времени проводит в офисе – когда в доме две гадюки, жена и теща, хоть на край света сбежишь, лишь бы подальше от семейных дрызг.

– А, может быть и не теща. – охранник продолжил свои наблюдения, высовывая нос из-за угла, но, уже более осмотрительно. – Может быть, это – мать матери жены, что еще хуже. Она мстит мужу внучки сразу за двух женщин – и за жену, и за ее мать. Такие дамочки особо опасны, потому как

яд копят годами, специально сохраняя его нетронутым для того, чтобы сильнее ужалить.

Секьюрити успокоился и принялся высматривать парня с собакой, желая предупредить того о грядущих неприятностях – в конце концов, Кучкин всегда держался с охранником уважительно и здоровался первым. Славный парень, так от чего же не помочь хорошему человеку?

Внимательно выслушав доброжелательного охранника из торгового центра, Кучкин и Тяпа, тоскливо переглянувшись, обреченно направились к дверям офиса, игнорируя совет сочувствовавшего им, работника охраны: «Беги, парень, беги! Та мать, твою мать, выглядит той еще стервой. Так что, ноги в руки и ходу! Целее будешь».

Аполлон Михайлович не был приучен бегать от неприятностей. Вырос он, где? Правильно – в детском доме, а там этих неприятностей наблюдался воз и маленькая тележка.

– Опаздываете молодой человек. – завела шарманку Таисия Григорьевна, нацелившись на специалиста пристальным взглядом своих, слегка блеклых, но, все еще цепких, глаз. – Мы же с вами договорились, что..

– До назначенного часа еще три минуты. – когда надо, Аполлон умел проявить твердость. – Прошу вас, проходите, сударыня.

Сударыня расцвела – редко кто называл склочную Таисию Григорьевну подобным словом. Все больше употребляли ругательные, а, Митрич, сосед Горемыкиной с пятого этажа,

так тот, гад неохмеленный, мог и нецензурно пройтись- и по соседке, и по всем ее ближайшим родственникам.

– Рассказывайте. – озябший и проголодавшийся Кучкин внимательно взглянул на старушку, которую сильно невзлюбил местный участковый по фамилии Гоноренко. – Что у вас случилось гражданочка и чем я вам могу помочь?

– Так, украли же! – Таисия Григорьевна, удобно расположившись на неудобном стуле, всплеснула руками. – Меня! Обокрали! А, я так потратилась, так потратилась.

Пожилая женщина картинно всхлипнула, тряся фиолетовыми прядями модной стрижки, Кучкин незаметно скривился – знает он подобных дамочек. Рыдает она. Да, такую бабушку Таю, из базуки не убьешь.

– Я и заявление написала, в полиции. – Горемыкина перестав всхлипывать, злобно скривилась. – Но, этот... – женщина запнулась, но сдержалась, помня о том, что высокое звание полицейского охраняется государством и от нападений, и от оскорблений. – Ваш Гоноренко совершенно не шевелится. Не предпринимает никаких активных действий и не желает возвращать мою покражу, а она мне жизненно необходима.

Кучкин многозначительно хмыкнул, подсовывая Таисии Григорьевне стандартный бланк для заполнения.

– Никто не хочет помогать ближнему своему просто так. – горько пожаловалась пожилая особа, обращаясь к пластиковой сове, которая прикидывалась обычными часами. – Ни-

кто. Все соглашаются работать только за деньги. Вот, в наше время..

Теперь уже поскучнел Кучкин – все он знал про «наше» время! Тогда тоже все работали за деньги, альтруистов было слишком мало. Пожалуй, Кучкин мог вспомнить только мальчика Тимура и его команду. Да, и то – придумка автора, пусть и успешно выстрелившая.

– Я все заполнила. – произнесла Таисия Григорьевна сварливым голосом, отодвигая от себя исчерканный лист бумаги. – Работайте, молодой человек и помните, что вернуть мою потерю – и в ваших интересах. Иначе – я создам вашей конторе такую рекламу, что даже вонючие бомжи позабудут дорогу к вашему офису.

Оставив на столе бланк и задаток, Таисия Григорьевна торопливо покинула помещение. Она внезапно вспомнила о том, что через несколько минут по ТВ начинается ее любимый сериал и потому поспешила распрощаться с, оплаченным задатком, специалистом.

Кучкин сиял.

– Живем, братец! – Аполлон Михайлович радостно потрепал пса по умной морде.

Тяпивар пренебрежительно фыркнул – это, что еще за щенячьи нежности? Он – взрослый пес, а не какая-то плюшевая болонка!

И только Аполлон Михайлович вознамерился двинуться в сторону, соседствующей с торговым центром, «Бакалей»,

как двери офиса вновь распахнулись и на пороге появилась давешняя рыжуха с фирменным пакетом в руках.

Надо сказать, что рванув в сторону ближайшей мясной лавки, Жизель Малявкина вовсе не собиралась покупать мясо и что-то там из него самостоятельно готовить.

Поварихой Жизель была, как бы это сказать, никакой – вместо блинов, обычно, у нее выходили комочки, вареники – разваривались, а, курица, запеченная в духовке, плохо жевалась и, единственно что, не била крыльями, или же, впадала в другую крайность, сгорая до угольков.

Вот и теперь, решив проложить тропку к сердцу специалиста, Жизель пошла иным путем – она, попросту, купила готовую продукцию – обед из трех блюд, одно из которых борщ, второе – мясо с гарниром, на третье – компот.

Учуяв комплексный обед, Тяпа проявил чудеса выдержки – не выскочив из своего уютного логова, смастеренного из старых газет и картона, не гавкнув басом и не оскалив зубы. Единственно, пес пустил целую струю слюны и жалобно завилял хвостом – пельмени-пельменями, а жрать Тяпа хотел до желудочных колик.

Сам же Кучкин еще никогда не получал подобных гонораров, но вручению конкретно этого, не противился.

– Хоть раз в день пожрать по-человечески. – решил Кучкин, быстро расставляя на столе пластиковые контейнеры и любуясь их содержимым. – Дела потерпят. Пообедаете со мной? – Аполлон, которому было неудобно есть в одино-

честве, проявил вежливость. – Присоединяйтесь.

Присоединиться к Кучкину Жизель не пожелала и головой мотнула отрицательно. Девушка блюла фигуру, держала диету и жареного мяса старалась не употреблять.

Кучкина отказ не расстроил ни капельки. Специалист по решению вопросов взглянул на Жизель с осуждением.

«Подкормить бедняжку не помешало бы. – подумал Аполлон, энергично поглощая калории. – Дамочка, через чур нервная, видать, с голодухи. Питается, поди, салатиками и жидкими йогуртами, от того и тонкость талии, что – хорошо и нервическое состояние, что – плохо.»

Жизель терпеливо ждала, устроившись на стуле для клиентов и наблюдая процесс поглощения пищи воочию.

Кучкин кушал аккуратно, но быстро, искоса поглядывая то, на нервную дамочку, то, на пса.

Тяпа не стеснялся – жевал и чавкал с аппетитом, вызывая своим энтузиазмом одни положительные эмоции – Жизель так и хотелось подложить добавки в миску столь воспитанной и неприхотливой собаке, обладающей прекрасными манерами и завидным аппетитом.

Хозяин не отставал – и, если псу достались мясные обрезки, вместе с симпатичными хвостиками хрящей, то Кучкин давно уже так вкусно не обедал. Согласитесь – каждодневные пельмени, это не совсем то, что требуется молодому и энергичному мужчине.

Задаток рыжеволосой девицы целиком и полностью себя

оправдал – Кучкин вкусно поел и изъявил готовность приступить к серьезному разговору.

Отодвинув от себя контейнеры, специалист аккуратно уложил их обратно в пластиковый пакет, на всякий случай запомнив название совсем неплохой харчевни и с ожиданием взглянул на Жизель.

– Итак, – начал он разговор. – кто вы такая и что вы искали в мусорных баках?

Жизель внезапно и густо покраснела. Ее милое личико обожгло чувство стыда – этот молодой человек мог подумать о ней черти-что. Не такая она и безнадежная, чтобы, ковыряясь в отбросах, выискивать себе пропитание. Она – уважаемый член общества, достойный гражданин и налогоплательщик. У нее, просто временные трудности, черная полоса и тяжелые жизненные обстоятельства.

– Обычно, – шмыгнув носом, ответила Жизель. – я так не поступаю, но...

Кучкин нахмурился, а девушка спохватилась.

– Жизель Малявкина. – представилась она, зачем-то встав со стула и вытянув руки по швам. – Владелица салона «Лампапудель».

– А! – до Кучкина дошло, что девушка производит процедуру знакомства по всей форме. Очень своевременно – он, Аполлон, по три раза на день, рысью, проскакивает мимо этого самого салона, а его владелице, до сих пор, не представлен. – Собачий парикмахер, значит? Поэтому вы пыта-

лись подбить меня на бессмысленную трату денег и присоединить сенбернара к числу своих клиентов? Чем обязан? Кто-то решил навредить вашему бизнесу и отпугнул всех ваших посетителей? Собачки взбунтовались и всей компанией отказались красить когти на лапах, или чей-то котик ободрал особо ценный диван в гостиной?

– Нет, к моему огромному сожалению, нет. – Жизель призывала на помощь всю свою выдержку. Наглый тип, сожрал комплексный обед, а теперь еще и издевается над ней, Жизелью? – У меня пропал питомец. Вернее, сбежал. Сбежал не сам по себе, а по злему умыслу моих недоброжелателей, устроивших диверсию в салоне. Его необходимо срочно изловить.

– Питомец? – округлил глаза Кучкин, оскорбленно всхрипнув. Ему, что, предлагают разыскать какого-то вшивого пса? Кота? Канарейку? Мышь? Дамочка надсмехается над ним, специалистом? Да, как она смеет?

– Свободолюбивый питомец не вынес вашей заботы и решил слинять? – Аполлон Михайлович испытывал благодарность за обед в целом, но разыскивать какую-то вредную шавку посчитал ниже своего достоинства. – Сочувствую.

Губы у несчастной, перенервничавшей, Жизели задрожали, и девушка разрыдалась, совершенно неожиданно и обильно. Слезы текли из ее беззащитных карих глаз потоками соленой воды и Аполлон, ежась под укоризненным взглядом Тяпы, протянул нервной девице свой собственный но-

совой платок.

– Ну, хорошо-хорошо, – вздохнув, произнес Кучкин. – рассказывайте.

Расспросив в подробностях про сбежавшего питомца богатой дамы, про его экзотичность и, главное, цену, за которую этот питомец был приобретен, Кучкин понял всю глубину отчаянья рыжеволосой язвы с таким красивым именем – Жизель. Действительно, хозяйке салона есть от чего лить слезы и впадать в отчаянье – компенсация расходов, неустойка и потеря репутации – вот самое малое, что грозило мадемуазель Малявкиной. Но, кроме всего этого, адвокат мадам Кололосниковой мог выдумать еще много чего разного, дабы финансово покарать растяпистую дамочку. В результате судебного разбирательства, которое, несомненно, ожидает Жизель, девушка разорится, лишится репутации надежного партнера и окажется на обочине жизни, выпав из бизнес обоймы, окруженная кредиторами и утонув в насмешках.

– Кельбас! – завывая, Жизель вытирала горькие слезы, размазывая по лицу широко разрекламированную тушь для ресниц. – Он та-а-кой хороший мальчи-ик. Я, право не знаю, что на него нашло-о-о... И, ещё эта Мадине! Как я могла доверить ей работу в моём замечательном салоне? Предательница-а.

– Фото Кельбаса имеется? – Кучкин решил ввязаться в историю с питомцем и помочь Жизели с поисками экзоти-

ческой твари. – Прошу предъявить.

Жизель и предъявила – с Кельбасом она сфотографировалась случайно, еще до того, как негодник прыгнул в чан с чужим красителем. От чего и по какой причине шерстка Кельбаса окрасилась в радикально синий цвет, Жизель не ведала. Разве что, бывшая помощница что-то напутала, случайно, или по злему умыслу, решив испортить внешний вид экзота надолго и наверняка.

– Красавец. – Кучкин мельком взглянул на дорогостоящую тварь и попросил перекинуть фото питомца себе на телефон. – Будем искать. Какого вы говорите, он теперь окраса?

Представив себе питомца с необычным и ярким цветом шкурки, Кучкин негромко хрюкнул, пытаясь сдержать усмешку – н-да, мадам Кололосникова подобного точно не переживет.

А, может и переживет, кто их богатеек знает?

– Так вы беретесь? – океаны надежды плескались в карих глазах Жизели. – Правда? Вы готовы мне помочь?

Кучкин невольно прищурился – клиенты множились, точно кролики по весне, но отказаться не было ни малейшей возможности – рыжеволосая девица смотрела так... Беспомощно. С надеждой. Как на супергероя.

Кучкин повелся.

– Но, по «мусоркам» я лазить отказываюсь. – категорически заявил Кучкин, вспомнив о том, что его любимая курт-

ка уже пострадала и теперь лежит, в ожидании чистки. Не хватало изгваздать парадно-выходной пиджак. – Можете идти Жизель и открывать свой салон. Я обещаю, сделать все возможное и невозможное, но отыскать этого вашего чёртова Кельвина.

– Кельбаса. – всхлипнула Жизель. – Его зовут Кельбас.

– Кельвин, КельбАс, матрас, Карабас, контрабас.. – зевнул Кучкин. – Какая разница, как его зовут. Главное – изловить и вернуть хозяйке.

Жизель вытерла заплаканные глазки, слегка повеселев. Надежда вновь засияла на горизонте.

– Ну, я подую? – просительным тоном поинтересовалась девушка. – Вы ж, теперь, без меня.. Как-нибудь..

– Уж, как-нибудь. – нахмурился Кучкин, почесывая затылок – на что это он сейчас подписался?

Шмыгнув носом еще раз, Жизель вскочила со стула и скрылась за дверями – у нее накопилось слишком много дел. Спихнув в руки специалиста свои заморочки, Малявкина поспешила вернуться в салон и начала обзванивать всех своих клиентов, радуя их вестью о том, что «Лампапудель» снова открыт и ожидает наплыва желающих.

– Мне бы ваши проблемы. – буркнул Кучкин, вчитываясь в писанину бабы Таи. – Какой кошмар! Невразумительный ужас, а не почерк у этой старухи. Словно курица лапой ца-рапала.

Прочитав и вникнув, Кучкин озадаченно прикрыл глаза –

дело ясное, что дело темное. Украсть-то у бабы Таи, вору – украли, но, что? О том Горемыкина сообщить Кучкину не удосужилась и приметы, а, так же, цену похищенного у нее имущества, не указала. Мол – догадайся сам, касатик. А, не догадаешься – грош тебе цена, как специалисту.

– Ладно. – решил Кучкин. – Встретим Горемыкину и спросим. Пусть ответит четко и ясно, а не разводит тайны Мадридского двора.

Тяпа, хорошо покушав – мясные обрезки, оно, известно, гораздо питательнее каких-то там подозрительных полуфабрикатов, с готовностью рванул к дверям. Псу внезапно захотелось размяться и он, для разнообразия, даже не пытался протестовать против намордника, который аккуратный Кучкин прицепил своему временному псу на морду.

– Что-то не так с этими вампирами. – Аполлон тонул в догадках и предположениях. – Пенсионер Дохлик, вполне возможно, мог увидеть что-то такое-этакое, но, я – нет. Я – личность трезвомыслящая и, совершенно точно, наблюдал явление, странное и непонятное, после чего, слетев с лестницы, потерял сознание и очнувшись, познакомился с рыжеволосой Жизелью. Правильно? – вопрос был задан псу и не остался без ответа.

Тяпа, задрав вверх тяжелую голову, одобрительно гавкнул – ему-то Жизель очень понравилось. От девушки не несло противными вислоухими кошками, а наоборот – пахло мясом, пусть и обрезками, но, вкусно.

– Правильно. – Кучкин рассеянно кивнул знакомому охраннику, не замечая, как глаза у того округляются. Секьюрити, наблюдая за разговорами человека с собакой, проявил понимание – ну, мало ли какие у людей случаются причуды? Разговор с собакой – самое безобидное из того, что может случиться, особенно после встречи с матерью своей тещи.

– Белесое и орущее, обрызгавшее меня кровью, вполне могло оказаться тем самым вампиром, шастающим по подьезде и пугающим коллекционеров. Но, куда оно делось? – вопрос адресовался Тяпе и звучал с укоризной – мол, друг, что ж не вынюхал-то? На тебя люди надеялись, а, ты?

Тяпа оскорбленно фыркнул – он-то вынюхал, но некоторые, безответственные двуногие, так ничего и не поняли.

– И еще, дамочка, – продолжал размышлять вслух Кучкин, кутаясь в шарф и оберегая горло от пронзительного ветра, обрушившегося на город. – та, которая жена Пипко? Как-то очень вовремя она решила пропасть, покинув родной дом и оставив лаково-красочного мужа. Ты не находишь?

Тяпа не ответил – очень внимательно пес следил за наглыми воронами, бегающими по дороге и орущими противными, каркающими голосами.

В этот момент раздалась громкая трель телефонного звонка. Кучкин поморщился – вспомни.

– Молодой человек! – голос лаково-красочного короля, пронзительным ором огласил окрестности. – Моя жена, все еще, не дома! Вы что там себе позволяете? Вы совершенно

не думаете о других, наглый, эгоистичный мальчишка. Верните мне мою Аделаиду. Я настаиваю! Я требую! Займитесь делом, вместо того, чтобы прогуливаться по городу в компании своей тупой собаки.

Закончив орать и выплеснув на Кучкина весь свой негатив, Пипко отключился.

– Спешу и падаю. – нет, Аполлон Михайлович не отказывался искать сбежавшую из дома, супругу бизнесмена, но собирался действовать поэтапно. Время для активного поиска мадам Пипко еще не настало.

Пока что, специалиста занимала проблема вампиров и, если обнаружить следы присутствия кровососущих тварей на двенадцатом этаже, не удалось, то следовало поискать их в другом месте. На пример – в подвальных помещениях под семнадцатипятиэтажкой.

– Там чёрта лысого спрятать можно, – сообщил невозмутимый, как сто удавов, Кучкин, обращаясь к рыже-черно-белой псине, бредущей рядом. – а не только какого-то там вампира. Возможно, на местности действует банда, маскирующаяся под сверхъестественных тварей. Может быть, – посетила Кучкина дикая мысль. – они сообщники того самого маньяка, нападающего на девушек? – Аполлон потрянул головой и его длинный чуб встал дыбом от подобного предположения. – Мое дело – обнаружить злоумышленников и вывести их на чистую воду.

Пес презрительно фыркнул – мол, как же, как же, вывел

один такой.

– Не надо меня расхолаживать. – вскипел Кучкин. – Ска- зал, что сделаю, значит, так тому и быть. И нечего тут носом дергать.

В этот момент они, как раз проходили мимо тех самых мусорных баков, в которых, не так давно, рылась Жизель Малявкина. И, если, занятый размышлениями о вампирах и прочих криминальных элементах, Кучкин, проскочил мимо этих баков чуть ли не галопом, то степенный Тяпа, медленно и величаво шествуя, был отвлечен от прогулки самым, что ни на есть, беспардонным образом.

Мимо ошеломленного пса, прижимаясь к обочине доро- ги, промчалось какое-то незнакомое и невразумительное су- щество, имеющее очень неожиданный окрас шерсти.

Тяпа, рядом с мордой которого, едва её не задев, это са- мое быстроногое промелькнуло, возмущенно затряс головой – он, Тяпа, нормальный, благовоспитанный пес и не дело всяким тварям, неопознанного вида, шнырять у него под ла- пами!

Пытаясь привлечь внимание временного хозяина к непо- нятному явлению, пес остановился, наклонил вперед лоба- стую башку и внушительно рявкнул:

– Гав.

Занятый своими мыслями Кучкин и ухом не повел, зато это «Гав» расслышал кое-кто другой.

– Сюда. Идите сюда. – подплясывая на месте от нетерпе-

ния, громко вопила невысокая, упитанная особа, одетая в кожаную косуху черного цвета и, кожаные же, лосины, молоденькая и голосистая, с торчащим из носа колечком белого металла. – Он, совершенно точно, побежал в ту сторону.

К упитанной девице присоединилась еще парочка подростков, столь же колоритных, как и она. Пара худощавых, рыжеволосых и быстроногих тинейджеров, прошмыгнув мимо, озадаченного, свалившимися на него, проблемами, Кучкина, уважительно покосилась на массивного пса и примкнула к, орущей во весь голос, товарке.

Рыжеволосые, парень и девица, принялись размахивать руками и трясти какой-то тряпкой.

– Где? Ритка, ты на самом деле заметила эту тварь? – подпрыгивая на месте, вопил рыжеволосый парнишка. – Ты не шутишь? Это не розыгрыш?

– Давай, показывай, куда оно побежало. – вторая девица, смахивающая на парня, точно его копия, но только женского пола, рвалась совершать подвиги. – Укажи точное направление.

Упитанная деваха в косухе ткнула пальцем прямо в мусорные бачки и, азартно перекрикиваясь, странная тройка подростков, рванула к «мусорке», распугивая дворовых котов и, дворовых же, псин, мирно дремавших возле свалки бытовых и не очень, отходов.

Хорошо воспитанный Тяпа жадно втянул воздух широкими ноздрями – пахло.. По – разному пахло, но, кошачий аро-

мат присутствовал однозначно.

Внезапно Тяпе ужасно захотелось помчаться следом за троицей двуногих детенышей и слегка порезвиться, распу- гивая горластых кошек и, разжиревших на сытной кормеж- ке, ворон.

«Ты – солидная и воспитанная собака. – сам себя присты- дил Тяпа. – Угомонись. Что о тебе подумают эти двуногие? Что ты похож на них, такой же неорганизованный и недис- циплинированный?»

– Ты идешь, или нет? – Аполлон нетерпеливо дернул за поводок, предлагая псу поторопиться. – Нам нужно успеть до темноты обследовать все подвальные помещения под до- мом. Надеюсь, неприятностей не возникнет. – неуверенно произнес Кучкин.

А, вдруг, в подвал нельзя? Никому, тем более, посторон- нему? Как тогда быть и что предпринять?

Аполлон Михайлович Кучкин беспокоился зря – вход в подвальное помещение защищал безобразно хлипкий замок, не являющийся препятствием для хорошего специалиста.

Кучкин, разумеется, не был гением взлома и никогда не пытался подражать вора-м-домущникам, но, вспомнив кое- какие практики из своего сопливого детства, замок вскрыл без проблем, используя для этих целей острый нож с узким лезвием, давно и прочно обосновавшийся в его собственном кармане.

Поддавшись с первого раза, замок даже не пискнул, и во-

одушевленный Кучкин начал спуск по ступеням, совершенно позабыв о своем четвероногом спутнике.

Тяпа тяжело вздохнул – псу не очень-то хотелось спускаться под землю, но он покорно поплелся следом за временным хозяином.

– Занятно. – уже с первого шага по ступеням, ведущим вниз, напрягся Кучкин. – Здесь явно кто-то побывал

Пыль на ступенях оказалась потревожена чьими-то подзрительными действиями.

– По этой лестнице, совершенно точно, что-то перемещали волоком. – Кучкин не нуждался в увеличительном стекле для того, чтобы сделать правильные выводы. – Не нужно быть гением, что бы, догадаться о том, что по ступенькам кого-то тащили. Кого-то тяжелого и не склонного к сопротивлению. – присмотревшись, Аполлон задумчиво добавил. – Но, кого? Неужели, еще одна жертва кровососов? Или, маньяка, того самого, терроризирующего женскую половину нашего города?

Аполлон Михайлович, не взирая на возраст, ощущал себя взрослым и умудренным.

– Так-так-так.. – почесывая в затылке, произнес специалист. – Куда ж это его потащили?

Потащили вглубь, в самый угол, где не горела лампочка и откуда отчетливо несло затхлостью и пылью.

– Давай, лохматый. – Аполлон пихнул Тяпу вперед, отпуская поводок и пес, повеселев, принялся заинтересованно

обнюхивать стены.

– Да-да, Тяпа, ищи. Фас.

Услышав команду, пес коротко рыкнул и двинулся вперед. В отличие от Кучкин Тяпа ничуть не испугался и принял команду к исполнению – энергично виляя задом и двигая лапами, пес рванул в темноту подвала.

Напрасно Кучкин кричал и пытался приманить паршивца обратно – сенбернар ни за какие коврижки не желал возвращаться на свет из темноты.

Пришлось Кучкину бежать следом.

Прибежал и увидел, что пес, слегка ворча, кружится около закрытой на замок, двери. Дверь выглядела солидно, но замок, свисавший на дужке, снова показался Кучкину несерьезным.

«Чип и Дейл спешат на помощь.» – повеселевший специалист пнул двери ногой, пес рявкнул и, неизвестно откуда, извлек ключ, вероятно, подхитивший к замку от узилища.

Морда пса при этом выглядела очень довольной, пусть и слегка припорошенной пылью.

– Ай, да Тяпа. – умилился Кучкин, обтирая обслонявленный кусок металла о собственные штаны. – Почти кладоискатель. Сейчас узнаем – тот это ключ или нет.

Рука специалиста, действуя, сама по себе, воткнула ключ в замочную скважину.

Вернее, попыталась воткнуть.

Некоторое время Аполлон Михайлович возился с замком,

пыхтя и ругаясь. Само назначенный специалист терзал замочную скважину, воюя с упрямой железякой. Можно смеяться и сомневаться, но ключ, провернувшись с мерзким скрежетом, замок открыл, и Аполлон вздохнул с облегчением.

Замок распался на две части и, от души пнув преграду ногой, специалист сунул голову в дверной проем.

«Вампиры? – содрогаясь и чувствуя, как тоненькая струйка пота стекает прямо в трусы, Аполлон изготовился к схватке. – Может быть, они давно убрались из этого дома?»

Кучкин медлил – а, вдруг, в запертом помещении находится жертва, печально известного, городского маньяка, обмотанная липким скотчем и лишённая свободы? Как он, Кучкин, объяснит свою находку представителям правоохранительных органов?

Нет, пусть, уж лучше, это будут вампиры.

Но, Тяпа, нетерпеливо сопя и порывивая, протиснулся вперед и нырнул в полутьму клетки. Вскоре послышалось громко сопение, рычание сенбернара и чей-то испуганный вопль.

– Нашел. – Кучкин обрадовался и едва не захлопал в ладоши. – Фу! Фу, Тяпа, плюнь Бяку.

Кучкин успел вовремя – рыча и пуская слюну, Тяпа решительно наступал на расплывчатую черную тень, зажатую в самый угол комнаты. Тень, выставив перед собой обломок швабры, махала им в воздухе, активно обороняясь от, надви-

гающего на неё, представителя семейства собачьих.

*

К моменту появления своих, как он думал, похитителей, Петриков сумел очнуться от позорного обморока и вооружиться. Вооружился он обломком чего-то, наверно, какого-то уборочного инвентаря.

– Врете – не возьмете! – нервничал Петриков Василий Иванович, бегая по ограниченному пространству темной, словно склеп, комнатухи. Тонкий луч дневного света с трудом пробивался в узкую щель под потолком, единственное, что осталось от, заложенного кирпичами, окошка. – Петриков так просто не сдастся! Никакие кровососы не смогут сломить мой крепкий дух!

Что правда, то правда – дух в подвале стоял еще тот! От страха с Петриковым случилось ужасное – его вспучило. Вспучило так, что теперь загазованность достигла какого-то предела и у почти благородного разбойника, резало в глазах и першило в горле. Да и пахло в помещении совсем не розами.

Но, все это лирика, а весь ужас своего незавидного положения, Петриков осознал лишь в тот миг, когда неподалеку зазвучал чей-то голос и послышался кровожадный рык неизвестного существа.

– Они вернулись! – горе Дубровский сжался в комок, покрывшись холодным потом с головы до ног. – Та самая дамочка с клыками и ее помощник. Они оттащили меня в

укромное место для того, чтобы никто не помешал их кровавой трапезе!

Сердце вора-домушника затрепетало. Он в тысячный раз проклял свою тягу к красивой жизни.

– Зачем я только полез к этому сумасшедшему пенсионеру-коллекционеру! – сокрушался почти благородный разбойник, откликавшийся на кличку «Дубровский». – Вот знал же, знал, что жадность до добра не доводит! Черт с ними, с деньгами, уцелеть бы в такой передрыге! Никто и предположить не мог, что древний мухомор якшается с потусторонними тварями.

Голоса и рычание приближались и Петрикову стало совсем плохо. Тут уж не до смеха – сидя в темноте, он насочинял себе таких ужасов, что братья Гримм удавились бы от зависти. Но, борьбу за жизнь еще никто не отменял и Василий Иванович твердо решил сражаться до конца, желательно – победного, а не того, что ведет к ритуальным белым тапочкам.

Замок щелкнул, двери распахнулись и отчаянный Василий Иванович, с громким криком «Банзай», кинулся на врага.

– Фу, Тяпа, фу! Брось каку, кому сказал! – голос неизвестного звучал громко и строго. Оглянулись оба – и Тяпа, в глазах которого светился щенячий восторг – как же! Ведь это здорово – забавляться с живой игрушкой, и, Петриков, от неожиданности выронивший средство защиты и обороны и

медленно отступающий в самый дальний угол комнаты, подалеже от внушительных клыков рычащего пса.

– Уберите злобного монстра. – пискнул Василий Иванович, не узнавший собственного голоса. – Я очень боюсь собак.

– Ты кто такой? – не растерявшись, строго спросил Кучкин, предусмотрительно не приближаясь к узнику подземелья. – И, почему сидишь в закрытой комнате?

Петриков выдохнул с облегчением – не вампиры! Какой-то жилец со своей собакой, вероятно решивший проверить сохранность консервированных продуктов, приготовленных на зиму.

Молодой голос оказался незнаком вору-экспроприатору чужих ценностей. Та страшная дамочка с клыками разговаривала совершенно в другой тональности, и её мускулистый сообщник, тоже.

Воспрянув духом – никто не собирается лишать его крови, Петриков, в порыве благодарности, едва не бросился на грудь своему спасителю.

– Помогите! – завопил горе-Дубровский. – Заклинаю – спасите меня от них!

Щурясь в темноту и пряча нос в складки шарфа – запашок в камерке стоял еще тот! – Кучкин, слегка напуганный воплями узника подземелья, поспешно сделал шаг назад. Мало ли кто кричит здесь, в темноте? Сидит же? За какую-то провинность этого несчастного сюда засунули, изолировав

от всего остального общества? Не просто же так?

Но, между Кучкиным и пленником подвала находился Тяпа. Кучкин, пусть и временный, но, все же хозяин и не дело всяким подозрительным личностям выпрыгивать на кормильца-поильца из темноты.

Тяпа предупреждающе рыкнул и Петриков, испугавшись, замер.

– Самое время провести блиц-допрос. – подумал Кучкин и решил ковать железо, не дав роздыху испуганному клиенту.

– Я все знаю. – грозно произнес Аполлон Михайлович, обвиняющим жестом тыкая пальцем в темную фигуру незнакомца. – Да-да, напрасно вы решили, что вам все сойдет с рук. Не на тех напали, милейший.

Петриков побледнел и напрягся.

– Он все знает. – лихорадочно размышлял почти благородный разбойник – А-а-а, это заказчик! Совершенно точно – меня сдал заказчик. Гадость болтливая! Потому в квартире и оказалась та страшная баба с окровавленными зубами! Тварь! Какая же тварь – захотели избавиться от Петрикова! Скормить меня сумасшедшим монстрам!

– Советую вам признаться во всем и добровольно. – голос говорившего, из темноты, звучал слегка насмешливо и даже пренебрежительно. – Этим вы облегчите свою участь и спасетесь от самого страшного.

– самого страшного? – Василий Иванович pokrылся хо-

лодным потом. – Он намекает мне на то, что те самые, с клыками, могут вернуться? И... Нет, только не это!

Петриков верил в сверхъестественные силы. Конечно же верил – он же вор. Благородный разбойник! И, если уж, обычная черная кошка, перейдя дорогу, может сильно подгадить, то, хищная дамочка с клыкастой улыбкой сумеет не просто осложнить жизнь, но и вообще – лишит этой самой жизни самым гнусным образом.

– Я все скажу. – Петриков изъявил горячее желание сотрудничать со следствием. – Что вас интересует конкретно? С чего мне начать?

– Начните с самого начала. – сурово произнес Кучкин, украдкой стирая со лба капли пота. – Получилось! У него получилось, и теперь он обязательно узнает правду. Даже давить ни на кого не пришлось!

– Родился я в одна тысяча девятьсот девяносто... – торопливо затараторил Петриков, с опаской поглядывая на собаку, громадные клыки которой внушили благородному разбойнику большое почтение. – И...

– Ближе к делу. – оборвал Петрикова суровый парень, удерживающий на поводке огромного и, как казалось горе-Дубровскому, злобного пса.

Осознав, что увильнуть ему не удастся, Петриков слегка поник.

– Вы, точно не из полиции? – опасливо покосившись на Тяпу, произнес вор.

– Я, как бы это выразиться поточнее, – поморщился Кучкин, так не кстати вспомнив про участкового по фамилии Гоноренко. – свободный художник. Работаю по предоплате.

– Коллега? – встрепенулся Петриков, рассчитывая отделаться малой кровью. – Может быть, договоримся и расстанемся друзьями?

– Посмотрим. – туманно ответил Аполлон Михайлович, понимая, что еще один клиент – лишний. – Выкладывайте все, как на духу и учтите, что мой пес – это детектор лжи. Вздумаете соврать, и он порвет вас на лоскуты.

Тяпа зевнул – пасть у сенбернара выглядела внушительной и зубастой, а маленькие глазки отливали алым. Такому откусить конечность благородному разбойнику – раз плюнуть, а что делать потом Петрикову, без конечности? Как тогда зарабатывать на жизнь?

Полагая, что «свободный художник», выследивший его в этом гнусном подвале, получил информацию от заказчика, Петриков решил ничего не скрывать – так ему, поганцу, подрядившему горе-Дубровского на тухлое дельце, и надо! Пусть отвечает по всей строгости и со всеми вытекающими, а он, Петриков, почти не виноват – вломиться в квартиру – вломился, но украсть ничего не успел. Наоборот, пострадал – его напугали до полусмерти, угрожали кровопусканием посредством укуса, дали по голове и взяли в заложники. С хорошим адвокатом, вполне можно выкрутиться и даже вкатить встречный иск. Только, кому? Тем, клыкастым? Нет,

спасибо, а он, Петриков, еще жить хочет!

Запинаясь и глотая слова, спешащий покинуть неприветливый подвал, вор-домушник поведал Кучкину грустную историю своего падения и пленения. Петриков торопился – скоро ночь, а ночью, как известно, вампиры особенно активны. Могут вспомнить о своей жертве, а, оно ему, Петрикову, надо?

Услышав имя и фамилию заказчика преступления, Кучкин вздернул вверх свои брови и задумался – дело принимало очень интересный оборот. К тому же, появился еще один свидетель существования вампиров. Свидетель с домушника, конечно – еще тот, но, не верить его словам, Аполлон Михайлович не мог.

– Вы меня отпустите? – заискивающе посматривая то на Кучкина, то на Тяпу, Петриков обратился к ним обоим. – Я рассказал всё, что мне известно.

– Хорошо. – решил Кучкин, успевший записать исповедь неудачливого воришки на диктофон. – Я вас отпущу, но вы должны явиться по первому моему зову. И, учтите – покидать город вам запрещено! – вор усиленно закивал головой. – Сидите тихо, не высывайтесь. – продолжил наставления Аполлон, вещая серьезным голосом, точно диктор с центрального телевидения. – Это и в ваших интересах – если мой пес может вынюхать ваш след, то для этих.. – Кучкин многозначительно ткнул пальцем в потолок. – вообще никаких препятствий не существует.

Петриков назвал свой домашний адрес и поклялся, что будет сидеть тихо и не отвечивать.

Кучкин его отпустил, отправил из подвала на все четыре стороны. Почему бы и нет? Делать работу за Гоноренко и вылавливать мелкий криминальный элемент, парень не собирался – у него и без того дел выше крыши. Поест нормально и то, некогда.

Припустив так, что только пятки засверкали, Петриков рванул прочь из страшного подвала, по пути едва не сбив того самого, едва не ограбленного им, пенсионера-коллекционера, мимо балкона которого он так неосмотрительно промахнулся.

Пенсионер, ходивший за хлебушком, пугливо отскочил в сторону, отпрянув от незнакомого типа с вытаращенными глазами, а затем, узрев вышедшего из подвала Кучкина в компании флегматичного Тяпы, обрадованно завершал.

– Господин специалист, какая приятная встреча! Я вижу, что вы зря время терять не приучены! – и, слегка понизив голос, спросил.

– Ну, что, Аполлон Михайлович, вам удалось напасть на след страшного графа Дракулы местного разлива? Вы смогли отыскать логово кровососов?

Кучкин хмыкнул – Дохлик, определенно боялся. Коллекционер трясся от страха и обильно потел.

– Я – в процессе. – неопределенности в голосе Аполлона содержалось гораздо больше, чем уверенности. – Но, я

на верном пути. Никуда голубчики не денутся. Мы их обязательно отыщем и воздадим по заслугам. Водворим, скажем так, каждого на свое место.

– Я очень на вас надеюсь, господин Кучкин. – вздохнул коллекционер, засовывая руки в карманы пальто. – Если вы решите мою проблему, я дам вам самые лучшие на свете рекомендации.

Разговаривали Кучкин и Дохлик не громко, но, все равно, были услышаны теми, кто притаился в темноте за лестницей.

– Они все знают! – жгучая брюнетка в леопардовом пальто зло цыкнула на своего спутника – мускулистого парня, по фамилии Гоголидзе. – Они нас нашли! Что нам теперь делать, Гамлетик?

– Не паниковать. – зло прошипел ее спутник, более выдержанный и не такой впечатлительный. – Осталось потерпеть два дня! Всего два дня, моя милая, а потом... Потом, все будет по – иному.

Будущая звезда театральных подмостков затравленно оглянулась по сторонам – лестница, стена, а, дальше – враги и преследователь. Бежать некуда, можно только затаиться.

Длинные, но аккуратные клыки торчали у Млады изо рта, но она на них не реагировала, слегка выпадая из образа.

– Возвращайся к себе. – Гоголидзе вздохнул и погладил Младу по бледной щеке. – Ложись в гроб и репетируй. Мерзавец, любящий шастать по чужим балконам и подглядывать за женщинами, больше не осмелится тебя беспокоить. Наде-

юсь, мы надолго отучили мерзкого извращенца заниматься грязными делишками!

Прознай Петриков, что его записали в ряды извращенцев и, почти что, маньяков, он страшно бы оскорбился. Почти Дубровский был давно и счастливо женат и, до сих пор, ему, вполне удачно удавалось скрывать от супруги свою настоящую профессию.

Великанова, потоптавшись пару секунд под лестницей и порываясь что-то спросить у спутника, махнула рукой и поплелась вверх по ступеням, оставив Гамлета Аванесовича Гогулидзе и дальше подслушивать разговоры недоброжелателей и шпионов.

– Кучкин.. Кучкин... – задумчиво бормотал Гогулидзе себе под нос. – Я, мне помнится совершенно точно, недавно наткнулся на эту персону. – и, засунув нос в телефон, Гамлет Аванесович принялся выуживать из сети сведения о специалисте с такой банальной фамилией.

Ничего не подозревающие Дохлик и Кучкин, в компании пса, который все знал про местную парочку вампиров, но ничего рассказать никому не мог по вполне понятным причинам, вышли из подвала и направились каждый своим маршрутом. Коллекционер собирался провести вечер в компании шаманского тотема племени юмбаинути, а Аполлон Михайлович решил продолжить поиски слишком шустрой нежити из легенд и преданий.

Вурдалаки, определенно, кружат вокруг семнадцатилетж-

ки. Им здесь, словно медом намазано.

Выходя из подвала на свет, Кучкин не обратил внимания на троицу странных подростков, ошивающихся поблизости. Пенсионер Дохлик, подростков разумеется, заметил, но делать какие-нибудь замечания подрастающему поколению, не спешил.

Подростки вели себя очень странно, бегая вокруг мусорных баков и пиная ногами всякий хлам, валявшийся на земле. Но, одеты дети были хорошо и на беспризорников совсем не походили, а, то, что они рылись в мусоре и, совсем как давеча Жизель, заглядывали под лавки и совали нос в разные укромные уголки, Дохлику жить полноценной жизнью пенсионера на заслуженном отдыхе, не мешало.

– Надо проверить подвал. – девушка в кожаной косухе, опасливо поглядывала в сторону подозрительного вида, дядьки в потертом пальто. – Смотрите – здесь написано о том, что в последний раз, существо заметили в районе семнадцатизажки. – девочка с кольцом в носу, торопливо зашуршала печатным изданием, а именно – газетой «Свекруха». – За поимку странного существа обещают солидное вознаграждение.

– Небось, обманут и выдадут какую-нибудь дешевую китайскую фигню. – равнодушно буркнул высокий, рыжеволосый парень, пихая рыжеволосую девушку, по всей видимости, доводившуюся ему сестрой, в бок. – Натка, не спи! Иначе, хана охоте! Нам с Марго одним не справиться.

Натка, прищутив черные, цыганистые глаза, некоторое время наблюдала за тем, как дядька с собакой, выскочив из подвала, о чем-то беседует со старым дедом в ветхом пальто, а затем, незнакомец с собакой куда-то ушли, и дедка с собой прихватили.

Дождавшись, пока пяточок перед подъездом опустеет, де-тишки спустились в подвал, один за другим и чертыхаясь, бесстрашно отправились в путешествие по подземной части семнадцатietàжки.

*

Расслышав телефонную трель в глубинах своего собственного кармана, Кучкин невольно поморщился – он сегодня уже имел удовольствие общаться с господином Пипко. Второй раз – это уже перебор.

Но, ответить – ответил.

– Господин Кучкин? – голос говорившего оказался незнакомым и противным.

– Он самый. – поспешил подтвердить Аполлон Михайлович. – Чем обязан?

– Не суй свой нос, куда не надо, нахал. – незнакомец не стал разводить китайские церемонии, а сразу же перешел к угрозам. – Иначе, можно лишиться не только носа, но и самой жизни.

Кучкин оторопел – ему еще никто не угрожал столь наглым образом.

Тяпа, скучавший во время разговора Дохлика и своего

временного хозяина, внезапно озлился и раздраженно гавкнул, чем испугал того самого хозяина едва лишь не до икоты.

К тому же, псу, в отличие от Кучкина, голос оказался достаточно хорошо знаком, но приязни или, каких-либо иных добрых чувств, не вызвал.

Пес нахмурился и оскалился, вывалив язык и грозно порыкивая.

– И угомоните своего дурного пса! – рявкнул незнакомец. – Нечего вам с ним шнырять по посторонним подъездам и вынюхивать чужие тайны!

– Вам меня не испугать. – с достоинством ответил Кучкин. – Лучше заканчивайте балаган и выходите с поднятыми руками. Обещаю похлопотать за вас в полиции. Пока что, вы ничего непоправимого совершить не успели.

– Подлая ищейка! – рявкнул голос в телефонной трубке. – Наглый шпион! Сиди дома и нянчи своего пса, иначе, я тебе все ребра пересчитаю и зубы выбью.

Голос пропал, в телефоне слышались гудки и Кучкин, вздохнув, взглянул на Тяпу – номер звонившего определяться отказывался. Одно это, подозрительное обстоятельство, уже насторожило специалиста-консультанта. Мало ли кто и с какой целью скрывает свой телефонный номер?

Тяпа смотрел на человека с ожиданием – мол, закончил заниматься бесполезным делом? Лучше пошли в магазин, за пельменями.

Голодный взгляд сенбернара взбодрил Аполлона Михай-

ловича, а, тут, кстати, он вспомнил о том, что Барселона, скорей всего, все еще пребывает в своей кошачьей депрессии и, затаившись в самом темном углу квартиры, планирует страшную месть своему необязательному хозяину и одному мохнатому квартиранту.

Кошку стоило подкупить. Подобревшая Барселона, глядишь, проникнется позитивом и перестанет третировать остальных обитателей квартиры.

Запасшись продуктами питания – пельмени для самого Кучкина и Тяпы, рыба – для вредной вислоухой оторвы, Кучкин степенно и не спеша, прошел мимо салона «Лампапудель», при этом не удержавшись и кося глазами, пытаясь разглядеть признаки жизни в широких окнах, задрапированных нарядными шторами.

Салон, определенно, работал. Из дверей вышла модная дама преклонных лет, облаченная в спортивный костюм ядовито-розового цвета, сжимавшая в объятиях тощую собачонку, коротко стриженную, но чубатую. Собачонка дрыгала тощими лапками и придушенно попискивала, а хозяйка, не обращая внимания на трепыхание питомца, что-то сосредоточенно разыскивала в глубинах собственного ридикиюля.

– Клиентка. – определил Кучкин без подсказки. – Ногти питомцу подстригать приходила, или укладку делала своей псине. И охота же людям тратить деньги на подобную глупость? Вот Тяпа и без всякой укладки – красавец!

На пороге салона возникла его хозяйка – слегка взъеро-

шенная и возбужденная. Узрев Кучкина, Жизель явно обрадовалась и приветливо замахала лапками.. То есть, пардон, руками.

– Господин специалист! – Жизель грозили надрыв головных связок и хрипота. – Как там наше дело? Я на вас надеюсь.

Кучкин чувствовал, что девушка почти что дошла до точки кипения – отчаянье так и звенело в голосе собачьего парикмахера.

Пришлось подойти, дабы пресечь попытку рыжеволосой и кареглазой девицы удариться в бурные рыдания.

– Ваш Кельбас – та еще штука. – с трудом вспомнив имя сбежавшего питомца одной богатой дамы, попенял Аполлон Михайлович своей проблемной клиентке. – Он, как тот неуловимый Джо – все его видят, но никто не ловит. Представляете, о вашем сине-меховом беглеце, написали в газете.

Жизель густо покраснела и призналась.

– Это я дала объявление о вознаграждении. – и, заметив осуждение в глазах специалиста, воскликнула, ломая руки.

– А, что мне оставалось делать? Может быть, хоть кто-то, войдет в моё положение, откликнется и поймает Кельбаса.

Кучкин поморщился – ага, все так и кинулись бегать по помойкам и лазить по подвалам, вылавливая опасную тварь странной окраски.

– Здоровая конкуренция еще никому не помешала. – шмыгнула носом Жизель. – Запомните – нет Кельбаса, не

будет и гонорара. Я не собираюсь каждый день кормить вас вкусными обедами за просто так.

Кучкин обиделся – позвольте, но он и не набивался. Владелица «Лампапуделя» сама напросилась, сунув взятку в виде комплексного обеда.

– Не торопите события. – специалист держался с достоинством и на выпады вздорной девицы старался внимания не обращать. – Все разрешится в самое ближайшее время.

В этот момент Кучкин вспомнил про ту самую троицу подростков, бегающих, вначале, возле мусорных ящиков, а затем, зачем-то, сунувших нос в подвал.

– Вот откуда ноги растут! – обрадовался своей догадке Кучкин. – Отлично – детишки вспугнут этого самого Кельбаса и мне останется его выловить, когда питомец совсем отчаится. Пара пустяков. Надеюсь, после этого, девица от меня отстанет. Второго квартиранта Барселона совершенно точно не переживет. Хотя, – отвлекся от грустных мыслей Кучкин. – если она и ее станет кормить вкусными обедами, то кошка, пожалуй, предпочтет иметь рыжеволосую хозяйку, заботливую и внимательную, вместо такого распутехи, как я.

Тяпа нетерпеливо дернул поводок и Кучкин, вспомнив о том, что работа-работой, но и отдыхать тоже, когда-нибудь, надо, поспешил домой, торопливо помахав рукой, растерянной Жизели.

Впрочем, скучать в одиночестве той не пришлось – какая-то женщина, таща за собой на поводке карликовую сви-

ную, уже взбегала по ступеням к дверям салона «Лампапудель».

– Этой особи, что, тоже понадобились укладка и блестящий лак на копытах? – удивленный Кучкин едва не загрел под колеса автомобиля, отвлекшись на дивное видение свиньи и её хозяйки. – Чего только не увидишь в нашем городишке – вампиры, дамочки в рыжих кудряшках, свиньи, спешащие в парикмахерскую. Куда катится мир?

Мир, по мнению Тяпы, катился к ужину, пусть и состоящему из одного блюда, которое пельмени. Пельмени – это, все же, лучше, чем ничего.

Квартира Лидии Николаевны, по сей день пребывала в запустении и даже вездесущая Карташиха, не шастала по ступеням между этажами.

Барселона выглядела взъерошенной и сердитой, но подношение в виде жирной и свежей рыбки, приняла благосклонно, сразу же начав шипеть на Тяпу, в котором уверенно опознала конкурента.

Тяпа проявил выдержку и не стал требовать сырых пельменей. Кушать сырое, подражая шипящей и фырчащей Барселоне, было ниже его достоинства. Он – пес благовоспитанный и приученный к режиму.

Пельмени они с Кучкиным разделили по-братски – большая часть отправилась в миску к Тяпе, меньшая – в тарелку специалиста. Рыбы им не досталось вообще – Баська сожрала ее вместе с плавниками и теперь, блаженно щурясь и зевая

во всю пасть, наглая вислоухая, словно бы намекала беспокойным сожителям о том, что им пора покинуть комнату – мол, спать мешаете порядочным кошкам, так что, катитесь, не сбивайте режим.

Кучкин и сам бы не отказался прикорнуть минут на сорок, исключительно для пользы пищеварения, но, не судьба – дела не оставляли специалисту ни минуты покоя. Аполлон Михайлович намеревался засесть за просмотр местных новостей и хорошенько подумать.

Очень полезное занятие – думать.

Хорошо было бы, в процессе обдумывания, играть на скрипке, как Шерлок Холмс или же, курить трубку. Но, вот беда – Кучкин совершенно не умел играть на музыкальных инструментах и на дух не переносил табачный дым.

Аполлон Михайлович мог бы озадачиться поливом своих нежных орхидей, опять же, в процессе обдумывания, как поступал знаменитый Ниро Вульф, но, орхидей у него не имелось. Имелся кактус, произраставший в горшке на подоконнике, и коловший Кучкина всякий раз, когда тот задергивал штору на ночь.

Хозяин квартиры постоянно забывал о растении, торчавшем из горшка, потому и страдал, извлекая колючки из собственного тела.

В отместку зеленому хулигану, Аполлон Михайлович мало и редко поливал свой кактус, что, впрочем, совсем не мешало обитателю керамического горшка расти вширь и вверх,

постепенно осваивая территорию.

С утра следовало посетить офис и посмотреть – не оставил ли кто, послания для А.М. Кучкина.

Затем, специалист по решению вопросов намеревался вернуться к семнадцатизэтажному зданию и еще раз пробежаться по этажам. Может быть, в этот раз ему повезет.

*

– Что делается! Что делается! – собрав вокруг себя пару-тройку мамаш, выгуливающих упитанных карапузов обо-его пола, вещала Карташиха, размахивая руками, точно ветряная мельница крыльями. В руках тетка держала газету и дирижировала возмущенными криками мамочек и их деточек, словно дирижер палочкой. – Снова маньяк! От нашей полиции нет никакой пользы!

– Что-то случилось? – Аполлон, пребывающий в отличном расположении духа, по причине спокойно проведенной ночи, решил проявить солидарность с митингующими во дворе соседями. – Наталья Медисовна, вы что-то говорили про маньяка?

– Именно, про него. – Наталья Медисовна, разгоряченная собственным возмущением, развернулась к Кучкину лицом, красным и парующим от негодования. – Капустка пишет, что обнаружена еще одна жертва маньяка.

– Он надругался над ней, мерзавец! – ахнула молоденькая и впечатлительная девчушка в кожаной мини-юбке, но с годовалым карапузом на руках. – Негодяй!

– Убил? – вторила ей еще одна, в кокетливых очках и с электронной сигаретой в руках. За руку курящей мамашки цеплялась симпатичная девочка лет четырех, увлеченноковырявшаяся в собственном носу. – Что пишет Капустка?

– Обнаружена еще одна жертва маньяка, – вдохновенно вещала Наталья Медисовна, по всей видимости, выучившая статью в газете «Свекруха», наизусть. – Девушка девятнадцати лет, Карина М., была найдена на улице Строителей, перед павильоном «Купаты и прочая прелесть», примотанной к столбу скотчем, в совершенно обнаженном виде и обритой наголо. Пострадавшей кто-то сунул в рот сладкий пончик с повидлом, и Карина М. не могла позвать на помощь, оказавшись в затруднительной ситуации. Жертва маньяка освобождена от скотча и доставлена в ближайшую больницу. Поиски злоумышленника, купившего пончик с абрикосовым вареньем и обрившего девушку, ведутся. Полиция, как обычно, от комментариев отказалась.

– Он, так скоро, весь город на лысо обреет! – взвизгнула пожилая тетечка, крепко держащая за руку мальчишку в резиновых ботах и шапке с помпоном. – Страшно на улицу выходить! Мы-то, ладно, успели пожить, но детям, за что? – и прижала мальчишку к своему округлому животу. Слегка придушенный пацан принялся вырываться из крепких объятий, а шумные мамочки, окружив Карташиху, наперебой стали обсуждать последние новости про местного маньяка.

Карташиха цвела и пахла, наслаждаясь всеобщим внима-

нием.

– Дурдом. – прокомментировал, происходящее у родного подъезда безобразие, Кучкин и проследовал к своему офису.

Охранник приветливо раскланялся с сыщиком-любителем, пряча улыбку в пушистых усах. Кучкин, по его мнению, выглядел нелепо – в своем куцем пиджачке и ярком шарфе, Аполлон Михайлович меньше всего походил на опытного и удачливого работника. Но, человеком, Аполлон Кучкин был хорошим и потому, охранник лишь снисходительно посмеивался, но здоровался с Кучкиным радушно и с улыбкой.

Никаких таинственных посланий в почтовом ящике Аполлон не обнаружил. Отсутствие почты, оптимистично настроенного специалиста-консультанта, ничуть не расстроило и он, напевая веселую песенку, покинул здание, направившись по знакомому маршруту.

Проходя мимо дома пенсионерки Горемыкиной, Кучкин, было, вознамерился навестить Таисию Григорьевну, рассчитывая выяснить, что именно свистнули у вздорной старушки, но, заметив за углом дома знакомую полицейскую машину, свои намерения изменил и, поторопив флегматичного Тяпивара, отяжелевшего после плотного завтрака, свернул не в привычном месте, а направился к дому коллекционера Дохлика через городской скверик, крохотный, пыльный и скучный.

Кстати, с этой стороны семнадцатизэтажного дома отлично просматривался балкон пенсионера, а, над ним..

Распахнутое балконное окно на четвертом этаже невольно привлекло внимание специалиста по решению проблем. А, что если, Петриков, перепуганный ночным летуном, чрезмерно взбодрившись и впад в состояние паники, ввалился именно на этот балкон? Ввалился, очнулся и сунулся в квартиру, а, там, узрев то, чего ему видеть не полагалось, получил по голове и очухался уже в подвале?

«Отличная версия. – сам себя похвалил Кучкин. – Надо бы ее проверить, а для этого мне необходимо попасть в ту самую квартиру».

Разумеется, соваться просто так в преступное гнездо предполагаемых вурдалаков, Кучкин не собирался. Тем более, не стоило тащить за собой Тяпу. Псу никто никаких задатков не выплачивал. Вдруг, злоумышленники сумеют как-то навредить сенбернару? Что он, Аполлон, скажет тогда владелице Тяпивара, милейшей Лидии Николаевне? Он, Кучкин, не Жизель и не умеет так лихо краснеть лицом и бросаться в бурные рыдания.

Давешняя тройца молодых людей – парень и две девушки, о чем-то яростно споря, тусовались возле подъезда.

«Тусовались» – это молодежный сленг и мысленно Кучкин укорил себя за то, что опустился до употребления словечек-паразитов. В общем, подростки прохаживались возле дверей, нужного Аполлону подъезда и при этом, совершенно точно, что-то затевали.

«Шкодники. – поморщился Кучкин. – Нет бы делами за-

нялись, по дому родителям помогли, а то шлындают где хотят и, когда хотят. Лоботрясы!»

Лоботрясы незаметно наблюдали за Кучкиным, вернее, за огромным псом и о чем-то шептались.

– Давайте одолжим пса у этого дядьки. – предложила Маргарита Мартыненко, нетерпеливо топая ножкой. – Пес вынюхает следы нашего неуловимого реликта и ты, Антон, поймашь его при помощи сетей.

Антон Фуфайкин – высокий, рыжеволосый парень, снисходительно улыбнулся, поглядывая на свою девушку. Да, эта пухленькая девица с колечком в носу, являлась его подружкой, а вторая – худощавая и такая же рыжеволосая, как и сам Антон, сестрой. Троица охотилась на некую, неизвестную науке, тварь, с недавних пор бегающую по улицам родного города.

До маньяка, брившего головы местных красавиц, подросткам не было ни малейшего дела. Маньяков – много, а, неизвестное науке существо, обладающее скверным нравом и мехом колоритного цвета – одно на весь белый свет.

Подростки твердо решили изловить ту самую тварь, сфотографировать ее для потомков, прославиться и получить вознаграждение. Синяя гигантская крыса-мутант, шастающая по «мусоркам» и пугающая обывателей – это, само-собой, не йети, огромный и ужасный, но для сенсации сгодится. К тому же, у девиц уже имелся некий опыт охоты на реликтовых созданий, а у Антона – нет. Это задевало

и расстраивало парня, заставляя стремиться к новым горизонтам. Ко всему прочему, Антону очень хотелось угодить своей подружке. Ради Маргариты он был готов переловить всех городских крыс, составив конкуренцию местным котам и службе надзора за животными.

– Не одолжит. – Антон скептически взглянул на Аполлона Михайловича Кучкина, задержавшись взглядом на ярком шарфе, утепляющем шею специалиста. – Слишком серьезный. Такие никому и никогда не доверяют заботу о своих животных.

В этом прозорливый Антон, угадал – Кучкин не смог выбросить на улицу вздорную вислоухую нахалку, оставленную ему в наследство прежним хозяином квартиры. Дело в том, что Аполлону Михайловичу, как сироте, полагалась личная жилплощадь от государства. Ему ее и предоставили, но к огромному удивлению нового собственника, в квартире обнаружился жилец – наглый, усатый и о четырех лапах.

Продав свое жилье, бывший хозяин избавился заодно и от наскучившего ему животного, оставив того на привычном месте и Кучкину ничего не оставалось, как смириться с присутствием еще одного жильца на своих законных квадратных метрах.

Честно говоря, Барселона считала именно Кучкина наглым захватчиком и агрессором. Она-то, кошка, уже, пару лет, как обитала в этой квартире и даже умудрилась как-то привести котят, загуляв с соседским британцем Яшей. Ко-

тят благополучно продали, Яшу – кастрировали, а, Баську – бросили.

Будучи сиротой, Кучкин не мог оставить несчастную кошку без жилья, так и не решившись выставить мелкую пакостницу за двери.

– Мы возьмем и спросим. – решительно тряхнула косой боевитая Натка. – Вежливо. Ты, Антоша, смотри и учись.

Логическим путем вычислив номер той самой, заинтересовавшей его квартиры, Аполлон Михайлович вознамерился проникнуть в нее обманным образом. Как именно, спросите вы? Очень просто – представившись сотрудником какой-нибудь жилконторы. Управляющей компании, на пример.

Мешало присутствие пса. Кучкин никогда не встречал слесарей или там, газовщиков, с собакой на поводке. Люди, работающие в сфере коммунальных услуг, они же не саперы и не наркоконтроль. Им собаки без надобности.

И просто так пса на улице не оставишь – вдруг какой-нибудь ребенок привяжется к Тяпе и вздумает познакомиться с псом поближе. Угостит, конфеткой, например.

Очень не хотелось бы Кучкину, с самого утра, посещать здание полиции и писать всякие разные объяснительные и, уж тем более, оплачивать штрафы. А, оставь он Тяпу у дверей подъезда, то штрафа, совершенно точно, избежать не удастся.

– Давайте, мы с вашей собачкой погуляем? – предложила, впавшему в задумчивость, Аполлону несовершеннолет-

няя девица, с косой до самой попы и в веснушках по всему лицу, подкравшись неожиданно, со спины. – Очень она у вас замечательная и морда у неё умная, как у нашего учителя химии. Такая же щекастая, только очков не хватает.

Тяпа, поняв, что речь идет о нём, приосанился и вильнул хвостом – мол, я и вправду так хорош, просто прекрасен. И погулять не откажусь с милыми детишками, вместо того, чтобы снова бегать по лестнице и лишний раз напрягаться.

– Это – чужая собака. – строго произнес Кучкин, разрываясь на части. Одна из частей гнала специалиста на четвертый этаж, вторая – укоряла и призывала вести себя ответственно и следить за, порученной его заботе, собакой. – Кстати, – хитро прищурился Аполлон Михайлович, придирчиво рассматривая, самого высокого из троицы – представителя сильного пола, рыжего и в веснушках. – почему вы не в школе?

Подростки переглянулись.

– Мы – прогуливаем. – пожав плечами, честно ответил Антон Фуфайкин. – Чего мы не видели на этом обществоведении? Фигня какая-то, а не предмет.

– Хорошо, что не соврал. – Кучкин пребывал в раздумьях, а Тяпа, тот желал на прогулку. Шастать по лестницам вверх и вниз, псу не хотелось. Все же, Тяпивар принадлежал к породе тяжеловесов, лентяев и больших любителей покушать.

– Мы – аккуратно. – обещался, единственный мужчина из этого трио прогульщиков, высокий, рыжеволосый парнишка

со слегка торчащими ушами. – Ваш пёс – такой миляга. Сразу видно – воспитанный и дружелюбный.

«Воспитанный и дружелюбный» Тяпивар заинтересованно взглянул на третью из троицы – пухленькую девицу. Тяпа совершенно точно знал, что в карманах у девицы имеются конфеты и чипсы. И, если чипсы – это вкусно, то конфеты – очень вкусно.

Вот у временного хозяина Тяпы, Кучкина, в карманах не было ничего, кроме ключей.

Ключи от квартиры для Тяпивара интереса не представляли.

– Хорошо. – Кучкин решился, чувствуя, что руки, аж зудят от азарта. – Но, я на вас надеюсь. И – никаких конфет! – строго предупредил он подростков. – От сладкого у собаки могут испортиться зубы и заболеть желудок.

Тяпа возмущенно засопел – зубы? Желудок? Да он здоров, как бык и нечего тут.. наговаривать!

Подростки синхронно кивнули, лишь пухленькая девица, презрительно скривившись, быстро засунула в рот конфету.

Пес взглянул на Маргариту с надеждой, а, та, не удержавшись, озорно подмигнула лохматому сенбернару.

Передав поводок Антону – Антон Фуфайкин – полностью и подробно представился парень, Кучкин с легкой душой направился к знакомому подъезду.

В этот раз он решил не оповещать Дохлика о своем визите – мало ли? Вдруг, за пенсионером ведется слезка, или, что

еще хуже – в его квартире установлена прослушка?

В подъезде Аполлон Михайлович огляделся и едва не воскликнул «бинго»!

– Это я удачно зашел. – тихо, на цыпочках, Кучкин прокрался к спящему на ступеньках человеку.

Человек, по всей видимости, утомившись ближе к середине рабочего дня, решил слегка передохнуть и задремать после плотного обеда. Ранний обед, по догадкам Аполлона Михайловича, сопровождался бурными возлияниями градус содержащих напитков.

Прикрывшись синей спецовкой, работяга мирно дремал, сивухой от него разило не слабо, а легкое похрапывание свидетельствовало о том, что проспит бедолага, минимум еще полчаса, если, конечно, никто не наступит ему на руки.

– Где же прогуливается местный, очень строгий домком? – радостно усмехнулся Кучкин, проворно сдергивая со своей шеи яркий шарф и торопливо натягивая чужую спецовку. – Смотрит длинный сериал и знать не знает о том, что работники нагло отлынивают от труда и беззаботно дрыхнут на ступеньках? А, и ладно – все, как говорится, к лучшему.

Набросив на спящего работягу, продолжавшего обогащать воздух подъезда могучим сивушным духом, шарф и прихватив для правдоподобия сумку с инструментами, Кучкин, откашлявшись, бодро рванул вверх по лестнице, проскочив место проживания своего, самого первого клиента и решительно забарабанив в двери нужной квартиры, распо-

ложенной на четвертом этаже.

Долгое время никто не отзывался. Кучкин, совсем было собравшись уходить, замер, услышав негромкое: «Кто там»?

Аполлон Михайлович откашлялся и невнятно буркнул:

– Управляющая компания. Проверка.

Проверка чего и с какой целью, Кучкин предусмотрительно не уточнил. Скорей всего, тот самый субъект, мирно почивавший на твердых ступенях, направлялся куда-то по месту, имея строго определенную цель. Вероятно, по квартирам тот тип шастал регулярно, примелькавшись и намозолив глаза. Так что, визиту Кучкина никто особо не удивится.

Он же, Кучкин, отнесется к делу ответственно – проверит все, что только можно – и счетчик, и воду, и проводку, и остальное, на что глаза наткнутся.

*

Млада Великанова, встретившись и расставшись с Гамлетом Аванесовичем Гогулидзе, вернулась и начала репетировать. Ну, как начала? В одиночку репетировать ей было скучно. Младе хотелось внимания, восторженных вздохов и ахов, одобрения и почитания со стороны преданных поклонников ее таланта. Можно и не поклонников, но обязательно, эмоций, живых и ярких.

Репетировать перед зеркалом в пустой квартире?

Млада решительно залезла в свой комфортабельный гроб, устроилась поудобнее, прокручивая в голове слова из своей роли и неожиданно для себя самой, уснула.

После недавнего происшествия с незапланированным визитом незнакомца, ворвавшегося в квартиру через балкон, Млада и ее напарнику пришлось напрячься и принять меры, изолировав негодяя от общества, отправив того в подвал на перевоспитание.

При этом, Млада чувствовала себя Мальвиной, запершей Буратино в страшном и темном чулане.

Всю ночь Млада вертелась и крутилась, не выспалась и поэтому, с утра пребывала в скверном расположении духа. Гнусный соглядатай, вторгнувшийся через балкон, в конспиративную квартиру, вызывал у будущей звезды отчаянную аллергию. Ей хотелось схватить негодяя и требовать четкого ответа – кто, зачем и как?

Впрочем, Млада и без допроса, все знала о том, кто, зачем и, как. Подозрения, одно черней другого, терзали душу восходящей звезды. Звезда пребывала в шоке и желала придушить лазутчика, пока тот не раскрыл недругам Млады и Гамлета сведения о месте их дислокации.

Раздосадованный Гамлет, посетив с утра свою подругу, сообщил, что преступный элемент внезапно покинул место заточения, испарившись самым мистическим образом.

Кое-что слышавшая об очень строгом домкоме, Млада Великанова предположила, что представитель общественности, встревоженный странными звуками, доносившимися из подвала, спустился вниз и освободил узника из темницы.

В общем, расстроенная скверными новостями, Млада,

вспылила и выставила Гоголидзе вон.

А сама, предалась унынию, заснула и была разбужена громким стуком в дверь.

Позевывая и, все еще, находясь в состоянии полусна, Млада добрела до дверей, глянула в «глазок» и, узрев рабочую куртку какого-то трудяги, беззаботно ту самую дверь распахнула.

– Управляющая компания. – Аполлон Михайлович, низко наклонив голову, шустро протиснулся между дамочкой и дверным косяком. – Проверка. Позвольте пройти?

Млада пожала плечами – да, запросто. Квартира, один фиг, не её. Так что, пусть проверяет. Не жалко.

– Проходите. – ничуть не смущаясь своего, наполовину оголенного тела, Млада направилась на кухню, надеясь на то, что служащий управляющей компании не станет бесцеремонно шастать по дому.

Напрасные надежды. Кучкин не собирался терять свой единственный шанс – он, убедившись в том, что хозяйка квартиры схватила в руки чайник, резво скакнул к неплотно прикрытым дверям, ведущим в комнату, рванул двери на себя и...

Остолбенел.

Петриков не врал, да и пенсионер Дохлик не преувеличивал – он, Кучкин, и в самом деле попал в самое гнездо вампиров, вурдалаков, или, как там еще обзывают сих кровососущих созданий.

Посередине комнаты, на столе, стоял гроб, открытый и убранный изящными, белоснежными тканями, прозрачными и похожими на тюль.

На полу, под столом валялся кокетливый плед, мягкий, пушистый. Мятного цвета.

Но все внимание Кучкина было устремлено на небольшую лужу, типично-красного цвета, весьма похожую на пролитую и уже загустевшую, кровь.

– Гроб. – оторопел Кучкин, медленно пятясь назад. – Кровь... и, вампиры?

– Опять? – пронзительный женский вопль заставил волосы специалиста по решению вопросов встать дыбом, да так и остаться в том жутком состоянии. – Еще один? Шпион? Ну, пеняй на себя! Ты пожалеешь о своем безрассудстве, несчастный!

Кучкин проворно отскочил в сторону, обернулся на голос и взвыл, теперь уже сам. На него, медленно надвигалась та самая дамочка, кровожадно скаля длинные клыки и пугая непрошенного гостя неестественной белизной своей алебастровой кожи.

Дамочка кривила алые губы и вопила одно единственное слово.

– Вон!

Все sireны мира могли позавидовать силе её легких, а Кучкин, продолжая позорно вскрикивать, точно впечатлительная барышня, отмер и, забыв про сумку с инструмен-

тами, кинулся бежать, едва не вынеся входные двери собственным лбом.

Вслед специалисту, едва не огрев того по макушке, из дверей странной квартиры, вылетела рабочая сумка местного выпивохи и, соприкоснувшись со стеной подъезда, свалилась вниз по лестнице, подпрыгивая на ступеньках.

Страшная вурдалачка, смоляные волосы которой шевелились, точно змеи на голове Медузы-горгоны, продолжала вопить, но Кучкину было уже все равно. Он очнулся лишь у самого выхода из подъезда, едва не снеся при этом мирно спящего трудягу, обогащающего воздух подъезда стойким ароматом перегара.

– О-у-х-х! – зацепившись за вытянутую ногу работяги, Кучкин неловко взмахнул руками и упал, здорово долбанувшись головой об эту самую ногу.

– Хорошо, хоть не о каменные ступени. – подумал специалист по решению вопросов и отключился.

*

– Что, здоровяк, – обратилась к мохнатому псу Маргарита, торопливо шурша разноцветной бумажкой. – конфетку хочешь?

Тяпа хотел. Девушка с колечком в носу сразу же покорила большое и доброе сердце сенбернара. О, она определенно смогла отыскать ключик не только к сердцу, но и к желудку чужой собаки.

– Г-гав! – рявкнул Тяпа, широко распахивая пасть – мол,

чего медлишь? Давай конфетку!

Вопреки опасениям Тяпы, девица не испугалась и конфету уронила не на грязный асфальт, а, куда нужно – точно на язык огромного пса.

– Ну, ты даешь, Марго! – восхитился отвагой подружки, рыжеволосый Антон. – Если бы этот собакен возбуждился и отхватил тебе полруки?

Марго презрительно прищурилась – Тяпа выглядел солидно, вел себя благоразумно и руки никому откусывать не собирался. Особенно те, которые угощали вкусными конфетами.

– Р-гав! – пес наклонил лобастую голову и укоризненно взглянул на Антона. – М-мало! Р-гав!

– Держи еще, обжора! – это уже Натка полезла в свой собственный карман. – Мало ему!

Тяпа облизнулся – конфеты привели его в благодушное настроение. Пес любил детишек – они, обычно, не такие жадные, как взрослые и не прячут конфеты, прикрываясь дурацкими отговорками про вред здоровью и больные зубы. Все у него, у Тяпы, нормально с зубами, равно, как и со всеми прочими органами.

– Вкусно? – вкрадчивым голосом поинтересовалась Маргарита, шурша фантиками. – Еще хочешь?

Тяпа хотел, но насторожился – уж очень хитро поблескивали глаза у девчонки.

– Давай – так. – предложила Маргарита, надеясь, что со-

образительный пес поможет им, приняв участие в трудных поисках неуловимого реликта. – Мы тебе – конфеты, а ты..

«Опять нюхать какую-нибудь гадость. – поморщился Тяпа. – Гемоглобин содержащую.»

– Ты, здоровяк, сможешь нам выследить хозяина клочка этой шерсти. – девчонка бесцеремонно сунула Тяпе под нос что-то синее и пушистое. – Идет?

Тяпа втянул воздух ноздрями – запах оказался незнакомым, но, не таким неприятным, как в квартире пенсионера Дохлика. Специфическим и, ни на что не похожим.

Пес поднялся, отряхнулся и медленно побежал вокруг дома.

– Учужал, что ли? – не веря собственному счастью и хваля себя за догадливость, пробормотала Маргарита, дергая подругу за кончик косы. – Смотри, Наташ, он точно что-то унюхал.

– Думаешь? – скептически покосилась на пса-тяжеловеса недоверчивая Натка. – Может быть он кустик ищет попривлекательнее для своих интимных, собачьих дел.

– Нет, он точно что-то вынюхал. – темные глаза Антона горели азартом. – Бежит быстро и целеустремленно.

В этот момент пес оглянулся, дергая поводок и смотря на подростков укоризненно – мол, чего застыли? Сами навязались на мою голову, а теперь, в кусты?

Троица отважных охотников за реликтовыми созданиями помчалась за псом, тот – вперед, вдоль дороги, подальше от

семнадцатизэтажки.

– Я с Грачевым поспорил. – торопливо проговорил Антон, обращаясь к девчонкам. – Грач утверждает, что синих крыс не существует, но репортер Капустка не станет врать. Про чупакабру не соврал же?

Натка передернула плечами – то самое фото, таинственного душиателя кур из дачного поселка Шмурыгино, имело успех и девочки, ухитрившиеся выследить легендарного зверя, превратились в школьных знаменитостей, получив свою минуту славы. Но, слава, она, как огонь – ее надобно регулярно подпитывать, подбрасывая в костер дровишек. Как кстати объявился этот самый, синешкурый зверь. Они его обязательно выследят и сфотографируют для потомков. Ну и заодно, Грачеву нос утрут, в очередной раз.

Тяпа целеустремленно двинулся к мусорным бакам, выкрашенным в кислотно-салатовый цвет и установленным на, огороженной сеткой-рабицей, площадке.

– Заново в мусоре ковыряться. – недовольно скривилась Натка, стараясь не отставать от, хоть и упитанной, но очень быстро бегущей, подруги. – Мы скоро, как бомжи станем, все наши вещи пропитаются ядовитыми миазмами местной свалки! Так никакой одежды не напасешься, да и бабуля, взяла моду принохиваться. – возмущенно жаловалась Фуфайкина. – Принохивается и нос морщит.

Пес громко зарычал и сердито рывкнул, резко остановившись. Антон, бегущий следом за Тяпой, налетел на мохнатое

препятствие, споткнулся, едва устояв на ногах.

Из-за мусорного бака, с громким визгом и недовольным цоканьем, выскочило что-то синее и быстрое, ловко перепрыгнуло через оторопевшего Тяпу, оттолкнулось от ноги Антона и, вереща, словно бешенная белка, рвануло подальше и от подростков, и от пса, их сопровождающего.

– Натка, держи его, хватай! – вопила Маргарита, не выпуская из рук миниатюрную камеру. – Нет, вы только посмотрите – и, впрямь – весь синий и цокает!

Натка, мимо которой это синее и цокающее, проскочило на немыслимой скорости, с удивлением рассматривала собственные ладони, не сумевшие ухватить нужное за уши.

– Здорово бегаёт. – уважительно произнесла девчонка. – Метеор, блин!

– Сбежал зараза! – шмыгнула носом Маргарита, утешаясь тем, что хоть что-то, но на видео осталось. – Жаль. Но, ничего – никуда он от нас не денется. Поймаем обязательно.

Тяпу погладили и потрепали по холке, сунув сенбернару, в качестве награды за отлично проделанную работу, пару вкусных конфет, лишенных обертки.

Пес довольно щурился, вывалив язык.

– О, смотрите, – удивился Антон. – там, у подъезда, какая-то движуха наметилась. Кажись, – обратился парень к Тяпе. – у твоего хозяина неприятности.

*

– Опять? – простонал Кучкин, очнувшись после паде-

ния. – Что за напасти, да на мою голову?

Специалист попытался этой самой головой потрясти, но для него ничего не изменилось.

– Господин специалист, – на Кучкина смотрели два карих глаза, принадлежащих Жизель Малявкиной и смотрели укоризненно. – Вы снова упали, потеряли собаку и едва не придавили этого несчастного человека. – Жизель ткнула пальцем в спящего и, всхрапывавшего в процессе сна, сантехника без спецовки. – Это наш слесарь. Местный любитель горячительных напитков. Зачем вы забрали у дяди Феди его куртку, натянули ее на себя, а рабочий инструмент рассыпали по ступенькам?

Кучкин вздохнул, попытался встать и убедиться в целостности своего организма. Организм при падении почти не пострадал, чего не скажешь о самолюбии Аполлона Михайловича. Ему, самолюбию, был нанесен удар – снова свалиться со ступенек и пасть в глазах этой рыжей язвы в сером? Обидно.

– Я сделал это в целях маскировки. – Кучкин решил не уточнять и не давать развёрнутый ответ на вопрос любопытной Жизели. Обойдется рыжая язва без пикантных подробностей.

Аполлон быстро встал и неторопливо избавился от спецовки, принадлежащей работнику местного сервиса. – Видите – возвращаю вещь, в целостности и сохранности.

– Вы пытались отыскать Кельбаса, мимикрируя под

хмельного сантехника? – Жизель округлила глаза и сложила губы буквой «о». – Думаете, получится?

– При чем здесь ваш Кельбас? – Кучкин потерял бдительность и подставился. – Я выслеживал вампира, а, тут, такое..

– Вампира? – обидно рассмеялась Жизель, покрутив пальцем у виска. – Падения определенно плохо влияют на ваши умственные способности и общее состояние организма. – Скажете тоже – вампира! Их не существует! Вампиров выдумали сказочники и работники индустрии развлечений.

– Я, как и вы, раньше считал, что вампиры – выдумка, – развел руками Аполлон Михайлович. – но, пришлось убедиться в обратном. Одна из зубастых бестий едва меня не загрызла. Там. – и ткнул пальцем в потолок.

– Там – это, где? – на всякий случай, уточнила Жизель.

– Там – это в квартире на четвертом этаже, двери справа, такие, с золотистыми цифрами.

Жизель сморщила носик.

– Должна вас огорчить, господин специалист. – девушка насмешливо улыбнулась. – Угловая справа квартира пустует, вот уже целый год. Хозяева уехали за границу и никаким жильцам жилплощадь не сдают. Придумайте другую отговорку, а не рассказывайте мне глупые страшилки для малолеток.

– Мне открыла двери девушка – черноволосая и с клыками. – настаивал на своем Кучкин. – А, ещё – в квартире я видел гроб. Тот воришка, освобожденный нами из подвала,

помнится, тоже рассказывал о злобной фурии со страшными зубами во рту и об её дружке-сообщнике.

– Воришка? – Жизель сердито топнула ногой. – Вы якшаетесь с криминальным элементом? Стыдно, господин специалист-консультант! И не нужно оправдывать собственную некомпетентность, прикрываясь дурацкими выдумками. Вампир ему помешал ловить Кельбаса! Скажите ещё, что зубастая дамочка вас с лестницы спихнула.

– Спихнулся я сам. – с достоинством ответил Кучкин. – Но, она меня напугала. Я и спихнулся, от неожиданности!

– Всё вы лжете! С меня хватит! – Жизель всхлипнула. Из глаз девушки покатались крупные, круглые слезы. – Вы – гнусный обманщик, лентяй и вымогатель, не желающий честно трудиться и держать данное слово. Я в вас разочарована! Прощайте.

– Но.. – растерянный Кучкин попытался задержать Жизель. – Я вовсе не обманщик.

Девушка не желала ничего слушать и понимать. Роняя горькие слёзы и давясь обидой, Жизель выскочила из подъезда и, проскочив мимо троицы подростков с собакой, поспешила в свой салон. Там, за закрытыми дверями, обняв мягкую игрушку в виде плюшевого зайца, владелица салона «Лампапудель» дала волю своему горю, выплакивая его горючими слезами.

– Удивительно нервная дамочка. – словно извиняясь перед спящим сантехником, дядей Федей, развел руками Куч-

кин. – Не верит ни единому моему слову, а ведь я сказал чистую правду.

В это время во дворе послышалось басистое гавканье Тяпы. Кучкин, позабыв про Жизель и её слёзы, устремился на улицу, опасаясь, что с питомцем Лидии Николаевны произошло что-то скверное.

Вырвавшись из полутьмы подъезда, Кучкин, совершенно неожиданно для себя, оказался в крепких объятьях человека в форме.

– Попался, негодяй! – плечистый полицейский ловко скрутил Аполлона Михайловича, сунув специалиста носом в пыльный асфальт. – Теперь не отвертишься, маньяк! Ответишь за все свои штучки!

– Маньяк? – оторопел Аполлон Михайлович и не пытаясь сопротивляться представителю власти. – Я? Неужели похож?

– Похож, похож. – довольным голосом произнес служитель закона. – В зеркало взгляни – вылитый он.

– Поймал мерзавца? – хорошо знакомый Кучкину молодой голос, принадлежал ненавистному Гоноренко. – Покажи мне его подлую физиономию, я хочу взглянуть в бесстыжие глаза человека, сделавшего несчастными столько женщин нашего города.

Кучкина вздернули вверх и встряхнули.

– Маньяк. – с удовольствием повторился страж порядка. – Я иду и вижу, как из подъезда дамочка выскочила, вся в слезах и кудряшках. Неслась на каблуках, точно на роликах. А

за ней, вот этот.. Я сразу понял, что дело нечистое.

– Господин специалист? – голос Гоноренко полнился ехидством, точно пчелиный сот, медом. – Вы теперь, что, за клиентками сами бегаете? Вылавливаете их по всему городу и принуждаете к сотрудничеству?

Кучкин фыркнул – вот еще! Станет он оправдываться?

– Отпустите его, сержант. – распорядился участковый.

– Он – не маньяк? – разочарованно протянул полицейский, неохотно выпуская Кучкина из своих крепких объятий.

– Это – специалист-консультант по конфиденциальным вопросам, сержант. – вздохнул Гоноренко с нескрываемым сожалением. – И он, поверьте, куда беспокойней маньяка.

Исполнительный сержант выпускал Аполлона медленно и неохотно, словно не желая прощаться с мечтой о наградах и почестях, полагающихся ему за поимку опасного негодяя.

Кучкин, высвободившись, требовательно взглянул на Гоноренко – мол, давай, колись, участковый.

Тот, вместо ответа, молча протянул Аполлону Михайловичу скандальный газетный листок.

Захлебываясь от восторга, корреспондент Капустка, оглашал последние новости, трубя на весь город о новом преступлении неуловимого преследователя женщин.

«Любовь С., – писал Капустка. – неожиданно для себя, стала очередной жертвой городского маньяка. Молодая преподавательница художественного училища, возвращаясь до-

мой после занятий, неосмотрительно свернула на пустынную аллею городского парка. Вопиющее безобразие – администрация города пренебрежительно относится к своим обязанностям и совершенно не следит за состоянием городской собственности. Парк весь зарос травой и кустарником. Молодая поросль скрыла от глаз бдительных горожан тропинки и аллеи, что позволило преступнику, совершив свое подлое дело, безнаказанно ускользнуть с места преступления. Несчастную жертву маньяка обнаружила парочка влюбленных, прогуливавшихся среди живописных зарослей, примотанной к дереву скотчем и обритой наголо. Пострадавшая доставлена в ближайший медпункт, где ей была оказана первая помощь. Фото Любови С., до и после встречи с маньяком, прилагается. Правоохранительные органы, – писал Капустка. – по своему обыкновению от комментариев отказались.»

– Какой кошмар! – возмутился Кучкин, в сердцах размахивая скандальным листком. – Невиданная наглость!

– Совершенно точно. – сержант, продолжая подозрительно поглядывать в сторону Кучкина, кивнул головой. – Давить таких надобно при рождении.

– Я – о Капустке. – пояснил Кучкин. – Совершенно бессовестный тип! – и Аполлон Михайлович внимательно взглянул на слегка размытое фото, пострадавшей от рук маньяка, Любови С.

– Позвольте! – воскликнул специалист-консультант. – Но,

это же, Любовь Соколовская, победительница конкурса «Игривая кудряшка».

– Кто вам об этом сказал? – напрягся Гоноренко. – Имя девушки держится в строгой тайне.

– Тоже мне – секрет Полишинеля. – пренебрежительно фыркнул Кучкин, намекая на то, что в городе не так много преподавательниц художественных училищ, обладательниц гордого имени «Любовь». Да и фото жертвы, пусть и не четкое, в газетке-то, опубликовать не постеснялись. – Эти роскошные волосы я узнаю из тысячи, хотя, честно признаться, я голосовал за другую девушку.

– Вот оно что. – разочарованно протянул сержант, совсем было уж собравшийся по новой схватить подозрительного специалиста и заключить того в тесные объятия наручников. – Я, уж, подумал..

И, здесь, Кучкина осенило.

– Остальные девушки, – специалист взглянул на Гоноренко горящий взглядом. – может быть, они тоже участницы конкурса «Игривая кудряшка»?

– Вы в своем уме, Кучкин? – вспыхнул Гоноренко. – Одной из жертв больше сорока и вместо кудряшек – короткая стрижка. Такую еще называют «Зимняя вишня», только я не знаю, почему.

– Это – сейчас у нее короткие волосы. – отрезал Кучкин. – Может быть, она подстриглась? Конкурс проводили летом, а, теперь, как видите, у нас на дворе октябрь.

– Мы проверим. – Гоноренко надулся и взглянул на Кучкина с раздражением – еще один умник на его голову! Мало им Капустки, болтающего, что ни попадя. – Не лезьте в это дело, Аполлон. Им занимаются очень компетентные люди. Не вам чета.

– Проверьте. – пожал плечами Аполлон Михайлович – ловить маньяка, специалист по решению конфиденциальных вопросов, совершенно точно, намерений не имел. Полиции, в конце концов, тоже надобно что-то делать. Вот, пусть и занимаются тем, чем им положено, а не хватают честных людей за шиворот.

*

По привычке, образовавшейся у него в последнее время, профессор Дохлик очень аккуратно приоткрыв двери, высунул нос в родной, но ставший таким опасным, подъезд. Разумеется, как человек предусмотрительный и недоверчивый, Афанасий Анатольевич, предварительно осмотрел в глазок полутемное пространство лестничной площадки. Но, что можно увидеть через крохотное отверстие в двери? Очень мало, а, потому, опасаться следовало всего и всех, тем более, что день давно перевалил за вторую половину, а вампиры, как известно, склонны к ночному образу жизни.

Осенью же, ночь наступает внезапно, сменяя собой унылую серость вечера.

На лестничной площадке уважаемый собиратель древностей никого и ничего подозрительного не обнаружил, но это

еще ни о чем не говорило – вампиры коварны. Они могли подстергать свою жертву у входа в подвал, напасть и утащить в темноту подzemелья несчастного, позабывшего об осторожности, Дохлика.

Передвигаясь медленно и по стеночке, Афанасий Анатольевич семенил к выходу. Ему крайне необходимо было посетить ближайшую булочную. Разумеется, можно позвонить по телефону и заказать доставку пищи на дом, но, кто поручится за то, что вампир не прикинется доставщиком или рассыльным и не загипнотизирует пенсионера через дверной глазок?

Многие, разумеется, посмеются над глупыми страхами мнительного коллекционера, но Дохлику, увы, было не до смеха. К тому же, он возлагал большие надежды на мощный амулет-тотем шаманов африканского племени юмбаинути. Вот и нанятый специалист уверял пенсионера в том, что амулет обязательно поможет и защитит владельца от враждебных поползновений.

Но, как говорится – на шамана надейся, а к берегу гребни. Нельзя складывать все яйца в одну корзину, поэтому Дохлик принял множественные меры к собственной безопасности – натер шею чесноком, прикрыл дряблую грудь крестом из осины, а на запястье правой руки нацепил женский браслет из серебра. Откуда и как в его доме появилась женская безделушка, рассеянный Дохлик вспомнить так и не смог, но очень обрадовался тому, что она отыскалась в самый нуж-

ный момент. Кроме всего прочего, Афанасий Анатольевич прихватил с собой брызгалку для цветов, наполненную гремучей смесью, из самой, что ни на есть, настоящей святой воды и ядерного чесночного сока, собственноручно изготовленного старательным Афанасием Анатольевичем из, купленного в супермаркете чеснока, при помощи инструмента, именуемого «чеснокодавилкой».

Запас, как говорится, карман не тянет, хотя, и изрядно оттопыривает.

Итак, пенсионер медленно сползал по ступенькам, стремясь попасть в булочную еще засветло, как за его спиной раздался дробный стук каблуков.

Каблуки гремели в такт стуку сердца коллекционера, которое испуганной птицей-колибри билось в груди, норовя проломить ребра и вырваться наружу. Всеми фибрами своего организма Дохлик ощущал опасность, исходящую от этой вибрации.

Оглянувшись, Афанасий Анатольевич понял, что его самые скверные прогнозы, вполне себя оправдали – по лестнице спускалась Она!

Она! Та самая бледнокожая и темноволосая дамочка, спутница смуглолицего молодого человека, тащившего гроб куда-то на верхние этажи.

Дамочка торопливо семенила, переставляя ноги в модных полуботинках на высоких каблуках и, казалось, совершенно не обращала внимания на перепуганного коллекционера.

Сегодня изо рта подозрительной особы клыки не торчали.

– Заманивает. – внезапно понял несчастный коллекционер. – Маскируется под обычного человека, а потом, когда я потеряю бдительность, – р-раз, и вопьется прямо в горло! Врешь, – весь, точно ёж, ощетинился Дохлик. – не на такого напала, упырица!

До дверей подъезда оставалась всего пара шагов, но девица уже настигла свою жертву – глаза предполагаемой вампириши горели и сверкали, алые губы кривились в предвкушении трапезы, а пальцы залезли в карман модного, леопардового пальто, дабы там, в кармане, превратиться в кошмарные когти, которыми так удобно хватать и рвать на куски беспомощную жертву.

– А-а-а! – завопил Дохлик, намереваясь дорого продать свою жизнь – из глубин потайного кармана, потертого пальто профессора, мгновенно оказалась извлечена брызгалка, и струя святой воды ударила в лицо кровожадной вампирше.

– Ай-яй-яй! – заверещала девица в леопардовом пальто, закрываясь руками от тугой струи, норовящей смыть, с таким старанием и любовью, наложенный макияж. – С ума сошел, старый хрыч?

«Старый хрыч», заметив, что святая вода, не оказавшая на предполагаемую кровососку нужного эффекта – наверно, выдохлась, в брызгалке почти закончилась, отбросив разбрызгиватель в сторону, ударился в бег, торопливо выскочив из подъезда на улицу.

Неподалеку, Дохлик увидел группу подростков, знакомую собаку и.. специалиста по решению проблем.

– Спасение близко. – решил Дохлик и побежал к людям, выдав стометровку за рекордно быстрое время. В свои далекие, молодые годы Афанасий Анатольевич не мог бегать с такой замечательной скоростью.

Двери подъезда захлопнулись с лязгом, точно пасть доисторического ящера, но Афанасий Анатольевич, к этому моменту, оказался в безопасности, а дамочки в леопардовом пальто и след простыл.

Возможно, девица умчалась на автомобиле, визг тормозов которого слышался где-то поблизости.

Кучкин же, попал из огня, да в пламя.

Троица молодых людей с сочувствием и пониманием прислушивалась к разгорающемуся скандалу – странная бабулька с фиолетовыми волосами и выбритыми височками, обряженная в длинное платье, пошитое в стиле «бохо» и, брошенное поверх него, пальто из тонкой шерсти, бодрым петухом насканивала на владельца большой и мохнатой собаки, столь успешно выследившей цокающего реликтового прыгуна по мусорным бакам.

– Молодой человек! – размахивая длинным, старомодным и не складным зонтом, верещала бабуля, надвигаясь на Аполлона Михайловича Кучкина и грозя лишить того зрения, посредством выбивания глаз острым кончиком своего зонта. – Вы – несознательный и безответственный член об-

щества, несущий опасность этому самому обществу своим разгильдяйством! Где моя вещь? Почему до сих пор я не могу воссоединиться со своей потерей? Вы обещали, вы обещали вернуть мне утраченное в самое ближайшее время.

Худощавый и сублильный Кучкин, слегка уставший от тесного общения с представителями правоохранительных органов, ловко уклоняясь от зонтика бодрой старушки, пытался воззвать к голосу разума и привести Таисию Григорьевну в чувство.

– Я работаю над вашим вопросом. – отбивался несчастный специалист, практически загнанный в угол. – Дело движется, и я почти напал на след похитителей.

– Лжец! Лжец! – не желала верить Горемыкина, продолжая напирать и третировать. – Мне эта вещь нужна немедленно! Я желаю вернуть свою собственность!

– Помогите! – крик Афанасия Анатольевича, спасающего свою жизнь, отвлек Таисию Григорьевну от преследуемого объекта и позволил Аполлону Михайловичу слегка перевести дух.

Скандальная дама, прищулив глаза, спокойно наблюдала за тем, как коллекционер, высоко задирая колени – артрит и артроз были позабыты в виду более глобальной угрозы, бежит через весь двор, оглашая тот самый двор пронзительными воплями.

Флегматичный Тяпа, осознав, что ужин, пусть и надоевшими пельменями, откладывается на неопределенное вре-

мя, улегся на дорогу у ног той самой девицы с кольцом в носу, надеясь на то, что молоденькая девушка не пожалеет для бедного, голодного пса еще одной вкусной конфетки.

– Вы.. вы.. – запыхавшийся коллекционер, одной рукой хватался за грудь, обозначив место расположения главной мышцы своего организма, другой – тянулся к Кучкину, скрючив пальцы и пытаясь вцепиться тому в лацканы пиджака. – Вы обещали мне защиту. Защиту! – взвыл Дохлик пронзительным голосом. – Меня едва не загрызли прямо у дверей собственной квартиры.

– Как же ваш шаманский амулет? – Кучкин сделал строгое лицо, сдвинув брови к переносице. – Куда вы его дели?

– Амулет? – растерянно пролепетал Дохлик, ощупывая собственную грудь. – Мой амулет? Где он?

– Забыли? – Аполлон Михайлович укоризненно качнул головой. – Эко вас угораздило – покинуть защищенную территорию, не обезопасив собственную жизнь.

– На тумбочке оставил. – Дохлик смутился, досадуя на свою оплошность. – Вот же память моя дырявая!

Горемыкина Таисия Григорьевна, с любопытством рассматривающая новое действующее лицо, своим появлением помешавшее тесному и горячему общению с, нанятым ею, специалистом, внезапно страшно возбудилась – цепкий взгляд скандальной бабули выхватил из множества деталей облачения пенсионера Дохлика одну-единственную, но знакомую и даже дорогую самой Горемыкиной, вещь.

– Откуда у вас этот предмет? – бабулька с фиолетовыми кудряшками внезапно сделала шаг вперед и вцепилась в руку Дохлика, поймав того в капкан.

Коллекционер опешил – не то, чтобы он был против общения с противоположным полом – вовсе нет, но зачем так давить, выкручивать и стискивать? Тянуть с руки тот самый женский браслет из серебра? Тянуть, нагло и настойчиво?

– Отдайте! – взвизгнула пенсионерка Горемыкина, пытаюсь присвоить себе чужую безделушку. – Вор!

– Вор? – глаза Кучкина округлились. Удивленный специалист-консультант даже подпрыгнул на месте, не в силах усмирить, захлестнувшее его изумление – уважаемый коллекционер древностей и, вор?

Тяпивар, так же, приподнялся с земли, отряхиваясь от пыли. Шум и верещанье Таисии Григорьевны нервировало голодного пса. Того и гляди – терпение изменит сенбернару и тот, оскалив зубы, вмешается в перепалку.

– Вор! Вор! – настаивала Таисия Григорьевна, перехватив зонтик более удобным способом. Дамочка, судя по всему, не собиралась останавливаться на полпути, положив глаз на стильную, может быть, даже антикварную вещичку, вознамерившись присвоить себе этот, так понравившийся ей, предмет. – Негодяй! Я помню эту вещь. Она моя, но никак не ваша!

– Суший вздор! – Дохлик придя в себя, перешел в наступление, задорно выпятив подбородок и выкатив грудь, защи-

ценную осиновым крестом, колесом. – Какая нелепость – обвинить меня, профессора философии, в воровстве! Да будет вам известно, милейшая – я ничего не крал! Браслет был подарен дорогой мне особой. – и тут, неожиданно, пенсионер слегка смутился. – Некоторым образом..

Таисия Григорьевна, внезапно поперхнувшись, принялась кашлять, уронив зонтик под ноги Дохлику. Кучкин бросился на помощь воинственной даме, укоризненно посматривая на своего самого первого клиента, а тот, раздосадованный вздорными и несправедливыми обвинениями, принялся нервно прохаживаться, нарезая вокруг Тяпы круги, точно акула вокруг перепуганного ловца жемчуга.

Откашлявшись, Таисия Григорьевна отпихнула в сторону Кучкина и подпрыгивая, каким-то птичьим шагом, приблизилась к владельцу, якобы украденного у нее, браслета.

– Так вот, что похитили воры у вздорной пожилой дамы. – внезапно осенило Кучкина. – Браслет! Ну, точно – украли, а затем продали моему коллекционеру, а тот, сдуру, купил вещичку, не поинтересовавшись историей приобретения. Однако, – озадачился Кучкин. – с какого перепуга, дедуля нацепил себе на запястье женскую цацку? А-а-а, – догадался Аполлон. – защита от нежити! Старинное серебро, как я сразу не понял? Замечательно. – лицо специалиста по решению вопросов озарила широкая улыбка. – Можно считать, что с одним дельцем я, худо-бедно, закончил. Осталось получить гонорар!

Но, Аполлон Михайлович рано обрадовался – дело о краже у Горемыкиной Таисии Григорьевны к данному украшению никакого отношения не имело.

– Дохлик? – грозно рявкнула Таисия Григорьевна, продолжая наступать на Афанасия Анатольевича. – Точно – Дохлик, собственной персоной. Я тебя узнала, негодяй! Обольститель и совратитель невинных!

Глаза Афанасия Анатольевича выпучились и принялись вращаться – мало того, что его обвинили в воровстве, так он еще, оказывается и обольститель, и совратитель невинных. Где вы тут, спрашивается, невинных увидели? Эта старая моль – и, невинная?

– Негодяй! – проворно подхватив с земли свой зонтик, Таисия Григорьевна ловко огрела сим предметом возмущенного Дохлика. – Он еще делает вид, что не узнает! Мерзавец! Как ты мог так со мной поступить!

– Не имею чести! – отбивался от взбешенной дамочки коллекционер, смешно подпрыгивая и отскакивая. – Я вас не знаю. Отцепитесь от меня, кому говорю!

Дохлик в конец растерялся – мало ему кровососки в «леопарде», так еще и подозрительная сумасшедшая бабка привязалась, прикрывая свою агрессивную суть фиолетовыми буклями и выбритыми височками. Надо бы в рот заглянуть шумной особе – вдруг там не зубные протезы, а длинные и хищные клыки?

– Не знает он? – продолжала вещать, разъяренная оправ-

даниями Дохлика, Горемыкина. – Не знает! Меня! Горемыкину! А, кто называл меня «милым зайчиком» и целовал за ушком? Негодяй! – и Таисия Григорьевна, неожиданно для всех, бурно разрыдалась, совершенно так же, как, совсем недавно, это делала Жизель Малявкина.

Совершенно обалдевшие подростки наблюдали за происходящим, раскрыв рот и позабыв о ловле таинственного реликтового зверя, обжившего местную «мусорку» и территорию, к ней прилегающую.

– Во, дед дает! – восхитилась Наталка, пихая в бок свою пухленькую подругу. – Смотри, Марго, какие страсти! Им в этом возрасте грелка нужна и таблетки от запора, а они «зайчонок» и поцелуи за ушком!

– Любви все возрасты покорны! – пафосно возвестил Антон Фуфайкин, обнимая за пышную талию свою девушку. – Классики зря не скажут – на то они и классики!

Но, не только ошарашенные подростки, раскрыв рот, наблюдали за происходящим – у Кучкина голова шла кругом, тем более, что смущение на лице пенсионера подтверждало, что, дело-то – нечистое и требует тщательного разбирательства.

– Я? Вас? Я вас вижу в первый и последний раз! – воинственности в голосе Дохлика значительно поубавилось. Пенсионер вглядывался в Таисию Григорьевну и пытался оправдаться перед присутствующими. – Я никогда не был знаком с Горемыкиной! Я, разумеется, слышал о том, что данная осо-

ба – заядлая скандалистка и склочница! Слышал от нашего строгого домкома. Он дружит с коллегой из дома напротив и тот постоянно жалуется на скандалы во втором подъезде, которые затевает склочница Горемыкина.

– Не знаком? – рыдания Таисии Григорьевны перешли в зловещее шипение и специалисту Кучкину стало не по себе при звуках ее голоса, а, Тяпа, тот и вовсе, предпочел обратиться подальше от испанских страстей, кипевших, точно забытый на плите суп. – А, Таечку Зайчиху, помнишь? Негодяй! Я, тебе то, память освежу! Мерзавец!

– Зайчонок? – в голосе Дохлика прозвучало столь явное удивление, впечатлившее даже Кучкина, украдкой вытянувшего тот самый зонт из ослабевших рук своей громогласной клиентки и спрятавшего опасный предмет, от греха подальше, за собственной спиной. – Но, милая – почему Горемыкина?

– Потому что! – универсальным образом ответила Таисия Григорьевна, в которой, наконец-то, опознали того самого, невинного «зайчонка». – Я вышла замуж, болван! После того, как ты меня бросил!

– Я никого не бросал! – по новой вспыхнул Афанасий Анатольевич. – Ты сама уехала! Уехала, не захотев носить мою фамилию – Дохлик! Она тебе не нравилась!

– И сейчас не нравится! – словно продолжая давнишний спор, полыхнула взглядом Таисия Григорьевна. – Что это за фамилия такая, Дохлик? Я предлагала тебе стать Зайчихой!

Услышав подобное, Антон Фуфайкин поперхнулся смешинкой и резко закашлялся, а Маргарита, без промедления, начала стучать приятелю по спине.

– Зайчихой? – презрительно фыркнул пенсионер, хватаясь за крест из осины. – Как ты себе это представляла – Зайчиха, Афанасий Анатольевич? Мои студенты умерли бы от смеха! Никогда и, ни за что!

– Вот, опять! – пожаловалась неизвестно кому Горемыкина-Зайчиха. – Он – опять, опять пытается увильнуть, прикрываясь студентами. Ну, уж нет, дорогой профессор, – Таисия Григорьевна коварно усмехнулась, выхватывая зонт из рук Кучкина. – не в этот раз! Дохлик или Зайчиха, но ты выполнишь свой долг! Сделаешь то, что должен был сделать много лет тому назад – женишься на мне!

– Я? – пораженный в самое сердце Дохлик начал медленно пятиться к своему подъезду, позабыв об обитающих там вампирах. – Ну, уж нет – я не стану жениться ни на какой Горемыкиной! Я обещал жениться на Зайчихе и то, если та самая Зайчиха примет мою фамилию. Мы, Дохлики – почтенный род, берущий свое начало еще..

– При царе Горохе. – хихикнула Наталья Фуфайкина, подмигивая, оглушенному громкими воплями, Тяпе.

– На Зайчихе и женишься! – на лице Таисии Григорьевны расцвела улыбка. Горемыкина азартно подмигнула смущенному Кучкину и весело размахивая зонтиком, погрозила Дохлику пальцем. – Я – честная вдова, но, так и быть,

дорогой, – почтенная дама, помолодевшая на глазах у, присутствующих при происшествии, зрителей, узрев перспективу нового замужества, задорно тряхнув кудряшками, мечтательно прищурилась – ради тебя я верну свою девичью фамилию!

– Ни за что! – Дохлик, резко развернувшись, припустил обратно к подъезду, намереваясь скрыться в своей квартире, точно рак отшельник в раковине.

– Врешь! Не уйдешь! – проворству Таисии Григорьевны можно было только позавидовать. С зонтиком наперевес она бросилась следом за коварным «обольстителем и совратителем» и ничуть не уступала тому в показанной прыти.

– Догонит. – Антон Фуфайкин, продолжая обнимать Маргариту, качал головой. – Резвая дамочка – такая своего не упустит!

В том, что Таисия Григорьевна настигнет, убегающего от нее коллекционера древностей, не вызвало сомнений ни у кого – ни у Кучкина, ни у троицы подростков, ни у флегматичного Тяпы.

Тяпа, тот и вовсе зевал во всю пасть – мол, ну вас, двуногих! Какие только глупости вам в ваши дурные головы не приходят!

Двери подъезда распахнулись, пропуская Дохлика и, почти нагнавшую свою жертву, Таисию Григорьевну, а Кучкин понял, что на сегодняшний день все его дела в семнадцатипэтажке завершены.

Развернувшись, он кивнул Тяпе и медленно побрел по дорожке, держа направление в сторону офиса.

Тяпивар целиком и полностью одобрил действия своего временного хозяина – давно пора чего-нибудь перекусить, желательно мясного и плотно. Он большой и сильный пес и, одной единственной трапезы за целый день, для него мало.

Опасливо перейдя на другую сторону улицы, Кучкин покосился в сторону салона «Лампапудель», но его слезливую хозяйку так и не заметил. Шторы на окнах собачьей парикмахерской оказались плотно задернуты, и никакие дамочки с собачками или иными питомцами, на крыльце не маячили.

– Наверно, продолжает рыдать и страдать. – Кучкин внезапно ощутил чувство вины – того самого, неуловимого Кельбаса выследить так и не удалось, а Жизель рассчитывала на помощь Аполлона и даже кормила необязательного специалиста, борщом и компотом.

– Я непременно займусь поимкой экзотического создания, но после того, как..

Внезапный телефонный звонок вернул Аполлона Михайловича в реальность. Кучкин схватился за гаджет и чертыхнулся.

– Где моя жена, негодяй? – голос Пипко звенел и дрожал от негодования. – Это – мое последнее предупреждение! Верни мне Аделаиду, иначе, я устрою и тебе, и твоему псу, и даже твоей кошке, веселую жизнь, Аполлон Кучкин! Я натяну фиговый листок на твою бессовестную физиономию, и

ты будешь жевать его с самым торжественным выражением на своем наглom лице!

Пипко отключился, а Кучкин нахмурился – беспардонный тип смеет ему угрожать! Неудивительно, что его смазливая женушка смылась из дома! Скорей всего Викентий Георгиевич измучил бедную женщину ревностью и мелкими придирками.

– Сатрап и самодур! – пыхтя от негодования, Кучкин подумал о том, что, пожалуй, с поисками Аделаиды Пипко следует поспешить, но, в то же время, нельзя никому и никогда спускать бесцеремонность и наглость, иначе, это обязательно аукнется в будущем.

Присев на неудобную лавочку в крохотном сквере, Аполлон Михайлович отпустил Тяпу побегать без поводка, строго-настрого наказав псу далеко не убегать, чужих кошек – не пугать, на голубей – не охотиться.

Тяпа, вывалив язык, подкатил глаза ко лбу – совсем сошел с ума этот двуногий. Он, Тяпа, пес солидный. Не по чину ему гоняться за местными кошками, ему и одной хвостатой, вполне хватает. Той самой, что проживает в квартире временного хозяина и все время орет, точно сварливая жена.

Наблюдая за тем, как медлительный пес с удовольствием обнюхивает кусты и деревья, а, так же, колеса детских колясок, Аполлон размышлял о том, куда могла подеваться манерная барышня по имени Аделаида.

– Это все от безделья. – решил Кучкин, пожимая плеча-

ми. – Работающей женщине капризничать некогда. На ней гирей висят – муж, хозяйство и квартальный отчет. Аделаида Пипко – холеная, избалованная красotka, не знающая куда девать свободное время. Детей у них с Викентием Георгиевичем не случилось, работы – нет, не имеется даже свекрухи, с которой можно вести войну ни на жизнь, а на смерть. От этого произрастают все ее странности и закидоны – Аделаида скучает, занимается фигней, строя из себя то великую художницу, то – знаменитого музыканта, то...

Аполлона Михайловича осенило.

Он вздохнул – покидать лавочку, давшую отдых усталым ногам и расстроенным нервам, не хотелось. Не хотелось и куда-то идти – вдруг его снова заподозрят в чем-то непотребном и примут за маньяка?

Поправив шарф, специалист по решению конфиденциальных вопросов, позвал нагулявшегося Тяпивара и решительно направился к зданию, в котором была сосредоточена вся местная культурная жизнь.

Оно так и называлось, это здание – Дом культуры и отдыха, имени Юрия Гагарина.

По причине буднего дня и, все еще продолжавшихся, уроков в школе, возле Дома культуры было малоллюдно.

Аполлон Михайлович, прищурившись, пристально рассматривал огромное, выстроенное еще в годы застоя, здание, щеголявшее портиками, колоннами, широкими окнами, причудливыми башенками и прочими архитектурными из-

лишествами.

Здание совсем недавно подверглось капитальному ремонту.

Этот капитальный ремонт жители районного центра, буквально вырвали из горла областных властей и теперь могли заслуженно гордиться обновленным фасадом и новой тротуарной плиткой, уложенной елочкой перед самым входом в городской храм культуры.

Кучкин, которого, в свое время, пытались привлечь к общественной работе и участию в самодеятельности, подобные заведения терпеть не мог.

Он окультуривался самостоятельно – читая книги и расширяя свой кругозор. Всякие там спевки, танцульки и мишки-зайчики из самодеятельности – это не для него.

Но, Аделаида Пипко, судя по всему, придерживалась иного мнения.

– Добрый день. – Аполлон Михайлович, поправив шарф, вежливо поприветствовал тетеньку, обмотанную пуховым платком по талии. Вернее, по тому месту, где должна была находиться талия почтенной матроны.

Матрона, а иначе щекастую, носатую и в очках с роговой оправой, тетку язык назвать не поворачивался, придиричиво взглянула на Кучкина и нелюбезно буркнула.

– Никого сегодня нет и уже не будет. Приходите завтра.

Кучкин завис – кого нет и не будет? Он, что, успел озвучить причину своего прихода в местный очаг культурной

жизни?

– Простите.. – Аполлон открыл рот, но фразу закончить не успел.

– Сказано же, русским языком сказано – завтра. Осип Валерьянович уже отъехал.

– Я, простите... – начиная злиться, Аполлон сверкнул глазами. – по важному делу.

– Так и я, о чем? – тетка в платке посторонилась, пропустив в двери стайку детишек лет десяти-двенадцати, тащивших в руках вешалки с костюмами. – Комната номер два! – гаркнула матрона, едва не оглушив при этом специалиста своим басистым голосом. – Ипполинаруя Матвеевна уже дожидается. Сегодня там ногами дрыгать будете. – и, качнув головой, поджала бесцветные губы. – Ипполинаруя! Придумали же имечко! Хуже только какая-нибудь Вельгемина, Аникея или, Млада... Фи!

– Простите.. – попытался возникнуть Кучкин, желая, во чтобы то ни стало, проникнуть в этот рассадник культурной жизни, сделав это легально и без скандала. – Мне бы...

– Завтра приходите к девяти часам. – строгая тетка-вахтерша уставилась на Кучкина сердитым взглядом водянистых глаз. – Персоналом занимается Осип Валерьянович. Я вам об этом уже говорила.

– Я – не персонал. – полыхнул щеками Кучкин. Вот же, доука! И с места не сдвинешь этакую глыбу! Сразу вызовет охрану, а он, Кучкин, сегодня уже общался с полицией. – Я –

по другому вопросу. Личному. Мне необходимо повидаться с Аделаидой Пипко. Она, как известно, должна заниматься в местной театральной студии.

– Еще один. – матрона в пуховом платке поджала губы и набычилась, окончательно загородив проход своей необъятной тушей. – какой-токой у тебя, парниша, может быть личный интерес к чужой жене? И ходють, и ходють – подавай им, то одну, то – вторую. Нету твоей Пипко. И, Гамлета – нету. И – никого нету, одни неформалы «в коже» по залу скачут, свои дьявольские танцы репетируют.

– Гамлет? – озадачился Кучкин. – неужели местная труппа замахнулась на классика нашего, на Шекспира? Эко их занесло! А, Аделаида, кто? Офелия?

Кучкин затряс головой – на Офелию Пипко не тянула. Не походила стервозная блондинка Аделаида на нежную деву из «Гамлета».

– К неформалам – можно? – вежливо поинтересовался Кучкин, надеясь выведать у парней «в коже» сведения о местной Офелии. – очень интересуюсь.

– Пропуск покажи. – хитрая тетка, приосанившись, фыркнула Кучкину в лицо. – Нету у тебя пропуска. К неформалам – не пушу. Вдруг ты, парниша, маньяк, а у меня, здесь – дети.

– Похож? – Кучкин вцепился пальцами в свой шарф и нахмурился. – Разве я похож на маньяка?

– Вылитый. – сурово ответила вахтерша. – Иди отсюда. Нет здесь никакой Пипко. Всякие есть, другие, а, Пипко –

нету. И муженьку ее, лысому, так и передай, шпион.

Кучкин, отодвинувшись от двери, пропустил во внутрь еще одну группу малолетних танцоров. Дети весело щебетали и не обращали ни малейшего внимания на специалиста, вежливо здороваясь с вредной матроной.

– Добрый день, Клавдия Семеновна.

Клавдия Семеновна всех отправляла в зал номер два, дрыгать ногами под чутким руководством Ипполинаруии Матвевны. На Кучкина вахтерша не обращала ни малейшего внимания, а вскоре и вовсе, двери закрыла и табличку вывесила.

На табличке было написано «Технический перерыв».

Поняв, что ловить здесь больше нечего, Кучкин, потрепав своего временного пса по ушам, удалился, сохраняя на лице выражение скучающего достоинства.

Он не видел, как Клавдия Семеновна, выглядывала в окно, провожая специалиста подозрительным взглядом и что-то вещала в телефонную трубку

О том, какими звуками встретила своего хозяина вислюхая кошка по имени Барселона, упоминать не стоит – ничего не изменилось и, за прошедший день, характер длиннохвостой из семейства кошачьих, не улучшился.

Она презрительно фырчала и шипела в сторону Тяпы и пыталась стянуть из чашки мордатого пса хотя бы один-единственный пельмень. Пес, который и без того чувствовал себя, почти что сиротой, защищал свой паек изо всех собачьих сил, едва не улегшись на миску своим крупным, лохма-

тым телом.

Обиженная и обозленная Барселона, не переставая шипеть, спряталась в спальне и там, скрывшись под кроватью, продолжала выслеживать наглого захватчика, стремившегося присвоить и ее, Баськину, жилплощадь и её личного двуногого.

Поужинав, все теми же, пельменями – надоели, но, что поделать? Кучкин, совершив все положенные гигиенические процедуры, засел за ноутбук и углубился в дебри местных новостей.

Подивившись богатому воображению корреспондента Капустки, превратившего безобидного беглеца Кельбаса чуть ли не в исчадие ада, Аполлон Михайлович торжественно пообещал самому себе, что с самого утра непременно займется поисками одичавшего питомца и перестанет расстраивать Жизель, склонную к проливанью немислимого количества слез, словно сказочная царевна Несмеяна.

Что касается пенсионера Дохлика – у него, оказывается имелись студенты. Кто бы мог подумать! но, по твердому утверждению Кучкина, Афанасию Анатольевичу некоторое время будет не до вампиров с их хищными инстинктами.

Судя по азарту, горевшему в глазах Горемыкиной Таисии Григорьевны, второй раз откосить от замужества, престарелой жертве роковой страсти, не удастся. И, раз уж, ради такого дела, Таисия Григорьевна решилась на две кардинальные смены фамилии, то никуда Дохлику не деться. Он обре-

чен на брак.

Кучкин же, направит свою энергию в иное русло и, не дожидаясь очередного звонка от настырного и брошенного мужа, попытается разузнать координаты Аделаиды Пипко. Женщина обязана иметь близких подруг и шептаться с ними о том, что утаила даже от своего личного дневника. Не факт, что близкая подруга, отыщется, но, попытка – не пытка и Кучкин надеялся на то, что ему повезет.

Соколовская Любовь, обритая наголо и примотанная к дереву скотчем, вызывала у Кучкина жалость и лютое желание прибить маньяка на месте. Уничтожить такую шикарную шевелюру! До встречи с маньяком, Соколовская могла похвастаться роскошной гривой темно-каштановых волос, падающих на плечи преподавательницы кудрявыми локонами.

Позевывая, Кучкин лениво перелистывал электронные страницы местных изданий – все не то, а, вот это..

Аполлон Михайлович едва не подпрыгнул на стуле, мотнув головой и недоверчиво вчитываясь в строки – Малявкина Жизель?

Собачий парикмахер, оказывается, принимала участие в конкурсе «Игривая кудряшка», ухитрившись заполучить почетный приз зрительских симпатий.

Жизель Малявкина не подозревала о том, что ей, и ее рыжей шевелюре, угрожает внезапная встреча с местным маньяком, который, по неизвестной причине, люто возненавидел красоток-обладательниц кудрявых волос.

«Надо бы присмотреть за этой беспокойной особой. – подумал Кучкин. – Славная же девушка, пусть и с придурью.»

Центральное отопление еще не включили и Аполлон Михайлович, забравшись под теплое одеяло, мгновенно уснул. День выдался беспокойным и суматошным. Следующий обещался быть ничуть не лучше, а потому следовало накопить силенок для дневных свершений и подвигов.

Пришедший в доброе расположение духа, чему сильно способствовала целая чашка пельменей, Тяпа, очень осторожно, почти что, на цыпочках, прокрался к постели своего временного хозяина. Дома, имеется в виду настоящий дом, а не обиталище наглой кошки, у Тяпивара имелся свой собственный, персональный, мягкий и просторный матрасик. Здесь ему предлагалось спать на полу, с чем Тяпивар был в корне не согласен. Он – солидный пес, а не какая-то там дворовая шавка, согласная спать на коврике в подъезде и, потому..

Пес, не обращая внимания на гневное и возмущенное фырканье приставучей кошки, ловко запрыгнул на кровать, жалобно прогнувшуюся и заскрипевшую под немалым весом солидного пса и, устроившись под боком у спящего Кучкина, блаженно прикрыл морду лапой.

На кровати лежать оказалось значительно удобнее, к тому же, не смотря на свой средний рост и вес, Аполлон отлично заменил Тяпе грелку.

Через несколько мгновений, не выдержавшая издеватель-

ства над своей психикой, кошка Барселона, зловеще фырча отправилась отвоевывать место под солнцем и привычно устроилась на мягкой подушке, щекоча длинными усами макушку мирно спящего Кучкина.

Так и уснули, все втроем, сопя носами и всхрапывая от полноты чувств. Снилось всем разное, но сны были добрые, чему немало способствовали, съеденные, с вечера, пельмени.

*

Млада Великанова, вытирая с лица брызги святой воды, вылитой на неё сумасшедшим дедом с третьего этажа, фырчала и шипела не хуже той самой вислоухой кошки, о существовании которой, будущая театральная знаменитость не подозревала.

Гоголидзе Гамлет Аванесович водил длинным носом, принюхиваясь к леопардовому пальто. От броского наряда роскошной дамы несло чесноком и сладкими духами, но черноволосый, мускулистый красавчик благоразумно помалкивал, подозревая о том, что, пребывающая в расстроенных чувствах, девица, вспыхнет, как скирда сухой соломы, стоит лишь ей намекнуть на то, что от нее исходят не особо приятные ароматы.

– Чертов пенсионер, – ругалась Млада, поправляя прядь волос, выбившуюся из стильной прически. – чуть все дело нам не испортил. Выскочил и давай обливать меня водой. Вонючей! Почему его еще не упекли в психушку, ведь замет-

но невооруженным глазом, что у дедули осеннее обострение «шизы»?

Гамлет Гоголидзе неопределенно пожал плечами, осторожно передвигаясь на машине по узкому проулку – справа к дороге тесно прижималась стена жилого дома, слева – беспорядочно громоздились мусорные баки, раскрашенные в яркие, кислотные цвета.

Сказать ему было нечего – у него у самого имелась бабуля преклонного возраста, в голове которой проживали тараканы. Не просто тараканы, а монстры, у которых, судя по всему, периодически случались явные отклонения в их собственной, тараканьей психике.

Поэтому, все контакты с бабулей, Гамлет предпочитал вести по телефону и, как можно реже, а если заскакивал с визитом, то ограничивался приветствиями и сумкой с продуктами, которую поспешно просовывал через приоткрытую дверь. Нужно сказать, что бабулька не бедствовала, но очень ценила, оказываемые родственниками, знаки внимания.

– Что за... – чертыхнулся Гоголидзе, заметив, как перед лобовым стеклом мелькнуло что-то синее и очень шустрое. Парень нажал на тормоз, машину тряхнуло и будущая звезда Больших и Малых театров, неловко ткнула себя в глаз губной помадой.

– Какого чёрта? – завопил Гамлет, распахивая дверцы машины и выскакивая наружу. Он опасался, что неизвестная тварь повредила его новый автомобиль своими мощными,

когтистыми лапами. К тому же, Гогулидзе мог нечаянно наехать на животное, и раздавить его. Очень неприятно было бы отмывать колеса и бампер от всяких, неаппетитно выглядящих, остатков.

Млада Великанова, как человек творческий и экспрессивный, выразилась куда более емко и чувственно, пусть и не особо цензурно. Губная помада – настоящий цвет «вамп», некрасиво размазалась по носу, лбу и щекам, превратив красавицу Младу в некую воинственную особу, родом из неизвестного индейского племени.

– Совсем сдурел? – Млада покинула машину следом за приятелем и, выхватив из сумочки влажную салфетку, принялась энергично стирать с лица следы помады. – Второй раз за день! Что за напасть? Теперь, я похожа на прокисший мухомор со съехавшей шляпкой. Гамлетик, драгоценный мой, с какой радости тебе вздумалось тормозить?

Гамлет Аванесович Гогулидзе, друг и соратник Млады Великановой, по совместительству являющийся архитектором жутко авангардной театральной постановки под названием «Граф Дракула и все-все-все», в которой актеры пели, плясали и пускались в иные безумства, отмахнувшись от воплей звезды, как от чего-то несущественного, торопливо выдергивал из-под дворников клочья синей шерсти и недоверчиво рассматривал добычу, вертя её в руках.

Ни он, ни Влада не знали, какому-такому неведомому существу может принадлежать сия шерсть, но Гогулидзе об-

радовался тому, что когти прыгуна, едва не приведшие к аварии, не оставили на блестящем капоте царапин и иных неприятных отметин.

– Мы опаздываем, Гамлет, дорогой. – капризным голосом произнесла звезда, оправляя леопарда на своем фигуристом теле. – Остался один день. Всего один день и все!

– Да, дорогая. – перестав вглядываться в просветы между мусорными бачками, Гамлет запрыгнул на переднее сиденье. Ему, то ли послышалось, то ли еще что-то, но Гогулдидзе отчетливо уловил своими молодыми ушами сердитое цоканье неведомого существа, раздающееся где-то поблизости. Поскольку Гамлет терпеть не мог мышей, крыс и прочую грызущую мелочь, связываться с таинственным прыгуном, обладателем синей шерсти, охоты у него не возникло. Пусть этим занимаются дворники и прочие сотрудники коммунальных служб, а с него, Голулидзе, хватит и капризной звезды в леопардовом пальто.

Машина уехала, из-за мусорного бака на дорогу выпрыгнуло странное, чуждое данным широтам, создание и неторопливо проковыляло к стене жилого дома. Создание мрачно цокало и выставляло напоказ крупные зубы.

Вскоре оно скрылось в узком проеме между двумя домами и пропало, и лишь негромкое, но сердитое цоканье, свидетельствовало о том, что зверь существовал на самом деле, а не являлся плодом воображения случайного прохожего.

Жизель Малявкина долго плакала. Девушка чувствовала себя преданной и обманутой. Этаким маленькой глупышкой, которую пинают все, кому не лень.

Салон она закрыла, придумав санитарный день и могла спокойно предаваться скорби и грустить в свое удовольствие.

День «Х» приближался и был неизбежен, словно восход солнца. Скоро, очень скоро властная мадам Кололосникова возвратится из турне по столице и заявится за своим питомцем. А, питомца-то – тю-тю!

Жизель подозревала, что дело не ограничится громом и молниями. Нет-нет. Мадам Кололосникова натравит на несчастную Малявкину свору алчных адвокатов, и они обдерут бедную Жизель, как липку. Салон «Лампапудель» прекратит свое существование, а сама Жизель еще останется должна потерпевшей стороне кучу денег и станет выплачивать долг до конца своих дней.

Заплаканная грумерша винила в своих бедах несчастный случай, козни конкурентов и Кучкина. Больше, разумеется, Кучкина. Подкупленный комплексным обедом специалист внушил девушке ложные надежды на счастливый исход дела, но, как выяснилось, не предпринял для этого никаких действий.

Наглец! Хам! Обманщик!

Подозрительный тип бомжеватой наружности!

Жизель, перестав рыдать, начала бегать по салону круга-

ми, не в силах смириться со своей печальной участью. Сидеть сложа руки – это не для неё!

На пятом или шестом круге своей внезапной пробежки, Жизель ощутила странный зуд. Зуд раздражал мозги и кожу, призывая девушку к активным действиям.

Девушка торопливо припудрила носик и, набросив на плечи легкое пальто, выскочила на улицу – она немедленно отправится на поиски Кельбаса. В районе не так много мест, где может скрываться своенравный беглец, тем более, что для комфортного существования зверьку необходимы некоторые условия. Нежный, экзотический цветок может зачахнуть в местных, суровых широтах.

Жизель Малявкина ничего не знала о том, что зловещая семнадцатипэтажка превратилась в арену таинственных, почти мистических происшествий и бесстрашно направилась во двор высотного здания.

Не подозревала она и о том, что её, столь легкомысленное участие в невинном конкурсе «Игривая кудряшка», может привести обладательницу рыжих локонов в суровые лапы безжалостного городского маньяка.

«Не бойся, миленький Кельбас, – думала Жизель, мечтая прижать экзотическое создание к своей груди. – я не брошу тебя в одиночестве. Держись, малыш – Жизель Малявкина спешит на помощь!»

*

Аполлон Михайлович проснулся внезапно, точно от уда-

ра. Тряся головой, Кучкин, ставшим уже привычным движением, спихнул с подушки нахальную Барселону и сдвинул тяжеловеса Тяпу. В не зашторенное окно светила наглая, пучеглазая Луна, подглядывая за чужой жизнью самым беспардонным образом.

Часы-сова невозмутимо отбивали время. Стрелки показывали полночь.

«Что за фигня? – растерянно пожал плечами Кучкин, торопливо спрыгивая с постели. – У меня, на редкость устойчивая психика и я не похож на, склонную к истерикам, барышню. Какая причина заставила меня проснуться и куда-то идти?»

Между тем, подгоняемым неожиданным, но острым, чувством тревоги, Аполлон Михайлович, напрочь игнорируя недовольство Тяпы, разбуженного непоседливым временным хозяином в неурочное время, торопливо одевался, натягивая на тело спортивный костюм, носки и теплый пиджак, отлично заменивший вышедшую из строя, куртку.

Ночами становилось прохладно, а сопливый нос, как известно, не красит ни мужчин, ни женщин.

Тяпа ворчал, хмуро посматривая на наглую кошку, удобно уместившую свое тощее тело среди складок одеяла. Хитрая, хвостатая тварь насмешливо скалилась, блаженно шурилась и широко зевала жаркой пастью – ее никто не собирался тащить на улицу среди ночи. В темноту. В холод и, быть может, даже под дождь.

– Б-р-р! – встряхнулся Тяпивар всем своим могучим телом, но Кучкин, словно бы уловив волну раздражения, исходящую от пса, строго взглянул на сенбернара.

– Надо, парень, надо. – говорил взгляд специалиста по решению вопросов. – Кроме нас – некому.

Тяпа смирился и покорно потрусил следом за Кучкиным, пытаясь отыскать позитив в поздней прогулке – кто знает, может быть его, Тяпу, лишний раз покормят?

О внеплановом кормлении большого и сильного пса, Кучкин думал меньше всего. Он, все еще пытался разобраться со своим чувством тревоги и причинами, его вызывающими. Нет, ну не просто ж так он подорвался, покинув теплую постель и, сломя голову, помчался прочесывать улицы ночного города? Раньше подобного никогда не случалось. Что-то должно было подвигнуть Аполлона Михайловича на сумасбродный поступок?

«Дохлик? – Аполлон, так и сяк, вертел в голове фамилию коллекционера, проживающего в семнадцатипятиэтажном здании. – Может быть, Афанасию Анатольевичу грозит опасность? Вампиры перешли в наступление и штурмуют входные двери его квартиры, и он, посредством шаманского тотема племени юмбаинути, посылает мне зов о помощи?»

Задумавшись, Кучкин энергично затряс головой – интуиция специалиста-консультанта подозрительно помалкивала.

«Нет, ну, бред полнейший! – решил Аполлон. – Вампиров – не существует. Бью мимо. Должна быть иная причина.»

Позади специалиста, устроившего самому себе мозговой штурм, недовольно порывивая, бежал Тяпа. Как уже было сказано, Тяпа недолюбливал физические нагрузки и ускорялся лишь в исключительных случаях. Сейчас его принудили к внеплановой пробежке и пес этой самой пробежкой, был очень сильно недоволен.

Кучкин же, мало внимания обращал на рычание Тяпы. Привык – Барселона постоянно фырчала и выражала недовольствие. Так что, уши специалиста-консультанта игнорировали шумное дыхание, недовольного внеплановой прогулкой по ночному городу, спутника-пса. Тяпа мог сколько угодно сопеть и скрести лапами по асфальту – Аполлон Кучкин оставался тверд и целеустремленно, двигался к цели.

Мысли о Пипко и его сбежавшей супруге, Аполлон Михайлович отмел, как несерьезные. Делом лаково-красочного короля он еще не начинал заниматься плотно и всерьез, хотя угроз от неизвестных наслушаться успел. Горемыкина и ее пропажа отпадали сразу и, без разговоров – подумаешь, стянули что-то из квартиры бабки, впавшей в маразм. Он, Кучкин, к своему стыду, не удосужился выяснить, что именно похитили у вздорной старушки, потому, особо и не тревожился.

Оставались.. оставались – девушка Жизель и её своенравный питомец, сбежавший на лоно природы и ушедший в автономное плавание стараниями конкурентов, настроенных крайне недружественным образом в отношении Малявки-

ной.

«Бинго! – едва не воскликнул специалист, энергично про- скакивая мимо салона «Лампапудель» – Конечно же – нерв- ная и плаксивая особа окончательно сбрендила и теперь ры- щет по ночному городу в поисках того самого, впавшего в дикое состояние, беглеца, обладателя меха радикально си- него цвета. Только Богу известно, что с ней может случить- ся.. Плохого. Её могут подстеречь, ограбить, дать ей по го- лове тяжелым предметом, нанеся жуткую травму, изнасило- вать, в конце концов. И, потом – она же участвовала в том са- мом, злополучном конкурсе. Маньяк не дремлет. Он рыщет по улицам города в поисках новой жертвы, которой, вполне может оказаться Жизель.»

Ноги сами привели Аполлона к знакомой многоэтажке. Окна некоторых квартир светились задорным электриче- ским светом, но, переменчивая осенняя погода, сделала свое дело – вокруг дома никто не бродил и даже вездесущая мо- лодежь не эксплуатировала скамейки на детской площадке, распивая пиво и горланя дурацкие, попсовые песенки.

Пусто, темно и промозгло.

– Так, – сам к себе обратился специалист по решению во- просов, стойко игнорируя шумное дыхание своего спутни- ка-пса. – помнится, девица таскала с собой фонарик. Доволь- но-таки, приличный фонарик, ярко светящий в темноте. Бу- дем надеяться на то, что этой своей привычке, Жизель не изменила.

Малявкина, не подозревающая о том, что ее непродуманные действия лишили Кучкина спокойного сна в компании урчащих животных, методично обшаривала ближайшую помойку. Совсем рядом, поблескивая серебристой поверхностью, отсвечивала огромная лужа, образовавшаяся на месте неглубокой канавы, оставленной нерадивым работниками управляющей компании.

Слишком близко к луже Жизель подходить опасалась – мало ли? Размякшая глина могла предать в самый неподходящий момент. Жизель могла поскользнуться и шмякнуться в грязную воду, а поскольку глубина сего водоема ей была неизвестна, то и утонуть. Плавала Жизель плохо и только в бассейне, используя для этих целей надувной круг в виде кокетливой уточки и сильные руки, находящиеся в том же бассейне, представителей мужского пола, явившихся без спутниц.

Впрочем, подобное случалось не часто. Жизель редко куда-то выбиралась, проводя всё своё время на любимой работе.

Кучкин, огибая дом с одной стороны, медленно приближался к мусорным бакам, а, с другой стороны, туда же, спешила парочка молодых людей, решавших свои, обычные, житейские вопросы.

Гоголидзе тащил на свалку куртку, оставшуюся после визита, в квартиру Млады, неизвестного мужика, которого сама Великанова упорно именовала «шпионом». Как ни крути,

но они с Младой поступили противозаконно, сначала, оглушив того мужика ударом по голове, а, потом – изолировав от общества, заточив в подвале. Кроме того, как выяснилось позже, мужик тот, ухитрился из подвала сбежать самым мистическим образом.

Млада, мало верящая в мистику, утверждала, что у неизвестного, скорее всего, имелся сообщник, нанятый коварными недругами Великановой и желавший зла лично Младе, ну и Гогулидзе, чуть-чуть, да и то, за компанию.

Поэтому, молодые люди поспешили избавиться от улики и всех вещей, оставшихся от, проникшего на чужую территорию, соглядатая. Вещей оказалось немного – куртка и связка ключей, которую наглый тип пытался метать в предполагаемую вурдалачку.

Исполнительница главной роли в пьесе «Граф Дракула и все-все-все», с удовольствием бы отплатила наглецу той же монетой, но негодяй ухитрился смыться, чем изрядно взбесил неуравновешенную дамочку.

– Бросай, не медли. – Млада пританцовывала, ежась на прохладном ветру – к середине октября задождило, а её стильное пальто «под леопарда», не было рассчитано на суровые погодные условия. – Поторопись, Гамлетик, дорогой – у нас завтра, сам знаешь, ужас, какой ответственный день!

Гамлет поморщился – от ящичков исходило самое настоящее зловоние. Было просто неприятно находиться поблизости от горы разномастного мусора. К тому же, парню пока-

залось, что в одном из контейнеров кто-то скребется.

– Крыса. – решил Гоголидзе, кривясь от отвращения. – За
жрачкой притащилась,

Но, скреблась и шуршала, как оказалось, не крыса.

Сначала Гамлет очень отчетливо расслышал громкое цоканье и скрежет когтей по металлу, а затем, в темноте прозвучало задумчивое «кхе-кхе» и еще, некий звук, напоминающий сдавленный собачий лай.

Гамлет Аванесович Гоголидзе совершенно точно знал, что подобное звучание не характерно для юрких и наглых грызунов. Крысы – они ведут себя несколько иначе.

– Что за хре... – Антуан почувствовал, как кровь стынет в жилах и ноги, самым позорным образом, начинают подрагивать в коленях.

Из мусорного ящика, переполненного всяким хламом и объедками, выбралось Нечто. Довольно-таки крупное и упитанное Нечто, продолжавшее издавать нехарактерные для крыс, угрожающие звуки.

– Г-хвав! – существо, запрыгнув на раскоряченную тумбочку, венчавшую пирамиду из хлама, тряхнуло большой, слегка квадратной башкой. – Цок-цок. Рх-гав!

Дрожащими руками, Гоголидзе выхватил из кармана свой телефон и направил луч света в сторону неизвестного зверя, возвышавшегося над ним в странной позе.

– Боже мой! – мысленно простонал несчастный Гамлет Аванесович. – Что это за..

Отчетливо рассмотреть он успел только крупные, слегка желтоватые зубы и совершенно неестественный цвет меха странного создания – ярко-синий.

Тварь грозно цокнула, напряглась и не выдержав зловещей картинке, позади Гогулидзе громко завизжала Млада.

– А-а-а! – самозабвенно, во всю мощь своих легких, вопила будущая звезда Больших и Малых подмостков. – Спасите!

Антуан, вторя героине пьесы «Граф Дракула и все-все-все», резко развернувшись и сграбастав Великанову в охапку, грозно рявкнув: «Бежим, дура!», рванул с низкого старта.

Жизель Малявкина, полночи, словно слепой щенок, тыкавшая свой, покрасневший от ночной прохлады, нос в разные скверные углы и подозрительные ниши, встрепенувшись, прислушалась.

Кто-то орал, неподалеку и громко. И, еще – цокал. Очень знакомо цокал. Серdito и с негодованием.

– Кельбас! – воскликнула, окрыленная надеждой, Жизель. – Мой малютка! Никуда не уходи, малыш! Мамочка уже спешит к тебе!

И, на самом деле, поспешила, побежала, не разбирая дороги, за что, почти сразу же и поплатилась.

В подобных местах, тем более, в темное время суток, передвигаться надобно медленно и осторожно, иначе, легко можно свернуть себе шею или же, сломать одну из конечностей, самую невезучую.

Жизель почувствовала, как нога заскользила, поехала и

поташила за собой хозяйку.

– Каблук! – отчаянно взвизгнула владелица салона «Лампаудель». – Банановая кожура!

Абсолютная классика жанра – поскользнувшись на банановой кожуре, Жизель, подломившись в коленях, непременно рухнула бы носом в грязь, как тот бутерброд, падающий маслом вниз, если бы не крепкая мужская рука, прервавшая полет в самом начале.

Кучкин, а это был именно он, кто же еще? ловко перехватив барышню в талии, героическим усилием удержался на ногах.

Он, конечно же, крепкий парень, пусть и грешивший легкой худощавостью телосложения, но Жизель падала с ускорением и едва не утянула спасителя за собой, а у Аполлона Михайловича уже имелась одна, приведенная в ненадлежащий вид, куртка. Рисковать еще и пиджаком, он не собирался.

– Опять вы? – почему-то Кучкин не чувствовал себя удивленным. Кто еще мог шастать по помойкам и падать в канавы? – Жизель, порядочные девушки спят в это время. Дома. Одни, или с любовником, но не шляются по злачным местам в поисках приключений!

Жизель, спасенная от падения появлением специалиста, бурно затрепыхалась в его руках, стремясь вырваться из интимных объятий. Кучкин прижимал девушку к себе крепко, но нежно и она, слушая стук его сердца, сделала совершенно

неожиданные выводы.

– Пустите! – неосознанно подражая вислоухой Барселоне, сердито зашипела Жизель, пытаясь пнуть Аполлона Михайловича острым кончиком каблука в голень. – Немедленно отпустите меня негодяй!

«Негодяй», которого, все же, ухитрились больно тыкнуть чем-то острым в ногу, скривился и, пораженный в самое сердце черной неблагодарностью растрепанной девицы, сердито рыкнул ей в ухо:

– Не трепыхайтесь так! Чего вы дергаетесь? Все будет хорошо. Мы с вами отлично поладим. – и, продолжая прижимать девушку к своей горячей груди, попятился назад, удаляясь от мусорных баков. Неприятные ароматы били в нос Аполлону Михайловичу, он морщился, а Жизель, наблюдая странные гримасы специалиста, окончательно перепугалась, предположив самое страшное.

– Отпусти меня, мерзавец! – громко завизжала Жизель, надеясь на то, что ее спасет кто-нибудь из не спящих жильцов дома. – Куда ты меня тащишь, подлец? Не думай, что я уступлю твоим грязным домогательствам!

– Грязные домогательства? – оскорбленный нападками, не выспавшийся Кучкин уронил Жизель, просто разжав руки. Позади него неодобрительно, глухо рыкнул пес и парочка молодых людей с другой стороны мусорных баков, отбежавших чуть в сторону, но, не оставивших своих намерений избавиться от улик, насторожилась.

– Слышишь? – Млада Великанова поспешила засунуть в карманы пальто ледяные ладони. – Гамлет, кто-то вопит и рычит в темноте.

Гамлет Гогулидзе, изрядно напуганный цоканьем, продолжавшим звучать неподалеку от них и видевший неизвестную тварь воочию, тревожно водил носом и шевелил ушами – он не любил сюрпризы, не смотря на свои, несколько экстравагантные, имя и отчество.

– Нехорошее место. – промямлил парень, проклиная неизвестного воришку, вломившегося на явочную квартиру и напугавшего будущую звезду. – Пошли отсюда, дорогая. Я думаю, что..

– Неблагодарная, вздорная ведьма! – потерявший всяческое терпение Кучкин, обвиняющим жестом, ткнул в Жизель пальцем. – Вы совсем с ума сбрендили, дамочка – таскаться ночью по злачным местам и не смотреть себе под ноги.

– Не ваше дело! – запальчиво воскликнула Жизель, продолжая пятиться и хаотично светить фонариком, луч которого плясал в разные стороны. – Оставьте меня в покое, грязный негодяй. Отцепитесь по-хорошему, иначе я сдам вас в полицию!

– Гоноренко будет безумно рад. – подумал Кучкин, за спиной которого, неясной тенью, маячил раздраженный Тяпа, сердито скалящий зубы. – Мало ему молодящихся бабок, пребывающих в маразме, так еще и нервная девица привя-

жется, с припадками.

«Девушка с припадками», пятилась-пятилась, пытаюсь спрятаться от Кучкина за одним из мусорных контейнеров, и вот, луч ее фонарика, случайно выхватил из темноты бледное и напряженное лицо Гамлета Аванесовича Гоголидзе, мнявшего в руках чужую куртку и совершенно не готового к встрече с нежелательными свидетелями.

– А-а-а! – еще громче заверещала Жизель, волосы которой беспощадно трепал ночной ветерок. – Вас здесь целая банда! Насильники! Негодяи! Подлые извращенцы!

Перепуганная Жизель, уронив фонарик в грязь, заполошно вопя, кинулась искать спасения в темноте, совершенно упустив из виду то обстоятельство, что нерадивые работники управляющей компании позабыли закопать канаву, после последнего дождя превратившуюся в небольшой грязный водоем.

Гамлет Гоголидзе, изрядно напуганный непонятным цоканьем, странных обитателей помойки и разными, подозрительными личностями, шастающими в этих местах, решил больше не испытывать судьбу, уронил на землю куртку-улику и, ухватив за руку Младу Великанову, помчался в самое надежное укрытие, располагающееся за крепкими дверями его собственной квартиры.

Он уже не обращал внимания ни на визг, ни на цоканье, ни на чье-то рычание – тонкая натура начинающего деятеля театральных искусств, не выдержав столкновения с суро-

вой действительностью, стремилась в безопасное место, желательно огражденное высокими стенами и укрепленное железными дверями.

Млада Великанова не сопротивлялась и не пыталась проявлять женскую солидарность. Кто-то визжит в темноте и зовет на помощь? Мало ли – осенний ветер способен и не на такие выкрутасы.

Жизель добежала – она, еще недавно так аккуратно переступавшая ногами, обутыми в изящные, замшевые туфельки, соскользнула с глинистого бережка и, нелепо взмахнув руками, выронив фонарик, рухнула в холодную воду.

С головой.

– А-а-а! – выныривая из рукотворного водоема, вопила Жизель, из которой получилась совершенно негодная пловчиха. Девушка изо всех сил колотила по поверхности воды всеми своими конечностями и орала в полный голос. – Спасите меня кто-нибудь немедленно!

Другой, на месте Кучкина, непременно бы разразился нравоучительной речью, главный смысл которой сводился бы к трем ключевым словам: «А, я, предупреждал!», или же, выхватив из кармана мобильный телефон, наведя камеру на несчастную, почти утопшую в канаве, грумершу, принялся снимать забавный ролик и выкладывать видео в сеть, позабыв о жертве утопления и думая исключительно о «лайках», но Аполлону Михайловичу оказались чужды злопамятство и обидчивость и он, без раздумий, плюхнулся в ту же канаву,

очутившись рядом с, почти что, утопленницей.

– А-а-а! – разразилась новыми воплями жертва утопления, которую, по новой, окатило холодной и грязной водичкой. – С ума сошел! Придурок! Тьфу.. Х-р-рюс...

Аполлон Михайлович ощущал под ногами топкое, глинистое дно и, проклиная на разные лады любительницу купаний в, неприспособленных для этих целей, водоемах, бодро погреб ближе к Жизели, безуспешно уклоняясь от брызг холодной воды, разлетавшихся в разные стороны от её, колотящих по воде, рук.

– А-а-а! – теперь уже на два голоса завопили молодые люди, пытаясь защитить лица от могучей волны, поднятой тяжелой тушкой Тяпы, самоотверженно решившему прийти на помощь своему временному хозяину и рухнувшему в водоем по соседству. Пёс сердито порывкивал, шевелил лапами и страшно скалил зубы.

Окажись на месте Кучкина робкий коллекционер Дохлик, то сердечный приступ Афанасию Анатольевичу был гарантирован.

– Тяпа, тьфу, отстань, чёрт мохнатый! – пытался отбиться от пса, мокрый и замерзший Кучкин. – Пошел прочь.. Вон, тащи ту дуру, плавать не умеющую.

Говорят, что собаки, породы «водолаз», не раз и не два, спасали жизни утопающим. Тяпа родился сенбернаром, но благородное дело спасателя, оказалось ему не чуждо. Естественно, пес бросился выручать из беды своего кормильца и

поильца, пусть и временного, но тот спастись отказывался категорически и тыкал пальцем в дамочку, пускавшую пузыри рядом с ними.

Как уже говорилось, Тяпа был, хоть и слегка ленивым, но очень умным псом. Уловив желание временного хозяина, сенбернар не стал протестовать, а, поднырнув под вопящую девицу, принялся выталкивать ту на поверхность и тянуть к топкому бережку.

Девица, продолжала завывать от ужаса и колошматить руками по воде, затрудняя собственное спасение, но слегка при этом разогреваясь.

Проклиная собственные человеколюбие и откровенную дурасть, поднявшие его с постели среди ночи, Кучкин и Тяпа, совместными усилиями выволокли промокшую грумершу на бережок и упали там же, слегка утомившись.

Вернее, утомились, разумеется, Аполлон и Жизель, а, вот, взбодренный ночным купанием Тяпивар, немедленно принялся согреваться и отряхиваться, окатив при этом своего временного хозяина и ту самую, визжащую девицу, новым потоком холодной воды.

Клацая зубами от холода, Жизель убедилась в том, что ее самые худшие предположения, полностью оправдались – Кельбаса она не отыскала, но ухитрилась порвать колготки и потерять туфли, при чем, без надежды на то, что они отыщутся, потому как второй раз нырять в грязь, она не решится ни за какие коврижки.

Походила она после заплыва в грязной канаве, на мокрую курицу, изрядно помятую и, почти что, ощипанную.

– Вы.. вы.. – трясаясь от негодования, Жизель обличительно шмыгала покрасневшим и распухшим носом. – Все из-за вас... Негодяй! – и заплакала.

Кучкин – ему успели надоесть ее горькие слезы, по поводу и без оногo, глубоко вздохнул – собственные туфли специалиста по решению вопросов намokли, пиджак оказался испорчен и должен был составить компанию куртке, отправившись в чистку, ночь почти закончилась, а после незапланированного купания, им всем, исключая здоровяка Тяпу, очень легко было схватить простуду.

Кстати сказать – телефон Аполлона Михайловича не пострадал – предусмотрительный специалист по решению вопросов, прежде чем запрыгнуть в грязную лужу, успел, по привычке, упрятать гаджет в плотный, непромокаемый пакет, всегда лежащий в кармане, тем самым спасая телефон от полного промокания.

Что касается Жизель, то о своем телефоне, девица не вспоминала – и без того было ясно, что аппарат погублен, равно, как и колготки, и туфли, и вся оставшаяся жизнь кудрявой грумерши.

Вызвав такси – очень сомнительно, что добрый самаритянин решится везти их, таких мокрых и грязных, Кучкин поволок, впавшую в прострацию дамочку на освященный, единственным на всю округу фонарем, пяточок, не забыв

прихватить и замечательный фонарик Жизель, одиноко светивший тусклым светом.

Девушка не сопротивлялась, механически передвигая ноги. С ней случилось так много всего неприятного, что она больше не ждала подарков от судьбы, и общество негодяя Кучкина казалось ей не самым плохим вариантом.

Кстати, предприимчивый Тяпа, нырнув во враждебную темноту ночи, вскоре вернулся и Кучкин приятно удивился, обнаружив, что пес притащил ему совершенно потрясающую вещь.

Чью-то куртку – теплую, мягкую, приятно пахнущую хорошим одеколоном.

Пусть, найденную собакой, неподалеку от мусорного контейнера, но, сухую!

– Эту вещь, точно, обронил не бомж. – решил Аполлон Михайлович, сноровисто заворачивая в куртку худощавое тельце, промокшей до нижнего белья, грумерши. – От бомжей пахнет совершенно иначе – мерзко и неприятно.

Жизель, упаковывая себя в посторонний предмет гардероба, не сопротивлялась, а Тяпа, виляя хвостом, двигался впереди сладкой парочки, искупанной в канаве, невероятно гордясь собственными находчивостью и предприимчивостью.

– Молодец, Тяпивар. – похвалил Кучкин своего временного пса. – Я смотрю, тебе не чужды чувство сострадания и сопричастности.

Таксист приятно удивил – промокшую и извазюканную в грязи, троицу, в машину, всё-таки, пустили. Хмурый, восточного вида, мужчина, одетый в потертую, выдавшую виды «кожанку», озадаченно крикнул, рассмотрев своих будущих пассажиров, но, не мешкая, извлек из багажника рулон пленки и сноровисто застелил заднее сидение.

– Осторожно-е.. э... – предупредил он Аполлона. – Называй адрес, дорогой. Домчу с ветерком.

Кучкин и назвал, почти уложив Жизель на заднее сидение, а сам пристроился рядом с необыкновенно добрым таксистом. Тяпа, забравшись в машину, навалился на временную спутницу хозяина мокрым боком и тяжело дышал – большой и грузный пес чувствовал себя стесненным, но поделаться с неудобствами ничего не мог. Пришлось терпеть.

Очутившись в салоне такси, специалист начал тревожно принюхиваться – пахло в салоне чем-то специфическим и противным.

Ехать было не слишком далеко – Кучкин жил за пару кварталов от офиса и за три, от семнадцатипятиэтажного дома. Таксист содрал с промокших пассажиров вдвойне и Аполлон Михайлович, не утерпев, все же спросил:

– Чем это у вас, милейший, так несет? Запах какой-то.. характерный.

– Так, то, трупом воняет. – охотно ответил шофер, делая вид, что не замечает округлившихся глаз пассажира и проворно пряча деньги в кошелек. Двери машины водитель за-

хлопнул громко и с места рванул быстро – наверно, чтобы странные, но денежные, клиенты не передумали и не решились выпрыгивать из машины на ходу. – Тут недавно бабулька одна окочурилась, прямо в салоне, во время поездки. Вот я и мотался по городу с ней – пока родственники приехали, пока «менты», то, сё.. Бабку забрали, а дух ейный остался. Провонялося усё, никакой освежитель не помогает от этой напасти.

Замерзшая до посинения Жизель, только невнятно замычала – ей уже было все равно. Она бы не только с бабкой, но и с целой компанией почивших в бозе, согласна была прокатиться, лишь бы быстро и в тепле.

Кучкин, на всякий случай, держа в поле зрения продувную физиономию таксиста – кто знает, вдруг этот хмырь ту самую бабку, сам и уконтрапупил? всю дорогу настороженно следил за подозрительным типом и оказался очень рад, когда поездка закончилась.

Проворно выскочив из такси, Кучкин метнулся к задним дверям и извлек из автомобиля свою невольную спутницу, почти впавшую в спячку.

– Слышишь.. э-э., – таксист, ухмыляясь и продемонстрировав Аполлону свои блестящие желтым, вставные зубы, игриво подмигнул, наслаждаясь замешательством пассажира. – согреть дамочку не мешало бы.. Может, коньячку? Могу продать... Недорого. – и извлек откуда-то из-под сиденья пузатую бутылку с невнятной этикеткой.

Кучкин, отрицательно кивнув на щедрое предложение подозрительного типа, пожал плечами, поманил за собой Тяпу и медленно повел продрогшую и полусонную Жизель к своему подъезду. Как истинный кабальеро, Аполлон Михайлович не мог бросить даму в беде, хотя и подозревал о том, что подобная гуманность, в дальнейшем, ему еще аукнется.

Появление троицы ночных гуляк – грязных, промокших и воняющих непонятно чем, произвело на приличную домашнюю кошку незабываемое впечатление. Потрясенная наглостью хозяина – мало ему приبلудной собаки, так он еще и девку чужую приволок, Барселона, пуча глаза, шипя и плюясь от гнева, запрыгнув на шкаф, с высоты, злобно рассматривала незваных гостей – Тяпу и Жизель, подозревая о том, что спальных мест на единственной, имеющейся в квартире кровати, станет еще меньше.

Безмолвно и беспрекословно, Жизель отправилась в ванну, прихватив с собой полотенце и запасной спортивный костюм самого Кучкина, а парень, изрядно стесняясь и краснея, забросил в стиральную машинку свои вещи и вещи ночной гостьи, которые та, неряшливой кучкой, уронила возле кресла.

Как вывести девушку из состояния тупой задумчивости, Аполлон Михайлович не знал, но, на невесомые предметы женского белья, посматривал с изрядным смущением – и, как такое носить? А, стирать? Оно же тонкое, непрочное и непрактичное? Толи дело его «семейники» – и согревают, и

вытереться ими можно вместо полотенца.

Что касается брезгливости, то Аполлон Михайлович от нее не страдал – вырос-то он в детском доме, а, там, как известно, жизнь совсем не мед с плюшками – всему научишься и ко всему приспособишься.

Жизель плюхнулась в постель, так и не придя в себя от стресса.

Аполлон взглянул на ее осунувшееся личико и махнул рукой – слышал он про то, что с дамочками случается подобное, в случае большого потрясения.

– До утра. – широко зевнул Кучкин, закончив со всеми делами, а, именно – перестирал грязное и выкупав Тяпу в горячей воде и с шампунем.

Повторное купание сенбернара не смутило, равно, как и обтирание полотенцем. Пес стойко перенес все испытания и дождавшись того самого момента, когда Кучкин, тяжело вздохнув, примостился рядом с Жизелью и заснул, моментально запрыгнул на свое, привычное уже, место.

В этот раз спать оказалось тесно – какой бы хрупкой не казалась утомленная приключениями грумерша, но кровать, все же, не безразмерная, а тут, еще и кошка, разгневанная вторжением посторонних и крайне несимпатичных ей лиц, но привыкшая к удобствам, пристроилась на подушку, злобно урча и запуская лапы во влажные волосы незваной гостьи.

Рыжие кудри Жизель пахли хозяйским шампунем и только это обстоятельство смягчило гнев вислоухой шотландки.

Барселона, продолжая опасно фырчать на Тяпу, некоторое время еще копошилась там, наверху, но затем стихла, придремав.

В квартире наступила тишина и лишь зеленый огонек, заведенного на утро будильника, игриво подмигивал спящим, мерцая в полной темноте.

*

Петриков, освобожденный из лап кровожадных тварей, заточивших, почти благородного разбойника, в гнусном подвале, бодрым шагом двигался в направлении той самой, роковой для сего, семнадцатипятиэтажки.

Как бы то ни было, но, порученное ему, дело следовало довести до конца – забраться в квартиру коллекционера и отыскать-таки, затребованную клиентом, редкость.

О специалисте и мрачной собаке, таскавшей за Кучкиным постоянно, Петриков старался не думать – он ничего Аполлону Михайловичу не обещал. А, если бы и обещал, сделав такую глупость, то и что с того?

«Обещать – не значит жениться. – повторял про себя, запавшую ему в душу поговорку, Василий Иванович Петриков. – Дело – прежде всего.»

В это хмурое, осеннее утро, в несусветную рань – пять часов утра, серые сумерки еще не сменились туманной дымкой наступившего дня. По мнению Петрикова – самое время для свершений. Все люди спят крепким, здоровым сном и нужный коллекционер – не исключение.

Петриков тоже бы спал, но, невыполненное задание гнало его вперед. Василий Иванович дорожил своей репутацией. Не станет репутации – не появятся новые заказы, оплаченные красивыми денежными знаками, а значит, жизнь почти благородного разбойника будет куда печальнее, чем теперь.

Что касается тех самых, неизвестных личностей, одна из которых, страшная и с клыками, а вторая – больно бьет по голове тупыми и тяжелыми предметами, то Петриков, за короткий срок узнавший максимально много про вампиров, пребывал в твердой уверенности в собственной безопасности.

По утрам вампиры спят. Шастают кровососы по ночам и, по ночам же, творят свои мерзкие делишки.

К тому же, теперь, спустя какое-то время, Василий Иванович уже не был уверен в том, что видели его собственные глаза. Может быть ему померещилось? Ну, просто померещилось, после того, как он свалился на чужой балкон и больно бумкнулся затылком о что-то твердое? Или же, его укусила та самая, летучая мышь/птица, из-за коварного нападения которой, он и промахнулся мимо нужного балкона и вломился в чужую квартиру?

Как бы то ни было, но второй осечки в этом, столь неудачно начатом, деле, у него не случится.

Афанасий Анатольевич Дохлик возвращался с утренней пробежки. Пробежкой, шарканье ногами по асфальту со скоростью пешехода, было назвать затруднительно, но Дохлик

называл, не смущаясь некоторым преувеличением. Разумеется, в молодые годы, Афанасий Анатольевич двигался куда бодрее, но и теперь, поглаживая тотем африканских шаманов племени юмбаинути, Дохлик чувствовал себя живым и полным сил.

Как и обещал, оплаченный задатком, специалист, вампиры пропали из поля зрения коллекционера. Ночью Афанасий Анатольевич спал спокойно, никто не тревожил его сон. Дохлик, в виду особых обстоятельств последних дней, даже позабыл о привычном приеме валерьянки – в каплях, таблетках и саше, которое он запихивал под подушку. Вот только с прогулками возникли проблема и у этой проблемы имелось имя – Горемыкина Таисия Григорьевна.

Бодрая дама преклонных лет, обладательница благородных седин, выкрашенных в модный, фиолетовый цвет, совершенно утомила, привычного к размеренному образу жизни, пенсионера.

Энергичная Таисия Григорьевна, проявив завидную прыть и вспомнив про старые связи, обещалась за один день сменить свою фамилию и вновь, как в молодости, стать Зайчихой.

Афанасий Анатольевич сомневался в том, что бывшей невесте удастся провернуть подобный трюк.

Зря он так плохо думал о Таисии Григорьевне. Обокраденная неизвестными злоумышленниками Горемыкина, твердо вознамерилась выйти замуж и обзавестись такой нуж-

ной в хозяйстве штукой, как муж.

Пусть и не первой свежести, но и она, Таисия Григорьевна, давно не юная девочка, хотя и хорошо сохранилась для своих лет. Этот Дохлик ей еще спасибо сказать должен за то, что она решила его облагодетельствовать и осчастливить.

В общем, Дохлик не подозревал о том, что судьба его уже решена. Кто знает, может быть, предчувствуя разнообразную и насыщенную событиями, будущую семейную жизнь с активной, а, главное – скандальной, Таисией Григорьевной, Афанасий Анатольевич, в качестве альтернативы, предпочел бы необыкновенно привлекательную и молодую вампиршу с клыками?

Если уж кто-то и намерен пить кровь коллекционера, так пусть это, хотя бы, будет симпатичная дамочка, похожая на персик, а не старая гримза, напоминающая замшелую курагу.

Столкнувшись в дверях собственного подъезда с незнакомым мужчиной, на лоб которого была надвинута кепка, а высокий воротник куртки успешно скрывал подбородок и нос незнакомца, Дохлик, было, насторожился, но мужик широко улыбнулся и, не заметивший торчащих клыков, Афанасий Анатольевич вздохнул с облегчением.

Не вампир. Не кровосос.

Обычный трудяга, снимающий квартиру посуточно и спешащий отоспаться после неудобной смены.

Подслеповатый Дохлик не признал в Петрикове благород-

ного разбойника и опрометчиво позволил тому проследовать за собой в подъезд.

Василий Иванович крался следом за коллекционером и потирал руки в предвкушении развязки – сейчас этот перезрелый мухомор откроет двери и он, Петриков, не станет терять ни мгновения. Оказать сопротивления крепкому мужчине, успешно лазавшему с балкона на балкон, старик не сможет, а значит, дельце, почти что обстряпано и сдано в архив.

Поднимаясь на свой третий этаж, Дохлик продолжал шаркать ногами, вздыхать и украдкой креститься. Как стало сложно выживать в этом мире! Кругом такое! Вампиры, живущие среди людей – это ли не нонсенс?

Петриков не отставал, благодаря провидение за то, что пенсионер отвлекся и что-то шепчет себе под нос – может быть молитву к Всевышнему, а, может быть, повторяя список покупок, запоминая его перед походом в ближайший магазин.

Неожиданно на верху раздался шум, какой-то невнятный грохот и разные другие, настораживающие звуки.

Глуховатый Дохлик, все еще продолжал спокойно подниматься по лестнице, а Петриков, проклиная собственные невезение и беспокойных соседей Дохлика, шастающих в немыслимую рань, приготовился встретить неприятности во всеоружии.

Неприятности не замедлили и проявились.

По лестнице плавно двигался гроб – солидный такой гроб, полированного дерева, с золотыми ручками и траурной лентой алого цвета.

Гроб двигался не сам по себе – его очень аккуратно тащил крупный, мускулистый молодой человек, облаченный в неброскую одежду.

Позади него, болтаясь из стороны в сторону, цепляясь за гроб и делая вид, что помогает в его переноске, маячила девица в леопардовом пальто, необычайно бледная, красногубая и... зубастая.

Вернее – клыкастая!

– Гроб на колесиках! – пораженный в самое сердце Петриков, замер, тревожно озираясь по сторонам. Страшилки из его давнего детства оживали на глазах – подпрыгивая на ступеньках, понукаемый молодым человеком и придерживаемый девицей, гроб бодро спускался вниз. Яркая лента вызывающе алела в серой предрассветной хмари.

– А.. э... – в один голос завопили Дохлик и Петриков, отпрыгивая от сего чуда или, ужаса. Они оба признали ту самую девицу с клыками и красными губами.

Знакомая! Старая знакомая, будь она неладна!

Через чур бледная для живой и теплокровной, дамочка приветливо оскалилась, демонстрируя всю ширь своей клыкастой улыбки и Дохлик, очнувшись от ступора, проявив неслыханную сноровку, с разбегу воткнул ключ в замочную скважину.

Петриков не отставал – быть покусанным вурдалаком и снова получить по кумполу, благородному разбойнику совершенно не улыбалось. Петриков отлично помнил о том, что кулаки у мускулистого сообщника особы с клыками, тяжелые и, что размахивать ими, этот тип, умеет достаточно ловко.

Василий Иванович, следуя за объектом, пока что несостоявшегося ограбления, по пятам, приложив усилие, придал пенсионеру некоторое ускорение, толкнув того вперед и вломился в квартиру, захлопывая двери и прижимаясь для верности к ним спиной и надеясь, что веса его собственной, родной тушки, окажется достаточно для того, чтобы на краткий миг остановить кровопийц.

В двери что-то грозно воткнулось, но Дохлик уже защелкнул замок и теперь медленно сползал по стене, переводя дух и пуча глаза.

Вампиры не стали ломиться в закрытую дверь.

В подъезде что-то грюкнуло, зашуршало, слышались звуки негромкого разговора, а потом все стихло.

– Ушли? – голос Петрикова прошелестел в темноте прихожей, и хозяин квартиры, успевший слегка отдышаться, сердито на него цыкнул.

– Молчу.. молчу. – понятливо кивнул почти благородный разбойник, шаря по стенам цепким, изучающим взглядом.

Это он удачно зашел! Объект сам запустил Петрикова в свой дом и не подозревает подвоха. Осталось отвлечь кол-

лекционера, довести дело до конца и смыться – чисто и не оставляя следов.

– Ушли. – Афанасий Анатольевич отлип от дверей и с благодарностью взглянул на Петрикова. – Спасибо вам, молодой человек за то, что прикрыли мне спину. Они могли догнать меня и вцепиться. О-о-о! Это коварные твари! Они уже давно ведут на меня охоту. Знаете, – Дохлик суетливо осмотрелся, перекрестился на красный угол с иконой и, вздохнув, повернулся лицом к Василию Ивановичу. – я уже привык к тому, что приходится сражаться за свою жизнь. Подлым кровопийцам, до сих пор так и не удалось узнать, какова на вкус моя кровь, хотя, они очень стараются застать меня врасплох.

Петриков механически кивнул – вот даже как! В их спокойном городишке водится и такое? Нет-нет, Петриков на подобное не подписывался! Закончив работу он обязательно поменяет место жительства – улицу, город и регион.

– Проходите, молодой человек. – пожевав губами, неожиданно предложил Дохлик. – Обычно я никого к себе не приглашаю, но, вы, как никак, спасли мою жизнь и я, в знак благодарности, должен, хотя бы, предложить вам испить чаю.

– Лучше – водки! – едва не брякнул Петриков, но вовремя прикусил свой болтливый язык. Пусть старикан предложит чай, а там видно будет.

Шаркая ногами, хозяин квартиры удалился на кухню, а похититель чужих ценностей, воспользовавшись моментом, принялся бродить возле книжного шкафа. Того самого

книжного шкафа, в глубинах которого и находился нужный Петрикову предмет.

Заказчик экспроприации описал примечательный шкаф, в деталях, вплоть до царапины на дверце.

– Интересуетесь? – коллекционер подкатил столик на колесиках и Петриков невольно вздрогнул, припомнив, как шустро передвигался гроб по ступеням, на тех самых, при-мастряченных к нему, колесах. – Приятно видеть, что наша молодежь не безнадёжна.

«Молодежь», в лице, польщенного похвалой, Петрикова активно закивала головой – нет за стеклами нужного предмета не просматривалось, а жаль. Отыщись он сразу, все было бы намного проще.

– Прошу вас. – Дохлик гостеприимно указал на парующие чашки с чаем. – Нужно снять стресс.

Стресс они снимали целый час, добавляя в горячий чай очень даже неплохой коньяк из фляжки коллекционера. Под конец Дохлика слегка разморило и он, испытывая к своему спасителю нежные чувства, неожиданно решил сделать тому щедрый подарок.

– Как приятно, в наше смутное время, встретить человека храброго и бескорыстного, – шмыгая носом, изрек пенсионер, прижимающий к груди какую-то странную, шаровидную штуковину, оплетенную мохнатыми веревочками. – не поддавшегося власти золотого тельца. Вы, мой друг, выгодно отличаетесь от одного моего знакомого, согласившегося раз-

гадать тайну злобных кровопийц, исключительно по предоплате.

– Негодяй! – коньяк и чай сделали свое дело – не чуждый сентиментальности Петриков решил проявить солидарность. – Как можно – доброе дело и за материальное вознаграждение?

– Вот и я говорю – куда катится наш мир? – сосредоточенно шаря в глубинах шкафа, бубнил коллекционер, не замечая жадного взгляда своего гостя, направленного в те самые глубины. – Я, знаете ли, никогда не продаю предметы из соей коллекции. – Афанасий Анатольевич задумчиво поджал губы, не замечая, как напрягся его гость. – Принципы, н-да. Но, зато, могу подарить. Э.. Вот! – торжественно возвестил Дохлик. – Это вам, мой благородный друг. Вам, как молодому и шустрому, данная вещьца может показаться затейливой и интересной. Помнится, – глаза пенсионера затянуло мечтательной дымкой. – в ваши годы, я был, так сказать, изрядный шалун и не чурался.. Да-да, не чурался, ни страстей, ни иных, приятных вещей.

– Так не бывает. – Петриков тряс головой и отказывался верить своим глазам. Дохлик, сам, своими руками, без всякого принуждения, предлагал, почти что благородному разбойнику, ту самую вещь, подлежащую насильственному изъятию.

Сказать по правде, интересную штуковину – коллекцию старинных, порнографических игральных карт.

Голые девицы, изображенные на картах, изгибались, принимая заманчивые позы и игриво глазели на Петрикова, маня, почти что, благородного разбойника мясистыми телесами. Зачем и для каких целей заказчику потребовались сии дебелые нимфы, Петриков не ведал, но порадовался удачному стечению обстоятельств.

Ему не пришлось прыгать по балконам, рискуя жизнью и здоровьем, падать, биться головой о твердые предметы и прибегать к насилию.

– Всегда бы так. – Петриков с благодарностью принял коробку с дареными прелестницами и нежно улыбнулся пенсионеру. Что там нежно? Он почти любил этого человека, в один миг, сделавшего его, Петрикова, значительно богаче.

Афанасий Анатольевич вздохнул с облегчением, захлопывая двери за спиной своего спасителя – вампиры-вампирами, но обнаружь подобный набор карт в квартире своего предполагаемого жениха, Таисия Григорьевна Горемыкина, то бишь – Зайчиха, она, без сомнений, устроила бы тому веселую жизнь.

Не смотря на все свои закидоны, вздорный нрав и некоторую экспрессию, Таисия Григорьевна прочно вцепилась в сердце коллекционера своими длинными пальцами, внушив, при этом, Дохлику чувство не просто симпатии, а давно уже подзабытого любовного томления.

Сказать честно, Афанасий Анатольевич вовсе не прочь был связать себя узами Гименя со своей давней знакомой,

невестой, так и не ставшей женой, а противился, единственно, по привычке, не желая неприлично быстро прощать женщину, когда-то не пожелавшую взять себе фамилию Дохлик и пытавшуюся сделать из Афанасия Анатольевича какую-то пошлую Зайчиху.

Разумеется, перед столь ответственным шагом, как бракосочетание, желательно было бы проконсультироваться с милейшей мадемуазель Гололупенко Асмодеей Имоловной, известной предсказательницей, гадалкой и Повелительницей зомби, но, та, к великой досаде Афанасия Анатольевича, скоропалительно выскочив замуж за банкира Косматкина, находилась вне зоны доступа.

Но, если уж, сама Асмодеея Имоловна рискнула бракосочетаться, то, кто может помешать Дохлику сделать тоже самое?

Как честный человек, Афанасий Анатольевич не мог привести невесту в дом, где проживают опасные и хищные создания, но рассказать Таисии Григорьевне о вампирах, обитающих по соседству, коллекционер не осмелился. Горемыкина могла не поверить и подумать, что Дохлик выискивает причину для отказа или, что еще хуже – усомниться в психическом здоровье жениха и сдать одного соответствующим органам.

В полиции же не поверили Афанасию Анатольевичу, а, ведь он ничего не скрывал, привел убедительные доводы и сумел связно изложить свои озабоченности, сделав это в

письменном виде.

Над ним, Дохликом, обидно посмеялись и выставили прочь.

Следовало напомнить, нанятому и оплаченному задатком, специалисту об его обязанностях и поведать о новом, коварном нападении кровососущих существ. Пусть примет меры и раз, и навсегда, избавит своего клиента от общества подлых созданий, несущих угрозу всему живому и теплокровному.

*

– Давай, Марго, шевели булками! – поторапливала свою подругу рыжеволосая Натка Фуфайкина, воровато озираясь по сторонам и опасаясь появления случайных прохожих, способных поломать тщательно продуманный план охоты на опасное создание, избравшее местом своего обитания свалку за двором бывшего долгостроя. – Ну, что там? Видишь его?

Круглая, упитанная филейная часть упомянутой Маргариты, торчала из дырки в заборе, а сама Маргарита, энергично пыталась пропихнуться в это, слишком узкое для ее пышной фигуры, отверстие.

Девчонки непременно вознамерились попасть в темный дворик, огороженный хлипким заборчиком, голубятни.

Кто именно являлся владельцем сего несуразного строения, состряпанного из старых шпал, досок, шифера и хлипкой лесенки, ведущей на верх, не знали, ни Маргарита, ни сама Натка, ни её родной брат, Антон Фуфайкин.

Однако, с площадки, той самой голубятни, открывался отличный обзор на разноцветные мусорные баки, скорей всего служившие огромным обеденным столом для непонятого, окрашенного в ярко-синий цвет и, возможно, опасного, реликтового создания.

– У-рх! – приложив некоторое усилие и смахнув со лба капельку пота, Наталья ухитрилась пропихнуть через дыру свою подругу. Маргарита сдавленно вскрикнула и, куда-то свалившись – скорей всего, шмякнувшись на землю, пропала из виду.

Сразу после этого, из-за чужого забора слышались энергичные высказывания упомянутой Маргариты, не вполне цензурного содержания.

Со всем усердием и изобретательностью, Марго выражала признательность своей ближайшей подруге за оказанную, в деле перемещения собственной тушки, помощь.

– Всегда, пожалуйста. Обращайся! – Натка широко ухмыльнулась, но не обиделась – шмякнись она на землю, то, еще и не так бы высказалась!

Сама же Фуфайкина обладала фигурой худощавой, слегка костлявой и изрядно вытянутой в длину. И, если Маргариту Мартыненко, некоторые несознательные личности в лице одноклассников, дразнили «толстухой» и «коровой», то пронырливую Наталью, наоборот, очень часто, обзывали метко, но, обидно – «доска, два соска» или же, «оглобля» и «каланча».

Естественно, подобные прозвища мало кому могут понравиться, да и звучат как-то неприятно, согласитесь.

Правда, в последнее время, злопыхатели и прочие несоznательные личности, обзывать на девчонок несколько остерегались, потому, как Антон Фуфайкин не желал, чтобы его девушка Маргарита и ее ближайшая подруга, а, по совместительству – сестра самого Антона, расстраивались. Насмешникам приходилось туго – кулаки у Фуфайкина выросли внушительные, парень не стеснялся пускать их в ход и наказывать обидчиков, заставляя тех жестоко сожалеть о собственной несдержанности.

Нынешним утром подруги отправились «на дело» самостоятельно, совсем, как в прежние времена. Незрлучное трио превратилось в дуэт, потому что Антона, к огромному сожалению шустрых девиц, рано по утру, успела перехватить бабуля Фуфайкина, решившая воспользоваться накачанными мускулами старшего внука для перемещения каких-то тяжелых вещей.

По мнению Наталки, Антон застрял надолго – кроме таскания тяжестей, бабуля, несомненно, отыщет для внука множество иных, крайне, важных дел и так просто из ее хищной хватки, Фуфайкину не вырваться.

Девушки немного повздыхали, скорбя по потере, но, запланированный визит на чужую голубятню, решили не отменять – очень уж удобное место, эта голубятня. С неё должен открываться отличный вид на, предполагаемое место оби-

тания таинственного зверька, которого городские обыватели успели обозвать «Чёртовым цокольщиком» и «Синим чёртом».

– Ух ты! – воскликнула Натка, проскочив через дыру в заборе – надо сказать о том, что дыра за последние пять минут слегка увеличилась в размере. – Здесь не так уж и плохо.

Маргарита, поднялась с земли, поправляя куртку на груди и почесывая ушибленный зад, а, шустрая Натка, не дожидаясь подруги, бодрыми скачками проследовала к голубятне.

Лестница, ведущая к месту обитания беззаботных птах, вопреки опасениям, оказалась крепкой и металлической и подружки без труда вскарабкались наверх.

Сама голубятня, равно, как и птички, в ней проживающие, удивила, запертыми на солидный замок, дверями, но отчаянные девицы сему обстоятельству только порадовались – так им никто не мешал шастать по площадке и вести наблюдения за объектом.

Голуби тревожно ворковали в своем тереме, хлопали крыльями и скребли лапами, а Марго и Натка, поочередно осматривали окрестности, таращась в бинокль, специально для этой цели приобретенный в магазине с незатейливым, но говорящим названием «Охота и рыбалка».

Девицы, как раз-таки и считали себя охотниками, или охотницами. Как правильно – разбирайтесь сами.

Один раз, этим летом, им уже крупно повезло – находясь в дачном поселке Шмурыгино, подругам, совместными уси-

лиями, удалось заснять и сфотографировать очень странное создание, которое они, обозвав «чупакаброй», признали реликтовым и редким. Фото реликта предприимчивые особы продали редактору городской газеты «Свекруха», выложенный в сеть ролик с той самой чупакаброй сделал из подруж звезд городской величины, а сами девицы, не утомонились. Они, приняв в свою компанию брата Натки, Антона и задались целью отыскать еще, чего-нибудь такое и этакое, лучше загадочное и неуловимое и повторить недавнюю минуту славы.

По началу, подружки намеревались уловить йети, но, по всей видимости, на йети случился не сезон. Так что, пришлось ограничиться более мелким, но ужасно наглым, шустрым и неопознанным наукой, созданием.

– Что-нибудь видишь? – свистящим шепотом поинтересовалась Натка, вытягивая шею и сплевывая с губ шелуху от семечек.

Марго вела наблюдение за мусорными бачками и делала это скрупулезно и добросовестно, точно педант, заботившийся о собственных неотложных нуждах.

– Вижу. – коротко ответила Марго, не выпуская бинокль из рук. – Я же не слепая мышь. Вижу, как незнакомая тетка проследовала к объекту. В руках тащит мусорный пакет. Идет не спеша и не оглядывается.

– И, все? – разочарованием, звучавшим в голосе Натальи, можно было задушить все надежды мира, причем, на кор-

ню. – Кроме тетки, ничего и никого?

– Мужик какой-то возле подъезда трется, с девкой и.. Гробом? – удивлению Маргариты не было предела. – Нет, ну точно тебе говорю – гроб тащут... На колесиках! За веревку!

Натка торопливо выдернула бинокль из рук подруги – в такую несусветную рань кому-то приспичило шастать по улицам города с гробом на привязи, точно с собачонкой? С самым настоящим? Да еще и на колесиках? Нет, ну что за народ? Этот народ не переставал удивлять и поражать.

– Точно – гроб. – ахнула Натка, продолжая сплевывать шелуху. – Смотри, настоящий, крупногабаритный амбал. Здоровый, как шкаф-купе у моей мамки в спальне. С ним фифа, в пятнистом пальто. Чего, спрашивается, шастают в такую рань? Всю охоту нам испортят.

Пока девчонки, разинув рот, удивлялись и галдели, рассматривая таинственный гроб на колесиках, на территории «мусорки», произошел ряд следующих событий.

Мария Геннадьевна Буйносова, торопящаяся на службу, добираться до которой еще предстояло автобусом и сорок минут, решив выбросить мусор и избавиться от этого неприятного поручения своего шестнадцатилетнего отпрыска, полночи проведенного за компьютером и игравшего в очередную «стрелялку». Она двигалась обычным маршрутом – подъезд-мусорные баки, приближалась к крайнему контейнеру для пищевых отходов. Баки, согласно новому закону, оказались окрашены в разные цвета и, предполагалось, что жиль-

цы, проявив понимание и сознательность, не станут совать мусор туда, куда не след, а, аккуратно отделив пищевое от бытового, рассуют все по надлежащим местам.

Мария Геннадьевна принадлежала к категории несознательных, все свалила в общий пакет и тащила к одному ящику – крайнему. Подгнивший кабачок и черствый батон соседствовали с негодными батарееками, пластиковыми ячейками из-под яиц и старыми, дырявыми туфлями. Чего-то там фасовать у Марии Геннадьевны не было, ни времени, ни желания.

Приблизившись к нужному контейнеру, женщина подняла свой пакет, намереваясь забросить его на вершину мусорной пирамиды, да, так и застыла, заслышав за спиной злое «цок-цок».

Надо сказать, что Мария Геннадьевна, не смотря на свою заурядную должность – завхоз в медучреждении, очень любила смотреть всякие триллеры и фильмы ужасов.

Поняли, да? Дамочка была отлично подкована и понимала, что никакое живое существо, проживающее в средней полосе нашей страны, подобных звуков издавать не может.

К злобешему цоканью добавилось и другое.

– Р-гавх! – кто-то хрипло рявкнул за спиной у женщины и та, взвизгнув, выставив перед собой пакет с мусором, отважно развернулась лицом к опасности.

Визг приобрел постоянную величину и зазвучал громче – перед перепуганной непонятностями теткой, приседая на

задние лапы, раскачивалось странное, несуразное создание, величиной с некрупного, бойцового пса. Но, не пес.

Голова у неопознанного создания выглядела слегка квадратной и округлой одновременно, лапы – массивными, зубы – внушительными, а, шерсть, вставшая дыбом, поражала колоритным, ярко-синим цветом.

Существо цокало и лаяло, шевеля влажными широкими ноздрями и плотоядно посматривая на, ошалевшую от страха, тетку.

Нет, обладатель подобных зубов, совершенно точно не может принадлежать к травоядным.

Зажрет!

«Чёрта с два!» – Буйносова решила панике не поддаваться и сопротивляться агрессору изо всех сил. Она не может позволить себе бесславную гибель среди мусорных баков от зубов непонятной твари. У неё ещё много дел и смерть в планы Марии Геннадьевны никак не вписывается.

– Прочь! Пошла прочь, скотина! – женщина громко закричала, рассчитывая, что вопли и шум отпугнут странное создание и обратят зубастого монстра в бегство.

Тварь подпрыгнула и громко зацокала.

Пронзительно вереща, Мария Геннадьевна, раскрутив над головой пакет с мусором, метнула импровизированное орудие в цокающую тварь. Тварь, обиженно то ли, хрюкнув, то ли, гавкнув, скакнула вперед и затерялась в груде разбросанного мусора, в котором, она, вероятно, спокойно копалась до

появления посторонней гражданки.

Продолжая верещать и бояться собственной тени, женщина ударилась в бега, но, вместо того, чтобы спастись в сторону своего дома, зачем-то направилась вперед, снова вспугнув непонятное и ярко окрашенное создание.

Цокающее и гавкающее, ловко выпрыгнуло из мусора и, почти оглохнув от производимого гражданкой Буйносовой шума, рвануло прочь, проворно шевеля конечностями. Перепуганная женщина успела заметить блеск синей шерсти и круги на воде, след, оставшийся после того, как монстр нырнул в глубины рукотворного водоема.

Застыв в полной неподвижности, Мария Геннадьевна очнулась лишь через несколько мгновений и проклиная собственную тягу к чистоте, поспешно направилась к автобусной остановке – твари-тварями, а работу еще никто не отменял.

– Опять все пропустили. – Наталья закусила губу, досадуя на их с Маргаритой оплошность – раззявили рты, точно две вороны. Что, гроб в диковинку показался? Может, помер кто в доме, скоропостижно, вот гроб и перемещают, для удобства – на колесиках.

Пока они глазели на странную парочку у чужого подъезда, укатившую, кстати, на вполне себе обычной «Газели», в которую, без труда загрузились и люди, и предмет ритуальных услуг, цокающий объект их интереса успешно смылся. Куда – неизвестно.

– Зря вставали в такую рань. – широко зевнув, разочарованно бухтела Маргарита. – Теперь еще в школу тащиться. Была охота.

Девушки торопливо покинули голубятню и, не мешкая, рванули к знакомой дырке в заборе. Со стороны запертой калитки раздался шум – вероятно, владелец тех самых птичек, собирался навестить любимцев, накормить и напоить свое живое имущество.

Как подозревали девчонки, владелец голубятни не особо обрадуется, узнав о том, что посторонние личности шастают в неё без спроса.

Успев благополучно скрыться, Маргарита и Наталья направились к той самой автобусной остановке, на которой Буйносова Наталья Геннадьевна, не обращавшая внимания на окружающих ее, зевающих, граждан, размахивая руками, что-то громко вещала в телефон, энергично прохаживаясь вдоль дороги.

Много чего нового услышали подруги про таинственное реликтовое создание, а, самое главное – узнали о том, что оно, оказывается, водоплавающее и любит прыгать в лужи.

Намотав на ус полученные сведения, девчонки поспешили в школу. Как бы им не хотелось продолжить охоту на малоизученное существо, прогуливать занятия было нельзя. Потому, новый визит во двор семнадцатизэтажного здания оказался отложен на неопределенное время.

Утро добрым не бывает.

Утверждение, разумеется, спорное, но не в нашем случае.

Аполлон Михайлович проспал.

В иное время и при других обстоятельствах, ничего страшного бы не случилось. Подумаешь – проспал. Велика беда! Ему ведь не на службу? Как известно – с некоторых пор, Аполлон Михайлович Кучкин работает только на себя.

Однако, встречаются, исключительно неудачно начатые, дни.

Проснувшись и, еще не открыв глаза, Жизель Малявкина почувствовала себя не в своей тарелке.

Во-первых, у нее затекло все тело.

Во-вторых, болела голова и волос на ней оказалось больше, чем обычно.

В-третьих, рядом с Жизелью кто-то громко сопел, кряхтел и шевелился, что было и вовсе невозможно, потому, как проживала Жизель одна, в своей собственной квартире и из животных имела спокойную и медлительную черепаху Марфушу и аквариумных рыбок, которые, совершенно точно, не могли сопеть и шевелить плавниками в районе ее живота.

К тому же, странное дело – Жизель оказалась одета! Одетая во что-то плотное, тёплое и не своего размера.

Сонную негу, точно ветром сдуло!

– Нет, торопиться, совершенно точно не стоит. – подумала Жизель, очень осторожно открывая один глаз.

Ничего страшного не произошло, но это ничего не значи-

ло.

Одним глазом оказалось невозможно что-то рассмотреть подробно и в деталях, поэтому Малявкина рискнула и открыла второй.

Немногим лучше, но результат, все равно, оказался не тем, на который рассчитывала девушка.

Жизель решила начать прояснение непонятностей с головы и потянулась к своим волосам – она, все-таки, не Рапунцель и не могла за одну-единственную ночь отрастить на голове пышную копну, объемом, в два раза больше своих собственных волос.

Рука девушки нащупала что-то теплое, живое и приятное.

Потревоженная чужими прикосновениями, капризная и своенравная вислоухая кошка по имени Барселона, совсем уже было собралась заорать диким голосом и забить по мягкой подушке лапами, как, вдруг, кто-то, легонько пощекотал, а потом и погладил ее по теплому боку.

Ощущения оказались незнакомыми, но очень приятными и, вместо привычного кошачьего вопля, резкого и пронзительно, Баська, неожиданно для себя самой, негромко заурчала, потянувшись всем телом за новой порцией ласки.

Жизель еле удержалась от того, чтобы не завопить, узрев перед своим лицом, вначале, хорошо упитанный, шерстистый зад с хвостом, а, потом – усатую, кошачью морду, на которой двумя яркими фарами горели, медового цвета, наглые глаза.

– Я, совершенно точно, не у себя дома. – сделала выводы Жизель, неосознанно протягивая руки и начиная нежно почесывать и поглаживать наглое животное. – Кошка? Откуда здесь взялась упитанная кошка и что она делала верхом на моей голове? Теперь понятно от чего у меня вся шея затекла.

Почесывания доставляли усатой проказнице неземное наслаждение, и она принялась урчать громче. Звуки урчания разбудили еще кое-кого, и Жизель вновь напряглась, обнаружив, что в незнакомом месте и в незнакомой постели, она, оказывается, не одна.

И, это, не принимая во внимание наглую кошачью моську. Кто-то, большой и горячий, совершенно определенным образом терся о ногу Жизели, интимно прижимаясь и сладко сопя.

– Маньяк? – Жизель испугалась, чувствуя, как страшно быстро забилося сердце в груди. – Меня похитили, усыпили и уложили в чужую постель вместе с чужой кошкой?

Девушка задержала дыхание – она совершенно ничего не помнила, ни как попала в эту чужую кровать, ни как заснула с кошкой на голове.

– Кто же это может быть? – покраснев и запылав щеками, девушка рискнула слегка повернуться, скосив глаза в сторону. – Ой, мамочка, как же стыдно-то!

Больше всего на свете Жизель боялась опозориться. Она, до сих пор, не успела организовать личную жизнь, целиком и полностью занятая своим салоном.

Ну, какие могут быть женихи, если пудель у Антонины Константиновны не стрижен и нахватал колючек, бегая по кустам, а милейшая Елена Иславовна ухитрилась упустить своего питомца и тот, радуясь свободе, провел на воле несколько дней, после чего, вернувшись, перепугал свою хозяйку диким видом и обломанными когтями?

Нет, решительно Жизели не было никакого дела до женихов. Да и честно сказать, не толпились кавалеры у ее дверей и не пели серенады вечерами под ее окнами.

Во-первых, окна высоковатого – аж, на седьмом этаже, во-вторых, современный и избалованный женским вниманием, мужчина предпочитают иметь жену, которая умеет варить борщ и жарить котлеты, а не делать собачью укладку и окрашивать ногти капризным болонкам.

Поэтому, жених отпадал и оставался только маньяк.

Маньяк, скорей всего, ещё спал и несчастная, похищенная и, почти опозоренная, Жизель решила воспользоваться благоприятным моментом и сбежать.

Сделать, так сказать, ноги, пока саму Жизель не обмотали скотчем и пока маньяк не остриг наголо рыжие кудри перепуганной грумерши.

Очень медленно Жизель развернулась и наткнулась глазами на здоровенное и мохнатое нечто, сладко сопящее в складках одеяла.

Нужно сказать о том, что Лидия Николаевна, отравленная тухлой олениной владелица Тяпы, никогда не обраща-

лась за помощью в салон, принадлежащий Жизели. Тяпа родился красивым сразу и в услугах грумера не нуждался. Поэтому, хоть Тяпа и Жизель проживали в одном городе, их близкое знакомство так и не состоялось.

Пока не появился третий, то есть, Кучкин.

Этот приметный, рыже-черно-белый окрас, Жизель признала мгновенно.

Как не признать, если хозяина добродушного пса, она, Жизель, вначале столь опрометчиво обозвала обидным словом «бомж», а потом кормила комплексным обедом из трех блюд – борщом, котлетами и компотом.

– Здоровяк? – поразившись, прошептала Жизель и Барселона, которую перестали почесывать, сердито зашипела на пса – мол, опять ты, блохастый, мешаешь наслаждаться жизнью и лезешь, куда не просят?

Тяпа, почувствовавший шебуршение и шевеление под бочком – еще вопрос, кто у кого под бочком пригрелся – Жизель у Тяпы или Тяпа у Жизели, недовольно рыкнув, поднял свою лобастую голову и расплылся в широкой, собачьей улыбке.

Улыбка Тяпы могла привести в ужас любого, но только не Жизель, закаленную жизненными трудностями. Пусть улыбка сенбернара и отличалась особой зубастостью, но она не несла угрозы, в отличие от иных других, прочих. Например, мопс Фуня, принадлежавший Гаврилкиной Софии Вячеславовне, вполне мог цапнуть за палец, улыбаясь и приветливо пуская слюни. Поэтому, с Фуней, Жизель всегда вела себя

очень осторожно, а вот с Тяпой..

– Старый знакомый? – здорово удивилась Жизель, начиная всерьез беспокоиться, потому что отчетливо помнила о том, кто именно является хозяином миляги сенбернара. – Что я здесь делаю, здоровяк и, как я сюда попала?

Умей Тяпа говорить, он бы непременно ответил, не делая тайны из пустяка – и про канаву бы рассказал, и про поездку в такси, и про многое другое. К сожалению, Тяпа говорить не умел, поэтому ограничился красноречивым вываливанием языка и старательным облизыванием бледного и растерянного девичьего личика.

Теперь Жизель все поняла. Имя маньяка ей известно, личность – тоже.

Маньяк – наглый и ленивый специалист Кучкин, игнорирующий свою работу, развратный тип и преступная натура!

Жизель зло зашипела и озадаченная Барселона, выгнув спину, удивленно взглянула на Тяпу – шипит?

Шипеть в этом доме разрешалось только вислоухой и наглой кошке, а не всяким там пришлым дамочкам!

Разобиженная кошка, сменив милость на гнев, ловко вывернулась из чужих рук и спрыгнула на пол. Она намеревалась отыскать тапки шипящей конкурентки и хорошенечко в них отметитья.

Прощать наглость длиннохвостая собственница никому не собиралась. Хватит с нее прожорливой собаки, оккупировавшей чужое место на чужой кровати и пожирающей пель-

мени в огромных количествах. Если к треугольнику прибавится еще один угол, в виде, растрепанной после сна, девичьи, то еды станет еще меньше, а, оно, ей, Баське, надобно?

Про хозяина квартиры все благополучно забыли.

Очень осторожно Жизель выползла из-под одеяла, в которое ухитрилась замотаться, точно гусеница в кокон. Следом за ней с кровати сполз Тяпа, широко зевая и демонстрируя отличную, зубастую улыбку.

Жизель пугливо оглянулась – не хватало еще, чтобы этот самый наглый специалист проснулся и увидел невольную гостью в столь непотребном виде.

Покраснев еще больше, Жизель подтянула сползающие с попы штаны и метнулась в ванную комнату – там, за закрытыми дверями, можно было отсидеться.

В ванной девушку подстерегало очередное потрясение, как будто, мало их случилось за одно-единственное утро. Проснуться в чужой квартире, на чужой кровати, в компании постороннего мужчины, пса и кошки – это надобно ухитриться. Подобное приключение, не каждой отчаянной авантюристке по плечу.

Вот Жизель, как-то ухитрилась и теперь страдала, шмыгая носом и хватаясь за голову.

Так вот, о ванной.

Некогда было Жизели осматривать чужую жилплощадь, торопилась она убежать в относительно безопасное место. Будь у нее близкая подруга, та обязательно попеняла бы де-

вушке на ее скудоумие – очутиться в квартире холостого и привлекательного мужчины, это ли не шанс? Нужно все досконально рассмотреть и обследовать на предмет постороннего женского присутствия и, ежели такового присутствия не обнаружится, то, не теряясь, а приступать к решительным действиям.

Но, на Жизель напал ступор, после того, как, ворвавшись в ванную комнату, она углядела в ней, висящими на веревке, предметы своего гардероба. Вернее, его интимной части. Эти самые части, бесстыдно висели, как ни в чем не бывало на чужой сушилке, а не находились на привычных местах.

– Негодяй! – залившись краской, неведомо в который раз, шептала бедняжка Жизель, сдирая с веревки эти самые предметы из тонкого кружева. – Развратный тип! Наглец! Хам! Подонок! Как он осмелился?

Но, в этот самый миг Жизель все вспомнила – и свой испуг, и поспешное отступление, и беготню вокруг свалки, и падение в холодную, грязную воду.

Вспомнила и ужаснулась.

Бурачный цвет ее лица мигом сменился смертельной бледностью.

– Позор! – Жизель, поспешно натянувшая на себя нижнее белье, кусала губы и готовилась разразиться слезами. – Что он обо мне подумает? О, как низко я пала!

Слезы, все-таки, прорвались и, хлюпающая носом девушка, рискнула и высунула нос из ванной – где-то же должны

отыскаться и все прочие вещи? Пусть мокрые, пусть грязные, но не может же она, Жизель, отправиться домой в нижнем белье? Она, конечно же, теперь падшая женщина, но не до такой же степени – утро, люди и прочие препятствия? Опять же, клиенты.. Они не поймут, если владелица салона «Лампапудель» начнет разгуливать по улицам города в одном нижнем белье. Не такой уж и большой у них город, на самом-то деле. Ее обязательно заметят, опознают и выставят в самом невыгодном свете. Тот же, всем известный, журналист Капустка, не преминет тиснуть в своей газетенке что-нибудь такое и этакое, но очень обидное для Жизели.

К своему удивлению, а потом и радости, вещи обнаружались – все, кроме туфелек и, естественно, колготок, отправившихся в мусорное ведро.

Чистые, выстиранные и высушенные на сушилке, они, сразу же, были натянуты на тело хозяйки и лишь после этих нехитрых маневров, девушка почувствовала себя более или менее защищенной.

Маньяк, то есть, Кучкин, продолжал дрыхнуть самым бесовестным образом, в то время, когда его, скажем так, гостя, металась по квартире в поисках достойного выхода из щекотливой ситуации.

Обуть оказалось совершенно нечего.

Упавшая ниже плинтуса Жизель была готова пойти на кражу. Она решила украсть пару мужских туфель, потому, как в квартире Кучкина, дамской обуви не оказалось.

Ну, вот совсем никакой – ни босоножек, ни туфелек, ни ботиночек.

Будь у Жизели лучшая подруга, то она не преминула бы заметить, что это – замечательная новость. Значит, в жизни специалиста из офиса с золотой табличкой на дверях, не наблюдается никаких посторонних баб. А, раз женщины нет, то самое время ей появиться.

Например, ею могла бы стать милашка Жизель.

Но, Жизель появляться в жизни Кучкина не желала. Наоборот – самым горячим желанием девушки было исчезнуть из жизни и квартиры Аполлона Михайловича незаметно и, как можно быстрее. Что она и попыталась сделать, шлепая чужими туфлями и пытаясь покинуть чужое жилище.

Круглыми от удивления глазами, вислоухая кошка наблюдала за тем, как растрепанная дамочка влезла в хозяйские туфли и пошаркала к входным дверям.

Это было не по правилам. В этой квартире, в чужие туфли гадила только Баська, но она просто метила свою территорию и мстила за невнимание, а не пыталась присвоить чье-то имущество.

Выгнув спину дугой, Барселона грозно зашипела, демонстрируя наглой воровке свое презрение.

Тяпивар шипеть и выгибать спину не стал – заметив, что девушка направилась к выходу, умный пес первым занял стратегически важный пост у двери и широко зевнув, плюхнулся на коврик, преградив путь.

Жизель затравленно оглянулась – Кучкин продолжал мирно сопеть в своей постели, радуясь тому, что лежится просторно и комфортно, а кошка и собака, застыв каждый на своем месте, с ожиданием уставились на Жизель.

– Не выпускают. – поняла Малявкина и поджала губы.

Слезы закончились и плакать перехотелось.

Захотелось кушать, при чем, сильно.

Зажрать, так сказать, стрессовую ситуацию, калориями.

Несколько долгих мгновений девушка раздумывала, поглядывая на невозмутимую морду сенбернара просящим взглядом, словно умоляя того: «Пусти, миленький. Убери свой зад от двери. Ну, чего тебе стоит слегка подвинуться?»

Пес и ухом не вел, делая вид, что никакая-токая Жизель перед ним не маячит, носом не шмыгает и в чужих туфлях по комнате не шаркает.

– Бессовестно наглый тип. – с неприязнью взглянув на, продолжавшего сладко всхрапывать, Кучкина, Жизель смирилась с неизбежным и поплелась на кухню – если ее не желают выпускать, так, пусть, хотя бы, покормят.

С любопытством осмотревшись – ага, советы несуществующей подруги все-таки пригодились, Жизель неожиданно поняла, что ей нравится эта маленькая, но уютная кухонька – легкие занавески на окне, веселенькие обои, покрытый лаком, деревянный стол и чашки, расставленные для чаепития. И даже одинокий кактус на окне – нравится.

В холодильнике, ожидаемое, не обнаружилось готовой

еды.

Жизель вздохнула – нет, а на что она надеялась? Она, что, забыла о том, с каким аппетитом, этот самый специалист-консультант поглощал комплексный обед, заказанный в ближайшем пункте питания?

Впрочем, все оказалось не так печально – два пакета пельменей, ячейка яиц и приличный кусок сливочного масла, заставили желудок Жизель радостно квакнуть. К пельменям отыскались соус и полстакана сметаны, с которыми, недолго думая, Жизель решила сбить яйца, приготовив омлет.

Тяпа, покинувший пост у входной двери и вислоухая кошка, имени которой Жизель так никто и не удосужился сообщить, заняли место, каждый у своей миски, при этом, Барселона, не изменяя скверной привычке, тихонько шипела, селуя на то, что посудина наглого пса гораздо больше её собственной.

– Проглот несчастный, – вещали её, налитые желтизной глаза. – Бессовестный оккупант, ворвавшийся на чужую территорию.

Пес, занятый ожиданием и предвкушением завтрака, облизывал миску и облизывался – пахло пельменями и еще чем-то, очень вкусным. Тяпа надеялся, что про него не забудут – как можно не заметить столь замечательное создание? Он, сенбернар, не чета иным, мелким хвостатым и вислоухим – красавец, в самом рассвете сил и разгаре аппетита и занимает большую половину кухни, расположившись всей своей

прекрасной лохматостью прямо в проходе.

Жизель, занятая приготовлением завтрака, на страждущих и ожидающих плотного завтрака, животных, внимания обращала мало. Она, вообще и подумать не могла о том, что Кучкин кормит питомцев едой со своего стола. Девушка придерживалась строгих правил – питомцы должны кушать специальную пищу, предназначенную им, хорошо сбалансированную и качественную. У самой Жизели и черепаха, и рыбки питались по режиму и правильно. Как может быть иначе, Малявкина не представляла.

– Кто-то что-то жарит. – до чуткого носа специалиста по решению вопросов, донесся упоительный аромат приготовленной пищи. Обычной, непритязательной пищи – омлета, но голодному Кучкину этот запах показался самым лучшим на свете.

Сладко потянувшись, Аполлон, продолжая вдыхать вкусные запахи, сел на кровати и привычным движением сунул ноги в комнатные тапочки.

Нужно сказать, что он слегка удивился, не обнаружив рядом с собой кошки и Тяпы. За пару дней, которые у него квартировал пес-тяжеловес, Аполлон, как-то свyksя с необходимостью просыпаться рядом с мохнатым и зубастым красавцем, не понимающим слова «нет» и «нельзя».

Впрочем, не понимал их Тяпа только, если они относились к возможности спать на мягкой кровати, во всех остальных случаях с сенбернаром вполне можно было договорить-

ся.

– Соседи совсем обнаглели. – сонно посетовал Кучкин. – Разве можно с самого утра третировать людей такими вкусными запахами. Яичница. – решил он. – Точно, яичница на сливочном масле, еще скворчит и ворчит на сковородке.

Соседские разносолы взбодрили Аполлона и он, очень кстати, припомнив о том, что в его холодильнике, кажется, тоже можно отыскать кое-какие продукты питания, бодро поплелся в туалет.

Вчерашний вечер, разумеется, не выпал из памяти Кучкина, как это случилось с некоторыми рыжеволосыми и нервными дамочками, но воспоминания оказались задвинуты в угол зовом природы и вкусными ароматами. Голодный желудок настойчиво напоминал о себе, урчанием и стенаниями сетуя на тяготы жизни.

Вымыв руки и почистив зубы – порядок, наше все! Кучкин направился на собственную кухню, намереваясь тесно пообщаться с холодильником.

И, остолбенел.

Три пары глаз – кошачьи, собачьи и человеческие, укоризненно уставились на смущенного специалиста, растерянно застывшего на пороге.

– Долго спите, Аполлон Михайлович. – голосом сварливой супруги, прожившей в браке энное количество лет, сообщила Жизель, решив, что лучшая защита – это нападение. – Заставляете себя ждать, а еда остывает, и мы, все, меж-

ду прочим, кушать хотим.

– Я, как-то.. – смутился Аполлон Михайлович, не ожидавший обнаружить на кухонном столе пельмени и пышный омлет. – Я, знаете ли, не рассчитывал..

– Я тоже не рассчитывала увидеть рано поутру растрепанного мужика в одних трусах. – язвительно произнесла Жизель, которую отлично защищала чистая и сухая одежда, выстиранная Кучкиным. – Особенно, перед завтраком. Подобный вид не способствует нормальному пищеварению. Вы, знаете ли, чтобы там не было написано в вашем паспорте, далеки от эталона мужской красоты. На Аполлона не тянете. Разве что, на фиговый листочек.

– О каком фиговом листочке идет речь? – продолжая тупить, Кучкин открыл было рот, но, спохватившись, мгновенно исчез, стремительно покинув кухню.

– Идиот! – ругался специалист, негодуя на собственную растяпистость. – Нет, ну, какой же идиот!

Проворно натянув на голое тело спортивный костюм, арендованный Жизелью и, ею же, впоследствии, аккуратно брошенный на кресло, Кучкин, причесав взъерошенные волосы пятерней, решительно направился за завтраком. Чувство голода победило чувство смущения, а о том, что этот самый костюм он ночью натянул на спящую Жизель, думать не хотелось. Как не хотелось думать о молодом, гибком девичьем теле, приятно обнаженном и манящем, которое специалист, в этот самый костюм, деликатно запихивал.

С него, Кучкина, хватило переживаний и волнений. Больше всего, в тот, ответственный и щекотливый момент, Аполлон Михайлович боялся, что девица очнется от своего странного состояния и надаёт ему по щекам. За домогательства, хотя он, видит Бог, ничего такого не делал и даже не собирался.

– Проходите и присаживайтесь за стол. – голосом строгой мамыши, обратившейся к непоседливому чаду, произнесла Жизель, предлагая Аполлону Михайловичу сосредоточить всё свое внимание на омлете. – Ваши животные неправильно питаются. – владелица салона «Лампапудель», изящно двинув бровями, выразила свое неодобрение безалаберностью хозяина квартиры. – Им категорически противопоказана еда с вашего стола. Купите специальный, сбалансированный корм, с витаминными добавками, предназначенный для котов и собак. Разный корм. – уточнила Жизель, для вящей убедительности ткнув вилкой в потолок. – Это – важно.

– Кто бы для меня купил специальный, сбалансированный корм с витаминными добавками. – проворчал Кучкин, расправляясь с омлетом решительно и скоро. – Жаль, что в магазинах не продаются пакеты с надписью: «Корм специальный, для крупных и средних мужчин. Приятный аппетит и прибавка в весе, гарантированы».

– Не знаю, как для мужчин, а для котов и кошек предлагается большой выбор. – отрезала Жизель, удовлетворившись микроскопической порцией омлета и даже не взгля-

нув на пельмени. Девушка не хотела объедать человека, вытащившего её из той поганой лужи. Если судить по степени заполнения полок в холодильнике, то большими доходами специалист по решению вопросов похвастаться не мог – то ли вопросов предлагалось мало, то ли решальщик попался плохой. Судя по тому, что Кельбас до сих пор не отыскался, второе ближе к правде. Удивительно, как пес и кошка, при таком-то питании, не протянули лапки.

Кучкин добрался до пельменей и, ничуть не стесняясь своего отменного аппетита, прикончил их единым махом.

– Кому-то непросто придется с организацией кормления вредного типа. – вздохнула Жизель, разливая кипяток по кружкам, в каждой из которых засело по чайному пакетику. Сама Жизель чай из пакетика не любила – не вкусно, но в данном случае выбирать не приходилось.

– Спасибо. – поблагодарил Кучкин свою гостью и покосился на часы, висевшие на стене. Сова являлась сестрой-близнецом птичек, обитавших в офисе Кучкина и в его спальне и была изготовлена из яркого, дешевого пластика. Одинаковое трио часов Кучкин приобрел дешево и, по случаю, покупкой гордился, а на некоторую детскость приобретения внимания не обращал. Сова – символ мудрости, а Кучкин мечтал прослыть мудрым, прозорливым и удачливым специалистом. Когда-нибудь, в самом ближайшем будущем.

– Я так вам благодарна. – Жизель не желала затягивать с неприятным разговором и принялась благодарить и изви-

ниться одновременно. – Простите, я доставила вам столько хлопот. Вам пришлось спасать меня от утопления, везти домой и возиться с моими вещами. – щеки Жизель приятно покраснели. Девушка смущенно потупилась – сама мысль о том, что, сидящий напротив специалист снимал с нее нижнее белье, а, затем, неспешно облачал в спортивный костюм, заставляла нежную натуру Малявкиной трепетать и стесняться. – Я..

– Раздевались вы сами. – поспешил избавить девушку от сомнений Кучкин, понимая, как она сейчас переживает по поводу собственного морального падения. – И, одевались – тоже. – в этом случае, Кучкин солгал, но для пользы дела. – Я, всего лишь, забросил ваши вещи в стиральную машину и предоставил вам свой костюм. – Аполлон Михайлович небрежно огладил упомянутый предмет гардероба по карману. – Это было не сложно.

– Правда? – Жизель с благодарностью взглянула на парня за столом. Может быть, не так уж низко она и пала? Что ж, со всяким может случиться. – Еще раз – спасибо вам, уважаемый господин специалист-консультант.

– Расту на глазах. – подивился Кучкин странным вывертам женского сознания. – Уже – уважаемый. И это, после того, как мы спали в одной постели? Можно было ограничиться просто Аполлоном.

Пока Жизель возилась с посудой, Кучкин позволил себе кратковременную отлучку, строго-настрого приказав Тяпе,

ни в коем случае, не выпускать гостью из квартиры.

Аполлон Михайлович, побегав, за рекордно короткие сроки, успел приобрести женские колготки телесного цвета и очень миленькие, замшевые туфельки, тридцать шестого размера, распрощавшись с одним из, честно полученных от клиентов, задатков.

Продавщица из магазина «Одежда», точно знавшая о том, что Аполлон проживает в своей квартире в гордом одиночестве, если, конечно, не брать во внимание, ворчливую и капризную кошку, посматривала на покупателя многозначительно, но специалист-консультант, не повелся ни на глубокие вздохи, ни, тем более, на, полные любопытства, взгляды.

– Зачем вы так потратились? – изумилась Жизель, успешно делая вид, что это не она, пять минут назад, настойчиво пыталась отодвинуть мохнатую тушку Тяпы от порога и вернуть себе свободу передвижения. – Не стоило беспокоиться. – но за новенькие туфельки ухватилась двумя руками.

– Сели, как влитые. – похвалилась Жизель, оправляя юбку-карандаш. – Спасибо, Аполлон Михайлович, я вам всё обязательно верну, всё, до копейки.

Кучкин пожал плечами – денег у него осталось мало, но не отпускать же Жизель на улицу почти голышом? Без колготок и босиком? Он, Кучкин, не жмот и не варвар.

К тому же, девушка не поленилась и приготовила для Аполлона прекрасный завтрак, вкусный и питательный.

За Кучкиным никто и никогда не ухаживал, а, это, как

оказалось, очень приятно, знать, что кто-то проявляет заботу и оказывает вниманием.

Жизель заторопилась домой. Кучкин не препятствовал девушке в этом порыве и даже вызвал грумерше такси, клятвенно пообещав не забывать о пропавшем мяляге Кельбасе.

Жизель вздохнула и мялась – уже завтра в салон заявится мадам Кололосникова и потребует предъявить своего питомца, а питомец где-то бегают, пугая горожан своим экстравагантным внешним видом. Если Кучкин не справится с поставленной задачей, то, её, Жизель, ожидает позор и разорение.

*

Телефонный звонок настиг Аполлона Михайловича, выходящим из подъезда собственного дома – обычного здания, непрезентабельного вида девятиэтажки, недавно пережившей знаменитый «капитальный» ремонт. Нельзя сказать, чтобы после этого ремонта дом стал выглядеть лучше, но стены в подъезде побелили и покрасили, а, так же, заменили трубы отопления и вставили металлопластиковые окна в местах общего пользования. Теперь, зимой, в подъезд можно было выходить без шапки и перчаток, не боясь замерзнуть.

– Мое терпение лопнуло! – ожидаемо громко, вопил нетерпеливый гражданин Пипко, лишившийся супруги и очень этим обстоятельством возмущенный. – Вы так ничего и не предприняли! Вы – наглец и обманщик! Я немедленно пойду по инстанциям и привлеку вас к ответственности!

Имейте в виду – ваша безалаберность вам ещё аукнется! Да-да! Попомните! Слово Пипко.

И, отключился.

Кучкин сунул телефон в карман той самой куртки, в которую ночью закутывал Жизель. Он не знал, чья это куртка, но она, отлично отстиравшись, успела высохнуть и теперь прекрасно спасала своего нового владельца от холода, дополнившись очередным ярким шарфом, мягким и пушистым.

К своему стыду, Кучкин питал слабость к броским аксессуарам и ничего с этой слабостью поделать не мог.

Мимолетно Аполлон Михайлович посочувствовал легкомысленной Жизели Малявкиной. Девушка не отличалась предусмотрительностью и практичностью и не успела позаботиться о телефоне, прежде чем свалилась в ту самую канаву, полную грязной воды.

Ее гаджет безвозвратно погиб – Аполлон сам наблюдал за тем, с каким печальным выражением лица Жизель рассматривала свой красивенький телефончик.

Но, рыжеволосая грумерша отправилась заниматься личными делами – приводить в порядок свой внешний вид, а после этого – и внешний вид своих клиентов из числа животных. Ему же, Кучкину, предстояло разгадать тайну вурдалаков, бесчинствующих в семнадцатипэтажке и разыскать сбежавшего Кельбаса.

В, конце концов, он обещал.

Тяпа, медленно переваливался со ступеньки на ступеньку

– сегодня его временный хозяин никуда не спешил и это обстоятельство немало порадовало ленивого пса.

– О, Аполлоша! – любопытная тетка Карташиха возилась со своим дверным замком, пытаясь извлечь, застрявший ключ. – Ты все носишься с этой бесполезной копной шерсти? Да еще и кормишь, поди? Ловко Лидка пристроилась – сама в больничку залегла вместе со всей родней – объедать наше государство, а пса-проглоты тебе сплвила. Умеют же некоторые в жизни устроиться, не то что мы, работяги.

«Работяга» Карташиха в своей жизни не трудилась ни дня, благополучно справляясь с должностью домохозяйки, воспитывавшей единственную дочь. На сколько было известно Кучкину – дочь Карташихи, Лариса, очень сильно походила на мать. Такая же ленивая и капризная, мечтающая отыскать себе мужа, похожего на отца – потомственного пролетария, неприхотливого в быту и не скандального. Разумеется, Ларисе, было бы, желательно, дабы в её сети попался мужчина-миллионер, а не обычный рабочий с местного завода. Мечты девицы Кучкину, в общем-то были понятны, но, на всякий случай, Аполлон Михайлович старался как можно реже встречаться и мамочкой, и с дочуркой. Понятное дело, небогатый сосед капризной девицы, Кучкин, не входил в список свободных и холостых миллионеров на выданье, но, кто знает – вполне возможно, что разборчивая девушка, к этому времени, слегка поумерила свой аппетит и решила ограничиться кем-то более реальным и доступным.

– Что слышно о состоянии здоровья Лидии Николаевны? – Кучкин оттеснил в сторону соседку и ловко извлек ключ из ловушки. – Надеюсь, ей лучше, и она очень скоро порадует нас своим присутствием?

Карташиха, подозрительно покосившись на молодого соседа – ишь, как ловко с ключами управляется! Не вордомушник ли, часом? Может быть, поэтому парень столь услужлив и вежлив? Усыпляет подозрения и притупляет бдительность?

– Ей уже значительно лучше. – Карташиха поджала губы и заторопилась, заканчивая разговор. – Но её ещё не выписывают, так, что обузу в виде пса, с тебя, Аполлон, никто не снимает.

Почувствовав, что соседка по неизвестной причине на него обиделась, Аполлон Михайлович пожал плечами и направился по своим делам – мало ли какие тараканы бегают в голове этой дамы? Главное он уяснил – Тяпивара придется кормить и выгуливать сегодня, завтра и, возможно, до начала следующей недели. Впрочем, кроме кормежки, Кучкина ничего не беспокоило. Пес, и вправду, оказался хорошо воспитан, незлобен и послушен.

Добравшись до офиса и приветливо поздоровавшись со знакомым охранником – почти что, братом-близнецом предыдущего, убедившись в отсутствии толпы страждущих, у дверей с золотой табличкой, специалист по решению вопросов направился привычным, в последние дни, маршру-

том. К семнадцатизэтажке.

Мимо салона «Лампапудель» Аполлон Михайлович проследовал походкой, уверенного в себе человека – быстро, но твердо, тем более, что Жизель, как он полагал, до сих пор приходила в себя и пудрила носик.

Около входа в салон прохаживалась незнакомая Кучкину тетка, с переноской в руках. Из сумки-переноски торчала голова мордатого кота, немыслимого, прямо-таки, апельсинового окраса.

Тяпу кот не заинтересовал, не заинтересовал он и Кучкина и они, тихо-мирно продолжили свой путь.

Настроен специалист был решительно – с засильем вампиров, в отдельно взятом подъезде, пора было заканчивать. Сколько можно трепать нервы и издеваться над, почти что, молодоженом по фамилии Дохлик?

– Кстати, – Кучкин подобрался и настроился на рабочий лад. – вон они, легки на помине.

Слова у Таисии Григорьевны не расходились с делом – фамилия Горемыкина была позабыта и на встречу Кучкину, сверкая широкой улыбкой на лице, шла именно Зайчиха.

Первый клиент специалиста по решению конфиденциальных вопросов не улыбался. Вид Дохлик имел чуть пришибленный и ногами двигал несколько заторможено.

– Мы идем в загс. – строго произнесла бывшая Горемыкина, а, ныне – Зайчиха, Таисия Григорьевна. – Подавать заявление. Скажи, Афанасий. – и требовательно взглянула на

коллекционера.

– Именно так. – кивнул головой поклонник шаманской магии африканского племени юмбаинути. – Таисия Григорьевна уверена в том, что нынешний день – самое подходящее время для столь ответственного мероприятия. Жаль, что Гололупенко Асмодея Имоловна не может дать нам свой драгоценный совет. – тяжело вздохнул, почти счастливый жених.

– Она вышла замуж. – бывшая Зайчиха совершенно точно не привыкла зря терять время. – Твоя экстрасенсика не стала бы препятствовать нашему общему порыву и горячему желанию сочетаться. Дорогой, я в этом совершенно уверена. – ворковала Таисия Григорьевна, на время позабыв о своем склочном характере. – К тому же, я уже позвонила Сыну и внуку. Они очень рады тому, что я решила разнообразить свою семейную жизнь.

– У вас есть сын? – удивился Кучкин.

У этой женщины есть дети? Нет, то, что муж умер, понятное дело – не выдержал мужик столько счастья в длительной перспективе, но, дети?

– У меня – есть. – с достоинством ответила Таисия Григорьевна, снисходительно посматривая на будущую жертву, то есть, супруга, которому повезло разом заполучить и жену, и Сына, и даже, внука. Все, так сказать, в комплекте. – Дочь.

– Как, так? – непритворно удивился Кучкин, напрягая свой мыслительный аппарат. – Вы же, только что сказали о

том, что у вас есть сын?

– Ах! – хлопнув ресницами, Таисия Григорьевна отмахнулась от вопроса, как от чего-то несущественного. – Мой Сын – это дочь.

– Даже, так? – посочувствовал Кучкин. У парня нетрадиционная ориентация? Он гей? Трансгендер? Какое горе для любящей матери.

– Попрошу без намеков! – гаркнула Таисия Григорьевна, заставив Кучкина отшатнуться, а будущего счастливого молодожена вжать голову в плечи. – У меня есть дочь, которую зовут Сын.

Кучкин ничего не понял, пенсионер Дохлик, судя по его растерянному виду, тоже.

– Мой муж.. покойный, – уточнила Таисия Григорьевна, снизойдя до подробных объяснений. – всегда мечтал о сыне. Постоянно твердил о том, как, они с ним, станут ходить на рыбалку и бегать по бабам. Совместно. Но, родилась девочка. Мой покойный супруг, до самой смерти, был уверен в том, что это, я сделала ему на зло и, потому, вместо мальчика получилась девочка. Пока я приходила в себя и отлеживалась в роддоме, он направился в соответствующую инстанцию и записал её, как Сын Сергеевна Горемыкина.

– Бывает же. – удивился Кучкин. И он еще печалился по поводу своих имени, отчества и фамилии? Некоторым куда хуже приходится. – Сотрудники загса пошли навстречу его необычному пожеланию?

– Не такое оно и необычное. – напыжилась Таисия Григорьевна, обидевшись за покойного супруга. – Некоторые, вон, вообще, детей именами орудий смертоубийства называют – Байрактарами или, Джewelлинами. Еще бы Бетеэром ребенка обозвали или Гаубицей.

– Действительно. – слегка смутился Кучкин. Он не особо следил за хитросплетениями политической жизни страны, но про подобные казусы, происходившие в сопредельном государстве, слышал.

– Мой почивший супруг проявил настойчивость. – Таисию Григорьевну не так-то просто оказалось смутить. – Редкостную. Он был упрям, как бык и орал, словно раненый слон. Им пришлось уступить.

– Да уж. – Аполлон Михайлович невольно посочувствовал сотрудникам госучреждения. Таисию Григорьевну и одну-то было трудно переносить, а уж вместе с мужем..

– Кстати, – женщина, демонстрирующая намерение решительно вступить в новую, радостную жизнь, осененную светом обручальных колец, нахмурила подрисованные брови. – как там продвигаются поиски, украденного у меня имущества? Я надеюсь, вы помните о том, что оно дорого стоит и мне жизненно необходимо? Особенно, в виду новых обстоятельств?

Кучкин глупо улыбнулся, решив кое-что уточнить, как раз по поводу того самого имущества, но..

– Имейте в виду, – Таисия Григорьевна продолжая хму-

риться двинулась вперед, уверенно увлекая за собой жертву своего неумного темперамента, то есть, коллекционера Дохлика. – я вам достаточно заплатила для того, чтобы вы рыли землю носом. Поспешите – я надеюсь, моя потеря вернется ко мне еще до конца недели.

И, будущие супруги Дохлики зашагали в светлые дали, то есть – свернули на улицу Советскую, на углу которой, собственно и находилось здание загса.

– Я тоже на это надеюсь. – пробормотал Кучкин, перебегая проезжую часть.

Останавливать и о чем-то расспрашивать даму, стремящуюся попасть в загс – пустое дело. Не в этот раз.

Роковое здание выглядело почти, как близнец родного дома Кучкина, разве что, без следов капитального ремонта, да и этажей в строении, было куда больше. По двору многоэтажки бегали дети, молодые мамочки курили и сплетничали, жалуясь друг другу на мужей, свекрух и прочих личностей, отравляющих жизнь. Старушки, как им и положено, перемывали кости соседям, а толстые домашние коты блаженно щурились, развалившись на газоне и подставив бока скупому осеннему солнышку.

Кучкин впервые наблюдал подобное столпотворение – обычно, во дворе бывшего долгостроя, бывало малоллюдно, может быть, по причине плохой погоды.

Что ни говори, но, ближе к середине октября, погожие дни стали редкими.

На Кучкина глазели, но без фанатизма. Пожалуй, что специалист по решению вопросов успел примелькаться и перестал вызывать жгучее любопытство у аборигенов.

Однако, Аполлон Михайлович не спешил проходить в подъезд и демонстрировать всем и каждому свое умение открывать закрытые замки. Вместо того, что отправиться на поиски черноволосой и клыкастой дамочки, Кучкин свернул за угол и взял курс на мусорные баки.

Как известно – о том писала газета «Свекруха», неопознанный зверь синей масти, мелькал где-то в той местности.

– Наверно, у Кельбаса там гнездо. – предположил Кучкин, поглядывая на меланхолично переставляющего лапы, Тяпу. – Может быть, экзотический питомец мадам Кололосниковой завел себе симпатию и строит семейную жизнь с какой-нибудь местной красоткой серой масти? – но, вспомнив фото этого самого беглеца, Аполлон Михайлович вздохнул. – Нет, вряд ли – наш экзот крупноват для местных хвостатых. Скорей всего, он просто прячется в укромном уголке, напуганный шумом и огнями большого города.

Охотников прогуливаться вокруг «мусорки» наблюдалось немного – парочка местных жителей, спешащих забросить пакеты с отходами в контейнер и, уже знакомая Кучкину, беспокойная троица подростков – двое рыжеволосых, худощавых и пронирыливых и одна, хорошо упитанная, с колечком в носу.

– Кажется, упитанную девицу зовут Маргарита. – припом-

нил Кучкин, неторопливо направляясь к той самой канаве с грязной водой, в которую, так неосторожно, этой ночью, ухитрилась свалиться милашка Жизель. – Интересно, чем это здесь занимаются великовозрастные детишки? Что они пытаются организовать на берегу стихийного водоема – коллективный запуск корабликов или же, ловлю мальков-мутантов?

Кучкин не угадал. Когда он подошел к подросткам, они, гипнотизируя воду в канаве, стояли молча, почти не дыша и пялились в глубины лужи, словно надеясь застать пришествие русалок и тритонов.

– Здравствуйте. – Кучкин очень вежливо поприветствовал подростков и, составив компанию молодым людям, принялся наблюдать за волнением в рукотворном водоеме. – Прекрасный день, не правда ли?

– Был прекрасный. – Антон Фуфайкин неохотно оторвался от бессмысленного созерцания водной глади и насупившись уставился на Кучкина. – Шел бы ты, дядя, отсюда. Отвлекаешь.

– Разве? – Аполлона не так-то просто оказалось сбить с толку. Что-то эти пронырливые детишки здесь позабыли, не так ли? Помнится, и Тяпу они одалживали для каких-то неясных целей. Может быть, они конкуренты? Или, подосланы конкурентами? Теми самыми недоброжелателями Жизели Малявкиной, у которых рыжеволосая грумерша ухитрилась оттяпать кусок пирога?

– Привет, здоровяк! – Маргарита зашуршала оберткой от конфет и Тяпа заинтересованно задрал морду вверх. – Пса выгуливаете?

– Выгуливаю. – Кучкину показалось, что в канаве бултыхнулось что-то крупное, ну, или, увесистое. Что-то живое и оно, плескалось и плавало. Или, кто?

– Вон оно! – громко взвизгнула Наталья и принялась скакать по бережку канавы, грозясь свалиться в воду. При этом, пронырливая и неугомонная девчонка, продолжала громко вопить и снимать происходящее на свой телефон.

Кучкин вытянул шею вперед – определенно, в грязной воде что-то плескалось, синяя под поверхностью.

– От чего они так взбаламутились? – Кучкин спокойно наблюдал за прыжками и беготней беспокойной троицы. – Может быть, Жизель и их просила о помощи? Н-да.. Мадам Коллосникова, определенно, не та дама, с которой стоит шутить.

Тяпа, стойчески воспринявший то, что пухленькая девочка, угостив его одной-единственной конфетой, принялась что-то напряженно рассматривать в грязной воде, упал на землю и, почти что, уснул. Жаль, но никто не удосужился пристать к умному псу с расспросами. Всего лишь за одну-единственную конфету, Тяпа был готов поведать много чего интересного.

Со временем, поверхность воды затихла, волнение прекратилось, и поскучевшие детишки, не дождавшиеся от

подводной твари новых активных действий, направились прочь от грязного водоема, а Кучкин остался, внимательно наблюдая за канавой.

– Значит, вон, оно как. – пожал плечами специалист по решению вопросов. – Учтем. – и, обратившись к Тяпе, произнес.

– Нам пора, дружище. Похоже, приехали наши вурдалаки. Мне очень хочется провести с ними воспитательную беседу.

*

Млада Великанова трепетала от предвкушения – сегодня, именно сегодня, тот самый, знаменательный день! Она, Влада, очень многим пожертвовала ради того, чтобы этот день настал.

Девушка, облаченная в свое леопардовое пальто и укутанная платком по самые брови, громко цокая каблучками сапожек, в нетерпении прохаживалась по опустевшему двору.

Прохаживалась она вокруг туго набитой сумки, напоминавшей большой, круглый камень с замочком наверху.

Стоит уточнить, что, за то время, что Кучкин торчал на берегу канавы, прячась за мусорными контейнерами, двор успел опустеть. Старушки разбрелись по квартирам – смотреть свои любимые топ-шоу и сериалы, молодые мамочки уволокли капризных отпрысков, поскольку наступило время обеда и сна, а коты умчались по своим кошачьим делам, вслед за солнышком, которое скрылось за тучами.

Кучкин заметил подозрительную девицу и поспешно на-

правился к ней, намереваясь поставить в загадочном дельце о таинственных вурдалаках жирную точку и то обстоятельство, что данная девица ему официально не представлена, никакой роли не играло.

Млада Великанова, опасливо дернувшись, отскочила в сторону, едва не споткнувшись о сумку, битком набитую какими-то вещами.

– Осторожно, молодой человек. – взвизгнула девица, разворачиваясь лицом к Кучкину. – Не смейте меня хватать! Я вам этого не позволяла!

Экспрессивно дергая плечами, Млада добилась того, что платок, скрывавший её лицо, на манер восточной паранджи, упал и Кучкин, придя в ужас, отшатнулся прочь, узрев необыкновенный лик темноволосой девицы.

Дохлак оказался прав – встретив такое, ночью, в полутемном подъезде, Кучкин и сам бы перепугался не на шутку и, утратив способность к логическому мышлению, уверовал во всяческую чертовщину.

Первое, что бросилось в глаза специалисту по решению вопросов – неестественная бледность прыгучей девицы, ее огромные, блестящие глаза и длинные клыки, нагло торчащие из большого, хищного рта.

Поневоле можно было посочувствовать, почти благородному разбойнику Петрикову, дубровствовавшему и пытавшемуся проникнуть в квартиру коллекционера Дохлака. Представить это чудо, лежащее в гробу и капающее кро-

вью с этих самых, хищных клыков, Кучкин не мог без содрогания и сердечного волнения. А, уж, если эта девица, выпрыгнув из гроба, направилась бы к нему, шелестя развевающимся на ветру саваном, то...

– Отличный грим, – похвалил Кучкин Младу, ничуть не кривя душой. – профессионально сделано. Сразу видно – с душой.

Млада, собиравшаяся разразиться гневной тирадой, замерла, польщенная похвалой, слегка зарделась, что, впрочем, было совсем незаметно под толстым слоем белил и кокетливо хлопнула ресницами, громко клацнув длинными клыками.

– Ой, правда? Вы не шутите? Я так старалась.

– Не шучу. – Кучкин являл собой само восхищение и, почти что, преклонение перед талантом. – Но, зачем вы так жестоко? Зачем вы пугаете обывателей? Пенсионеров? У них и без фильма ужасов, непростая жизнь и слабое сердце.

– Никого я не пугала. – слегка растерялась Млада. – Я – репетировала. У нас сегодня премьера, вот я и старалась репетировать везде и при любых обстоятельствах. Кстати, простите меня, – потупила взгляд девушка, пытаясь изобразить искреннее раскаяние. – я вовсе не имела намерения ронять вас с лестницы при помощи испуга.

Раскаянье она изображала мастерски – так и тянуло поверить ее словам. Красивым девушкам, вообще, хочется верить, а Млада и была красивой. Настоящая конфетка с но-

гами от ушей и всем прочим, к этим самым ногам, прилегающим.

– Вы – актриса? – уточнил Кучкин, уже перестав удивляться чему-либо.

– Начинаящая. – робко пискнула Млада, продолжая хлопать ресницами. – Понимаете, сейчас в городе, проездом, находится известный театральный критик Сморщук. Мы пригласили его на спектакль. Он любезно согласился.

– Критик? – нахмурился Кучкин. – А, пьеса, как я понимаю, про вампиров?

– Ну, да. – Млада пожалала плечами, пытаясь вновь задрапировать загримированное лицо своим платком. – Мы очень старались – Гамлет написал сценарий, организовал труппу, раздобыл гроб и привлек меня... Сегодня – решающий день. Премьера. Я очень волнуюсь, а, тут, еще вы... Наскакиваете!

– Извините. – смутился Кучкин. – Я никого не хотел напугать.

– Вот еще! – фыркнула Млада. – Я не из пугливых. Я – решительная, самостоятельная и замужняя молодая дама. Меня не смутить пристальным мужским вниманием. И, потом – я мечтаю сделать карьеру и стать известной. Звездой. Так что – наскакивайте, но осторожно, чтобы не испортить грим.

– Млада! – молодой, спортивного вида мужчина восточной наружности, высунувшись из окна иномарки, раздраженно окрикнул будущую звезду. – Поторопись. У нас сегодня еще много дел.

– Ваш спектакль.. – Кучкин почему-то не мог так просто отпустить будущую известную артистку. – Он состоится сегодня?

– Да. – торопливо кивнула Млада, тяжелую сумку которой уже уволок шустрый молодчик с широкими плечами. – В восемнадцать ноль-ноль, в Доме культуры. Вход свободный. Я буду рада вас там видеть и, возможно, даже дам вам автограф.

– Замечательно. – Кучкин спокойно наблюдал за отъезжающим автомобилем. На сердце у молодого специалиста значительно полегчало – его самый первый клиент мог перестать испытывать беспокойство за свою жизнь и здоровье. Все-таки, Кучкин оказался прав – вампиры – существуют, но, исключительно в театральной постановке. Теперь он, Аполлон Михайлович, припомнил, что ему, и в самом деле, в городе встречалась афиша с изображением красивой девушки, в белых одеждах, заляпанных красным. Кучкин еще подумал тогда, что какие-то хулиганы, куражась, испортили чей-то труд, облив рекламный постер томатной пастой или краской.

– Мы раскрыли свое первое дело. – обратился к Тяпивару Аполлон Михайлович, очень довольный тем, что в этот пасмурный день второго месяца осени, случилось что-то приятное. – Мы – молодцы!

Тяпа одобрительно рявкнул, как и положено солидному псу – один раз, но внушительно.

Кучкин строго взглянул на сенбернара.

– Вернее, молодец – я, а, ты, так, с боку припека.

Если Аполлон Михайлович ожидал, что после его слов, Тяпа обидится, то, зря. Пса ничуть не смутили чужие лавры – главное, чтобы его, Тяпу, кормили вовремя, вкусно и обильно. Остальное он, как-нибудь переживет.

Возвращающиеся из загса, Афанасий Анатольевич и Таисия Григорьевна выглядели слегка удивленными, застав, оплаченного задатком специалиста, так сказать, на пороге своего будущего семейного гнездышка.

Дождаясь чету Дохликов, вернее – будущую чету, Кучкин слегка продрог, сравнившись цветом своего носа с ярким колером собственного шарфа, обмотанного вокруг шеи.

– Так мило, молодой человек, что вы решили нас поздравить! – расцвела улыбкой Таисия Григорьевна, сдувая незаметную пылинку с воротника пальто своего будущего супруга. – Вы будете первым – я еще никому не сообщала о знаменательном событии, нас ожидающем. Даже своим ближайшим родственникам, дочери и внуку, я не сказала о том, что мы с Афанасием, сегодня подаем заявление.

– Дочери – это той, которая Сын? – зачем-то переспросил Кучкин, уточняя слова бывшей гражданки Горемыкиной, ныне – Зайчихи, желающей стать Дохлик. – И, внуку?

– Внуку. – с гордостью подтвердила Таисия Григорьевна, снисходительно поглядывая на Афанасия Анатольевича. – Замечательный мальчик. Моя гордость, жаль, что очень ред-

ко навещает бабушку. Но, у него так много дел. – Горемыкина часто закивала головой, продолжая сверлить Кучкина взглядом. – Он у нас, студент. Учится на «отлично» и пытается помогать своей матери сводить концы с концами.

Кучкин подкатил глаза – начинается. Пожилые люди сентиментальны, очень любят рассказывать о своих болячках и родственниках, стараниями которых эти болячки множатся и процветают. Внук почтенной дамы, по всей видимости, редкостный лоботряс и неуч, но разве она в том признается?

– Вопрос с вампирами решен. – при этих словах лицо Афанасия Анатольевича посветлело и даже морщинки на щеках коллекционера как-то расправились и взбодрились. – Они вас больше никогда не потревожат.

– Вы их... того.. – слегка запнулся пенсионер, воровато осматриваясь по сторонам. – Успокоили?

– Можно и, так сказать. – важно кивнул Кучкин, гордясь хорошо проделанной работой.

– О каких вампирах идет речь? – насторожилась Таисия Григорьевна, которая в своей жизни не боялась никого и ничего, потому как, имея отличные легкие и крепкие голосовые связки, всегда могла перекричать своих оппонентов. – Я чего-то не знаю, дорогой?

В голосе Горемыкиной отчетливо звякнула сталь, но Кучкин держал руку на пульсе и поспешил на выручку робкому молодожену.

– Мы говорим о театральной постановке. – уточнил спе-

циалист по решению вопросов. – В местном Доме культуры нынче вечером состоится спектакль.

– Небось, дорого? – Таисия Григорьевна нахохлилась. Она не любила лишних трат и театру предпочитала просмотр кинофильмов, лежа на диване в собственной квартире.

– Это – премьерное, а, потому – бесплатное представление. – поспешил успокоить меркантильную особу Аполлон Михайлович. – Приходите к шести часам вечера. Будет очень интересно.

– Культурная программа, значит? – Таисия Григорьевна, определенно, играла первую скрипку в этом дуэте. – Почему бы и нет? В такой знаменательный день грех киснуть в четырех стенах. Пожалуй, мы, составив вам компанию, молодой человек. – решила Горемыкина, то есть, Зайчиха, не интересуясь мнением Афанасия Анатольевича. – Надеюсь, у вас имеется, приличествующая случаю, одежда?

Дохлак и Кучкин синхронно кивнули, не понимая, кому именно адресовался вопрос энергичной бабули.

– А, вы, молодой человек, – строго взглянув на Кучкина, добавила Таисия Григорьевна. – не вздумайте прийти один. Познакомьте нас со своей девушкой. Надеюсь, – Горемыкина взглянув на свою будущую вторую половину, сурово спросила. – она из достойной семьи?

Кучкин растерялся – девушка из достойной семьи обязательное условие для посещения театрального представления?

– Так ли это? – Кучкин понятия не имел, но одну знаковую ему девушку, пригласить на премьеру намеревался.

– Очень мило, что вы предложили нам культурно развлечься, – Таисия Григорьевна скорчила умильную рожицу, должно быть, выразившую благодарность. – но это не освобождает вас от розысков моей пропажи. Приложите усилия и, уж, расстарайтесь, дружочек. Не знаю где и как вы станете её искать, но, подозреваю, что точно не в Доме культуры.

Кучкин спохватился, решив выяснить у Горемыкиной, что же, собственно, сперли у нее из квартиры, но благоприятный момент был безвозвратно упущен – парочка престарелых, почти что, молодожен успела просочиться в подъезд и поспешила захлопнуть за собой двери.

Аполлон Михайлович, потоптавшись на месте, плюнул на это дело и решительным шагом направился прочь от семнадцатипэтажки.

Тяпа поплелся следом за своим временным хозяином, раздирая пасть в широком зевке.

В салоне «Лампапудель» столпотворения не наблюдалось. Там, вообще, никого не наблюдалось, кроме его хозяйки, милейшей Жизели Малявкиной.

Устав предаваться отчаянью, Жизель решила примириться с судьбой и поэтому, мило улыбалась, беседуя со стаканом вина.

Красного.

– Пить в одиночестве – плохая примета, девушка. – стро-

гим голосом произнес Кучкин, понимая, что, вот только что, изрек очевидную банальность. – По утверждению врачей, женский алкоголизм, гораздо опаснее мужского и почти не поддается лечению. Лучше выпейте минеральной воды. Я вам принес столовую, номер семнадцать.

– Опять вы? – неприязненно произнесла, надувшая нижнюю губу, Жизель. – Вы, таки, приняли решение подстричь своей собаке когти?

– Все у Тяпы в порядке с когтями. – отмахнувшись от слов Жизели, произнес Кучкин. – Они не нуждаются в стрижке. Я здесь по иному поводу.

– Какому же? – Жизель отставила бокал в сторону и пылливо взглянула на посетителя.

– Хочу пригласить вас на премьеру. – Кучкин, как бы, извиняясь, развел руками – мол, такой я чудик – то, дам из канавы вылавливаю, то, в театр приглашаю. – Соглашайтесь, Жизель. Сегодня вечером. В шесть. Обещаю – вам понравится.

Малявкина задумчиво взглянула на Аполлона Михайловича – странный тип. Вздумал шляться по премьерам вместо того, чтобы выслеживать Кельбаса.

– А, как же, мой беглец? – глаза девушки подозрительно заблестели, набираясь слезами. – Кололосникова завтра явится за своим питомцем. Что я ей скажу? – в голосе грумерши прорезались истерические нотки. – Вы сулили мне помощь, помните?

– Ничего с вашим Кельбасом не случится за один вечер. – пожал плечами Кучкин. – Мы его обязательно выследим и поймаем. Я вам обещал, а Аполлон Кучкин слов на ветер не бросает. Завтра вашим тревогам придет конец.

– Правда? – Жизель перестала дергать носом, изображая кролика. – Тогда, я согласна.

За неделю волнений, девушка совершенно издергалась и опасалась того, что в ее пышной шевелюре, заведется седина. Это так утомительно – волноваться и переживать. Да, и для здоровья плохо.

Жизель решила разгрузить свой организм, окунувшись в культурное развлечение. Тем более, в компании с парнем, пусть этим парнем и станет, всего лишь, нанятый для поимки Кельбаса, специалист-консультант.

Кучкин, развернувшись, поманил за собой Тяпу, которому пришлось по душе мягкая лежанка, предназначенная для удобства клиентов салона. Пес, кряхтя и недовольно морща морду, сполз с нагретого места и нехотя побрел за Аполлоном Михайловичем.

– Совсем ты, приятель, обленился. – попенял Тяпе Кучкин. – Но, ничего – сегодня вечером отоспишься. Квартира, целиком и полностью, в вашем с Баськой распоряжении.

Пес ничего не имел против спокойного отдыха, вкусного ужина и сладкого сна, но, не в компании с капризной и себялюбивой представительницей семейства кошачьих.

«Может быть ты заберешь наглую тварь с собой? – умиль-

но повиливая хвостом, поднял вверх морду Тяпа. – Ей, как и твоей двуногой подружке, будет полезно культурно развлечься?»

– Ну, уж нет. – Кучкин легко уловил настроение своего временного пса. – И, смотрите мне – никаких драк!

Тяпа и ухом не повел – еще чего. Он ничего не обещает. Тут, уж, как получится – не было у него надежды на благоразумие тощей шотландской вислоухой. Она обязательно станет орать, шипеть и полезет в драку. Он, Тяпа, хорошо знаком с подлыми кошачьими повадками.

Раздумывая над предметами своего гардероба, Аполлон Михайлович с Тяпой на буксире, незаметно добрал до своего дома. К счастью, среди жильцов его подъезда не было столь шумной и деятельной пожилой особы, как Горемыкина Таисия Григорьевна.

Любопытная Карташиха, в этот раз, по лестнице не прогуливалась и, справиться о состоянии дел Лидии Николаевны, Кучкин не смог. Самому же звонить в отделение, ему не представлялось приличным – он, Аполлон Михайлович, не близкий родственник и не друг семьи, а человек, заботам которого поручена собака.

Пусть так и остается, а то знает он их, этих добрых соседей – чуть зазеваешься и выгул Тяпы вменится Аполлону в его прямые обязанности.

Тоскливо взглянув на двери своего постоянного места проживания, сенбернар, потряхнув лобастой головой, просле-

довал за Кучкиным в место проживания временное, надеясь на награду, в виде качественного и калорийного питания.

*

Троица приятелей, еще недавно шлындающая в окрестностях «мусорки» в поисках юркого зверька, имеющего необычный и вызывающий окрас шкурки, намеревалась посетить премьерное представление, даваемое нынче в местном Доме культуры.

Всем театральным постановкам, Маргарита Мартыненко предпочитала просмотр новинок кино в компании своего сердечного друга, Антона Фуфайкина.

Антон питал слабость к боевикам, Маргарита – уважала триллеры, ужастики нравились им обоим, а вот Наталья Фуфайкина отдавала пальму первенства слезливым мелодрамам.

Дружное «Фу»! – так реагировали Антон и Маргарита на предложение посмотреть что-нибудь такое и этакое, про вечную любовь и сопливое томление.

Что же касается пьесы «Граф Дракула и все-все-все», присутствие Маргариты являлось обязательным, иначе, ее отец, Вальдемар Настурциевич, один из столпов местного общества, грозился лишить единственное чадо карманных денег.

Чадо питало к собственному карману нежные чувства и не могло допустить истощения финансового потока. Как, в таком случае, охотиться за необычными созданиями и заниматься их выслеживанием? Одни передвижения по городу

на общественном транспорте требовали немалых денежных вливаний, потому, как «проездной» на месяц у Маргариты постоянно норовил куда-то затеряться.

Мероприятие представлялось Марго скучным, а скучать девушка терпеть не могла, потому и сагитировала своих друзей, предложив тем составить ей компанию.

Скрипя зубами от негодования, Маргарита заставила себя впихнуться в нелюбимое платье и привести в порядок волосы на голове. Туфли, пусть на низком, но каблуке, дополнили облик, а крошечная сумочка-клатч, зажатая под мышкой, так, вообще, превратила сочную толстушку в совершенно другого человека.

Антон её не узнал – парень привык видеть Маргариту в брюках и куртках, на крайний случай – в, ненавистной ей, школьной форме. Столь торжественный выход состоялся впервые.

Надо сказать, реакция парня, девушке польстила, и она решила, что иногда, да-да, иногда, можно себе позволить и праздничный наряд.

Подшучивая друг над другом и обсуждая предстоящую премьеру, троица загрузилась в автобус, игнорируя автомобиль с шофером, присланный любящим папашей Маргариты и отправилась к Дому культуры.

Маргарита в последнее время стремилась проявлять самостоятельность и поэтому предпочитала добираться до нужных мест своим ходом или на общественном транспорте,

не замечая неуклюжих попыток отца выказывать родительскую заботу.

Опека родителя тяготила Маргариту Мартыненко.

Когда-то, не так давно, девушка мечтала о том, чтобы ее оставили в покое, дав возможность наслаждаться собственной жизнью и личными интересами.

Так и получилось – в виду некоторых семейных обстоятельств, мама Маргариты покинула семью, развелась с отцом и удалилась в монастырь.

Что уж там был за монастырь, самых строгих правил, исключающих посещения родственников, Маргарита не знала, но, неожиданно для такой, свободолюбивой себя, незаметно заскучала по матери и начала мечтать о ее скорейшем возвращении.

Отец, поначалу пытавшийся знакомить дочь со своими длинноногими любовницами, годами лишь немногим старше самой Маргариты, вызывал у дочери брезгливую неприязнь.

Впрочем, делать какую-нибудь из девиц мачехой девочки, распутный папаша, совершенно точно, намерения не имел.

Как подозревала прозорливая Маргарита, в тайне от всех, отец и сам мечтает о том, чтобы его жена возвратилась в родные пенаты, выбросив из головы дурь о нахождение в каком-то там монастыре.

Но, это дело будущего, а, пока, все мысли девушки занимало культурное мероприятие.

Пусть вечер и погублен, но это же не повод предаваться унынию? Всегда можно отыскать что-то позитивное и в скучном времяпровождении.

Аполлон Михайлович Кучкин зашел за своей дамой ровно в четверть шестого. В руках у него наблюдался чахлый букетик обычных садовых дубков, являющихся более мелкой разновидностью хризантемы, купленных на переходе у уличной торговки всякой всячиной. Обрадованная появлением нечаянного покупателя, ушлая дамочка в опрятном переднике, попыталась всучить Аполлону что-нибудь еще из предлагаемого к продаже, товара – пучок укропа, вареную свеклу, странный фрукт по имени «топинамбур» и засушенных кузнечиков, сложенных в стеклянную банку. Если укроп и свекла, Аполлону казались товаром обычным и понятным, то топинамбур специалиста насторожил, а засушенные кузнечики заставили пуститься с бега на самых последних секундах зеленого света светофора.

– Вам. – Кучкин неловко ткнул букетиком простеньких цветов в лицо Жизели, едва не попав той в, распахнутый от удивления, рот. – Цветы. Белые.

Дубки, выглядевшие непритязательно, тем не менее оказались приняты с благосклонностью. Опыта дарения цветов противоположному полу, Аполлон Михайлович не имел. Да и откуда было взяться тому опыту? До сего дня, театра парень не посещал. Тем более, с девушкой, а случайных знакомых цветами он не баловал. Честно сказать, мало было этих

знакомых – раз-два и обчелся.

Жизель цветам обрадовалась – вон, как глаза заблестели. Хотя, кто его знает – может быть, блестели они от, недавно пролитых слез? Как догадался Аполлон, Кельбасу девушка обрадовалась бы гораздо больше, чем скромному букету.

Сегодня Жизель позволила себе выглядеть нарядно. Она почти смирилась с грядущими неприятностями – потере репутации, разорению и судебными тяжбами. Мадам Кололосникова, совершенно точно, не спустит небрежности. Владелицу салона «Лампапудель» ожидают трудные времена.

Но, это еще, когда будет? Сегодня же, Жизель решила блистать, пусть и в компании зануды-Кучкина.

Сам Аполлон Михайлович ради такого случая, вырядился в свой единственный приличный костюм. Костюм он приобрел на распродаже, но, все равно, по мнению специалиста и консультанта, стоил тот бессовестных денег.

Сверху костюма был накручен неизменный пестрый шарф и наброшена трофейная куртка, потому как, плотный пиджак и куртка самого специалиста, все еще нуждались в чистке.

Разумеется, для торжественного выхода в свет требовалось строгое кашемировое пальто модного фасона, только, где его взять, это пальто?

Вот Кучкин и ограничился курткой – тепло и ладно. Все равно ее сдавать в гардероб.

Кстати, в кармане той самой куртки, найденной растороп-

ным Тяпой неподалеку от мусорных куч, Аполлон Михайлович обнаружил тяжелую связку ключей, так похожую на его собственную, сохранившуюся с далеких, детдомовских времен.

Надо сказать, что с юных лет, шкодливым Аполлон приводил в ярость своих учителей и воспитателей, по делу и без него, демонстрируя свое незаурядное умение открывать замки любой сложности.

С тех самых лет, внушительная коллекция ключей регулярно пополнялась и теперь, Аполлон Михайлович не спешил выбрасывать найденную связку, благоразумно полагая, что куртка не может существовать без этих ключей, а ключи – без куртки.

Таскать подобную тяжесть в кармане, несколько неудобно, но в жизни случатся великое множество неудобств. Одной больше, одной меньше, какая, в сущности, разница?

Жизель выглядела миленько и беззащитно, обрядив себя в платье «в пол» и бежевое пальто с пушистым воротником.

Платье – зеленое, пальто – бежевое, волосы у девушки – рыжие. Как, по мнению Кучкина, очень даже приятная цветовая гамма.

– Где же ваш прекрасный пес? – не удержавшись от колкости, поинтересовалась Жизель. – Мне показалось, что вы даже спите с ним в одной постели.

«Вам не показалось.» – хотел ответить Кучкин, вздохнув, но удержался, припоминая подробности недавнего пробуж-

дения. Не за чем Жизели забивать голову подробностями личной жизни нанятого специалиста по решению вопросов, тем более, что не такие они и пикантные, эти подробности.

– У Тяпы своя культурная программа. – коротко ответил Аполлон Михайлович, пожимая плечами. Он очень надеялся на то, что сенбернар и шотландская вислоухая не разрушат квартиру и не перевернут в ней все вверх дном.

Изначально, Кучкин намеревался идти пешком, благо, до Дома культуры было рукой подать, но, тащить даму, наряженную в красивое вечернее платье, по хмурым осенним улицам?

Как сказала бы Таисия Григорьевна – скандал и верх неприличия.

Пришлось брать такси и пробивать еще одну брешь в скудном семейном бюджете.

Впрочем, оно того стоило – Жизель тепло улыбалась, щебетала о всяких пустяках и всячески старалась отвлечься от грустных мыслей.

«Завтра, все завтра! – по завету незабвенной Скарлет О*Хары, решила Жизель. – Я подумаю о своих проблемах завтра».

У Дома культуры толпился народ – по всей видимости, много кто захотел посетить премьеру пьесы со столь оригинальным названием.

«Ого! – поразился специалист-консультант. – Любительские постановки местной труппы пользуются огромной по-

пулярностью? Вот уж, никогда бы не подумал.»

К большому удивлению Кучкина, пока он расплачивался с водителем и помогал Жизели покинуть машину, толпа, незаметно, как-то и куда-то рассосалась. Оказалось, что сегодня вечером состоится не только премьера пьесы, молодого и многообещающего, автора, но и открытие нового молодежного кафе «Голубые слоники».

Посещение «Голубых слоников» для многих оказалось куда привлекательнее театральной постановки, хотя, сам Кучкин, ни за что не отправился бы в заведение с подобным, скажем так, подозрительным названием.

Дохлик и Таисия Григорьевна Зайчиха-Горемыкина, в поредевшей толпе, отыскились очень быстро.

Трудно было не заметить Таисию Григорьевну, наряженную в строгое платье и некое подобие шали, но с пуговицами и меховой отделкой.

Пальто профессора Дохлика, для разнообразия, сегодня выглядело новым и очень строгим.

Горемыкина разбрасывала по сторонам подозрительные взгляды и, совершенно точно, кого-то поджидала.

Как оказалось – Кучкина.

– Почему так долго? – зашипела сквозь зубы милейшая Таисия Григорьевна, вцепившись в рукав куртки Аполлона Михайловича, словно утопающий в спасательный круг. – В театр принято приходить заранее, а вы преступно медлили. Теперь нам достанутся самые непригодные места. И, все –

из-за вас.

Кучкин осторожно высвободил руку из цепких пальцев Таисии Григорьевны. Не смотря на возраст, по мнению Аполлона, почтенный, дама щеголяла укладкой, макияжем и безукоризненными ногтями, облагороженными маникюром.

Ногти внушали, а у Кучкина осталось не так много предметов гардероба, которыми можно пожертвовать. Правду сказать – совсем не осталось. Прорехи в рукаве, знаете ли, никакой химчисткой не справишь.

– Анатолий Афанасьевич, Таисия Григорьевна, – Кучкин слегка подтолкнул рыжеволосую девушку вперед. – позвольте вам представить мою спутницу. Жизель Малявкина – специалист по уходу за животными, и хозяйка салона «Лампа-пудель».

– Того самого, где за стрижку собак сдирают безбожные деньги? – Таисия Григорьевна, поджав губы, окинула молоденькую грумершу придирчивым взглядом и неопределенно изрекла. – Бизнес.

– Да-да, дорогая, ты совершенно права. – Афанасий Анатольевич ненавязчиво поторопил своих спутников. – Мы, и в самом деле, можем опоздать.

– Говорят, – Горемыкина, задрав подбородок, постаралась шагать в ногу со своим кавалером. – в город прибыл известный театральный критик и сразу сюда, в наш Дом Культуры.

– Сморщук. – зачем-то уточнил Кучкин, показывая, что он не отстает от культурных новостей города. – Я знаю.

– Сморгущук. – Горемыкина цокая языком, уверенно лавировала среди кучкующегося народа. – Ага, нам – туда! Места в партере – самые лучшие.

Честно говоря, Аполлон Михайлович предпочел бы места на галерке. Как в кино. Но, то в кино. В театре он не разобрался от слова «совсем» и предоставил право выбора Таисии Григорьевне.

К тому же, пригласи он Жизель на галерку, мнительная девушка могла подумать что-то не то. Она могла подумать, например, что Кучкин пытается за ней приударить. Не то, чтобы Аполлон имел что-то против легкого флирта с привлекательной хозяйкой салона «Лампапудель», вовсе, нет. Но, у него, у Кучкина, имеются свои собственные принципы – никаких шашней с клиентками.

Вот, сделают дело, разрешат вопрос с Кельбасом, тогда можно и подумать.

Пока же – увы.

Жизель, та, совсем рта не открывала. Как выяснилось позже, о Таисии Григорьевне Горемыкиной девушка была премного наслышана – клиентки из дома, что через дорогу от семнадцатипэтажки, наперебой жаловались на скандальную особу со второго подъезда, любящую придирааться по поводу и без оного.

Поэтому, не желая, высосанного из пальца, скандала, Жизель благоразумно помалкивала, решив, что завтрашних треволнений ей хватит с избытком.

Постепенно, зал заполнялся публикой. Люди выглядели нарядными и довольными жизнью. Они, ожидая начала представления, позабыли о тревогах сегодняшнего дня и просто радовались приятному времяпровождению – смеялись, что-то оживленно обсуждали и занимали свободные места.

Кучкин с удивлением заметил тех самых подростков, каждый день отиравшихся возле семнадцатипэтажки и арендовавших у него Тяпу. Молодые люди выглядели прилично, даже на требовательный взгляд Горемыкиной Таисии Григорьевны. Во всяком случае, она, скользнув взглядом по скучным физиономиям подростков, ничего не сказала, а вот девице, торопливо, почти вприпрыжку, пробежавшей мимо, досталось.

– Ф-р-р! – Таисия Григорьевна качнула высокой прической. – Никаких понятий о приличиях. Ну, совершенно, никаких!

Пробежавшая мимо дамочка – хорошенькая блондинка с прямыми волосами, прямым носиком и сочным ртом, показала Кучкину знакомой. Он никак не мог вспомнить, в каком именно месте, на глаза ему могла попасться сия привлекательная особа.

Миловидная блондинка, одетая в терракотового цвета костюм, бежевые туфельки, частично прикрыла голову забавной шляпкой-таблеткой, оживленной темной вуалью. Вуаль спускалась почти до подбородка дамочки, замечательно от-

тения броский цвет волос незнакомки.

Сочетание светлых волос и темной, до черноты, вуали, показалось Кучкину очень вызывающим.

Проскакав мимо, девица упорхнула куда-то в сторону сцены, растворившись в малиновом свете плотного, бархатного занавеса.

– Наверно актриса. – подумалось Кучкину. – Внешность у девицы вполне подходящая для исполнительницы главной роли.

И, в этот миг Антея Михайловича озарило. Он торопливо полез в карман, извлек из него блокнот и вытащил из блокнота фото, торжественно врученное ему, несколькими днями ранее, безутешным Пипко, от которого сбежала любимая супруга.

На фото, как и раньше, царила блондинка – холодная, прекрасная и стервозная дамочка.

– Кто это такая? – Жизель, заглядывая через руку Кучкина, пожирала глазами фото беглой жены лаково-красочного короля. – Ваша невеста?

Кучкина невольно тряхнуло – его невеста? О, нет! Не надо ему подобного счастья!

– Как некрасиво. – с другой стороны, в фотографию взглядом вцепилась Таисия Григорьевна, поджавшая губы и смотревшая поочередно, то на девицу, что на фото, то, на смутившегося Кучкина. – Верх неприличия – пригласить в театр одну девушку и, в тоже время, пялиться на фото другой.

Фи! – и, обратившись к Афанасию Анатольевичу, грозно нахмурила брови. – В наше время, подобной бестактности никто себе не позволял, не так ли, мой дорогой? На вашем месте, милочка, – это уже Жизель. – я бы этого просто так не оставила. Как, по мне, так это, уже перебор. Таскать в кармане фото бывшей любовницы!

– Дама на фото – не любовница. – Кучкин, плюхнувшись задом на кресло, выглядел несколько потерянно, придавленный грузом несправедливых обвинений. – Эта девушка – чужая жена.

– Ясное дело, что чужая. – пренебрежительно фыркнула Таисия Григорьевна, принимая помощь Дохлика и расправляя складки на своем красивом платье. – Вам, друг мой, только не обижайтесь, – в блеклых глазах Горемыкиной сверкнула лукавая насмешка. – подобная особа не по карману. По крайней мере – сейчас, пока вы не заработали приличные деньги. Но, учтите, – Таисия Григорьевна снова поджала губы. – путаться с чужими женами – опасно. Могут возникнуть неприятности с обманутыми мужьями.

Жизель надула губы и отодвинулась подальше от Кучкина. Будь ее воля – она и вовсе пересела бы на другое кресло. К сожалению, соседнее место уже кто-то занял.

– Ужасно непорядочный тип. – думала Жизель, терзая пальцами носовой платок. – Мало того, что якшается с криминальными элементами, шастает по помойкам, не держит своего слова, так он еще заводит интрижки с чужими жена-

ми. Как неприлично. Скандально. Да, уж – Горемыкина своего не упустит и обязательно растрезвонит на всю округу. Ещё и наплетет с три короба.

Бурное воображение подсказало Жизель, как это будет выглядеть в дальнейшем – слухи обязательно доберутся до ушей обманутого супруга, тот вспылит, обнаружив, что его голова украсилась развесистыми рогами, впадет в бешенство и, кипя от негодования, бросится на поиски обидчика. И, найдет! Отыщет без труда, ведь телефон и адрес офиса специалиста по решению вопросов опубликован в газете.

Жизель тоскливо вздохнула – Кучкин, он, конечно, еще тот тип! Наглый, беспардонный, позволяющий себе много лишнего. И она, Жизель, спала с ним в одной постели, а, еще, кормила негодяя завтраком и сушила свое нижнее белье на веревке в его ванной комнате!

Непредумышленно, но, все-таки.

Ей, все равно жалко, если обманутый муж причинит Кучкину какой-нибудь вред.

Физический, например.

Кто тогда станет искать Кельбаса и спасти Жизель от разорения? И, не забываем о том, что Кучкин проявил заботу, купив Жизель колготки и такие замечательные, замшевые туфельки, угадав с размером. И, это еще, если не вспоминать о том, что именно Кучкин и, никто иной, выловил девушку из канавы, спасая от нечаянного утопления.

– Девушка на фото – сбежавшая супруга одного из моих

клиентов. – растерянный Кучкин попытался хотя бы частично оправдаться в глазах Жизель. – Мне поручили её отыскать и я, как мне думается, нахожусь на верном пути.

Горемыкина, насторожившая уши и прислушивавшаяся к каждому слову молодого специалиста, презрительно усмехнулась – какие глупости! Нелепые оправдания собственной распущенности и нечистоплотности. И, она, Таисия Григорьевна, еще договорилась с этим человеком и заключила договор о поиске своей пропажи? Да на него ни в чем нельзя положиться!

– Надеюсь, – обратилась она к Афанасию Анатольевичу, который, в этот момент, с любопытством осматривал зал, полный народа. – в нашем доме я не обнаружу подобных фото? Учти, Афанасий – я не потерплю ни бывших любовниц, ни чужих жен, сбежавших от своих мужей. Верность! Я ценю в мужчинах верность, наряду с другими достоинствами. – и мило улыбнулась, грозно щелкнув зубами.

– Как хорошо, что я избавился от того набора игральных карт. – подумалось профессору Дохлику, в плечо которого впились крепкие пальцы будущей жены. – Как вовремя мне подвернулся тот услужливый молодой человек. Страшно подумать, что сделала бы со мной Таисия Григорьевна, обнаружь она в моем книжном шкафу, ту самую коллекцию роковых красавиц в неглиже. Боюсь, что обычной черепно-мозговой травмой я бы не отделался. В иных ситуациях не знаешь, что лучше – ревнивая супруга или кровожадный вампир.

Занятый собственными мыслями, Кучкин пожирал глазами малиновый бархат, отделяющий зрительный зал от сцены. Публика шумела, переговаривалась и волновалась. Бесплатные представления случались редко, а именитые театральные критики в город не приезжали никогда.

В этот момент занавес дрогнул и действие началось.

*

Раздираемый злостью Пипко Викентий Георгиевич, расталкивая толпу широкими плечами, рвался на бесплатное представление.

Его пытались остановить – пожилая тетечка в очках и пуховом платке, обмотанном вокруг расплывшейся талии, широко распахнув объятия, вознамерилась принять напор Пипко на свою грудную клетку.

Обниматься с незнакомой вахтершей лаково-красочный король не захотел и кивнул шоферу.

Дюжий детина, успешно совмещавший две должности в одно лицо – водителя и охранника, осторожно приподнял женщину и поставил в сторонке, а Пипко, не тормозя, ввалился в зал, битком набитый людьми.

– Негодяй! – шипел себе под нос Викентий Георгиевич. – Он совершенно не пытается отыскать мою дорогую супругу. Моя Аделаидочка пропала, бесследно исчезла, а наглый тип, получивший задаток, и в ус не дует. Лоботряс! Пройдоха! Ленивец! Нашел время устраивать личную жизнь. Свою собственную! А моя, значит, должна катиться под откос? Нет-

нет – я докажу ему, что Пипко не тот человек, над которым стоит шутить шуточки.

Благодаря напористости и энергичности, Викентий Георгиевич пробрался к тому самому месту, где совсем неплохо устроились две парочки – Афанасий Анатольевич с Таисией Григорьевной, и Кучкин с Жизель Малявкиной.

Шумно пыхтя и отдуваясь, Пипко уронил зад на сиденье, заставив кресло жалобно скрипнуть.

– Дамочек выгуливает, прощелыжник! – лицо Викентия Георгиевича налилось дурной краснотой. – Я тебе покажу, негодяй, как шашни крутить в рабочее время!

Пипко питал слабость к людям добросовестным, трудолюбивым и исполнительным и терпеть не мог лоботрясов, халтурщиков и прохвостов. Таких на его предприятии не водилось. Обычно они отсеивались еще на стадии подачи заявления о приеме на работу. В отделе кадров лаково-красочного предприятия сидели о-го-го какие барракуды!

А, здесь?

Викентий Георгиевич не мог простить собственного промаха. Как его угораздило довериться авантюристу, мошеннику и обманщику? Бездна времени потеряна зря. Бедная Аделаида! Возможно, она страдает и зовет на помощь в то время, как кто-то шляется по театрам, игнорируя свои обязанности.

– Кто-то должен заплатить за мои бессонные ночи. – решил Викентий Георгиевич, сжимая кулаки. – И я даже знаю,

кто!

Почувствовав затылком угрозу, исходящую от человека, сидящего в заднем ряду, Кучкин не пытался избежать тяжелого разговора. В конце концов, он действительно обещал заняться поисками Аделаиды. И он, на самом деле ими занимается. В какой-то мере.

– Спектаклем любуемся? – не хуже скандалистки Горемыкиной, прошипел Викентий Георгиевич прямо в ухо специалисту по решению конфиденциальных вопросов. – Дамочек выгуливаем и развлекаемся? Кто работать будет? Пушкин?

– Я – работаю. – с достоинством отвечал Кучкин, не поворачивая головы в сторону шипения. Ухо специалиста покраснело от негодования и оттопырилось, как в детстве, когда завхоз детского дома, Михаил Гаддеевич ловил кудрявого проказника Аполлона за воровством общественных яблок в, общественном же, фруктовом саду. С тех пор Аполлон привык стричься коротко и строго. – Прямо сейчас работаю, а вы меня отвлекаете.

– Вранье. – Пипко очень хотел схватить наглого прохиндея за грудки и хорошенько встряхнуть, а, еще лучше – приказать произвести данное действие своему габаритному водителю Коле. Коля, напоминающий собой высокий, двухстворчатый шкаф, отлично подходил для подобных целей. Люди запугивались на раз-два-три от одного взгляда универсального служащего, что уж говорить о встряхиваниях в воспитательных целях.

Но, Пипко удержался от опрометчивых решений – кругом люди. Нарядная публика, пришедшая развлечься и хорошенько отдохнуть. Все эти любители театральных постановок не виноваты в том, что в их ряды затесался лентяй и халтурщик Кучкин.

Зато, после представления Пипко за себя не отвечает! Его терпение не безгранично.

– Вот и обманутый муж пожаловал. – язвительным шепотом обратилась Таисия Григорьевна к будущему супругу. – Смотри, как он трясет своими развесистыми рогами! Того и гляди начнет бодаться, точно олень на выпасе.

Пипко отлично расслышал слова вредной тетки в фиолетовых буклях. Лицо бизнесмена налилось дурной злобой, рот раскрылся..

К счастью, в этот самый миг, распахнулся занавес и представление началось.

Аполлон Михайлович ничего не понимал в театре, ничего не понимал в актерах и совершенно ничего не понимал в театральной критике, но солидного дядьку, при усах, костюме и портфеле, вальяжно расположившегося неподалеку, успел рассмотреть очень даже внимательно.

«Столичная штучка» – так бы выразилась, отравленная тухлой олениной Лидия Николаевна, надумай она дать характеристику типу в костюме.

Сразу было заметно, что мужчина – не от мира сего. Вернее – не из этого города, а приезжий.

Приезжий знал себе цену и посматривал на публику, а, так же, на действие, разыгрываемое на сцене, снисходительно и немного скучающе.

Между тем, на сцене происходило ... Всякое..

Афанасий Анатольевич, страдающий сангвиворифобией, мог гордиться собственной выдержкой и отвагой, потому как, на сцене вампиров было не просто много, а, очень много.

Наряженные кровососами актеры плясали, кривлялись, совершали танцевальные па и акробатические прыжки, всевозможными способами демонстрируя свои сверхъестественные способности.

Публика пугалась, визжала, вскрикивала и всячески одобряла, творимое на сцене безобразия.

Насколько мог понять Кучкин, а понял он не так уж и много, вампиры, кучно обитающие в декорациях, сотворенных из гипсокартона и, изображающих густые заросли и могильные холмики, где-то изловили невинную деву, которая шлялась по кладбищу, расположенному в диком лесу совершенно одна и почему-то в ночной рубашке. Скудоумная девица металась по сцене хаотично, размахивая руками и путаясь в подоле своего нелепого одеяния.

К тому же, дело, совершенно точно, происходило ночью, о чем свидетельствовали многочисленные светильники, удачно замаскированные под примитивные факелы.

Так, вот – ту самую девицу в ночной рубашке таскали

по всей сцене, передавая от одного вампира другому, при этом совершая с дамочкой различные действия совершенно определенного характера. Одни вампиры подкидывали девицу вверх, другие – волокли по полу, третьи – кружили, четвертые – носили на руках, а кончилось все дело тем, что красотку в ночном одеянии торжественно уложили в гроб, установленный прямо посреди сцены.

Этот самый гроб – солидный такой, полированный ящик с крышкой, прикатали из-за кулис и водрузили на один из могильных холмиков. Артисты, изображающие вампиров, запихнули девицу в гроб и принялись выплясывать вокруг него, точно дикари перед языческим идолом. При этом они пели заунывными голосами, вскидывали руки вверх и, через раз, хлопали в ладоши.

– Детский утренник на Хеллоуин. – буркнул Кучкин, в затылок которому жарко дышал разъяренный Пипко. – Пустая трата моего драгоценного времени. Как это меня угораздило забрести на спевку умалишенных? Еще и приличных людей заманил любоваться данным непотребством. Стыдобище! Вы это видите, Таисия Григорьевна? – Аполлон Михайлович виновато взглянул на Горемыкину, надеясь отыскать в ней единомышленницу и запнулся, потеряв дар речи.

Взгляд скандальной дамочки остекленел, хищные пальцы вцепились в подлокотник кресла, а, слов Кучкина, она, похоже, совершенно не расслышала.

В этот момент, атлетически сложенный молодой человек

в белом трико, особенно высоко подпрыгнул и изобразил длинными, мускулистыми ногами нечто, похожее на ножницы.

Таисия Григорьевна судорожно всхлипнула и впилась пальцами в руку специалиста по решению вопросов.

– Вы это видели? – глаза пенсионерки восторженно сверкнули.

– Видел. – Кучкин искренне пожалел несчастного Афанасия Анатольевича. Судя по всему, престарелая невеста коллекционера млела от вида накачанных парней, обряженных в белые колготки и танцующих нечто, напоминающее стриптиз. Бедный Афанасий Анатольевич совершенно точно не дотягивал до уровня танцоров-атлетов – с его-то большой поясницей, шаркающей походкой и грузом лет, давящих на спину.

– Это – он! – восторг светился в глазах Таисии Григорьевны, сделав их снова яркими и выразительными, словно в годы ее далекой юности. – Спасибо, Аполлон Михайлович! Я не верила в вас, простите мне мои сомнения! Я не верила в то, что юноша ваших лет, способен на поступок. Не верила, а ты смог!

– Смог? – Кучкин в недоумении взглянул на прыгучего танцора, продолжавшего, раз за разом, выскакивать из стройных рядов артистов, изображающих кровососущих созданий. – Очень сомневаюсь, что мне под силу повторить подобные телодвижения. Для этого, все же, необходим опреде-

ленный навык и гибкость тела. Вы мне льстите, уважаемая Таисия Григорьевна.

– Ничего подобного. – совершенно счастливая Горемыкина, выпустив из рук ладонь Кучкина, ткнула пальцем прямо на сцену. – Это же он! Она!

– Так он, или она? – Кучкин совсем потерялся. – Там много кто бегают и все раскрашены, точно индейцы. О ком идет речь?

– Ни о ком, а о чем! – рявкнула Таисия Григорьевна. – Нашлась моя покража! Ах, как я рада, что он цел и невредим! Ох и задам я кое-кому перцу! – глаза Таисии Григорьевны мстительно сузились, кулачки – сжались, длинные ногти – зловеще щелкнули. – Я даже догадываюсь кому! – и Горемыкина-Зайчиха, перегнувшись, выхватила из рук Жизель желтоватый листок бумаги.

– Буклет? – Кучкин проводил листок долгим взглядом. – Список актеров, задействованных в пьесе, фамилия автора и прочая, поясняющая муть. Зачем это вам, Таисия Григорьевна?

– Вот оно! – Таисия Григорьевна ткнула пальцем в текст, напечатанный мелким шрифтом. – Каков негодяй! Но, как вы догадались, мой мальчик? Теперь я понимаю, что вы не просто так пригласили нас на это безвкусное представление. А, вы – маленький плутишка, мой дорогой друг! – и погрозила Кучкину пальцем.

Ничего не понимающий Аполлон Михайлович, пожав

плечами, сделал совершенно бесстрастное лицо и отвел взгляд в сторону – кажется, вздорная и скандальная клиентка чем-то очень довольна, а, он, Кучкин, совершенно случайно, чего-то там отыскал. Только, что? Он понятия о найденном предмете не имел, но не признаваться же? Самое лучшее, что придумал незадачливый консультант – принять важный вид и надуть щеки, а, так же, многозначительно кивать головой.

Кучкин надеялся на то, что его кривляний окажется достаточно, а потом, все как-нибудь, само-собой образуется ко всеобщему удовольствию.

Представление продолжалось – девица в гробу, как догадался Кучкин, зверски покусанная кровососами, очнулась, превратившись в вампиршу, да не просто в вампиршу, а в королеву.

– Точно – в королеву! – Кучкин хмыкнул. – Иначе, с чего бы эти придурки в колготках пыхтят и тащат корону и водружают блестящую штуковину дамочке на голову?

Покусанная актерами-вурдалаками девица, восстав из мертвых, выпрямившись, встала прямо в гробу и раскинула руки в стороны. Корона на голове сверкала, с красных губ слетали алые капли крови, пятнавшие белоснежное одеяние.

– Саван. – догадался Кучкин. – Ночная рубашка называется – саван!

– Нет, ну какая зараза! – Таисия Григорьевна обеспокоенно заерзала задом по креслу. – Кровища так и хлещет, так и

хлещет! Этак, она все уделает красной гадостью. Я надеюсь, кровь хорошо отстирается и пятен не останется?

Между тем багроволицый Пипко, не перестававший сопеть и зудеть под ухом у Кучкина, внезапно замолчал, потом – захрипел и схватился за сердце.

– Она! – восторженно выдохнул лаковый и красочный король. – Это же – она! Аделаида!

– Дядя сошел с ума! – Жизель, которой ворчание и сопение гражданина с заднего ряда мешало смотреть представление, сочувственно качнула головой. – Не выдержал всех этих плясок, песен и крови. Как я его понимаю – целый час наблюдать за примитивными кривляньями и слушать вопли? Лучше уж пару раз искупать кавказскую сторожевую и отбелить зубы вздорной болонке!

– Аделаида? – Таисия Григорьевна ткнула пальцем в черно-желтый буклет. – Какая-токая, Аделаида? Вот, здесь, черным по желтому написано: королева вампиров Азельда. В главной роли – Млада Великанова!

– Какая еще Млада? – во весь голос взревел возмущенный Викентий Георгиевич. – Я вам говорю – Аделаида! Аделаида Пипко!

От рева, покинутого легкомысленной супругой, Пипко, лысоватое темечко известного театрального критика по фамилии Сморщук дрогнуло, и голова знаменитости завертелась на круглых плечах, точно на шарнирах, а вурдалаки на сцене завыли, заплясали пуще прежнего, кружа свою коро-

леву. Занавес дернулся и закрылся.

К огромному облегчению Кучкина.

– Нет, не быть мне заядлым театралом. – твердо решил специалист по решению конфиденциальных вопросах. – Нога моя больше не ступит в стены этого Дома культуры!

Афанасий Анатольевич полностью и целиком разделял мнение Кучкина. Театр, особенно на халяву – это прекрасно, но вурдалаки, пусть и бутафорские, пугали пенсионера до икоты. Он никак не мог позабыть родной подъезд, залитый кровью и гроб на колесиках, и клыки агрессивной дамочки.

Дамочки?

Афанасий Анатольевич напряг память и пошевелил извилинами, а затем широко улыбнулся, хлопнув себя по лысеющей макушке.

– Боже мой! – воскликнула жертва сангвиворифобии по фамилии Дохлик, светлея лицом. – Я все понял!

Кучкин, пряча довольную улыбку в складках шарфа, взглянул на своего самого первого клиента – он, как и почтенный профессор философии, тоже обо всем догадался.

Таисия Григорьевна рвалась за кулисы и двигало энергичной женщиной вовсе не желание вознаградить актеров за прекрасную игру и талант. Нет, Таисия Григорьевна жаждала мести.

Отзвучали последние хлопки аплодисментов и Горемыкина, вскочив со своего места, бросилась к сцене, распихивая народ, стремящийся двигаться в противоположном направ-

лении.

– Пропустите, пропустите меня! – кричала пенсионерка, расталкивая, слегка подуставшую от обилия эмоций, публику. – Уступите дорогу старшим! Да-да, ты, чего раскорячился? Думаешь, я смогу протиснуться мимо твоего брюха? Жрать надобно меньше, а если не можешь закрыть свой рот, то сиди дома, а не шляйся по театрам и не загораживай проход своим пузом.

Объемный мужчина средних лет поспешно отпрыгнул в сторону, уступая дорогу взволнованной дамочке, размахивавшей зонтиком, точно тростью-убийцей. Лицо у дамочки выражало свирепость и нетерпение. Такая ни перед чем не остановится на пути к своей цели.

Бросить невесту в трудной ситуации Дохлик не мог и потому, шаркая ногами, торопливо догонял Таисию Григорьевну. Кучкину ничего не оставалось, кроме как присоединиться к парочке удивительно бодрых товарищей, а Жизель, все еще питавшая надежды на то, что специалист, таки, отыщет беглеца Кельбаса, старательно придерживала Аполлона Михайловича за локоток.

Краснолицый Пипко, для которого дорогу расчищал охранник и, по совместительству, водитель Коля, наступал на пятки хрупкой гражданке Малявкиной. Он давно бы вырвался вперед – габариты Коли позволяли изобразить не только таран, но и ледокол, но Пипко опасался задеть Кучкина.

Специалист по решению вопросов, совершенно неожиданно и самым необыкновенным способом, справился с поставленной задачей и отыскал драгоценную Аделаидочку. Викентий Георгиевич стремился воссоединиться с супругой, как можно быстрее. За время ее отсутствия он совершенно извелся, отоцал и изнервничался, персонал предприятия лихорадило и штормило, а поставщики трепетали, слыша в телефонной трубке скрежет зубов своего несдержанного партнера.

Маргарита Мартыненко и ее друзья остались вполне довольны представлением. Им все понравилось – и танцующие мужики в колготках, и атмосфера фильма ужасов, и сама Млада Великанова, разгуливавшая по сцене в ночной рубашке и пятнавшая алым всех, кто вставал у нее на дороге. Подростки энергично аплодировали, едва не осушив себе ладони.

– Ужасная дичь! – коротко и ёмко выразилась по поводу представления Маргарита. – Но, было не скучно. Как они все орали – как будто их резали тупым ножом и без наркоза.

– Отличный гроб! – похвалил организаторов представления Антон Фуфайкин. – Солидный такой. Недешевый. В самый раз для королевы.

– Точно подмечено. – поддержала брата Наталья Фуфайкина. – Помнится, бабуля так же ходила, приценивалась, но сказала, что нам такой не по карману. Нам подошло, что попроще. Бюджетный вариант.

– У тебя, что, бабушка умерла? – Маргарита перестала аплодировать и с сочувствием взглянула на подругу. – Соболезную. Так тяжело терять близких людей. Я, вот, не понимала этого, пока мама не развелась с отцом и не ушла в монастырь, похоронив себя для мира.

– Да, не. – отмахнулся Антон. Парню было приятно волнение Маргариты. – Это бабуля так, на будущее. Она у нас крепкая – лопатой не убьешь, но в возрасте. Не хочу, говорит, обременять вас, дети, своими проблемами. Сама обо всем позабочусь. – и, шасть в фирму ритуальных услуг, да давай к гробам прицениваться и венки с траурными лентами примерять. Еле утащили.

– Да-да. – хихикнула сестра Антона, Наталья. – Мы-то думали, что бабуля кукушкой поехала, а оказывается, что их таких, поехавших, много. Может и мы такими станем, когда состаримся и впадем в маразм.

Маргарита нервно поежилась – состаримся? В маразм? Не хотелось бы. Они с Наталкой еще не всех реликтовых созданий выследили и сфотографировали.

И, йети! Как же, йети?

Голубой мечтой Маргариты Мартыненко было желание, обнаружить и сфотографировать снежного человека. Быть может, ей тогда премию выдадут. Ту самую, главную, мировую! За выдающийся вклад в развитие науки.

– Давайте попробуем сегодня еще поохотиться. – предложила Маргарита, дергая Антона за рукав. – Капустка фото-

графии нашего синего реликта забраковал. Сказал, что у них солидное издание и, что мадам Вонявкина, их главный редактор, халтуры терпеть не может. Фотографии, мол, смазанные получились. Зверя, мол, рассмотреть не удалось. Хорошо просматриваются одни контейнеры для отходов, а синий черт – нет.

– Синий черт? – округлил глаза Антон. – Это они так зверька обозвали?

Маргарита кивнула, Антон понимающе хмыкнул.

– Как бы в городе паника не началась. – обеспокоился Фуфайкин. – Услышит народ про чёрта синего и озвереет.

– Да, наши могут. – грустно согласилась Маргарита. – Как бы не прибили бедолагу ненароком. Жалко будет зверька – сгинет, без пользы для общества.

– Солидное издание! – ухмыльнулась Наталья, втайне сохнувшая по импозантному и вертлявому корреспонденту газеты «Свекруха». Что бы она еще понимала, эта Вонявкина! Мы им настоящую сенсацию раздобыли этим летом, а она, видите ли, нос воротит! Неблагодарная.

Не обратив никакого внимания на Кучкина и компанию, а, быть может, не узнав специалиста по решению вопросов – тот сегодня явился в театр без собаки, подростки покинули зрительный зал и, знакомыми тропами, отправились к семнадцатипэтажке. Сам же Аполлон Михайлович с компанией, прорвался, таки, за кулисы.

Ниночка Пряхина нервно покусывала свои прелестные розовые губки.

С самого утра у Ниночки наблюдалось плохое настроение. Девушка проснулась еще до рассвета и, нервно рыская по своей комнате, осушила несколько кружек крепкого кофе, надеясь взбодриться и развеяться.

Ниночка злилась и страдала.

Ее нагло и беспардонно обманывали и водили за нос. И, кто? Самый близкий, самый родной человек, с которым она упорно и бережно выстраивала отношения.

Да, что там отношения? Она жизнь была готова посвятить этому человеку, а, он.. он..

Отшвырнув в сторону любимого плюшевого медведя, Ниночка разрыдалась, кусая остренькими зубками уголок подушки.

Негодяй променял ее на другую – мерзкую, наглую, развратную дамочку средних лет. На, почти старуху! А, она, Ниночка – молодая, свежая, точно бутон розы, сидит в постылой комнате и оплакивает горькими слезами свое разбитое сердце!

Как они, наверное, издеваются над обманутой девушкой! Изгаляются, насмешничают, милуются!

Старуха наслаждается близостью с её дорогим Котиком и ничуть не переживает о Ниночке, а она, Ниночка, между прочим, может совсем зачахнуть и умереть от тоски.

Девушка всхлипнула особенно горько и обиженно поджа-

ла пухлые губки. Прекрасные глаза Пряхиной опухли от пролитых слез, но никто не желал понять ее горя.

Ощущая себя брошенной и страдающей, девушка разрыдалась пуще прежнего. Она представила себя умершей – холодной и бесстрастной, наряженной в прекрасное платье и упакованной в тюль и тафту. Кругом скорбящие родственники. Они рыдают и жалеют ее, такую молодую и красивую, погибшую в цвете лет.

И тут появляется Он!

Он!

Он медленно подходит к Ниночке, в глазах у Него застыли слезы, а в руках – огромный букет пунцовых (самых любимых Ниночкой) роз. Он склоняется и целует Ниночку в холодную, безжизненную щеку.

Ничего уже нельзя предпринять, ничего нельзя исправить и изменить.

Розы падают, а Он уходит. Медленно. Печально.

Уходит к ней!

К этой наглой старухе в леопардовом пальто!

Почти покойница очнулась от горьких мыслей и зло прищурилась – ну, уж нет! Не на ту напали!

Трудно размышлять о смерти в цветущие восемнадцать! Вот Ниночка и перестала страдать фигней, а, схватив себя в обе руки, принялась размышлять об ином.

О мести!

Надобно наказать негодяйку, посмевавшую разлучить Ни-

ночку с любимым.

Она отомстит. Страшно!

*

Млада Великанова, словно во сне, проследовала в свою примерку.

Свершилось!

Она смогла, она сумела, она сделала это!

Теперь Млада – Звезда!

Да-да – Млада отлично видела, какими восхищенными глазами смотрел на нее именитый критик. Он, этот породистый мужик и маститый критик, приехавший из самой столицы, просто пожирал ее взглядом – горячим, страстным, восхищенным!

Нежась под взглядом именитого критика, Млада чувствовала себя хот-догом в руках оголодавшего обжоры.

Зря она сомневалась в собственном таланте, зря слушала тех, кто твердил о том, что театр – это отстой, занятие для тех, кто совсем отчаялся. Она, Млада, большой молодец и у них с Гамлетом все получилось.

Гамлет Гоголидзе обязательно станет известным режиссёром и сценаристом, а, она, Млада – знаменитой.

Сейчас она немного передохнет и вернется к людям. Там, находясь в компании своей труппы, Гамлет, скорей всего беседует с этим самым Сморщук. Тот не сможет уйти, не переговорив с ее приятелем и близким другом, а, затем, они все придут к ней, к Младе и, конечно же, Сморщук пообеща-

ет ей огромную, хвалебную статью с большим количеством восклицательных знаков. Статью, спонсора и головокружительную карьеру!

Ах! Мечты сбываются!

Почти, как в Газпроме.

Млада улыбнулась своему собственному отражению в зеркале, стянула с точеных плеч заляпанную кровью ночную рубашку и обнажённая, прошлась по гримерке.

Она – прекрасна, совершенна, молода и талантлива. Кого и чего ей стесняться? Сейчас она снимет с лица яркий грим, переоденется в вечерний наряд и станет ожидать прибытия в свою скромную гримерку того самого, важного гостя из столицы.

Не зря они все это затеяли, не зря она, Млада, пошла на такие жертвы, не зря она..

Дверь гримерки еле слышно скрипнула. В комнату проникла неизвестная личность, одетая в темную одежду. На голове у личности обнаружилась черная трикотажная шапочка-балаклава, полностью скрывшая лицо, но с прорезами для рта и глаз.

В прорезях сверкали глаза, наполненные яростью и гневом.

Млада так ничего и не поняла до самого последнего момента. Она, как раз натягивала на ногу второй чулок, когда, кто-то неизвестный, подскочив со спины, поднёс к носу будущей великой звезды тряпку, смоченную вонючей жидко-

стью и прижал эту тряпку к лицу королевы вампиров.

Глубоко вдохнув, Млада попыталась отпихнуть от себя психа, сунувшего ей под нос мерзкую тряпку, воняющую зловонными химикатами. Девушка билась и трепыхалась изо всех сил, неизвестный злодей не сдавался, повизгивая тоненьким голосом от натуги, но не отставая от своей жертвы. Коварная жидкость сделала свое черное дело. Королева вампиров Азельда взмахнула руками и рухнула на пол.

Зловещая фигура в черном презрительно хмыкнула и принялась за работу. Дело предстояло не простое – запихнуть безжизненное тело, ставшее очень тяжелым, в гроб, а, после этого, захлопнуть крышку, скрыв от нескромных взглядов прекрасную Младу Великанову, совершенно обнаженную, если не считать, телесного цвета, чулок.

– Выносите. – стянув с головы черную шапочку, зловещая личность отдала распоряжение твердым и уверенным голосом. – Осторожнее – вещь дорогая и раритетная. Не поцарапайте лак и не уроните.

Пара дюжих грузчиков, с широкими плечами и длинными руками, хекнув и сплюнув, приступили к привычному делу – переноске тяжестей.

Солидный, полированный ящик аккуратно и незаметно выволокли из отдаленной гримерки и спустили по черной лестнице вниз.

А, там.. Гроб отправился к дверям, был погружен в неприметную «Газель» и увезен в неизвестном направлении.

Вместе с ним исчезла и будущая звезда Больших и Малых театров, Млада Великанова.

*

Жизель Малявкина ни на шаг не отставала от странных людей, в компании которых, ее угораздило попасть в театр.

Самым безобидным из троицы ей показался профессор философии Дохлик. Афанасий Анатольевич выглядел, как жертва страшных интриг и неумного темперамента Горемыкиной Таисии Григорьевны. Путаясь в подоле вечернего платья, Жизель, вполуха слушала болтовню Кучкина о том, что скандальная Горемыкина, которую специалист по неизвестной причине обзывал «Зайчиха», оказывается примеряет на себя роль невесты. Пожухлой, пожеванной временем, но, тем не менее – невесты.

– Везет же некоторым. – с еле заметной завистью, произнесла Малявкина. Жизель льстила себе, называя зависть «белой». Рыжеволосая грумерша посматривала в сторону предприимчивой старушки, которая пробивалась к цели при помощи зонтика и острых локтей и восхищалась её энергичностью и целеустремленностью. Горемыкина пихала и пинала любого, мешавшего её продвижению к сцене и стоявшего на пути, а, добравшись до подмостков, бодро поскакала вверх, почти не заметив препятствия в виде крутых ступеней.

Остальные, как и сама Горемыкина, нырнули за малиновый бархат сценического занавеса и очутились в ярком и гро-

могласном мире артистов.

Страдающий сангвиворифобией Дохлик попал в настоящий ад – повсюду сновали вампиры. Да они просто кишмя кишели, эти кровососы – бегали, прыгали, тащили куда-то фрагменты декораций и пугали несчастного коллекционера редкостей окровавленным тряпьем и зубастыми улыбками.

Горемыкиной было плевать на всех вурдалаков мира вообще и, на театральных, в частности. Безумной козой, размахивая зонтиком и трясая фиолетовыми лохмами, Таисия Григорьевна скакала по сцене, позабыв про свои неизлечимые, хронические заболевания, в великом множестве гнездившиеся в ее организме.

– Где он? – грозно потрясая зонтом, вопила Таисия Григорьевна. – Негодяи, куда вы спрятали мою собственность?

Кучкин старался не терять из виду перспективную клиентку. Задаток-задатком, но хотелось бы получить полный расчет, коли случилось так, что украденное имущество, как-то, само по себе, отыскалось, случайным и почти мистическим образом.

Он, Кучкин, на мели – ему еще пиджак нести в химчистку. И, куртку.

Окровавленные вурдалаки не желали идти на контакт и бегали от горластой бабки, точно от чумы. Горемыкина не сдавалась – она узрела того, кто всенепременно выдаст ответы на все ее вопросы и галопом устремилась к несчастному.

Гамлет Аванесович Гоголидзе почтительно внимал сло-

вам залетной знаменитости по фамилии Сморщук. Именитый театральный критик, чувствуя важность момента, вальяжно, слегка растягивая слова, изрекал перлы и бойко стрелял по сторонам блудливыми глазками, разыскивая, ту самую смазливую звезду, которая, еще недавно возлежала на смертном одре, а потом, восстав из мёртвых, превратилась в королеву вампиров Азельду.

Звезда отыскиваться не желалась, и эта досадная задержка безумно раздражала маститого писаку.

Юлиан Сморщук попал в Каменск случайно. История с ним произошла банальная, но презабавная – отмечая с друзьями юбилей одного из представителей богемы своего родного города, Юлиан, подобно герою знаменитой новогодней комедии, случайно попал в не то транспортное средство, после того, как его, перепутав с приятелем и нагрузив чужими билетом и вещами, засунув в купе, отправили в путешествие. Ещё и приплатили за срочную доставку бесчувственной тушки критика, сунув взятку ушлому проводнику.

Мерзавцы!

Хорошо еще, что приятель, оставшийся в столице, собирался путешествовать поездом.

В поезде, опять же, по странному стечению обстоятельств – ах, какая тонкая ирония судьбы! начатый в родном городе банкет имел шумное продолжение. В лице случайных попутчиков Юлиан нашел внимательных слушателей и ценителей искусства. В результате досадного пердимонкля, оч-

нулся Сморгучук в местах диких и весьма далеких от столичных эмпирей.

Некоторое время спустя, сойдя с поезда, изрядно нагруженный спиртосодержащими напитками, Юлиан наткнулся ослобившимися глазками на яркую афишу, небрежно наклеенную на зеленый забор.

Афиша вещала о предстоящей премьере в местном Доме культуры. Упоминались название пьесы, состав труппы и дата грандиозного представления.

Сморгуток, терзаемый головной болью, сухостью во рту и недосыпом, поплелся разыскивать ближайшую гостиницу, стремясь к опохмелу и лечебному сну.

Но, коварная злодейка-судьба подстерегала Сморгучука на крыльце гостиницы с незатейливым названием «Парадиз».

Взгляд страдальца и путешественника поневоле, снова наткнулся на пеструю рекламу с, тем же самым, отложившимся в памяти, содержанием.

Сморгуток сплюнул и распахнул входные двери.

Оформившись и мужественно собрав остатки сил, знаменитость медленно поплелась вверх по лестнице, мечтая о горячей ванне, чашке водки и крепком сне, ведущим к здоровью, как духовному, так и телесному, но, у самых дверей гостиничного номера, на зеленой, изрядно надо сказать, потертой дорожке, обнаружилась ещё одна, злополучная афиша.

– Это – знак. – решил Сморгучук, пожимая плечами. – Кто я такой, чтобы противиться воле Рока?

И захлопнул двери, решив всенепременно посетить данное театральное действо, благо, состояться оно должно было через пару дней.

Как многие деятели культуры, Сморщук был слегка суевверен и не пытался рыпаться. Кто знает – может быть, среди местного творческого навоза отыщется своё жемчужное зерно?

Зерно, таки, отыскалось и теперь, пылая от желания скорее состыковаться с прелестницей, очаровавшей его сердце, Юлиан бил копытом, точно стоялый жеребец.

Гамлет Аванесович Гогулидзе, представившись и поразив залетную знаменитость цветистостью своих имени, фамилии и отчества, всячески тянул время, пытаясь ездить критику по ушам и дать время Младе Великановой избавиться от грима и рубашки, напоминающей саван.

Из зрительного зала наряд кровожадной девы смотрелся весьма миленько, но Гамлет Гогулидзе рассуждал здраво – мало какому мужику понравится, когда на него скалятся вампирские клыки, обогранные кровью. С непривычки может и отбить.. Да-да, отбить всю охоту к милым мужским радостям.

Коли случится подобный казус с почтенным господином Сморщуком, то не видать им, Гамлету и Младе, хвалебной статьи и положительных отзывов.

Гамлету осточертела провинция и все эти Дома культуры, с их тетками-вахтершами, обмотанными пуховыми платка-

ми. Душа художника рвалась в столицу, на знаменитую сцену Большого, туда, где круглосуточно горели огни шумного города, сновала продвинутая публика и крутились огромные деньги.

Унизительно считать копейки и выискивать предметы реквизита по друзьям и знакомым.

Прекрасная Млада Великанова мечтала о славе и поклонниках, Гамлет Гоголидзе – о славе и деньгах, Горемыкина намеревалась вернуть свою собственность, а нервный и покинутый Пипко – любимую жену.

– Минуточку терпения, господин Сморщук. – пытался притормозить воспламенившегося Юлиана, более сдержанный и рассудительный Гоголидзе. – Даме необходимо припудрить носик. Ну, вы же все понимаете?

Все понимал не только тот самый Сморщук, которого, с первого же взгляда, яростно возненавидел брошенный женой Пипко, но и Таисия Григорьевна, углядевшая, как она думала, виновника своих бед.

– Малолетний мерзавец! – узрев чернявую шевелюру Гамлета и длинный нос, свисающий над пухлыми губами, завопила скандальная старушка, яростно размахивающая зонтиком. – Так вот кто во всем виноват. Шалопай и пройдоха! Весь в папашу, попадись он мне под горячую руку! Немедленно поди сюда, непослушный мальчишка.

Гамлет вздрогнул и, отказываясь верить своим глазам, принялся тарашиться на негодующую пожилую даму, всем

своим видом умоляя: «Сгинь. Пропади. Исчезни.»

На ту самую, энергичную даму, смотрел и знаменитый критик, смотрел и восторгался.

– Это ваша сотрудница? – Сморщук изъявлял готовность аплодировать стоя. – Какой талант! Какой типаж! Сколько экспрессии! Самородок! Да-да, истинный самородок. поверьте, мне, молодой человек – я в этом знаю толк.

Но, молодому человеку было не до вопросов веры – подскочив к Гамлету Гоголидзе, Таисия Григорьевна, засучив рукава, схватила того за ухо и принялась несчастное ухо выкручивать.

Гоголидзе извивался и размахивал руками, пытаясь вернуться из мертвой хватки почтенной дамы.

– Бабушка? – округлившись глаза чернявого парня увлажнились от еле сдерживаемых слез. – Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

– Обыкновенно. – тяжело дыша, ответила Горемыкина, прищурившись и подбоченившись, точно торговка с колхозного рынка. – Ногами пришла спектаклю твою поганую посмотреть!

– Почему – поганую? – не на шутку разобиделся внучок, шмыгая носом и, на всякий случай, отступая назад на пару шагов. – Замечательная постановка. Вон, господину критику представление пришлось по нраву. Не так ли? – обратился Гоголидзе к столичной знаменитости, зорко следя за каждым движением разгневанной близкой родственницы.

– О, да! – восторженно произнес господин Сморщук. – Замечательное представление! И, артисты! Особенно девушка, играющая королеву вампиров! Божественно талантливая красотка! Определенно – дарование! Самородок! Жемчужное зерно в навозе посредственности! Я увезу ее в столицу и открою перед ней целый мир!

Услышавший последние слова столичного прощельяги, прячущего лысеющую макушку за встопорщенными кудрями, Пипко пришел в неистовую ярость. Лицо лаково-красочного короля налилось дурной кровью, кулаки отяжелели, а сам Викентий Георгиевич двинулся в атаку.

– Кого это ты, сморчок сморщенный собрался увозить? И, куда?

Ничего не понявший Сморщук, оскорбился и набычился.

– Не Сморчок, а, – Сморщук! – тоненьким голосом завопила столичная знаменитость, насакивая пузом на лаково-красочного короля. – Сморщук! Запомните, а лучше – запишите!

– На твоей могиле это напишут! – толкаемый пузом, Пипко не желал отступить и сдавать позиции. – Мерзавец! Мою жену он собрался куда-то увозить! Мою Аделаидочку? Накося – выкуси! – и сунул под нос критику здоровенный кукиш.

Критик отшатнулся, шаркнул ножкой и поскользнулся на красной жидкости, коей оказались залиты сценические подмости. Нелепо взмахнув руками, знаменитость, пискнув тоненьким голоском что-то невнятное, приземлилась объем-

ным задом прямо в декорацию.

Напомним, что действие пьесы «Граф Дракула и все-все-все» разворачивалось на кладбище в лесу и артисты, изображавшие вампиров и прочий потусторонний элемент, кружили среди склепов и могил, поросших кудрявой травкой и угрюмыми деревьями. Травку заменял пластиковый газон, а могилы представляли из себя необычайной формы ящики с захлопывающимися крышками.

В один из таких ящиков, почему-то, распахнутый, Сморщук и свалился. Крышка плотоядно взвизгнула и захлопнулась, придавив лысеющую макушку именитого театрала, а Пипко, не растерявшись, прытко прыгнул сверху, изолировав соперника от общества и лишив того свободы маневра.

– Ишь, чего удумал, мерзавец! – вопил Викентий Георгиевич, скача по, якобы могильному холмику, бешеным зайцем. – Сиди теперь там, поганый сластолюбец! Фиг тебе, а не моя Аделаида!

Изрядно спавший с лица Гогулидзе, бабуля которого, не желая успокаиваться, гонялась за внуком по всей сцене, вопил о том, что надо немедленно выпустить Сморщука из ловушки и извиниться, но к его словам мало кто прислушивался – Пипко орал, коллекционер Дохлик пытался уговорить свою, почти что вторую, половину, Кучкин откровенно ухмылялся, а Жизель, крепко вцепившись в локоть специалиста, сверкала глазами и размышляла о том, что происходящее на сцене в данный момент куда более интересное и жи-

вее того, что им показывали раньше.

Утомившаяся Таисия Григорьевна, вяло тыча зонтиком в сторону внука, благоразумно спрятавшегося за спину коллекционера, требовала от Гогулидзе ответа:

– Куда ты его дел, мерзавец? Как ты, вообще, осмелился покуситься на святое? Немедленно, ты слышишь, немедленно верни мне мое имущество.

«Мерзавец», то и дело облизывавший пересохшие губы, махал руками, выскакивая из-за спины своего спасителя и подтверждая родственные связи с Горемыкиной, верещал во всю мощь своих легких.

– Ничего страшного не произошло, бабуля! Твое имущество в целости и сохранности! Подумаешь – позаимствовали без спросу! Мы же не насовсем. Мы обязательно его вернем! Можем, хоть сейчас! Пожалуйста!

– Я не разрешала тебе к нему прикасаться. – никак не желала угомониться Таисия Григорьевна, оттеснившая Пипко и плюхнувшаяся задом на ящик, изображавший могилку. – Я никому не разрешала на него даже дышать – штучный товар, как-никак, изготовленный по моему эскизу, а ты..

– Ничего особенного. – буркнул талантливый, но вороватый внучок, выпархивая из-за спины Дохлика. – Стоял у тебя, пылился без дела, а мы, можно сказать, его прославили, сделали знаменитым.

– Верни немедленно, негодяй. – Таисия Григорьевна крепче вцепилась в ручку зонта. – Иначе, я за себя не отвечаю.

– Выпустите уже господина Сморщука. – взмолился Гоголидзе, расслышав хрип и стоны, раздающиеся из-под зада собственной бабушки. – Он же задохнется!

– Так ему и надо, похитителю чужих жен! – снова разъярился господин Пипко и Кучкину пришлось ухватить Викентия Георгиевича за рукав. – Я из него котлету сделаю!

– Никто Аделаиду не похищал. – Гамлет Авонесович, поддерживая бабулю под ручку, откинул крышку ящика, явив присутствующим, красного от натуги и потного от страха, критика. – Она сама решила на Поступок! Она творческая личность и ваш «Домостой» ее не устраивал! Такую женщину – и запереть на кухне? Преступление! Это, как обрезать птице крылья, оторвать рыбе плавники и...м...м...

– И, так далее! – Кучкин принял волевое решение – вмешаться, иначе эти горячие головы наломают дров, а ему еще гонорар получать. С кого спрашивается, если все плательщики, скопом, отправятся в ближайшее отделение полиции за нарушение общественного порядка?

– Мое имущество! – по новой, начала заводиться Таисия Григорьевна, вцепившаяся в руку внука, точно пиявка в, насыщенную гемоглобином, плоть.

– Моя жена! – подобно самцу оленя во время гона, взревел Пипко. – Коля!

Шкафоподобный шофер Николай навис над чернявым Гоголидзе, проигрывавшим водителю по габаритам и напористости, приведя театрального гения в состояние смятения,

но Таисия Григорьевна никому не могла позволить обижать члена своей семьи, пусть и непутевого, но родственника.

– Отвали от моего племянника! – Горемыкина больно ткнула Николая зонтом под ребро. – Изверг. Можно смотреть, но руками трогать запрещаю.

– Мы можем ногами тронуть. – воинственно вопил Пипко, подпрыгивая на месте. – За нами – не заржавеет.

– Я на вас жалобу напишу. – сверкая стеклами стильных очков и поблескивая зарождающейся лысиной, возвестил критик Сморщук.

– Коллективную. – придушенно пискнула Жизель, которой, как выяснилось, тоже был не чужд интерес к высокому искусству кино.

– А, вы, милочка, помолчите. – раздраженно рявкнул критик, наблюдая за тем, как молодое лицо автора пьесы «Дракула и все-все-все» покрывается мелкими бисеринками пота. – С вашей внешностью, дорогуша, можно только «Кушать подано» исполнять и не замахиваться на большее.

– Хам! – личико Жизель вспыхнуло ярче, чем ее волосы. – Что вы себе позволяете?

– Моя жена! – не унимался Пипко, двигаясь вперед под прикрытием своего массивного служащего. – Где Аделаида?

– Млада Великанова приводит себя в порядок в нашей гримерке. – тетке в пуховом платке, по всей видимости, надоела всеобщая перепалка и она решила вмешаться. – Вон тама, в конце коридора, желтая дверь с табличкой – «Кла-

довка». Её тудысь отволокли, вместе с бандуриной на колесиках. Тама и покурить можно, на черном ходе, коли кому приспичит.

«И, подраться. – хотелось добавить ушлой тетке в пуховом платке, жадной до чужих скандалов и разборок с мордобоем. – Но, разве ж от этих дожدهшься чего реального? Интехллигенция, будь она неладна!»

Пипко, пропустивший мимо ушей все, кроме указания к движению, на всех порах рванул к вожделенной двери. Следом помчалась Горемыкина-Зайчиха, тащившая коллекционера Дохлика на прицепе.

Гамлет Гоголидзе, прижимая руки к груди, что-то горячо пытался объяснить критику Сморщуку, но, тот, раздраженно отмахиваясь от горячего, чернявого парня, бочком следовал за ревнивым мужем и вздорной бабушкой, а Кучкин и Жизель, не отставая от компании, двигались в арьергарде, поддавшись всеобщему волнению.

– Аделаида! – вопил Пипко, вламываясь в примерку. – Душа моя!

Душа не отзывалась, признаков жизни не подавала.

– Мое имущество – не тронь, мерзавец! – Таисия Григорьевна, смахнув с пути препятствие в виде Пипко и почти этого не заметив, проникла в помещение и воинственно потрясая зонтиком, принялась обшаривать взглядом тесную комнатушку.

– Моя вещь.. – растерянно проблеяла бабуля и, развернув-

шись, сжав пальцы в кулачки, принялась наступать на Пипко.

– Куда дел мое имущество, ворюга? Верни немедленно!

– Млада, дорогая, – это уже Гогулидзе вплывал в гримуборную. – позволь представить тебе господина Сморщука. Он просто жаждет свести знакомство со столь талантливой юной леди.

Гогулидзе демонстративно игнорировал всех прочих, обращаясь к исполнительнице роли королевы вампиров. Пипко он, казалось, в упор не видел.

Юная леди отсутствовала от слова совсем. Со стен, на кучку любителей театральных постановок, с ярких плакатов насмешливо тарасились знаменитости прошлых лет – мол, что? Профукали олухи свое счастье?

– Где Млада? – растерянно поинтересовался Гогулидзе, обнаружив, что Великанова не спешит объявляться и знакомиться со столичной знаменитостью. Гамлет Аванесович, вмиг растеряв весь апломб, принялся обегать комнату по кругу и заглядывать в шкафы.

Шкафы, вероятно сохранившиеся еще с до перестроечных времен, отчаянно скрипели, хлопали дверцами и жаловались на жизнь.

Пипко сжал пальцы в кулаки и уставился на мускулисто-красавчика тяжелым взглядом – его жена не могла пасть столь низко. Этот молодой человек ухитрился запудрить Аделаиде мозги, втравив талантливую девушку в свои

сомнительные театральные делишки, но Викентий Георгиевич примет меры и сумеет вернуть ветреную супругу в лоно семьи.

Сейчас для этого, как раз, настал отличный момент.

– Где моя жена? – Пипко принялся грозно раздувать щеки и метать глазами молнии. – Немедленно верни мне мою жену, мерзавец!

Кулаки у Викентия Георгиевича отчаянно чесались, игнорируя мускулистость Гоголидзе. За свою Аделаиду Пипко был готов драться даже с железным Арнольдом.

– Моя вещь? – бабуля Таисия Григорьевна требовательным взглядом принуждала внука к ответу. – Где она?

– Что за таинственная вещь? – ломал голову Кучкин, напрягая извилины в своей голове. – И куда она опять подевалась? Вот же непруха – а, все так удачно складывалось.

– Где? – Горемыкина, уперев в бока руки, почему-то начала требовать ответа от Кучкина. – Куда дели?

– Что дели? – прикинулся олухом Аполлон Михайлович. – Вы же уверяли меня в том, что все нашлось и благополучно разрешилось.

– Так и было. – Горемыкина-Зайчиха раздраженно махнула рукой, отпихивая Пипко в сторону. – Подождет твоя жена, чай не состарится за одну минуту.

– И?? – протянул Кучкин, пытаясь уразуметь – что же именно дорогой внучок слямзил у любимой бабули.

– Где? – Горемыкина обвела взглядом комнату. – Ничего

нет.

– Ничего нет. – Аполлон Михайлович грозно взглянул на Гогулидзе. – Извольте объясниться, молодой человек – где она? – и, уточнил, дабы избежать недопонимания. – Где, та вещь, которую вы стянули у уважаемой Таисии Григорьевны?

– Гроб, что ли? – Гогулидзе запустил пятерню в растрепанную шевелюру и растерянно вздохнул. – Не знаю – здесь был, вместе с Младой. Она иногда любила в нем полежать. Репетировала. Говорила, что так она успокаивается, путем медитации.

– Лежала в гробу? – пискнула Жизель, приходя в дикий ужас – как можно успокоиться, лежа в гробу? Успокоиться – да, но, медитировать?

– Какая женщина! – Сморщук в восторге причмокнул губами. – Ох, какая женщина! Необыкновенная! Самородок.

– Молчи, сморчок столичный! – рявкнул ревнивый муж. – Аделаида – моя женщина! – Пипко схватил Сморщук за лацканы пиджака и хорошенько встряхнул. – Моя жена, понял?

– Сморщук! – взвилась столичная знаменитость, трясясь от негодования. – И, потом, пока – жена! – критик не желал сдаваться и уступать позиции. – Нельзя закапывать талант в грязь! С вами она зачахнет, увязнет в бытовой суете, потускнеет и погибнет! Она должна сверкать и искриться! Она будет блистать в столице. Свежее лицо, флёр, легкий налет

провинциальности – это мейнстрим нашего времени.

– Сейчас ты будешь сверкать и искриться. И, мейнстримить! – заорал Пипко и отдал команду четким голосом. – Коля, дай ему в глаз! Нечего этим самым глазом пялиться на чужих жен! В гробу я его видел, этого Сморщук! Сморчок столичный!

Коля, сжимая внушительные кулаки, шагнул вперед, надвигаясь на критика непоколебимой грудой мускулов и послушания.

Сморщук, побледневший, но не струсивший, принялся бодро скакать, держа сжатые кулаки на уровне пухлой груди.

– Ну, давай, давай, орясина, нападай! Я, знаете ли, по молодости лет посещал секцию бокса. Помню кое-что.

Кучкин в этот момент занимался странным делом – он, подняв с пола чей-то платок, принюхивался к резкой вони, от него исходящей.

– Что это у вас, господин специалист, за ветошь в руках? – любопытная Жизель постаралась держать как можно дальше от буйных мужчин, решивших выяснить отношения здесь и сейчас. – Ой! Не надо, не прижимайте к лицу. Опасно. Бросьте эту гадость. – Жизель брезгливо скривила пухлые губки. – Платок пропитали веществом, имеющим в своем составе хлороформ. Уж очень запах специфический. Как вы думаете, господин специалист, – принюхиваясь, Жизель отступила на один шаг назад. – кому и для каких целей понадобилась тряпка, пропитанная подобной дрянью? Может быть,

нам стоит вызвать полицию?

– Воняет отвратительно. – согласился Кучкин, приносиваясь вслед за Жизель. – Но, вы правы, Жизель – не просто так кто-то подсуетился.

– Бокс! Бокс! – вопил Сморщук, скача вокруг гиганта по имени Коля. – Врешь, не возьмешь!

– Здесь кому-то сунули под нос эту самую тряпку и усыпили несчастного. – заявила Жизель и ее голосок тревожно прозвенел в неожиданно наступившей тишине. – Но, кого и с какой целью?

– Млада.. – театрално подкатив глаза, простонал Гогулдзе и, следом за ним, ахнул Пипко, который, наострив уши, прислушивался к чужому разговору.

В этот момент Николай протянул руку и схватил столичную знаменитость за шиворот, мешая тому боксировать.

– Аделаидочка! – поймав взгляд Кучкина, полный недоумения, покинутый муж поторопился пояснить свои слова. – Млада – это псевдоним моей дорогой птички. Оно написано на первой странице её дневника. Жена всегда считала свое имя пресным и невыразительным.

– Почему вы раньше мне об этом ничего не сказали? – нахмурился Кучкин.

– Мне неудобно от того, что Аделаида взяла этот глупый псевдоним – Великанова. – Пипко возмущенно засопел. – Не могу понять – чем ее не устраивает фамилия Пипко?

– У вас солидный бизнес. – пожал плечами Аполлон,

пытаясь утешить брошенного супруга ветреной красотки. – Возможно, жена оберегала вас, не желая, чтобы ваше лаково-красочное предприятие связывали с таким легкомысленным делом, как театр?

– Это – самое разумное объяснение! – расцвел Пипко. – Моя птичка всегда заботилась о нашей репутации.

И, тут отмер, переставший стенать, Гамлет.

– Кто-то усыпил и украл Младу? – на Гоголидзе было больно смотреть. – Но, кто и, главное, зачем?

– Мое имущество! – взвизгнула Таисия Григорьевна. Ей не было никакого дела до, вновь пропавшей, супруги лаково-красочного короля. – Верните!

– Поставь меня на место, амбал дефективный. – возмущался Сморщук, суча ногами. – Немедленно!

– Гроб – это и есть пропажа Таисии Григорьевны? – до Кучкина, пусть и со скрипом, но все же дошло. – Да в гробу я видал подобные развлечения! Кому он понадобился на этот раз? Еще одному любителю театра?

– Вы тута еще долго толочься собираетесь? – тетка-вахтерша, обмотанная, все тем же пуховым платком, заявила в примерку с ведром и шваброй. – Убираться пора и мне, и вам.

– Мария Мартыновна, – очень вежливо обратился к тетке Гоголидзе. – вы здесь гроб не видели? Никуда его не убирали случайно?

Кучкин хмыкнул – гроб, небось, тяжелый, как эта тетка

могла его куда-то убрать?

– Так забрали бандурину-то. – Мария Мартыновна опустила тряпку в ведро и развела руками. – Недавно и забрали. С концами.

Вахтерша с неодобрением взглянула на, болтающего ногами в воздухе, Сморщука – вот не внушал ей никакого доверия этот столичный хлыщ. Как бы не спер чего. Он сопрет, а ей потом – расплачивайся.

– Кто? – побледнела Таисия Григорьевна, дважды обокраденная. – Кто забрал?

– Так грузчики и забрали. – всплеснула руками вахтерша. – И уволокли, быстро так утянули, вместе с платьем этой вашей Великановой. Оно, как раз, из бандурины и свисало. Я им кричу – куда реквизит тянете, ироды? А, они мне – куда надо, туды и тянем, не твое, мол, дело, поломойка.

– Ищите! – Пипко, пребывающий в полном смятении, оттолкнув в сторону скорбящую Таисию Григорьевну, вцепился в Кучкина и принялся заглядывать специалисту в глаза. – Ищите её, я вас умоляю! Эти похитители! Я, вот, прямо-таки чую – они желают зла моей девочке!

– Моё имущество! – Горемыкина-Зайчиха, припав к груди Дохлика, бурно рыдала, орошая праздничный пиджак коллекционера целым водопадом слез. – Опять! Что за страна – кругом одно ворье! Так и норовят что-нибудь стянуть у законопослушных граждан.

– Мы все вернем. – твердо обещал невесте коллекцио-

нер. – Вот, господин Кучкин и вернет. Отыскал один раз – отыщет и второй.

Кучкин громко прочистил горло и отцепил от себя пальцы лаково-красочного короля.

– Поставьте уже меня на пол. – раздраженно буркнул Сморщук, уяснив, что предмет его спора с господином Пипко, кто-то умыкнул и сделал это незаметно и виртуозно. – Хватит трепать меня за холку – я вам не собака.

– Я, как бы.. – специалист по решению вопросов растерянным взглядом обвел помещение, забитое рыдающими и, пребывающими в расстроенных чувствах, людьми и наткнулся тем же взглядом на хмурое личико Жизель, которой он твердо обещал свою помощь. – уже занят.

– Плачу вдвойне. – тут же нашелся Пипко и проворно полез в карман за портмоне. – И, вот еще.. – Викентий Георгиевич поманил к себе Николая, скромно стоявшего в сторонке и держащего за шиворот брыкающегося критика. – Я выделяю вам охрану. Совершенно бесплатно и без всяких обязательств с вашей стороны. Пользуйтесь. Делайте, что хотите, но верните мне жену!

Николай осторожно опустил Сморщука на пол, отодвинул в сторону и послушно застыл за спиной Кучкина.

– Зачем мне охрана? – округлив глаза, Кучкин взглянул на водителя, похожего на тяжелый танк, который зачем – то засунули в строгий костюм-тройку. – Мне не тяжести носить, мне – думать надо, а в этом деле ваш человек не помощник.

– Зато у него кулаки внушительные и рост высокий. – Пипко уже все для себя решил. – Похитители могут вести себя опасно и агрессивно, а вы, не в обиду вам будет сказано, – Викентий Георгиевич развел руками. – далеко не атлет. Вы, Аполлон, совсем не Аполлон. Простите. – развел руками покинутый, похищенной супругой, муж. – Так что, помощник и охранник вам не мешает.

Кучкин оскорбленно засопел – да, он, разумеется, не дотягивает до Колиных габаритов, но со своими проблемами привык справляться самостоятельно. Ему не нужны никакие помощники.

Горемыкина, оторвавшись от своего Дохлика, раздраженно отпихнула Гогулидзе, полыхнув на внука яростным взглядом своих, слегка выцветших глаз и одобрительно похлопала Кучкина по плечу.

– Отличное решение, мой мальчик. Вам понадобится помощь. Искать-то придется не только вертлявую девицу в ночной рубашке, но и мою покражу. Мою вещь, дорогую и эксклюзивную. Силовая поддержка не повредит. Молодой человек, – Горемыкина кивнула в сторону водителя. – может быть и не блещет интеллектом, но силушкой его не обделили. Н-да! Только смотри, дуболом, – Таисия Григорьевна погрозила Николаю пальцем. – не поцарапай лак на моем драгоценном предмете. Не прощу!

– Хотелось бы рассчитаться. – Кучкин решил ковать железо, пока оно не остыло. – Вашу жену я уже один раз отыс-

кал и не моя вина, что вы, промедлив, так и не смогли с ней наладить отношения.

– Я не успел. – вскипел Пипко, подпрыгивая на месте и оттирая в сторону конкурента, в лице залетной знаменитости. – И, вообще – все это, козни юного интригана! Этот проныра Гогулидзе! – Пипко обвинительным жестом обозначил виновника своих бед. – Он сбил Аделаидочку с толку, заставил участвовать в каком-то фарсе. Как она только не простыла, бегая среди этих всех могил в одной рубашечке? Моя девочка лежала в гробу. Почти голая. Без одеяла.

– Одеяло не предусмотрено комплектацией. Не в этой модели. – ощетинилась Таисия Григорьевна. – Могла бы и халат набросить. Заодно бы и срам прикрыла, вертихвостка!

– Я – художник! – взвыл разобиженный Гамлет Аванесович, осознав, что на него вот-вот повесят всех собак. – Я – никого и ни к чему не принуждал. Бабуля, скажи им. – внук умоляюще протянул руки к старшей родственнице, жестоко на него обиженной.

Но, близкая родственница повела себя странно. Вместо того, чтобы грудью стать на защиту родной крови, Таисия Григорьевна, поджав губы, взглянула на внука с неприязнью.

– Как ты проник в мою квартиру, дармоед? – поинтересовалась невеста коллекционера Дохлака, опираясь на руку избранника. – Как ты докатился до жизни такой, ворюга? Сын очень расстроится и выдерет тебя, как Сидорову козу. А я помогу и не посмотрю на то, что ты, здоровый лоб и вполне

себе самостоятельный.

– Как-как.. – повинился Гоголидзе. – Ключами открыл и гроб твой вынес, вернее – приделал к нему колесики и выка-тил. С колесиками – гораздо удобнее. Мне он был необходим для премьеры. Ты, бабуля, знаешь сколько стоит солидный гроб? Да я на одном реквизите чуть не разорился.

– Знаю. – язвительно ответила Таисия Григорьевна. – Это же мой гроб, мое имущество. Эксклюзивный заказ, самые лучшие материалы, атлас и шелк! Всё натуральное, не какой-то там китайский ширпотреб. И, вай-фай! Брала за наличные. – горделиво выпрямила спину Горемыкина. – Не хухры-мухры, как у некоторых.

– Зачем вам вай-фай на том свете? – пискнула Жизель, у которой голова шла кругом от последних новостей.

Девушка выглядела поникшей и расстроенной – в виду случившихся неприятностей, до розысков сбежавшего Кельбаса, по всей видимости, очередь дойдет не скоро.

– Затем. – коротко и выразительно ответила пенсионерка. – Мне хочется в нем лежать и делать это, со всеми удобствами. А, какие удобства без вай-фая? Чай, не в прошлом веке живем, а в нынешнем.

Дохлак незамедлительно полез за пазуху – коллекционер понял, что придется доплатить. Он добровольно изъявлял готовность потратиться – душевное здоровье будущей супруги куда дороже денег.

Вместо кошелька, Дохлак обнаружил тотем африканско-

го племени юмбаинути и, недолго думая, сунул ворсистую штучковину в руки Кучкину.

– Вот, молодой человек, – Афанасий Анатольевич интеллигентно сверкнул стеклами очков. – это вам поможет. Оградит, так сказать, от неприятностей.

Жизель, никогда не посещавшая пещеру троглодита, то бишь, квартиру Дохлика, позорно взвизгнула и отскочила в сторону, испугавшись непонятной штучковины, отвратительно выглядевшей и свесившей волосатые жгутики с рук Кучкина.

Кучкин, выработавший иммунитет и терпимость в отношении коллекционера и его странных игрушек, ничуть не смутившись, засунул амулет в карман присвоенной куртки и кивнул.

– Хорошо. Я займусь вашим делом немедленно.

– Моим? – Пипко, подпрыгнув на месте, сжал кулаки, сверля недобрым взглядом конкурентку с выбритыми височками.

– Нет, моим! – Таисия Григорьевна уступать никому не собиралась.

– Вашими. – Кучкин вступать в спор с кем-либо из присутствующих намерений не имел. – Они тесно связаны друг с другом и потому я буду вести оба дела сразу.

– За двумя зайцами погонишься.. – хмыкнул, позабытый всеми Сморщук, жалея о том, что так понравившаяся ему девица, куда-то подевалась. – Молодой человек, обратилась

знаменитость к Гоголидзе. – Можно вас на минуточку?

Гоголидзе, трепетавший под взглядом бабули, с готовностью кивнул, присоединяясь к залетному гостю.

И, подозрительная парочка, покинув гримерку, принялась о чем-то оживленно шептаться в коридоре.

Озабоченный Пипко ревниво косился на соперника и возмущенно сопел, а Жизель, отлепившись от Кучкина, решительно зашагала прочь.

Девушка поняла, что меркантильный специалист по решению вопросов и пальцем не пошевелит ради пропавшего Кельбаса.

Ей стало горько и противно – Кучкин обещал помочь, а сам продался за дополнительную оплату. И она еще одевала вечернее платье ради похода на культмассовое мероприятие в компании этого типа. Жертвовала своим личным временем ради обычного выжиги. Как она ошибалась, считая специалиста-консультанта обязательным и надежным плечом.

– Жизель! – Аполлон Михайлович, торопливо распрощавшись с присутствующими, поспешил догнать Малявкину и перехватил ее уже у самого выхода из городского Дома культуры. – Почему вы так поспешно убежали? Ночные улицы – не самое безопасное место для молодой и привлекательной девушки. Разве вы не знаете, что в городе, вторую неделю, орудует маньяк? Он пугает и уродует женщин, стрижет их наголо, а полиция, сбилась с ног, разыскивая негодяя.

– Мадам Кололосникова – хуже маньяка. – горько всхлип-

нув, проговорила Жизель, вяло отмахиваясь от Кучкина. – Она не простит потери Кельбаса. Нет-нет, она меня стричь не станет. Я не отделаюсь так легко. Ираида Максимовна поступит иначе, гораздо жестче – меня ждут позор и разорение.

– Не отчаивайтесь, Жизель. – Аполлон Михайлович взял девушку за руку. – Ваш Кельбас..

– Вы обещали мне помощь. – громко всхлипнув, Жизель резко выдернула ладонь из рук Аполлона, прожигая специалиста злым взглядом своих карих глаз. – Вы говорили, что поможете мне и вернете Кельбаса, а сами..

– Что, сами? – Кучкин попытался остановить разобиженную владелицу салона «Лампапудель», но та, ловко вывернувшись из рук Аполлона Михайловича, выскочила через двери на улицу.

– Вы – обманщик! – голос Жизель дрожал от негодования. – Вам ничуть меня не жалко. Вам не жалко Кельбаса, а он, может быть, уже совсем погиб в наших суровых условиях. Вы.. Вы.. – Жизель не находила слов для того, чтобы охарактеризовать продажного и любящего деньги специалиста. – Прощайте, господин Кучкин. – произнесла она, подобрыв сопли и перестав всхлипывать. – Я сама отыщу Кельбаса и разберусь со своими проблемами без вашего участия.

Стуча каблучками, Жизель поспешила прочь, убегая в самый темный проулок, подальше от освещенного огнями Дома культуры. Напрасно Кучкин пытался вразумить девушку – та ничего не желала слышать, а к Аполлону, как на зло,

снова прицепились и, брошенный женой, Пипко, и надоедливая Горемыкина.

Спокойный водитель Николай, отрешившись от суеты, выполняя распоряжение работодателя, молчаливой стеной маячил за спиной озадаченного специалиста по решению вопросов.

*

Ниночка Пряхина командовала грузчиками с уверенностью бывалого боцмана, избородившего все мировые моря и океаны.

Получившие оплату за качественно выполненную работу, неразговорчивые, но плечистые мужички, топоча ножищами сорок седьмого размера, покинули квартиру, подъезд и трехэтажный дом на окраине города, а Ниночка, потирая ладоши в предвкушение предстоящего действия, торопливо стащила крышку с гроба, намереваясь раз и навсегда отделаться от соперницы.

Млада, все еще находилась под воздействием одуряющего вещества.

– Не переборщила ли я? – не на шутку встревожилась Ниночка, дергая себя за локон и зигзагами передвигаясь по комнате.

Она не переживала о том, что кто-то мог проявить беспокойство и заявить о странной девице, притащившей в многоквартирный дом гроб, в полицию.

Неприметная «Газель» доставила пассажирку к самому

подъезду и лакированный ящик специфического назначения был незаметно втащен в этот самый подъезд и незамедлительно доставлен в квартиру.

Кстати, в невзрачном старом доме, в основном, проживали люди преклонного, пенсионного возраста и, в этот самый момент, большинство из них смотрело телевизор, бурно обсуждая скандальные, случившиеся в стране, события.

К тому же, последнее время, город взбудоражили слухи о безжалостном маньяке, вот уже вторую неделю обдeldывающим свои грязные делишки под покровом ночи.

Удивительно, как еще обыватели не побоялись ходить по темным улицам и явиться на премьеру того самого театрального представления, имевшего место в Доме культуры.

– Пришли полюбоваться на мерзавку, шастающую по сцене в бесстыдном наряде. – закипая от гнева, металась по комнате Ниночка. – Разлучница, обольстившая моего милого Гамлетика. А, вот, фиг тебе! – мстительно ухмыляясь, решила Ниночка. – Ты никогда не получишь моего жениха, развратная дрянь.

Ниночка не особо одобряла увлечение Гоголидзе театром. По ее мнению, все артисты театра, все эти поющие и дрыгающие ногами, дамочки и кавалеры, изображающие роковую страсть на сцене, в обычной, повседневной жизни не отличались высокими моральными принципами и вели себя, совершенно неподобающим приличным людям, образом.

Опять же, по мнению Ниночки, пьянки и походы в ресто-

раны, а, так же, всевозможные излишества, могли пагубно отразиться на здоровье ее драгоценного Гамлетика. Ниночка же, собиралась выйти за Гоголидзе замуж, нарожать детей и жить со своим любимым долго и счастливо.

И, вдруг, какая-то распутная дрянь вознамерилась стать между ними и сбить Гамлета с пути, увлекая мускулистого Гоголидзе своими сомнительными прелестями.

Не выйдет!

Влюбленная Ниночка станет сражаться за свое счастье и сметет любые преграды, возникшие на пути к нему.

Перестав метаться, ревнивая девушка решила успокоиться и схватила в руки огромные ножницы.

Да-да, Ниночка умела очень даже неплохо управляться с опасным инструментом. Мама Пряхиной подвизалась портнихой, очень известной в городе швеей и, по мере возможности, приучала Ниночку к своему непростому ремеслу.

Вооружившись огромными ножницами, охваченная чувством мести, возбужденная девица, медленно приблизилась к гробу, установленному на столе в самом центре комнаты.

Млада Великанова, ничего не ведающая о скорой расправе над собственной персоной, мирно возлежала среди атласного великолепия, не предпринимая никаких попыток к бегству.

Она спала, а темные тучи сгущались над ее головой.

– Дрянь. – ножницы зловеще лязгнули, и лицо Ниночки страшно исказилось. – Получи, негодяйка!

И Ниночка склонилась над соперницей.

Ухватив рукой за темный локон, Ниночка с силой дернула и замерла, раскрыв рот – волосы соперницы-разлучницы сползли вниз, на самый лоб Млады, не желая отрываться от общей кучи.

– Вот даже как. – нахмурилась Пряхина, обнаружив, что под маской роковой брюнетки скрывается, не менее роковая, блондинка. – Тебе это не поможет, дрянь. Моя месть наступит тебя в любом случае.

*

– Опять в газете написали про этого неуловимого маньяка. – Маргарита Мартыненко, облизывая верхушку своего мороженого, презрительно хмыкнув, взглянула на Антона Фуфайкина. – Развелось этих маньяков, как грязи. Помнится, мы уже ловили одного такого, озабоченного. Оказалось – никакой не маньяк, а обычный мужик на работе. Может и сейчас тоже самое, а меня из-за этого маньяка, родитель из дома выпускать отказывается. – пожаловалась Маргарита своим друзьям. – Представляете – вчера пришлось лезть в окно и убегать через сад. Того и гляди, папашка охранника наймет и тот станет повсюду за мной таскаться. Как нам тогда на редких существ охотиться?

– Беспокоится? – ухмыльнулся Антон, обнимая девушку за плечи.

Это он просто так спросил, на всякий случай – ясное же дело, что он, Антон Фуфайкин, сумеет защитить подругу от

маньяка лучше всякого охранника.

– Ага. – безмятежно ответила Маргарита, прикончив мороженое и бросая палочку на землю. – После того, как маман покинула нас, удалившись в монастырь, папашка, слегка побезумствовал и устав подыскивать мне подходящую мачеху, разогнал всех своих девок и теперь сидит дома, один, как сыч. Водку пьет и оплакивает свою загубленную жизнь.

– Да, ты что! – не поверила Наталья, затолкавшая палочку от собственного мороженого в какую-то щель в стене дома. – Он же у тебя еще тот ходок.

– Изменился папашка-то. – Маргарита, которая своих родителей никогда особо не любила, решительно зашагала вперед, по направлению к знакомой многоэтажке. – Я думала, что он мне какую-нибудь мачеху присватает – безмозглую и длинноногую, а я ее изводить стану всевозможными способами. Но, нет – с недавних пор папашку, как подменили. Никаких больше веселых друзей, походов в сауну, девок и прочих излишеств. Из девок к нам одна медсестра два раза в неделю приходит – давление измеряет предку и капельницы ставит. Тоска зеленая. Вот он и решил на досуге моим воспитанием заняться.

– А, ты? – Наталья сверкнула своими черными, цыганистыми глазами.

– Так я и далась. – сердито фыркнула Маргарита, втайне тоскующая по матери, удалившейся в монастырь. – Раньше надо было воспитывать. Теперь уже поздно.

– Тебя воспитывать, только портить. – Антон чмокнул девушку в тугую щечку и выдохнул. – Пришли. Ну, что – по местам?

Девчонки кивнули и разбежались в разные стороны – караулить то самое, неизвестное науке, создание, кашляющее и цокающее.

Антон притаился неподалеку от детской площадки, Наталья удалилась ближе к мусорным контейнерам, а Маргарита отошла дальше всех и заняла стратегическое место у огромной канавы, наполненной грязной водой.

Не смотря на относительно теплый и солнечный денек, вечер выдался прохладный.

Маргарита зябко поежилась – нужно было одеваться по-теплее. Но, она же собиралась в театр со своими друзьями, а на культурные мероприятия как-то не принято приходить в джинсах и кроссовках. Теперь вот девушке пришлось слегка померзнуть, но все ради благой цели. Где-то здесь прячется странное, неопознанное существо, которое необходимо запечатлеть для потомков.

Да и просто так, запечатлеть, а то, противный одноклассник Маргариты, Грачев и его подружка Цапкина, совсем достали Мартыненко ехидными насмешками – вынь, да и положи им еще одно странное создание или, хотя бы, фото этого самого зверька, о котором так часто и охотно пишет местная желтая пресса, представленная, скандально известной, газетой «Свекруха».

– Все ради науки. – пробормотала Маргарита, выключая фонарик. Девушка очутилась в полной темноте и сразу же почувствовала себя очень одиноко. Утешало Маргариту лишь то, что, что её друзья находятся неподалеку и при малейших признаках тревоги, поспешат к ней на помощь.

– Где же ты малыш? – Маргарита сверлила темноту внимательным взглядом. – Ну же, иди к мамочке, негодяй!

*

Нежный, экзотический зверь, сбежавший из салона «Лампаудель» и так расстроивший своим поступком его владелицу, Жизель Малявкину, кряхтя и фыркая от полноты чувств, выбрался наружу из своего уютного логова.

Миляга Кельбас предпочел бы жить в семье, но ему, как и многим другим, проданным и купленным, созданиям, выбирать не приходилось.

Когда-то Кельбас жил в группе, но, затем, крепкий и подвижный малыш приглянулся придиричивой покупательнице и группу-семью, пришлось покинуть. Зверь отправился в путешествие, потому как, хозяйка, желая похвастаться необычным приобретением, таскала живую игрушку за собой, точно собаку на поводке.

Кельбас терпел – он жил в тепле и хорошо питался, но мечтал о свободе, как мечтает о ней любое существо, рожденное на воле.

И вот, неожиданно, ему выпал шанс на побег, которым Кельбас не преминул воспользоваться.

В диких каменных джунглях незнакомого города, свободолюбивый беглец освоился неожиданно легко – у него появилось уютное логово, поблизости находилась большая «мусорка», где зверек разыскивал для себя пропитание и имелся водоем – пусть и не отличавшийся кристальной чистотой воды, но Кельбасу особо привередничать не приходилось.

Многочисленные животные, проживающие вблизи источника питания, приняли Кельбаса в свое сообщество, пусть и не сразу. Крысы избегали чужака, коты и кошки – шипели и выгибали спины, собаки лаяли и рычали, но Кельбасу было некуда отступить и, худо-бедно, но он приспособился к новым условиям, пару раз показав характер и удачно отбившись от надоедливых приставал. От зверей крупнее и агрессивнее себя, Кельбас спасался бегством.

Впрочем, впереди ожидалась зима, холодная и снежная, почти не оставляющая ни единого шанса на выживание теплолюбивому питомцу госпожи Кололосниковой.

Но, пока что, Кельбас, покинув уютное логово из различного тряпья, старых газет, кусков картона и пенопласта, короткими прыжками двигался вперед.

Темное время суток зверька не смущало. Он вообще не знал такого слова, как смущение. Его гнал вперед голод, голод и еще раз – голод.

Маргарита, сидевшая в засаде, услышала позади легкий шорох и насторожилась – неужели? Неужели им повезет се-

годня? Повезет ей, Маргарите, бесстрашной охотнице, выслеживающей диких животных в трудных, почти экстремальных условиях?

Шорох повторился, и девушка цапнула руками свою камеру – хороший, дорогой аппарат, купленный для Маргариты еще матерью, ушедшей в монастырь.

Правда, маман надеялась на то, что дочурка станет снимать цветы в городском парке или же, на худой конец, небеса, с летящими по нему облаками, но, уж никак не странных и опасных зверей – обитателей мусорных куч, распространителей различных заболеваний и прочей заразы.

Проклиная про себя неудобные платье и туфли и тоскуя о джинсах и других, более приспособленных для экстрима, предметах гардероба, девушка приготовилась к появлению экзотического создания.

Пока она ждала своего реликтового зверька, за ее спиной возникла массивная фигура, облаченная в темные одежды. Лицо фигуры оказалось спрятано под черной маской и в темноте сверкали лишь глаза неизвестного.

Огромная тень накрыла собой девушку, притаившуюся в засаде и Маргарита, слишком поздно заметившая опасность, не успев даже пискнуть, забилась в чьих-то сильных руках.

– Маньяк! – перепуганная девчонка хотела завизжать во весь голос и позвать на помощь, но широкая ладонь, пахнущая почему-то копченой рыбой, зажала жертве рот.

Маргарита, только что и могла, что дрыгать ногами и жа-

лобно попискивать, пока ее утягивали в темноту.

Всем хорошо известно, какие мерзости творят маньяки со своими жертвами. Маргарита видела не один, и не два триллера, поэтому сдаваться просто так не собиралась, извиваясь и оказывая сопротивление. Ей даже удалось сорвать шапочку с негодяя и ухватить мерзавца за волосы.

Местный маньяк отличался особой, извращенной изобретательностью – свои жертвы он стриг под ноль и голыми приматывал к деревьям.

Маргарита не желала для себя подобной участи. Девушка чрезвычайно гордилась своими пушистыми волосами – она чуть-чуть не дотянула до гордого звания победительницы городского конкурса «Игривая кудряшка».

– Сука! – визгливо воскликнул маньяк, сжимая горло своей жертве, но в этот миг кто-то массивный и страшный, выскочив из темноты, обрушился всем своим весом на согнутую спину негодяя.

Не ожидавший ничего подобного преступник, разжал ладони и девушка, удачно увернувшись, завопила во всю мощь своих молодых, не испорченных пагубными привычками, легких:

– Помогите! Маньяк!

В темноте раздались приглушенная ругань того самого маньяка и громкий цокот, а затем и пронзительный крик – Кельбас, которому негодяй едва не оттоптал лапу, смог постоять за себя, пустив в ход зубы и острые когти.

Даже загнанная в угол крыса сражается за свою жизнь, а Кельбас был гораздо крупнее любой крысы. И, зубастей. И, хотя его зубы не предназначались для хватания людей за мягкие части тела, экзотическое создание этим обстоятельством ничуть не смутилось.

Тяжело дыша и все еще дрожа от испуга, Маргарита бросилась к Антону и Наталье, не до конца поверив в собственное чудесное спасение и необыкновенное везение.

Громкий топот вдали свидетельствовал о том, что мерзавец сбежал, растворившись среди жилых домов, а Маргарита, захлебываясь словами, спешила поведать друзьям о своей неожиданной встрече с маньяком.

В своих руках девушка крепко сжимала клок темных, жестких волос, выданный у преступника.

*

Жизель повезло – она заметила группу подростков уже после того, как преступник, напавший на Маргариту Мартыненко, скрылся, покусанный и поцарапанный неизвестной тварью, гавкающей и цокающей одновременно.

Маргарита, пережившая нападение, бурно рыдала на мужественной груди Антона Фуфайкина.

Антон в бессильной досаде кусал губы – опоздал! Опоздал! Заметь он опасность вовремя, он бы задал жару негодяю! Изуродовал бы мерзавца, как Бог черепаху, а потом бы еще, для верности, попинал ногами.

Пока же, приходилось утешать перепуганную Маргариту.

Жизель, вникнув в суть проблемы, мгновенно начала звонить в полицию – может быть удастся задержать мерзавца по горячим следам? Про сбежавшего Кельбаса благополучно забыли. Малявкина, испытывая сочувствие к несовершеннолетней жертве нападения маньяка, приняла горячее участие в попытках успокоить Маргариту, пострадавшую от рук неуловимого негодяя.

*

Аполлон Михайлович Кучкин, освободившись от Пипко и от Горемыкиной, торопился затеряться в толпе народа, все еще снующего возле местного Дома культуры.

Аполлон чувствовал себя несколько неудобно – он, и в самом деле, обещал помощь Жизель, но не мог же Кучкин разорваться на несколько частей?

Пипко требовал свою жену, Горемыкина-Зайчиха, будущая Дохлик – свой, сделанный на заказ и снова похищенный, гроб, а, хитро бегающие глазки чернявого красавчика Гогулидзе заставляли специалиста подозревать, что мускулистый автор шедевра под названием «Граф Дракула и все-все-все», знает о похищении Млады Великановой, то есть, Аделаиды Пипко, куда больше, чем все остальные.

К тому же, как-то очень быстро Гогулидзе столкнулся со столичной знаменитостью, шушукаясь со Сморщуком в темном уголке, подальше от всей остальной компании.

Как бы оно ни было, но Кучкин решил довериться своей интуиции. Прячась в тени одного из двух атлантов, подпи-

рающих крышу Дома культуры, специалист по решению вопросов приготовился выслеживать чернявого дружка госпожи Пипко.

Сам же Пипко, отпустив от себя водителя Колю, погрозил Гоголидзе кулаком и, усевшись за руль своего пафосного автомобиля, исчез в неизвестном направлении.

Здоровяк Коля, которому хозяином была поручена опека над Аполлоном Михайловичем, растерянно топтался неподалеку от входа в Дом культуры – объект опеки как-то очень ловко скрылся из виду. Что ему теперь делать, Николай не знал и поэтому просеивал взглядом толпу, отсекая лишних, в надежде отыскать пронырливого Кучкина.

Гоголидзе, о чем-то договорившись с довольным Сморщуксом, сделал всем ручкой и танцующей походкой направился к автобусной остановке. Внук гражданки Горемыкиной на премьеру появился без своего автомобиля и поэтому, нынешним вечером, решил обойтись услугами общественного транспорта.

Кучкин незаметно пристроился за подозрительно довольным Гоголидзе и втиснулся в автобус следом за ним.

Занятый своими, скорей всего, приятными, мыслями, смазливый молодчик слезки не заметил и Кучкин, спрятавшись за широкой спиной одного из поздних пассажиров, благополучно доехал до нужной Гоголидзе, остановки.

– Жизнь кипит и играет. – с удивлением отметил Кучкин, наблюдая за группами молодых людей, фланирующих

по улицам. – И никого не пугает маньяк, орудующий в городе.

Впрочем, нападения на женщин происходили на окраинах, в так называемых, спальных районах, но, никогда, в центре.

Теперь же автобус, как раз и привез Гогулидзе и Кучкина на эту самую окраину.

– Район 60 лет Октября. – понял Кучкин, рассмотрев огни городского авторынка, закрытого на ночь. – Что забыл наш мускулистый красавчик в подобной дыре?

Красавчик, выпорхнув из автобуса, не оглядываясь, что оказалось на руку специалисту по решению вопросов, направился к ближайшему трехэтажному дому, запахивая свое щегольское пальто. Кучкин, не отставая от объекта слежки, торопливо, короткими перебежками, продолжал идти за Гогулидзе, подозревая того во всех смертных грехах сразу.

– Парень, не постеснявшийся украсть гроб у собственной бабки способен на самые страшные преступления. – решил Кучкин, продолжая следовать за автором пьесы «Граф Дракула и все-все-все». – Мало того, что негодяй стащил гроб, так он еще сманил порядочную женщину, заставив ту покинуть мужа и разрушить семью. Кто знает – может быть этот Гогулидзе еще в чем-либо замечен? В, не особо законном? Абсолютно безнравственный тип. Сейчас мы все выясним.

Гогулидзе, все так же целеустремленно, подбежал ко входу в один из подъездов трехэтажного дома, открыл дверь

ключом и скрылся в темноте подъезда.

Проворный Кучкин успел вовремя. Пришлось поторопиться – у самого специалиста, к сожалению, ключа от чужого подъезда не имелось, а подбирать подходящую отмычку из связки ключей, постоянно таскаемых в кармане, у специалиста времени не нашлось.

Заскочив в подъезд, Аполлон отчетливо расслышал, как на втором этаже кто-то уверенно открывает входную дверь.

Одним прыжком Кучкин достиг следующего этажа и приник ухом к той самой, подозрительной двери – еще мгновение и дело о похищении Аделаиды Пипко будет раскрыто!

*

Млада Великанова медленно разлепляла свои глаза. Голова девушки была тяжелой и мутной. В черепушке грохотали свинцовые шарики и танцевала целая банда шизанутых тараканов.

– Воды. – прохрипела Млада, едва шевеля шершавым и, почему-то, распухшим языком. – Воды, умоляю..

– Водички захотела, дрянь? – чей-то громкий, визгливый голос ударил по барабанным перепонкам, добавив интенсивности головной боли. – Будет тебе вода, как просила! Помни мою доброту, гадина!

И на несчастную Младу обрушился целый водопад ледяной воды.

Девушка заорала от неожиданности и затрясла головой, в то же время, пытаясь ухватить ледяную жидкость пересох-

шими губами.

– Хватит водички, дрянь или еще добавить?

Млада сфокусировала взгляд и раскрыла рот от удивления – она находилась.. где-то..

Совершенно точно, это была чья-то квартира – чужая, незнакомая квартира, подозрительная обстановка и растрепанная девица, злющая, как тысяча болотных кикимор и, такая же, доброжелательная.

– Где я? – Млада подумала о том, что вопрос звучит глупо, но, может быть, ей простят эту глупость в виду особых обстоятельств?

– Ты? – глаза девицы сверкали зловещим огнем. – Ты – у меня в плену, мерзавка! Я накажу тебя за то, что ты сделала! Ты горько пожалеешь о том, что осмелилась отобрать того, кто принадлежит мне по праву!

– Я? – поразилась Млада, чувствуя, что начинает замерзать – центральное отопление, все еще не включили, а ледяная вода, намочив обнаженное тело будущей театральной знаменитости, не способствовала комфорту. Чулочки тоже намокли, хотя, толку-то от тех чулок, коли все остальное голое?

– Не придуривайся! – незнакомая девица почти визжала, прыгая вокруг своей пленницы. – Тебе это не поможет.

Млада испугалась, заметив, как эта самая девица размахивает чем-то острым и блестящим.

– Да она сумасшедшая! – похолодела девушка. – У нее

ум за разум зашел. Ишь, как скачет! Может быть она и есть тот самый маньяк о котором все говорят в последнее время? Сейчас как кинется на меня и обмотает липким скотчем, словно прожорливая паучиха беззаботную мушку.

Млада приподнялась и огляделась, едва не завизжав от ужаса – она находилась в том самом гробу, в котором отыгрывала роль королевы вампиров. Лежала абсолютно голая в гробу, мокрая, как мышь, беззащитная, словно младенец, пускающий слюни, а вокруг стола бегала незнакомая девица с явными психическими отклонениями.

– Пошла прочь! – завопила Млада, окончательно приходя в себя и с ужасом смотря на ножницы, размером напоминающие садовый секатор. – Не подходи ко мне!

– На кой ты мне сдалась? – незнакомка захохотала, точно гиена. – Я уже сделала всё, что хотела, лахудра! Теперь на тебя никто без слез не взглянет, дрянь!

Млада завизжала от ужаса – что такого страшного сотворила с ней эта сумасшедшая?

Девушка вскочила на ноги, пошатнувшись – все-таки, дурь еще не окончательно покинула ее организм и, только теперь заметила, что её собственные плечи и грудь покрыты чем-то...

– Волосы! Мои прекрасные волосы! – завопила Млада пронзительно, точно баньши. – Ах, ты, мерзавка! Ты мне ответишь! – и, позабыв про слабость и недомогание, принялась ощупывать свою голову.

Волос не было! Их не было от слова «совсем». То, что осталось после стрижки, произведённой ножницами, похожими на садовый секатор, торчало жидким ежиком и кололось.

– Ты, что, остригла меня? – в глазах Млады Великановой сверкнула ярость. – Да я тебя в порошок сотру!

Ниночка Пряхина уже торжествовала победу – вот она, разлучница! Стоит перед ней, Ниночкой – голая, униженная, жалкая! И, лысая! Остатками волос, состриженных сикось-накось, соперница больше никого не соблазнит! Ничей жених не падет жертвой ее сомнительных прелестей!

Но, внезапно, Млада из растерянной пленницы превратилась в разъяренную фурию. Ниночка мгновенно вспомнила, как эта самая дамочка бегала по сцене Дома культуры, сверкала длинными клыками и пугала народ окровавленным ртом.

– Упырица! – закричала Ниночка, которой вновь привиделись те самые клыки. – Не подходи ко мне, дрянь!

– Убью тебя, мерзавка! – Млада, покинув гроб, спрыгнула со стола на пол. – Я тебе все волосинки выдергиваю! Везде, и по одной! Проведу эпиляцию без наркоза, медленно и на совесть!

– Ха-ха-ха! – смеялась Ниночка Пряхина, торжествуя победу над соперницей. – Как печально – Млада Великанова стала еще одной жертвой маньяка! Лысой и жалкой!

Но, на всякий случай, ревнивая невеста Гоголидзе отско-

чила в сторону, оставив между собой и бывшей блондинкой стол и тяжелый, лакированный гроб.

– Ты пожалеешь о своем поступке, дрянь. – прекрасная и обнаженная Аделаида, покраснев всем телом, словно рак, брошенный в кипяток, напряжила крепкие ноги. – Жестоко!

– Маньячка! – перепуганная Ниночка хотела дать деру из собственной квартиры, но, в этот момент, двери распахнулись и в комнату вбежал роковой брюнет Гамлет Гоголидзе.

– Что здесь происходит? – парень округлил глаза. Его нижняя челюсть лязгнула и отвалилась – н-да! Подобного он себе и представить не мог!

– Гамлетик! – взвизгнула Ниночка, растерявшая всю свою прыть и повиснув на широких плечах парня. – Спаси меня любимый! Спаси свою Ниночку от вот этой вот кровопийцы!

– Млада! – ахнул чернявый парень, наконец-то рассмотревший самую Младу и то, во что превратилась её, совсем еще недавно, роскошная грива волос. – Что с тобой случилось, дорогая? Это сделал маньяк? Маньяк добрался до тебя и остриг наголо? Мне так жаль, что ты лишилась своих прекрасных волос.

– Дорогая? – Ниночка отлипла от парня и отскочила в сторону, зловеще щелкая ножницами-секатором. – Ты называешь её «дорогая»?

– Милая – это совсем не то, о чем ты подумала. – растерялся Гамлет, с ужасом рассматривая двух девиц, представ-

ших перед ним в совершенно непотребном виде.

– Со мной случилась она! – истерично воскликнула Млада, обвиняющим жестом тыкая пальцем в обозленную Ниночку. – Эта дрянь одурманила меня, похитила и остригла мои волосы. Я эту дуру по судам затаскаю. Ей всю жизнь придется горбатиться для того, чтобы возместить ущерб, нанесенный моей красоте. Маньяк, говорите? Полиция разберется в том, кто здесь настоящий маньяк!

– Какие знакомые слова я слышу. – восхитился Аполлон Михайлович Кучкин, переступая через порог чужой квартиры. – Эта громогласная женщина – совершенно точно сбежавшая жена господина Пипко. Определенно, супруги верещат в одной тональности и угрозами рассыпаются одинаковыми.

– Зачем впадать в крайности? – опечалился Гамлет Гогулidзе, стараясь удержать Младу, так и норовившую вцепиться в лицо Ниночке. – Мы что-нибудь придумаем, дорогая, тем более, что господин Сморщук проявил к тебе повышенный интерес.

– Опять? – взвизгнула Ниночка, продолжая трясти ножницами. – Ты снова назвал её «дорогая»!

– Сморщук? – Млада заинтересованно взглянула на Гогулidзе. – Тот самый критик из столицы? Он? Спрашивал обо мне?

– Да не стойте на месте. – вспыхнул Гамлет, пытаясь удержать Ниночку на безопасном расстоянии от Млады. – Не ви-

дите, что ли – она сейчас вырвется. Помогите мне, тугодум.

Кучкин, неожиданно ловким движением, перехватил разъяренную ревнивицу и прижал ту к своей груди так сильно, что девушка, перестав вопить во всю ивановскую, выпучила глаза и попыталась наполнить легкие кислородом.

– Х-р-р-р! – хрипела Ниночка, у которой не получалось дышать.

– Успокоились? – Кучкин слегка расслабил хватку и незаметно выхватил из рук, слегка придушенной девицы, опасное орудие членовредительства. – Вот и хорошо. Не надо так орать, а то капилляры в глазах лопнут, и вы станете красноглазой и похожей на кролика-альбиноса.

– Я? – возмутилась Ниночка. – На кролика? – девушка затрясла головой. – Кролики – они такие прелестные и пушистые создания.

– Ой, далеко не все, милая девушка. – Кучкин зорко следил за тем, чтобы Ниночка не вырвалась и не набросилась с кулаками на, похищенную и вновь найденную, жену господина Пипко. – Знаю я одну Крольчиху. Гм, скажу я вам. Она – та еще штучка.

Аполлон Михайлович имел в виду, конечно же, госпожу Горемыкину, будущую жену профессора Дохлика, известную своей склочностью и склонностью к скандалам.

Вслед за Кучкиным в квартиру Ниночки Пряхиной проник водитель Пипко, Николай, который, обнаружив свою хозяйку, живой, здоровой, но, слегка изменившейся внешне,

немедленно принялся названивать по телефону хозяину и докладывать обстановку.

– Да-да! – кричал Николай в телефон. – Это, однозначно, Аделаида Львовна. Она жива, здорова и... – водитель, запнувшись, виновато взглянул на Младу Великанову. – оригинально подстрижена.

Пипко что-то орал в ответ, а водитель, тут же, принялся исполнительно кивать.

– Так точно, Викентий Георгиевич. Будет исполнено. Глаз не спущу. – и назвал адрес проживания Ниночки, о котором сам Кучкин понятия не имел.

В это время Гамлет Гогулидзе о чем-то шептался с будущей звездой Большого театра, Ниночка следила за ветреным женихом злыми глазами, Аполлон Михайлович улыбался своим собственным мыслям.

– Зачем, ну зачем ты вызвал сюда Викентия Георгиевича? – Млада-Аделаида, заламывая руки, металась по комнате, пугая всех присутствующих своим печальным видом и оригинальной прической, вернее, тем, что от неё осталось. – Теперь он запретит мне ехать в столицу. Запрёт меня на семь замков, а я так мечтаю о театре.

– Ты должен был пригласить на главную роль меня. – верещала Ниночка, ударяясь в плач и пытаясь пинать своего жениха ногами. – А, ты взял эту противную Пипко. Ненавижу её! Ненавижу!

– Но, дорогая, – растерялся Гамлет. – тебе же не нравится

театр.

– Зато, он нравится тебе, а, ты – мне. – зарыдала Ниночка. – Вот, что ты натворил, изменщик – теперь я стану похожа на кролика, и ты меня разлюбишь. Предатель.

– Правильно, Гамлет, дорогой, – мстительно заявила Млада, успевшая натянуть на себя, всё то же, обляпанное красным, платье, обнаруженное в гробу. Она, безусловно, будущая знаменитость и звезда, но, вряд ли господин Пипко сильно обрадуется, обнаружив супругу голой и в компании посторонних. – оставь эту истеричку. В столице, мой дорогой друг, ты отыщешь миллион хорошеньких, покладистых дурочек.

– Не называй его «дорогой», развратная дрянь! – взвизгнула Ниночка, вновь пытаясь впасть в истерику. – Он тебе – никто и никак. И, никогда!

– Зачем мне миллион? – перепугался Гамлет Аванесович, с тревогой наблюдая за тем, как Ниночка, выставив вперед руки, злобно шевелит пальцами, надеясь впиться ногтями в лицо соперницы. – Одной вполне достаточно.

Господин Пипко появился, как нельзя кстати. Вместе с ним на пороге комнаты возник, и господин маститый критик, демонстрирующий всем присутствующим широкую и дружелюбную улыбку.

– Аделаида! – совершенно счастливый Пипко бросился к обретенной супруге и заключил ее в страстные объятия. – Как я рад, что нашел тебя, душа моя. Ты же не покинешь

меня? Нет?

– Викентий. – Млада-Аделаида, мгновенно перестроившись, капризно надула губы. – Я же говорила тебе, что мечтаю о театре. О карьере звезды. О славе и величии. А, ты..

– У тебя странная прическа, любимая. – Викентий Георгиевич с удивлением рассматривал небрежно обстриженную жену. – Он, что, напал на тебя? Этот маньяк? – и лаково-красочный король почему-то подозрительно взглянул на Гогулидзе.

– Кхе-кхе.. – столичная знаменитость бочком протиснулась как можно ближе к супругам Пипко и вновь закашляла.

– Господин критик? – Великанова-Пипко округлила глаза и хищно вцепилась взглядом в лысеющую шевелюру Сморщук. – Гамлет рассказал мне о том, что вы в восторге от моей игры? Я так рада, так рада, что вам понравилось представление.

– При чем здесь вы, девушка? – холодно произнес Сморщук, незаметно подмигивая счастливому господину Пипко. – Ничего такого я господину Гогулидзе не говорил. И, не обещал. Я, вообще, имел в виду совершенно другую особу.

– И, какую же? – из голубых глаз, некрасиво остриженной Млады-Аделаиды, ошеломленной словами критика, покатались крупные, как горошины, слезы. – Какую такую, особу?

– Вот её. – мигом нашелся Сморщук, которому господин Пипко очень даже хорошо заплатил за резкие слова. – Я имел в виду вот эту, необычайно ловкую и предприимчивую де-

вицу. – Сморщук поклонился зарумянившейся Ниночке. Её, к этому времени, выпустил из своих жарких объятий Кучкин. – Какой типаж! Какая экспрессия! Девушка, вы хотите сниматься в кино или играть в театре?

– Её? – разъярилась, забракованная критиком, Аделаида. – Эту драную кошку? Немыслимое оскорбление! Дорогой, – обратилась отвергнутая красавица к мужу. – Мы немедленно, ты слышишь, немедленно уходим отсюда. И, чтобы с этого мгновения я даже слова такого не слышала – «театр»! – разгневанная женщина пнула ногой входную дверь, позабыв про то, что не обута.

– У-й! – запрыгав на одной ноге, взвыла Аделаида. – Больно же.

Абсолютно счастливый Пипко, подхватив пораненную жену под ручку, подмигнул Сморщuku и поспешно ретировался.

Что там ответила Сморщuku Ниночка, Кучкин так и не услышал, потому что ему пришлось покинуть квартиру Ниночки Пряхиной следом за четой Пипко.

Аделаида неслась вниз по лестнице, позабыв про, ушибленную о дверь, ногу, перепрыгивая через две ступеньки, Викентий Георгиевич пытался догнать разъяренную супругу, водитель Николай громко топотал сапогами, а Кучкин, вел себя скромно и рассчитывал на получение гонорара.

– Домой! – Аделаида гневно сверкнула глазами. – Дорогой, я этого так не оставлю. Они мне за всё заплатят – и пре-

датель Гамлет, и его тощая выдра, возомнившая себя невесть кем! – дамочка дернула себя за, уцелевшую после внезапной стрижки, прядь волос. – Я решила на огромные жертвы, кочуя по чужим квартирам и ночуя в гробу. В гробу, Викентий! Очень неудобно, хотя и весьма пикантно. Но, никто не принял во внимание мою готовность терпеть лишения, не оценил мой талант и мою харизму. Тем хуже для них! Всех причастных надобно наказать. Займись этим немедленно.

– Как скажешь, милая. – Пипко проявлял похвальную покорность и готовился исполнять любую прихоть своей вздорной женушки.

Пока Аделаида устраивалась со всеми удобствами в машине мужа, Пипко решил рассчитаться с Кучкиным и поставить жирную точку во всей этой истории.

– Вы блестяще справились с делом, господин специалист. – конверт с гонораром отправился в карман Аполлона Михайловича. – Я буду рекомендовать вас своим знакомым, а мои знакомые, знаете ли, – Пипко загадочно улыбнулся. – люди весьма деловые и состоятельные.

– Буду рад. – коротко кивнул Кучкин и отдал короткое распоряжение парочке работяг, мнущихся неподалеку.

Работяги дожидались Кучкина возле, потрепанной жизнью, невзрачной «Газели» и вскоре, загрузив в нее длинный, полированный ящик, торопливо уехали по указанному адресу.

Работяги выглядели несколько обескураженными – со-

всем недавно они уже перевозили гроб из точки «а» в точку «б» и были очень удивлены, забирая знакомый предмет из квартиры Ниночки Пряхиной.

– Надеюсь, Таисия Григорьевна не забудет занести мне мои деньги. – размышлял Кучкин, медленно поднимаясь вверх по ступеням. – И, надеюсь, Тяпа с Баськой не разнесли мою квартиру на кусочки? Они – те еще безобразники.

Удивительное дело, но кошка и пес, вполне мирно дремали, уютно расположившись на диване и оставив хозяину самый краешек для сна.

Ни кошка, ни собака даже не пошевелились и усталый после очень даже разнообразной культурной программы Аполлон Михайлович, пожав плечами отправился в ванную комнату – вечер выдался суматошный и утомительный и специалисту по решению конфиденциальных вопросов, спать хотелось со страшной силой.

– Непростое выдалось дельце. – широко зевая и удобно устраиваясь под боком у сопящего Тяпы, подумал Кучкин. – Тут тебе и вампиры, и сбежавшие жены, и ревнивые невесты, и даже, театральные критики. Осталось изловить экзотического питомца мадам Кололосниковой и примириться с Жизель Малявкиной.

С этими мыслями, Кучкин заснул и спокойно проспал до самого утра.

*

Утро следующего дня началось с истошного кошачьего

ора и тыканья холодного собачьего носа куда-то в район кучкинской подмышки.

– Хоть что-то в этом мире остается неизменным. – сонно пробормотал специалист по решению конфиденциальных вопросов, имея в виду настойчивое мяуканье вздорной шотландской вислоухой. Потянувшись и окончательно стряхнув с себя сонную одурь, Аполлон Михайлович бодро вскочил с постели и, споткнувшись о собственные тапки, неведь каким образом попавшие ему под ноги, укоризненно взглянул на гору трехцветной шерсти, высунувшую язык и пыхтевшую возле кровати.

– Это уже настоящее свинство, Тяпа. – попенял сенбернару Кучкин, засовывая ноги в те самые тапки. – Ты обзавёлся плохими манерами, и я даже знаю имя виновника твоего скверного поведения. – Аполлон Михайлович строго взглянул на кошку, невозмутимо вылизывающую серую шерстку. – Как не стыдно, Барселона? Не могла нашего квартиранта научить чему-то хорошему?

Баська презрительно фыркнула – мол, скажите спасибо за то, что в тапки не нагадила, умники. Выстроив хвост трубой, сохраняя совершенно независимый вид, кошка проследовала к своей миске и ударила по ней лапой.

– Жрать хочу! – расшифровал демарш хвостатой её, ещё слегка сонный хозяин и покорно поплелся варить пельмени.

Пельмени, конечно, осточертели, но за чем-то иным следовало идти в магазин. Магазин открывался в восемь, а часы

показывали..

– Шесть утра? – едва не взвыл Кучкин, злобно поглядывая на хвостатую виновницу ранней побудки. – Дикая рань. Чего ж вам всем так неймется?

Вдобавок ко всему, пронзительно зазвонил телефон. Бросив недоваренные пельмени, Кучкин, схватил аппарат и рывкнул в трубку.

– Слушаю!

– Аполлон Михайлович? – осторожно поинтересовался звонкий, отвратительно бодрый женский голос, не понявший причину раздражения, вызываемого им, абонента. – Это вы?

– Й-я! Й-я! – с грубым немецким акцентом подтвердил Кучкин и, хлопнув себя по лбу, извинился. – Да, я это, я. Просто, совершенно невозможное утро.

– Мы на месте. – голос в трубке приобрел деловую тональность. – Ждем вас одного.

– Один – не могу. Прибуду с Тяпой. – пообещал Кучкин, натягивая свитер и стараясь запрыгнуть в штаны. – Через две четверти часа.

– Ждем. – и отключилась.

– Слышали? – Аполлон разложил горячие пельмени по мискам и тоскливо взглянул на собственную, пустую тарелку. – Я – в ванную комнату. Через пятнадцать минут – на выход.

Тяпа, тяжело вздохнув, сунул морду в миску, пытаюсь

охладить горячие кусочки мяса в тесте собственным дыханием, а очень довольная кошка улеглась рядом с миской поменьше, положив морду на лапы. Барселона совершенно точно знала о том, что, уж ей-то, беспокоиться не, о чем. Ее никто не погонит ранним утром на прогулку по мокрой траве, в темноту, и в туман.

Кучкин управился куда быстрее, чем рассчитывал. Гигиенические процедуры заняли всего лишь минут десять, вместо обещанных пятнадцати и, когда он, потряхивая поводком, появился в комнате, Тяпа уже послушно топтался на пороге, на ходу глотая последний пельмень.

– На блинчики перейти, что ли, – задумчиво пробормотал Кучкин, засовывая морду Тяпы в намордник и цепляя поводок. – а, то, какой-то однообразный у нас получается план питания.

Ранним утром вызвать такси – та еще морока, но Аполлону повезло и машина, выплыв из сизой туманной дымки, затормозила прямо у входа в подъезд.

Назвав адрес, Кучкин и Тяпа, устроившись на заднем сиденье, притихли – Тяпивар переваривал пельмени, а Кучкин тарасился в серую муть за окном.

Вяло накрапывал дождик, мелкий и противный. Слегка продрогший специалист по решению вопросов медленно огибал знакомую семнадцатизэтажку, заходя с тыла.

Сегодня ему не нужно было ловить вампира и разыскивать беглую жену местного олигарха. Разумеется, он вышел

на своеобразную охоту, но, как надеялся Кучкин, данное мероприятие пройдет по плану, быстро и без потерь.

И, конечно же, результативно.

– А, вот и вы. – радостно пискнула Наталка Фуфайкина, выскакивая из тумана навстречу Аполлону Михайловичу. – Мы уже заждались.

– Все готово? – продрогший специалист торопливо сунул поводок в руки Антону и коротко кивнул Маргарите Мартыненко. – Как договаривались?

– Готово-готово. –подтверждая готовность, кивнула головой Маргарита. – Приманку мы разложили и ловушку настроили. Он обязательно придет и попадетя в наши сети.

– Хорошо бы. – зевнул не выспавшийся Кучкин, которому очень не хотелось становиться свидетелем еще одной женской истерики. – Пора.

Зловещее цоканье неизвестной твари они услышали почти сразу после того, как притаились в укромном местечке. По всей видимости, синий реликтовый зверь, по имени Кельбас, покинул свое логово и направился к обеденному столу, то есть, к мусорным бакам.

Сонные коты, дремавшие в ожидании объедков, встопорщились и, громко шипя от негодования, прыснули в разные стороны, существо же, продолжая цокать, приземлилось как раз в самом центре расставленной на него ловушки, приняв хиваясь к приманке.

Надо сказать, что охотники не поскупились – многочис-

ленные овощи и фрукты, наваленные на землю грудой – от капусты обыкновенной до экзотического манго, привлекли внимание таинственной твари.

Продолжая цокать и издавать звуки, отдаленно напоминающие собачий лай, существо принялось завтракать, чутко прислушиваясь к фоновому шуму – шелесту ветра, крысиному писку, кошачьему ору и прочему невнятному шебуршанию, готовясь задать стрекоча при первых же признаках опасности.

Не выдержав напряжения, Тяпа, распахнул пасть и басисто рывкнул.

– Давай! – закричал Кучкин и Антон, не теряя ни секунды, натянул веревку.

Забившись в мелкоячеистой рыбацкой сети, позаимствованной без спросу Антоном Фуфайкиным у родного дедули, большого любителя рыбалки, неведомое существо, сильно рванувшись в сторону, едва не оставило охотников с носом, но Кучкин вовсе не собирался упускать долгожданный и ценный трофей.

– Попался голубчик. – радостно потирая ладони, прыгала вокруг добычи Маргарита. – Никуда теперь не денешься!

Маргарита Мартыненко торопливо вытащила камеру и принялась снимать охотничий трофей, бегая вокруг него кругами и выискивая лучший ракурс. Добыча, в корне не согласная со своим пленением, рвалась на волю, билась и трепыхалась, продолжая цокать, лаять и скрести землю когтя-

ми.

Антон удерживал верткую тварь, не позволяя той вырваться из сети, а Кучкин, приложив к уху телефон, звонил Жизель.

– Алло, Жизель? – голос Кучкина звучал слегка глухо, теряясь в тумане. – Да, это я.. Негодя..? То есть, это я – Аполлон Кучкин. Нет, Жизель, я вовсе не сошел с ума... Да, Жизель – я совершенно точно знаю, который сейчас час... Нет, Жизель, я над вами не издеваюсь. Да, Жизель, я с вами абсолютно согласен – погода мерзкая, дождь, слякоть, нос в соплях, но ваш беглец уже распугал всех окрестных котов, собак, бомжей и, того и гляди, вырвется на волю. Предупреждаю – второй раз ловить вашего Кельбаса я не стану ни за какие коврижки. Будьте готовы получить обратно свое сокровище и постарайтесь привести его в порядок до приезда вашей влиятельной клиентки.

Маргарита понимающе хмыкнула и продолжила съемку, а Кучкин, по – прежнему прижимал телефон к уху, которое едва не дымилось от радостных волей владелицы салона «Лампапудель» и улыбался своим тайным мыслям.

*

Для того, чтобы проснуться, одеться и примчаться к семнадцатизэтажке, Жизель Малявкиной понадобилось меньше четверти часа.

В этом она переплюнула даже Кучкина, который вовсе не считал себя медлительной копушей.

Распугивая утреннюю неспешность, взвизгнув тормозами, у достроенного долгостроя остановилось такси, водитель которого наотрез отказался ехать дальше, через грязь, к мусорным контейнерам.

Проскочив мимо канавы, едва заметной в сером утреннем тумане и хранящей в своих глубинах, утопленные туфли самой Жизель, девушка, оскальзываясь и спотыкаясь, стремительно приближалась к Аполлону и троице, взлохмаченных и разгоряченных ранними приключением, подростков.

– Где? Где он? – Жизель, по мнению Кучкина, выглядевшая очень живописно – плащ, накинутый поверх домашней пижамы и разного цвета ботинки на ногах, а, так же, взлохмаченная шевелюра, завившаяся мелким бесом, вцепилась в куртку специалиста по решению вопросов мертвой хваткой. – Где мой малыш?

– Ваш малыш – там. – Кучкин, отцепив Жизель от собственного шарфа, указал девушке на бесформенный ком, прытко скачущий на одном месте и громко цокающий. – Заберите его уже, Жизель и покончим с этим.

Малявкина, опознав в извазюканном в грязи, нечто, свою пропажу, радостно повизгивая, чмокнула Кучкина прямо в губы и понеслась, широко распахнув объятия, к драгоценному питомцу мадам Кололосниковой.

– Ого! – это Антон Фуфайкин, радостно ослабившись, не сдержал своего удивления. – Горячая штучка, эта ваша Жизель! Эх! – и замолчал, получив под дых от собственной

девушки, ревниво пихнувшей парня в самое уязвимое место.

– Н-да. – Кучкин, пожав плечами, поспешил на помощь к Жизели – уловленный Кельбас никак не желал примириться с потерей свободы, бился и брыкался, норовя выскользнуть и умчаться обратно в пампасы, то есть, вернуться в свое логово, находящееся неизвестно где, но совершенно точно, в подвалах бывшего долгостроя.

Пока успокаивали и упаковывали Кельбаса, Кучкин снова выпачкался в грязи, став похожим на бомжа или, еще какой, маргинальный элемент.

Бодрая до изумления и, совершенно счастливая, Жизель укатила на такси и увезла с собой Кельбаса, подростки поспешили в школу, а Кучкин, отпустив Тяпу порезвиться на воле, медленно поплелся к остановке, надеясь на то, что отыщется сердобольный таксист, который согласится пустить перепачканного грязью специалиста в свой автомобиль.

– Вот он! Хватайте его, негодяя! – пронзительный женский голос настиг Кучкина почти на переходе через, поутреннему оживленную улицу.

Не успел он и головы повернуть, как парочка стражей порядка, скрутив Аполлону Михайловичу руки за спиной, уложила его физиономией в грязь, для верности еще и ногой придавив, чтоб не трепыхался.

– Он и есть, тот самый подозрительный тип, гражданочка? – строгим голосом вопрошал один из стражей порядка, пока второй удерживал Кучкина в совершенно унижитель-

ном положении, называемым еще «Морда вниз». – Вы совершенно в этом уверены?

– Разумеется, я в этом уверена. – женский голос показался Кучкину смутно знакомым. – Я абсолютно точно слышала крики несчастной девушки, которую терзал этот мерзавец! По-видимому, он схватил бедняжку у подъезда и поволок ее к мусорным контейнерам, а там, сделав свое грязное дело и утолив свои похотливые потребности, утопил несчастную в грязной канаве. Вы пошурудите палкой в воде, авось она и всплывет. Какое горе для родителей этой неосторожной девицы.

– Тьфу-тьфу! – страж порядка сплюнул прямо на голову Кучкину. – Что вы такое говорите, гражданочка?

– То и говорю. – стояла на своем упрямая обладательница голоса визгливой тональности. – Он это, как есть, он! Маньяк натуральный! У, морда мерзопакостная!

Кучкина, наконец-то подняли с земли и поставили на ноги. Аполлон Михайлович мотнул головой, словно норовистый мул.

– Доброе утро, Таисия Григорьевна, – пробормотал Кучкин, узнав в лицо женщину, обвинившую его в непотребстве. – Какая встреча.

– Аполлон Михайлович? – Горемыкина, не успевшая еще стать Дохлик, растерянно взглянула в лицо Кучкина. – Это, вы?

– Й-я! Й-я! – мотнул головой Аполлон, поджав ноги и об-

висая в руках дюжего полицейского. – Не правда ли, чудесное утро?

– Так, он это, или нет? – потерявший всякое терпение полицейский энергично встряхнул Кучкина, точно старое, пыльное пальто, пытаясь заставить специалиста стоять на собственных ногах, а не оттягивать плечи стражей порядка. – Уверенно опознавайте гражданочка.

– Нет, не он. – мгновенно сориентировавшись, откристилась от своих слов Таисия Григорьевна. – И, вообще – что за мода у вас, товарищи, вот так, бесцеремонно, хватать первого встречного? Взяли, порядочного человека скрутили, почему зря, грамотного консультанта, к тому же, – частила Таисия Григорьевна, наскაკивая грудью на, опешившего от такого поворота дела, полицейского. – а, настоящий маньяк, тем временем, небось убег уже.. А, вы, уши то, и развесили. Пустите ценного специалиста, кому сказано!

– Но-но, гражданочка. – вяло отбивался от Горемыкиной полицейский. – Вы, пожалуйста, точно определитесь – тот это маньяк или не тот.

– Не тот! – рявкнула Таисия Григорьевна. – Русским же языком вам говорю.

– Аполлон Михайлович? – возникший, точно черт из табакерки, местный участковый Гоноренко, в чистом, точно с иголочке, мундире, выглядел отвратительно бодрым и жизнерадостным. – Снова вводите народ в заблуждение, изображая маньяка? Как не стыдно? Так и в кутузку можно загре-

мать, между прочим.

– А, вот, нечего тут! – Горемыкина Таисия Григорьевна перешла в наступление. – Он, между прочим, мою покражу отыскал. Еще вчера и, вчера же, мне ее вернули. Да-да! – запальчиво воскликнула Таисия Григорьевна. – Вечером, после представления.

– Не вечером, а ночью. – поправил пенсионерку участковый Гоноренко. – В двенадцать часов ночи работники службы доставки «Ветерок», постучали в квартиру вашей соседки, гражданки Персиковой и втащили к ней в прихожую гроб, одну штуку, да еще и расписку потребовали в подтверждение выполненной работы, а, вы, уважаемая Таисия Григорьевна, гроб тот, опознав, набросились на Персикову с кулаками и обвинениями в похищении одного ритуального предмета и в присвоении чужого имущества.

– Набросилась. – с готовностью подтвердила Горемыкина, ничуть не смутившись. – а, нечего было этой Персиковой гроб из прихожей в свою спальню тащить и кричать о том, что он на неё с неба свалился и, как раз, вовремя. У нее, мол, у Персиковой, дед вот-вот помрет. Да чего тому старому хрычу станет-то? – возмущенно продолжала выступать Таисия Григорьевна, воинственно потрясая зонтиком. – Упомянутый дед у Персиковой, вот уже лет пять, как помирает, болезный, все никак копыта не откинёт. А, ей, злыдне, только повод дай, мой гроб присвоить. Эксклюзивный, между прочим, по спецзаказу сделанный.

– Так, этот человек – не маньяк? – погрузился полицейский, поднимая Кучкина с земли и ставя того на ноги.

– Нет. – ответил Гоноренко, отодвигая Кучкина в сторону от Таисии Григорьевны. – Совершенно точно, маньяк – не он. – и, уже обращаясь к Аполлону Михайловичу, добавил. – Шли бы вы отсюда, господин специалист и собачку свою забирайте, а, то, как – то много вас стало в последнее время.

Бдительный полицейский испуганно охнул, обнаружив за своей спиной, оскалившего клыки Тяпу, готового попробовать на вкус форменный зад стража порядка.

– Фу! Тяпа, фу! – скомандовал грустный Кучкин, у которого совершенно явственно хрустело в помятой шее. – Не тронь бяку, еще отравишься.

– Да, я, тебя! – страж порядка, совсем было вознамерился вернуться к хватанию за шиворот, но, Таисия Григорьевна, вцепившись в руку правоохранителя, точно клещ, продолжила свои жалобы на ту самую Персикову, покусившуюся на эксклюзивный похоронный атрибут и Кучкин, воспользовавшись заминкой, шустро загрузился в, так вовремя, подъехавшее такси и был таков.

*

Ближе к обеду, салон «Лампапудель», широко распахнувший двери для клиентов и их хозяев, порадовал хмурого Кучкина чисто вымытыми стеклами и улыбающимся лицом своей молодой владелицы.

Рыжие кудри Жизель Малявкиной горели осенним ко-

стром среди строгой, почти стерильной обстановки заведения, а посередине комнаты, в большой клетке, восседал важный Кельбас, щеголявший вычесанным мехом изумительно синего цвета.

– Аполлон Михайлович! – Жизель кинулась навстречу Кучкину, стуча каблучками аккуратных бежевых туфельек. – Как вы думаете, мадам Кололосникова заметит, что её питомец выглядит несколько иначе? Как бы, поточнее выразиться, – слегка замялась Жизель. – несколько экстравагантно?

Аполлон Михайлович, успевший навеститься домой, почистить куртку и умыть лицо, неопределенно качнул головой – не заметить яркого синего колера мехового питомца было невозможно, но Кучкин не спешил расстраивать и без того слезливую грумершу.

– Может быть, мадам Кололосникова – дальтоник? – попытался взбодрить девушку специалист по решению вопросов. – Или, может быть, ей все равно, какого цвета мех ее питомца? Или, что еще лучше, вам повезло и эта дама, вообще, забыла о том, что оставляла кого-то на передержку?

– Нет, не забыла. – плечи Жизель внезапно опустились вниз, и она вся, как-то поникла, став совершенно несчастной в своем аккуратном, накрахмаленном, белоснежном халатике. – Люди, подобные мадам Кололосниковой, никогда и ничего не забывают.

У порога салона «Лампапудель», сыто рыча, точно большой, перекормленный хищник, остановился шикарный, ла-

кированный автомобиль, глубокого черного цвета, сверкавший хромированными частями и дорогими стеклами.

Водитель, торопливо выскочивший и распахнувший дверцу, почтительно замер, присев в полупоклоне, а из салона, с грацией бегемота, выпорхнула богатая телесами и объемными одеждами, дама, тащившая на поводке совершенно неожиданную для здешних широт, тварь.

– Мадам Кололосникова .. – придушенно пискнула округлившая глаза Жизель и беспомощно взглянула на Кучкина. Так смотрит робкий кролик на гигантского питона, собравшегося хорошо и вкусно покушать.

Мадам Кололосникова, тараня прохожих кормой, точно ледокол пайковый лёд, пробилась ко входу в салон и притащила следом свою новую живую игрушку.

– Определенно, дама страдает излишней склонностью к оригинальности и театральным эффектам. – пробормотал Кучкин, резво отскакивая в сторону и освобождая проход.

– Ираида Максимовна, – несчастная Жизель, бросив затравленный взгляд на Аполлона Михайловича, поспешила на встречу важной клиентке. – рада снова видеть вас в нашем салоне. Ваш питомец Кельбас, как вы можете видеть, жив, здоров и упитан, хоть внешне и ...

– Мой питомец Густав, – перебила Жизель госпожа Кололосникова, выволакивая на всеобщее обозрение поводок, на котором болталось очередное живое существо, имевшее несчастье приглянуться Ираиде Максимовне. – нуждается в

ваших услугах. У него жутко воняет из пасти. Почистьте ему зубы, милочка и сделайте это быстро и качественно.

Питомец госпожи Кололосниковой представлял из себя мужскую особь, несомненно принадлежащую к виду крокодилообразных – остроносу, зубастую и зеленошкурую. В добавок ко всему прочему, питомца экстравагантной дамы засунули в веселенькую байковую попону, ярко-красного цвета с жестким, гипюровым воротником канареечного оттенка.

Выглядела рептилия слегка придушенной и озадаченной.

– Неудивительно, – пробормотал себе под нос Кучкин. – подобного цвета воротничок, фасона «жабо», способен опечалить кого угодно.

– Зубы. – нетерпеливо напомнила Ираида Максимовна. – Чистить, чистить и, качественно.

– Целоваться ей с ним вздумалось, не иначе? – подумал Кучкин, с пристрастием рассматривая вытянутую морду хищной рептилии, слегка ожившей в наполненной теплом, комнате салона «Лампапудель». – Странная дамочка, предпочитающая крыс и крокодилов плюшевым кошечкам, карманным собачкам и хомячкам.

– Почистить зубы? – отмерла Жизель, уставившись стеклянным взглядом на нового клиента, желтые глаза которого взирали на Жизель с плохо скрываемым гастрономическим интересом. – Ему?

– Ну, да. – мадам Кололосникова, плюхнувшись в кресло,

сунула поводок в руку Кучкину, по всей видимости приняв специалиста по решению вопросов за одного из сотрудников салона. – Это же ваша работа, милочка – приводить в порядок чьих-то питомцев?

– Г-гус-тав? Правильно? – слегка побледневшая Жизель решительно двинулась к рабочему столу. – Сейчас все исполним, Ираида Максимовна. Не извольте беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь. – пухлая женская ручка протянулась к тарелке с собачьими бисквитами и цапнула один пальцами, унизанными перстнями. – Зачем мне беспокоиться? У меня для этого имеются адвокаты и иные служащие.

Услышав про адвокатов, Жизель необычайно взбодрилась и, цокая каблучками, подбежала к Кучкину.

– Помогите мне, Аполлон Михайлович. – глаза девушки смотрели на специалиста с робкой надеждой.

– Борщ и котлеты. – немедленно заявил Кучкин, принимаясь – от пышных волос Малявкиной приятно пахло фиалками. – И вы приготовите их сами, на моей кухне.

– Вы отравитесь моей стряпней, – ужаснулась Жизель, стараясь держать свои туфли подальше от зубастой пасти рептилии. – и ваша безвременная кончина останется пятном на моей совести.

– Я, все же, рискну. – подмигнул девушке Кучкин и поводок несчастную жертву любви к животным, к стерильному рабочему столику грумера. – Это – крокодиловый кайман, Жизель. Несчастное животное пребывает в смятении, испу-

ганно и подавленно. Вы сможете выполнить свою работу?

– Смогу. – вздохнула Жизель, опасливо поглядывая на челюсти крокодила. – куда деваться? Но, откуда вы знаете о том, что это за животное? Вы же не знаток рептилий, Аполлон Михайлович?

– Я – специалист по решению вопросов. – вздохнул Кучкин, разводя руками. – Это – гораздо хуже.

Кучкин и Густав, сразу же не понравились друг другу. К тому же, судя по всему, большим приверженцем гигиенических процедур, Густав не являлся и к принудительной чистке зубов питал видимое отвращение. Любые попытки приблизиться к нему с зубной щеткой и пастой, встречал в штыки – пуча глаза и агрессивно щелкая теми самыми зубами.

Мадам Кололосникова, ничуть не заботясь о здоровье и сохранности верхних конечностей молодой девушки-грумера, о чем-то оживленно разговаривала со своим спутником – высоким, сухопарым человеком, в деловом костюме, очках и при портфеле.

– Адвокат Удавкин. – шепнула Кучкину Жизель, опасливо косясь в сторону советника бизнес-вумен. – Он уже давно состоит при мадам Кололосниковой, помогая разрулить неразрешимое. Этаким консьюери. – блеснула эрудицией Малявкина, ловко фиксируя челюсти Густава в распахнутом положении.

Кучкин, помогая по мере сил и возможностей Жизель справиться с проблемным клиентом, рассеянно наблюдал за

процессом чистки и полировки крокодильих зубов.

– Не понимаю. – справившись с поставленной задачей в похвально короткий срок, Жизель взглянула на Кельбаса, блаженствующего в своей клетке. – Она, что, не узнает своего питомца? Или же, ей, все равно? Какая черствая женщина!

– Жизель, – Кучкин пожал плечами, убирая пальцы подальше от злющего Густава, беспокойно шевелящего своим хвостом. – Мадам Кололосникова – не женщина. Она – бизнесменша. И у нее, как вы можете заметить, появилась новая, живая игрушка. Подозреваю, что Ираиде Максимовне нет никакого дела до несчастной капибары. Разве что, она решит пустить вашу перекормленную крысу на корм своему новому любимчику.

– Кельбаса? На корм этому зубастому полусапожку? – возмутилась, покрасневшая от негодования, девушка. – Ни за что!

– Почему, полусапожку? – удивился Кучкин.

– Потому что, до сапога данный экземпляр еще не дорос. – отрезала Жизель и, подхватив рептилию на руки, доложила. – Готово. Зубы почищены и отполированы, как вам этого и хотелось.

– Отлично. – Ираида Максимовна, к этому времени, уничтожившая все гостевые бисквиты и стойко игнорировавшая, полные укоризны и негодования, взгляды здоровяка Тяпы, которому, к его великому сожалению, не перепало ни

крошки, вскочила с кресла и схватила поводок.

Густав, облаченный в нелепый наряд, клацнул чистой и отполированной челюстью, слегка промахнувшись и едва не дотянувшись до тубель своей хозяйки. – Рудольф, уладь все вопросы. Я – в офис. – и, подхватившись, шуганув в сторону исполнительного водителя, мадам Кололосникова покинула салон, утащив за собой несчастного Густава в его яркой попоне.

Адвокат Удавкин, поблескивая стеклами стильных очков, протянул Жизель несколько денежных купюр, но девушка, отмахнувшись от денег, ткнула пальцем в клетку с Кельбасом, беспокойно снующим среди морковной ботвы и капустных листьев.

– Что будем делать с капибарой? – строгим голосом задала вопрос владелица салона «Лампапудель». – Окраска питомца в оригинальный синий цвет, кормежка, уход и содержание данного, крупного и непоседливого экземпляра, стоит денег и немалых. А, вы, господин Рудольф, – фыркнула Жизель, решившая, что лучшая защита – это нападение. – суете мне какую-то мелочь. Я – не на паперти побираюсь. Мой салон, да будет вам известно – приличное место.

– Ах, да, – господин Удавкин ловко сделал вид, что только теперь заметил такого неприметного Кельбаса, щеголявшего изумительным мехом ярко-синего цвета. – Что-то, как-то плохо она выглядит, эта капибара – посинела и вялая. Вы голодом морили питомца госпожи Кололосниковой? Эконо-

мили на его содержании и подвергли опасности здоровье экзотического грызуна?

Словно опровергая слова адвоката, Кельбас, высоко подпрыгнув, долбанул по прутьям сильными задними лапами и угрожающе зацокал, периодически перебивая цоканье агрессивным, хриплыми звуками, похожими на собачий лай.

– Вялый? – изумилась Жизель, оскорбленная в лучших чувствах. – Вон, как скачет – любо-дорого посмотреть. Нет, Кельбас в отличной форме – весел, игрив и подвижен. Того гляди, разнесет вольер, а, затем – и весь салон. Кельбас – весьма упитанный мальчик, как-никак, взрослая особь, весящая шестьдесят пять кило. Рекордсмен среди особей своего вида.

– Отожрался уродец. – буркнул господин Удавкин, который терпеть не мог крыс. Любых и даже экзотических, южноамериканских. – Давайте поступим так, милочка, – адвокат обратился к Жизель вкрадчивым голосом, надеясь задурить голову неопытной грумерше. – Мадам Коллосникова не станет выдвигать претензии по поводу излишней подвижности данного грызуна. – Рудольф Удавкин ткнул пальцем в Кельвина. – Она, скажем так, – адвокат пожевал губами и продолжил. – слегка потеряла интерес к питомцу. Можете оставить его себе за чисто символические деньги. Я думаю, – подкатил глаза Удавкин. – шестьдесят тысяч – в самый раз.

– Что? – едва не задохнулась Жизель. – Шестьдесят тысяч?

– Ах, да, – мерзко ухмыльнулся Удавкин. – я совершенно забыл – документы. Документы на крысу – еще пятнадцать. Так, как? По рукам?

Еще вчера Жизель мечтала о том, чтобы отделаться от Кололосниковой малой кровью и семьдесят пять тысяч показались бы девушке вполне приемлемой суммой. Жизель склонялась к тому, чтобы принять предложение Удавкина, но тут, в разговор вмешался Кучкин.

– Семьдесят пять тысяч? – Аполлон Михайлович презрительно фыркнул. – Вы с ума сошли, милейший? С какой стати?

– Как, это – с какой стати? – опешил Удавкин, топорща жиденькие усики, торчащие из-под длинного, слегка поведенного в сторону, носа. – Но, позвольте – эта крыса..

– Водосвинка .. – возмущенно пискнула Жизель, обидевшись за милягу Кельбаса.

– Капибара, принадлежащая мадам Кололосниковой, провела в салоне «Лампапудель» полную неделю, – Кучкин не позволил адвокату вставить и слова. – питалась по первому разряду, купалась в бассейне с чистой водой, – Кучкин хмыкнул, припомнив глубокую канаву, оставленную нерадивыми работниками управляющей компании. – спала и скакала, как хотела. И, гадила! – Кучкин поднял вскинул вверх верхнюю конечность, позволяя Удавкину внимательно рассмотреть заусеницу на указательном пальце правой руки. – К тому же, ей оказали эксклюзивную и дорогостоящую услу-

гу – окрас шерсти в самый модный в этом сезоне цвет. Вашу крысу можно на подиум выпускать в качестве модели, и вы еще отказываетесь платить? Фи! К тому же, – Кучкин, не давая адвокату опомниться, что-то черкал в своем блокноте ручкой. – была сделана уз-чистка и полировка зубов опасной рептилии в данном груминг-салоне. И провел ее квалифицированный специалист со специальным образованием. Кстати, – встрепенулся Аполлон Михайлович. – надеюсь, у вас есть паспорт на вашего зубастого воспитанника по имени Густав? Сертификат прививок? Разрешение на кормление с ложечки и вождение данной рептилии в попоне именно этого фасона?

– Послушайте, – адвокат Удавкин совершенно точно знал, что купленный на стихийном рынке, куда, каким-то ветром, занесло мадам Кололосникову, Густав не имеет ни паспорта, ни сертификата, ни разрешения на попону. – чего вы хотите?

– Справедливости. – пожал плечами обрадованный Кучкин. – Девушка отлично сделала свою работу и должна получить все, что ей причитается.

– Вы сотрудник груминг-салона? – едко поинтересовался Удавкин. – Или, вы выступаете, как частное лицо и друг госпожи Малявкиной?

– Удавкин за копейку удавится. – поморщился Кучкин, но остался, как и раньше, невозмутим и собран.

– Я выступаю, как специалист по решению конфиденциальных вопросов. – коротко ответил Аполлон Михайло-

вич. – Вот моя визитка. – и протянул кусочек картона Удавкину. – Заплатите и можете забрать своего Кельбаса. В противном случае, мы оставим капибару себе, в качестве компенсации за понесенные убытки и в возмещение морального ущерба, равно, как и её документы.

– Да, как хотите. – обрадованные тем, что не надо тратить деньги, Удавкин проворно убрал купюры в портмоне. – Оставляйте, мы, всё равно, собирались утилизировать никчемную крысу.

Услышав слова адвоката, Жизель покраснела от возмущения и набычилась. Утилизировать? Неужели Кололосникова планировала скормить Кельбаса противному и зубастому крокодиловому кайману? Ужасная подлость по отношению к безобидному экзоту!

– Расписку. – потребовал Кучкин.

– Как вам будет угодно. – адвокат небрежно что-то черкнул на бланке салона, заверил написанное личной подписью и, насмешливо оскалившись, удалился – крыса, разумеется, стоила денег, но, кому она нужна, скажите на милость? Вон, даже та гора разноцветной шерсти, сопящая в углу комнаты, выглядела гораздо привлекательнее какого-то грызуна-переростка.

Жизель, сжимая в руке дарственную на капибару, сияла улыбкой совершенно счастливого человека.

– Спасибо вам огромное, Аполлон Михайлович! – девушка едва не скакала от счастья. – Вы, Аполлон, спасли меня от

позора, салон – от разорения и Кельбаса – от печальной участи быть съеденным этим противным крокодиловым кайманом с отполированными зубами.

– Спасибо – это, конечно, хорошо, – пожал плечами Кучкин, подзывая сонного Тяпу и указывая тому на выход. – но, борщ и котлеты, звучит гораздо привлекательнее.

– Разумеется. – Малявкина расцвела смущенной улыбкой. – Завтра я приготовлю для вас полноценный обед, господин специалист. – Жизель едва не приплясывала от радости. – Но, – потупилась девушка, слегка смутившись. – откуда вам известно о том, что у меня есть специальное образование? Я никому не показывала свой диплом ветеринара.

– У меня могут быть свои маленькие секреты. – Кучкин неопределенно пожал плечами. Он никогда и никому не выдавал свои источники информации. – Будем вас ждать с нетерпением, Жизель. – Аполлон Михайлович вздохнул – борщ и котлеты планировались только на следующий день, но, как решить проблему сегодняшнего ужина? – Да, и, кстати, – консультант вспомнил нечто важное. – Жизель, умоляю вас – по вечерам не гуляйте по пустынным улицам. Нашу местную достопримечательность – маньяка-стригуна, всё еще не поймали.

Малявкина очень удивилась – Аполлон Михайлович проявляет заботу? Бесплатно? И ничего не требует взамен?

– Больно нужна я этому маньяку. – легкомысленно отмахнулась она от слов специалиста.

– Жизель! – укоризненно кивнул головой Кучкин.

– Хорошо, хорошо, уговорили. – пожала плечами девушка. Почему бы и нет? Ей, собственно и прогуливаться-то, не с кем, разве что с Кельбасом?

– Тогда, до встречи, Жизель. – попрощался Кучкин.

– Борщ и котлеты. – засмеялась девушка, тряхнув копной роскошных кудряшек. – Я помню.

Тяпа потянул поводок – на улице резвился прохладный ветерок, пахнувший шуршащей листвой, утренними заморозками и ожидающимся дождем.

– Блинчики. – твердо решил Кучкин.

– Блинчики с мясом! – мечтательно облизнулся Тяпа, которому, как и самому специалисту, успели изрядно надоесть пельмени. – И, с творогом. И, с вареной сгущенкой.

*

Остаток дня Аполлон Михайлович Кучкин посвятил решению своих финансовых проблем и уборке. Еще до пяти часов дня, покончив с расчетами и платежами, он, разогрев блинчики в микроволновой печи и плотно поужинав – блинчики трех сортов и пакет кефира, накормив живность – вздорную кошку и временного пса, Кучкин решил спуститься вниз и постучать в дверь квартиры милейшей Лидии Николаевны, дабы справиться о состоянии ее драгоценного здоровья и вернуть Тяпивара.

Тяпа охотно покинул общество Барселоны, стянувшей у него один блинчик с мясом и раскрошившей его по всей ком-

нате и, без сопротивления, засунул морду в намордник.

Стук в двери, отравленной тухлой олениной соседки, не принес желаемого результата – Лидия Николаевна на пороге так и не появилась, Тяпу не забрала, зато, тетка Карташиха, поднимаясь вверх по ступенькам, не преминула заметить, ехидно улыбаясь.

– Все кормите этого проглота, Аполлон? А, он, все жрет и жрет, утроба ненасытная! Ловко Лидка это придумала – сплвила мешок с костями вам, и не чешется. Лежит себе в стационаре, жирует на народные денежки и никакого беспокойства. Вы бы, Аполлон Михайлович, собачку-то в приют пристроили. На кой она вам сдалась? Самому, небось, жрать нечего, а, тут еще один рот навязался.

Аполлон Кучкин, которого самого, еще в нежном, младенческом возрасте, как выразилась противная Карташиха, «сдали», вернее, подкинули на порог «Дома малютки», сердито поджал губы и, ничего не ответив соседке, торопливо спустился вниз, где, у самого подъезда, наткнулся на совершенно счастливую, Таисию Григорьевну Горемыкину и её, без пяти минут, супруга, Афанасия Анатольевича Дохлика.

– Аполлон Михайлович, – Горемыкина или Зайчиха – кто ее разберет? – ухватила Кучкина за пуговку на кармане куртки и строго начала выговаривать. – я целый день вас разыскиваю, чтобы расплатиться.

Кучкин, ничего не имевший против пополнения семейного бюджета, изъявил готовность к проведению окончатель-

ного расчета и вытащил портмоне, но Таисия Григорьевна, хитро улыбаясь, отправила специалиста к Афанасию Анатольевичу Дохлику, который, кряхтя и поскрипывая суставами, отсчитал необходимую сумму и расплатился.

– Как раз в ближайшую субботу мы бракосочетаемся. – Таисия Григорьевна сверкала безупречной улыбкой, демонстрируя консультанту работу своего отличного и дорогого дантиста. – Вы, Аполлон Михайлович, приглашены в качестве свидетеля со стороны жениха. – строгим тоном произнесла невеста. – В двенадцать часов и, попрошу не опаздывать.

Кучкин сморгнул – он? Свидетель?

– Да, и, кстати, – хищно усмехнулась Таисия Григорьевна, не любившая лишних расходов и мечтавшая о том, что потраченные на специалиста деньги скоро вернуться к ней в качестве свадебного подарка. – можете прихватить свою девушку. Ну, ту самую милашку в кудряшках. Как-никак, – молодящаяся пенсионерка задорно подмигнула Кучкину. – невесту, как известно, должна сопровождать подружка.

– Жизель – подружка Горемыкиной? – Кучкин нервно сморгнул. – Бывает же.

– Я передам госпоже Малявкиной ваши пожелания. – Кучкин, совсем уж было собрался откланяться и отделаться от, почти что, новобрачной, как внезапно передумал и поинтересовался.

– Что там ваш внук? Сладилось у него дело с тем самым

столичным господином? Сморщук, как мне помнится?

Афанасий Анатольевич нервно огладил карман своего пальто – он резко не одобрял внука Таисии Григорьевны, не в силах позабыть о том, как этот, доморощенный режиссер-постановщик и автор пьесы «Граф Дракула и все-все-все», невозбранно издевался над его психикой. Разлитая по подъезду кровь, клыкастая дамочка в неглиже и гроб, перетаскиваемый ушлыми молодыми людьми с этажа на этаж – не хотелось бы Дохлику пережить подобное волнительное состояние второй раз. Стресс резко противопоказан ветшающему организму профессора философии. С подобными нервными потрясениями никакой шаманский оберег не поможет!

– Кстати, – спохватился Кучкин – ваш шаманский оберег племени юмба-тумба. Вот, возьмите. Возвращаю, в целости и сохранности. – и протянул Дохлику оригинальную вещичку, обладающую неподтвержденными сверх естественными свойствами.

– Юмбаинути. – поправил Кучкина коллекционер, проворно хватая ворсистую штуковину и заталкивая тотем в карман. А, что такого – с такой супругой, как Таисия Григорьевна обычных нервов мало станет, нужно что-то укрепляющее. Так, почему бы и не амулет?

– Мой внук, этот несносный мальчишка.. – Таисия Григорьевна поджала губы, трепеща ресницами от возмущения. – Знаете, милый Аполлон, – пожаловалась дама. – мне при-

шлось вычеркнуть негодника из своего завещания. Я, до сих пор, не могу понять – как он мог так со мной поступить? Выкрасть гроб из моей квартиры, воспользовавшись тем, что я доверяла ему, как самой себе, перетащить его через дорогу, рискуя испортить дизайн и ободрать полировку, затем, впихнуть мою собственность, стоящую немалых денег, в чужую квартиру и уложить в нее, совершенно невоспитанную девушку, тем более, чужую жену!

Дохлак, поддерживая будущую супругу под локоток, согласно кивнул – что за молодежь пошла? Никакого уважения к благородным седидам.

– Прискорбно невоспитанную и неаккуратную девушку. – продолжала свои жалобы Горемыкина, ободренная молчаливой поддержкой Кучкина. – Знаете, – пенсионерка развела руками. – эта бесцеремонная особа позволяла себя различные развратные действия в моем гробу. – глаза Таисии Григорьевны мстительно сузились, а Кучкин, тут же вообразил себе следующую картину эротического содержания – полуобнаженная Аделаида Пипко, тряся единственным локоном на своей голове, уцелевшим после стрижки секаторообразными ножницами, протягивает руки к чернявому внуку Горемыкиной и, с вожделением в голосе, шепчет: «Приди ко мне, любимый!»

– Эта негодная особа осмелилась кушать в моем гробу печенье! – с негодованием произнесла Таисия Григорьевна. – Душераздирающее зрелище – везде крошки! Мой гроб бук-

важно осквернен песочным печеньем. Боюсь, – Таисия Григорьевна сокрушенно покачала головой. – мне придется прибегнуть к услугам химчистки. Не могу же я упокоиться в гробу с крошками – они станут колотья и всячески мне мешать возлежать спокойно и в умиротворении.

– Так, ваш внук.. – Кучкин решил слегка отвлечься от предметов ритуального культа и Таисия Григорьевна, зависнув на мгновением, оживленно продолжила.

– Ах, внук.. – пенсионерка махнула рукой. – Мое самое большое разочарование после Сына, которая дочь. Негодника сманил в столицу, упомянутый вами, сморчок по фамилии Смощук. И моего внука, и ту, неадекватную девицу, Ниночку со смешной фамилией «Пряхина». Они вознамерились всенепременно покорить столичный Олимп и влиться в ряды местного бомонда. А, та самая Аделаида, которая Млада Великанова, – хмыкнула Таисия Григорьевна, слегка понизив голос и подозрительно оглянувшись по сторонам. – изобрела себе новое хобби, окончательно разочаровавшись в театре и, тем самым, безумно обрадовав своего супруга, этого надутого индюка, Пипко.

– И, какое же? – из вежливости поинтересовался Кучкин, которому вовсе было не так интересно новое увлечение Млады Великановой.

– Госпожа Пипко решила, что она рождена для великих свершений. – с упоением продолжая сплетничать, спешила поделиться новостями Таисия Григорьевна. – Она потребо-

вала от мужа купить ей спортивный автомобиль и, под именем Влады Великановой, вознамерилась принять участие в областных гонках, а тренироваться, как вы понимаете, она собирается на улицах нашего города. Так что, милый Аполлон, – Горемыкина, подхватив под ручку Афанасия Анатольевича, кокетливо погрозила пальчиком специалисту по решению конфиденциальных вопросов. – аккуратно переходите через дорогу – вам же неизвестно, на какой именно улице, Аделаида Львовна решит оттачивать свои водительские навыки?

– Весьма дельный совет. – Кучкин, осмотревшись, торопливо перешел через дорогу, потянув за собой медлительного Тяпу. – Аделаида Пипко – та еще штучка. С нее станется и гоночный болид прикупить, ради исполнения своих капризов.

Задержавшись в офисе допоздна и разобравшись с почтой – в основном, обычным рекламным мусором, Аполлон Михайлович, тепло распрошавшись со знакомым охранником, направился домой, стараясь держаться как можно дальше от обочины дороги – кто знает, может быть здесь, в центральном районе города госпожа Пипко намерена совершенствовать свои водительские умения?

Свернув с оживленной и освещенной улицы, в зону гаражной застройки, Аполлон Михайлович решил позволить Тяпе слегка размяться и побегать – несчастный сенбернар слишком много времени проводит в обществе вздорной шотланд-

ской вислоухой. Таким Макаром, пес совсем забудет о том, что значит быть настоящей собакой.

Придавленная вечерним туманом, листва почти не шуршала под ногами Кучкина. Аполлон медленно шествовал по узким, извилистым тропкам, проложенным между гаражами и внезапно замер, насторожившись и прислушавшись.

Впереди кто-то крался, осторожно переставляя ноги и стараясь держаться в тени строений.

Аполлон Михайлович погрозил пальцем Тяпе, приказывая тому вести себя тихо и осмотрительно и, наплевав на опасность, начал подбираться к неизвестному, который что-то высматривал на, ближайшей к гаражам, парковке.

Подозрительный тип, облачённый в темную, неприметную одежду, сливался с пейзажем, оставаясь почти незаметным в мглистом сумраке дождливого осеннего вечера. Человек вел себя крайне странно, и Кучкин предположил страшное – недобрых две недели город лихорадили слухи о маньяке, нападавшем на молоденьких девушек. Случилось уже четыре нападения, не считая того случая с Маргаритой Мартыненко, сумевшей, чудесным образом, отбиться от преступного элемента. Правоохранительные органы прочесывали город частым гребнем, пытаясь выловить негодяя и пресечь его подлую деятельность.

Кучкин и сам пострадал от этих прочесываний. По неизвестной причине личность специалиста по решению конфиденциальных вопросов вызывала подозрения у бдительных

полицейских и Кучкина неоднократно хватали, заподозрив в нем, того самого, неуловимого маньяка.

Вот и теперь, Аполлон Михайлович нервно огляделся по сторонам, жалея о том, что сегодня вышел из квартиры без зонтика. Этим самым зонтиком было бы очень удобно оглушить подозрительного типа и, после этого, допросить с пристрастием.

Теперь же, в качестве оружия, можно было рассматривать только Тяпу, но ленивый сенбернар вряд ли пожелает натравливаться на предполагаемого маньяка, рычать и скалить зубы по приказу.

– Сам, всё сам. – впервые Кучкин посетовал на отсутствие своего недруга – участкового Гоноренко. – Как только в нем возникает нужда, – досадовал Аполлон Михайлович. – так его днем с огнем не сыщешь. Вот, спрашивается – почему мне приходится выслеживать подозрительного типа, вместо того, чтобы пить чай с липовым цветом, приятно проводя время перед экраном телевизора?

Тем временем, мужчина в неприметной одежде, прокравшись к выходу из узкого проулка, затаившись, странно притих, что-то или кого-то высматривая на парковке.

Тяпа, бесшумно переступая на мягких лапах, ткнулся носом в колени специалиста, едва не напугав того до полусмерти.

Кучкин шумно выдохнув, положил руку на голову своего временного пса – мол, тихо Тяпа, молчать и не дышать, а сам,

обеспокоенно покосился на незнакомца.

Тип не услышал ни шороха за своей спиной, ни сопения огромного пса, продолжая высматривать свою цель на пустынной парковке.

Аполлон Михайлович приподнялся на цыпочках и вытянул шею – парковка отлично просматривалась даже с того места, где находился сам Кучкин, а типу в темном было видно гораздо лучше.

Парковка, заполненная автомобилями, мирно дремлющими в осеннем тумане, освещалась из рук вон плохо. Огня одинокой, тусклой лампочки, горящей в полудохлой «кобре», хватало лишь на то, чтобы слегка разбавить вечерний сумрак слабым электрическим светом. Но, эта самая «кобра» освещала стройную девичью фигурку в светлом плаще, медленно кружившую вокруг одного из автомобилей.

Девушка в плаще что-то искала на земле, наклоняясь и заглядывая под колеса автомобиля, неизвестный пристально рассматривал девушку и жадно сглатывал слюну.

Кучкин отлично слышал шумное глотание и громкое сопение подозрительного типа. Тот зачем-то полез в карман, вызвав своими действиями еще большие подозрения у Аполлона.

– Может быть, ревнивый жених? – предположил Кучкин, подкрадываясь на носочках к сомнительному гражданину. – Выслеживает даму сердца, заподозрив измену? Но, с кем ей изменять на этой парковке? С белым «Логаном», или с, вон

той, серой «Киа»?

Девушка ни о чем не догадываясь, продолжала что-то высматривать на асфальте, подозрительный гражданин извлек из кармана какой-то предмет, и Кучкин напрягся, заметив, как хищно блеснуло в тусклом свете фонаря, хищное узкое лезвие.

– Не может быть. – чертыхнулся Кучкин, досадуя на собственную невезучесть. – Надо же было девчонке выбрать для своих праздных шатаний именно эту парковку.

Девушка, перестав заглядывать под машины, внезапно выпрямилась и громко засвистела. При чем, свистела она как-то хитро, особым способом, чуть ли не с переливами.

– Так это же.. – глаза Аполлона округлились, а руки, сами собой, сжались в кулаки – между машин, не подозревая об опасности, притаившейся за углом, бродила Жизель Малавкина, а выискивала она, разумеется, негодника Кельбаса, скорей всего, в очередной раз убежавшего от своей нынешней хозяйки.

Предупреждения Кучкина о поздних прогулках, судя по всему, не были приняты во внимание. Безалаберная девчонка, просто-напросто, пропустила их мимо ушей.

Удивительно было другое – судя по всему, Кельбас великолепно акклиматизировался. Несмотря на то, что вечер первой декады октября выдался замечательно тихим и теплым – Кучкин вынужденно стянул с шеи свой броский шарф и засунул его за пазуху, тропический грызун капибара дол-

жен активно мерзнуть и сидеть в уютной клетке рядом с прибором обогрева. Но, нет – посмотрите только на то, как резво эта крыса-переросток скачет по дорожке, игнорируя известные законы природы.

Осознав, что жизнь легкомысленной Жизель, равно, как и завтрашние борщ и котлеты, находится под угрозой, Кучкин решил приступить к радикальным действиям, но подозрительный тип не медлил и бросился вперед, выставив перед собой зловещее лезвие огромных ножниц.

Жизель завопила – она слишком поздно заметила незнакомца, рьяно размахивающего холодным оружием и заметалась по парковке, выронив из рук длинный поводок, в котором, тут же, незамедлительно запутался предполагаемый маньяк.

Капибара, вынырнув из-под днища какого-то автомобиля, отчаянно цокая, запрыгнула на голову негодяя, обрушив всю свою, надо сказать – немалую, массу тела на череп предполагаемого маньяка, а Кучкин завершил все это дело, придавив мерзавца самим собой, ничуть не заботясь о сохранности присвоенной куртки.

Получилась куча мала, разбавленная цоканьем капибары, сиреной автомобильной сигнализации и громким визгом Жизель, уронившей на голову несчастного специалиста свою сумочку, в которой девушка, не иначе, как кирпичи, уворованные с ближайшей стройки, таскала.

– У-й! – обиженно взвыл Кучкин. – Жизель, вы с ума со-

шли! – и, не обращая внимания на визг девушки, ухватил, попытавшегося было бежать, преступника за ноги, вынуждая того упасть обратно на землю.

– Вот тебе, гад похотливый! – Жизель, так и не осознав своей ошибки, вновь долбанула Аполлона Михайловича по лбу своим ридикулем, а потом, справедливости ради, пнула острым носком туфля под ребра его противника. – Получайте! Оба!

Появление машины с мигалкой и представителей правоохранительных органов, Кучкин, впервые в жизни, воспринял, как нечто спасительное и даже ехидная физиономия Гоноренко не смогла испортить настроения специалиста по решению конфиденциальных вопросов.

– Опять он! – уже знакомый Кучкину полицейский, ухватив Аполлона за ворот куртки, торжествующе пытался волочь свою добычу к дежурной машине, чему активно препятствовала несостоявшаяся жертва маньяка.

Жизель, опознав в одном из подозрительных мужчин Кучкина, принялась яростно защищать Аполлона Михайловича, отпихивать полицейского и даже угрожать ему своей сумкой.

Подозрительный тип, прихваченный на горячем – то есть, с ножницами в руках и скотчем в кармане, бодро брыкался, извивался и старательно усугублял свою вину, оказывая сопротивление при задержании.

– Всех порешу, – верещал тип, на удивление худосочный и отвратительно белобрысый. – один останусь!

Кучкин, в отличие от предполагаемого преступника, сопротивления представителем власти не оказывал, понимая, что визит в полицию неизбежен и обеспокоенно выискивал глазами Тяпу, надеясь, что ленивый сенбернар не потеряется во всей этой суматохе.

В результате, в отделение отправились всей компанией – Кучкин с Тяпой, Жизель с Кельбасом и подозрительный тип в обнимку с Гоноренко.

День, начавшийся спокойно и без происшествий, заканчивался весьма странно и оставалось надеяться на то, что, разобравшись во всем, представители правоохранительных органов, любезно отвезут Кучкина домой, потому как, столь поздним временем, такси можно вызвонить с огромным трудом и долгим временем ожидания.

*

С самого раннего утра, тарабанившие в дверь посторонние кулаки, заставили Кучкина, морщась от неприятных ощущений в помятых ребрах, сползти с постели и брести к входным дверям у которых уже вертелся сенбернар, мечтающий об утренней прогулке среди чахлых дворовых насаждений.

– Иду. Иду. – бурчал Аполлон себе под нос, шлепал тапочками и не подумав прибавить в скорости – кому надо, тот подождет. – Что за срочность такая? С самого утра покоя нет.

Бурчал Кучкин по причине недосыпа – промурыжили его в отделении знатно. И его, и Жизель, и Тяпу с Кельбасом,

пострадавших и вовсе безвинно.

Как оказалось – маньяк поймался нужный, тот самый, что терроризировал город последние две недели.

Гоноренко долго и недоверчиво разглядывал Кучкина, словно пытаясь понять – почему? Почему, маньяк попался именно Кучкину, который ничем не заслужил подобного везения, а, они, исправно ловившие негодяя по всему городу, прибыли к шапочному разбору и получили мерзавца уже пойманным.

На этот вопрос ответа у Кучкине не имелось, да и не считал он, что ему уж как-то очень сильно повезло – помятые ребра сигнализировали об обратном.

– Надо бы озаботиться и сходить, сделать рентген. – подумалось Аполлону. Намерение посетить районную поликлинику заставило Кучкина поморщиться еще раз – толкаться среди незнакомых людей и стоять в очереди, Аполлон Михайлович не желал.

– Бог с ними, с ребрами. – вздохнув, Кучкин глянул в дверной глазок. – Авось, само как-нибудь рассосется

В дверном глазке Аполлон Михайлович смог разглядеть лишь что-то смутное и неопределенное, словно он, этот самый глазок, был залеплен неизвестно чем, что, конечно же, очень затрудняло обзор.

– Надеюсь, это не какие-то братья во Христе – подумал Кучкин, открывая двери. – и не распространители эксклюзивной продукции, способной излечить от всех заболеваний

разом.

Но, нет – перед Кучкиным, застывшим в дверном проеме в трусах и в майке, образовалась давешняя троица расторопных подростков – Маргарита Мартыненко и, Антон и Наталка, Фуфайкины.

– Гражданин специалист, – Маргарита Мартыненко, потрясая свернутой в трубочку газеткой, впорхнула в квартиру Кучкина, не дожидаясь официального приглашения. – а, мы – к вам.

– Я уже догадался. – Кучкину, перехватившему хмурый взгляд Антона стало неудобно за свой внешний вид, и он поспешно ретировался. – Проходите и располагайтесь.

– Можно нам чаю? – пронырливая Наталка, сразу же побежавшая на кухню и едва не отдавившая лапу недовольной Барселоне, загремела чайником, не дожидаясь ответа от хозяина квартиры.

А, что? Позавтракать Наталка не успела, вот и старалась наверстать упущенное. Должна же быть какая-то польза от прогулянного урока физики?

– Делайте что хотите. – смирившись с нашествием бесцеремонных представителей подрастающего поколения, Аполлон поспешно впихнул собственную тушку в спортивный костюм и присоединился к компании подростков. – Семь часов утра! – возмутился Кучкин, взглянув на будильник. – Чего ж, это вам не спится, в такую-то рань?

– А, нам – в школу. – буркнула Наталка, разливая кипя-

ток по чашкам и рассовывая по ним же, чайные пакетики. – Сахара нет?

– Пить чай с сахаром – не вкусно. – сказал, как отрезал, Кучкин. Ну, забыл он сахару купить, забыл – ему прости-тельно. Он всю ночь маньяка ловил.

– Маньяка? – троица синхронно выдохнув, уставилась на Кучкина горящими глазами. – Того самого?

– Я, что, это вслух сказал? – озадачился Кучкин. – Это – с недосыпу. – решил специалист и махнул рукой – Сказал и сказал. Ладно. Все равно ведь не отвяжутся.

– Того самого. – подтвердил Аполлон Михайлович и пододвинул к себе самую большую чашку. – Угощайтесь и ни о чем не спрашивайте, все равно не расскажу. Тайна следствия.

«К тому же, – подумал Кучкин, недобрым словом поминая участкового Гоноренко. – я ничего толком не знаю. Мне, как-то, никто в полиции не удосужился открыть зловещие тайны преступного гражданина. Единственно, что знаю, его фамилию – Удодов».

– Удодов? – округлил глаза Антон Фуфайкин. – Тот самый, что из-за девушки собирался прыгать с крыши многоэтажного дома? Перепугавший соседей, службу МЧС и едва не загремевший в «дурку»?

«Нет, с этим определено нужно что-то делать, – решил Кучкин, имея в виду не любопытство Антона Фуфайкина, а собственную болтливость. – иначе, я все тайны врагу выдам.

Тьфу, пусть не врагу, но выдам, а это неправильно.»

Теперь и он вспомнил историю злополучного Удодова – парня, которого перед самой свадьбой бросила девушка. О том еще писал общегородской сплетник, то есть, газета «Свекруха». Девица разорвала с женихом все отношения, сделав его несчастным и бывшим, а сама укатила куда-то в другую область, отправившись на поиски новой, прекрасной жизни.

Парень, озлобившись на весь женский род, решил страшно отомстить и начал нападать на красивых девушек, видя в них причину всех своих несчастий. И самыми виноватыми, по мнению Удодова, оказались участницы городского конкурса «Игривая кудряшка».

– Мы пришли не просто так, мы вам газету принесли. – оповестила Кучкина Маргарита, энергично вертя, свернутой в трубочку газетой, перед лицом Аполлона Михайловича. – Ту самую!

Подростки явились в гости к специалисту по решению вопросов не с пустыми руками – кроме, выше упомянутой газеты, они притащили с собой пакет с горячими пончиками и теперь, никого не стесняясь, эти самые пончики быстро уничтожали, демонстрируя крепость своих зубов и отличный аппетит.

Не жадничая, они щедро поделились с Кучкиным, с Тяпой и даже с Барселоной, утащившей свой пончик куда-то в другую комнату, подальше от посторонних глаз. Тяпа с тоской

во взгляде проводил пышный, посыпанный сахарной пудрой, вкусный кусочек теста, но отобрать у вислоухой кошки ее законный трофей, так и не решился – у Баськи, конечно, нет когтей на передних лапах, зато задними она бьет – будь здоров, да и зубы у кошки острые и не стеснительные. Вернее, не стесняется их в ход пускать вздорная хвостатая бестия, причем, по поводу и без него. Желаящим, Тяпа мог продемонстрировать свое, слегка покусанное ухо – больно и очень неприятно.

– Газету? – пончики слегка примирили Кучкина с суровой действительностью, сделав взгляд специалиста куда более мягким и приветливым, чем до чаепития. – Зачем?

– Как, это – зачем? – поразилась Маргарита, отодвигая в сторону пустую чашку. – На память. Вы же принимали участие в охоте. Помогли нам прославиться и выследить таинственное существо, нарушившее мир и покой нашего города.

– Мир и покой нашего города нарушил гражданин Удодов, совершивший ряд противозаконных действий и нападавший на беззащитных девушек, а, капибара, так, она – сама жертва обстоятельств и недобросовестного поведения некоторых людей.

– Капибара. – с удовольствием повторила Маргарита, мечтательно улыбнувшись. – Ну, это вы так говорите. – уже более деловым тоном заявила девушка. – В газете, же, пишут, что это было зловещее, цокающее существо, прыгающее и пугающее жителей города до умопомрачения. Имеются по-

страдавшие – жители семнадцатипятиэтажки, в частности, некая гражданка Погорелова Т.К., заполучившая после встречи в «синим чёртом» нервное расстройство, усиленное сердцебиение и незапланированную беременность. Вот, можете сами полюбоваться – фото коварного существа и интервью, с той самой Погореловой Т.К., опубликовано на первой полосе.

– Капустка. – подпись под статьей в «Свекрухе» показала Кучкину слегка знакомой. – А, не тот ли это Капустка, что писал про злобного зверька чупакабру, изловленного в каком-то дачном поселке еще этим летом?

Маргарита и Наталка порозовели от удовольствия – надо же, кто-то помнит о подвиге, который они совершили этим удивительным летом в дачном поселке Шмурыгино.

– Выдумщик он, этот ваш Капустка. – изрек Кучкин. – Такое создание, как чупакабра – не существует. Оно – досужий домысел и изобретение мнительных обывателей.

– Зря вы так. – надула губы Маргарита. – Мы с Наталкой видели чупакабру своими собственными глазами.

– Да, ну? – изогнул дугой брови Кучкин. – Быть того не может.

– Может. – продолжала настаивать Маргарита и сунула под нос Аполлону Михайловичу свой телефон с фотографией той самой чупакабры. – Убедились?

Фото выглядела настоящим, а не монтажом – отчетливо просматривались улицы поселка и даже чья-то физиономия, случайно попавшая в кадр. Глаза на физиономии выража-

ли ужас и, вставшие дыбом волосы на голове неизвестной личности, свидетельствовали о нешуточном испуге той самой личности.

Существо, запечатленное на фото, смотрелось странно и несуразно, и, пожалуй, правдоподобно, хотя и не походило ни на одно из известных науке созданий. Впрочем, Кучкин плохо разбирался в фауне, да и во флоре, тоже. Разве что, мог без труда отличить кошку от собаки, да капибару от прочих представителей семейства грызунов.

– Синих капибар не существует. – заявила Маргарита. – И, потом – в городе это существо прозвали «Чёртов цокольщик» и мы, первые, кому удалось его сфотографировать!

– И, изловить. – усмехнулся Кучкин.

– Ничего подобного. – в разговор вмешался Антон, который на все имел свое собственное мнение. – Изловили мы, как раз-таки, капибару, а «Чёртов цокольщик» так и останется еще одной городской легендой.

– Хорошо-хорошо. – согласился Кучкин. Желают подорожки славы и признания – да, ради Бога. Он им препятствовать не станет. Детки шустрые, на контакт идут охотно, капибару, вон, помогли поймать и вернуть Жизель. Мало ли в жизни случается разных ситуаций – может, еще в каких делах сгодятся?

– Вы это отлично придумали, Аполлон Михайлович – принять участие в поимке странного грызуна. – облизав пальцы, похвалила консультанта Наталья Фуфайкина. И сво-

ей девушке помогли проблему закрыть, и нам – прославиться.

– Точно-точно. – Маргарита с удовольствием вспомнила о том, как удивилась, вечером, после театрального представления, обнаружив в кармане пальто записку с подробными инструкциями. Особенное удивление вызывала подпись на записке: «Мужчина в шарфе и с собакой».

Когда и каким образом записка попала в карман Маргарите, осталось невыясненным.

Антон сразу понял о ком шла речь – сенбернаров, любящих конфеты и таскающих за собой на поводке хозяина, в городе не так уж и много.

Посоветовавшись, подростки решили, что помощь Кучкина им не помешает, но затем, не утерпели и, всё равно, отправились выслеживать Кельбаса. Тогда-то, Маргарита едва и не стала очередной жертвой городского маньяка.

Как оказалось – они выслеживали капибару, а маньяк, в свою очередь, выслеживал Маргариту Мартыненко.

– Хотите, дядя Кучкин, мы с вашим Тяпой погуляем? – хитренько усмехнулась Наталка, поглаживая сенбернара по холке и запихивая тому в рот кусочек последнего пончика. – У нас еще осталось немного свободного времени.

– Погуляйте. – обрадовался Кучкин. Ленивому специалисту не хотелось покидать уютную квартиру и отправляться шастать по улице, пусть и ради благой цели. – Он вам «спасибо скажет». Тяпа – очень тонко чувствующая и все пони-

мающая натура.

«Тонко чувствующая и все понимающая натура» завилыла хвостом и потрусила к входным дверям – все равно пончики закончились, а, пельменям, им еще свариться надо.

Пока детишки позднего школьного возраста прогуливали физику и выгуливали чужую собаку, Кучкин, полюбовавшись статьей в газете, решил показать эту самую газету владелице салона «Лампапудель», которая уже сегодня обязалась поразить Аполлона Михайловича своими кулинарными талантами.

Кучкин ошибочно полагал, что все женщины на свете, появляются в мир с содержимым поваренной книги в голове и, с отточенными умениями и навыками, делающими честь любому из шеф-поваров городских кафе и ресторанов. Утверждая обратное, в частности, как это делала Жизель Малявкина, они лукавят и бессовестно кокетничают.

Изготовить котлеты сварганить борщ из свежих продуктов – разве это великий труд? С подобным легко мог справиться и сам Кучкин, умудрись он преодолеть свою природную лень.

Но, Аполлону было лень. Из-за этой самой проклятой лени он и стал специалистом по решению вопросов – не надо сидеть в офисе от звонка до звонка, протирая штаны и зарабатывая геморрой, да и вкалывать на чужого дядю не так интересно, как на себя любимого.

Вот он, Кучкин, за последнюю неделю исхитрился зара-

ботать пару месячных окладов. Хватит и на прокорм ненасытного Тяпы, и на химчистку, в которой нуждались некоторые скудные предметы его гардероба. К тому же, неделя выдалась интересной – разгадана тайна коварных вурдалаков, найден исчезнувший гроб и блудная жена возвращена в объятия любящего супруга. Про странного зверя экстравагантного окраса и посещение театрального представления – первого за тридцать лет, упоминать не стоит – всё случилось, само собой.

В, общем – жизнь удалась, а если еще порадуют борщ и котлеты, то и, вообще – удалась и улыбнулась.

Слегка напрягало Аполлона длительное отсутствие соседки, Лидии Николаевны, отравленной тухлой олениной. По мнению Кучкина, современная медицина способна творить чудеса. Так неужели, чуда до сих пор не случилось, и Лидия Николаевна не возвратилась в родные пенаты?

По всей видимости – нет, раз Тяпа, до сих пор, составляет компанию самому Кучкину и его кошке.

Решив, что пора бы вернуть обратно загулявшего сенбернара, а прогульщиков отправить по известному адресу, то есть, в школу, Кучкин, как был, в спортивном костюме и легких шлепанцах, спустился вниз, на улицу, намереваясь разыскать неугомонных подростков и своего временного пса.

Он обнаружил всех четверых у входа в подъезд, где детишки громко скандалили с Карташихой, не желавшей про-

пускать посторонних в подъезд и закупорившей входное отверстие своим упитанным телом.

– Идите отсюда и собаку свою забирайте! – вопила Карташиха, широко размахивая сумкой, набитой продуктами. – Ишь, повадились шляться по приличным местам, а, затем, в подъездах, дух появляется крепкий и вонючий.

Фуфайкины что-то отвечали на два голоса, а Маргарита Мартыненко из последних сил удерживала на поводке нагулявшегося вдоволь сенбернара, рвущегося к отваренным пельменям, аромат которых Тяпа учуял даже сквозь закрытую подъездную дверь.

Узрев Аполлона Михайловича, Карташиха и не подумала сдвинуться в сторону, освободив проход. Наоборот – грузная тетка еще и локти растопырила, дабы уж наверняка преградить путь врагам, в лице трех подростков и одного лохматого пса.

– Что ж такое, – верещала женщина тонким голосом, тряся подбородком. – и ходють, и ходють, топчут, опять же.. Вы, Аполлон Михайлович отвадили б от нашего подъезда и эту подозрительную троицу, и собаку эту лохматую. Собака, скорей всего, бешенная – иначе, с чего б это, Лидку так долго с больницы не выписывали? Небось, бешенство лечит, от кусов. Уколы ей колют в живот и рубашку смирительную нацепили, чтоб она на людей не кидАлась.. А, пацан этот рыжий, – Карташиха ткнула пальцем прямо в Антона Фуфайкина – дюже подозрительный с виду. Точно – тот самый, маньяк

непойманный! Ходит по чужому двору, жертву присматривает. Обыскать пацана надо обязательно – там, в кармане, он, точно, бритву припрятал. На наши волосы покушается, цирюльник недоделанный! – Карташиха визжала громко и самозабвенно, наслаждаясь звуками собственного голоса и, собственной же, безнаказанностью. – Ух, мерзавец, полиции нет на тебя. Известно ж, – обратилась Наталья Мадисовна к Кучкину. – что, маньяки, они рыжие завсегда и, от того – злые. Злые, потому, как рыжие.

– Поймали маньяка нынче ночью. – Кучкин попытался протиснуться мимо Карташихи, но, та, выставив вперед пышный бюст, всячески препятствовала маневрам молодого соседа. – Не беспокойтесь – сидит ваш маньяк в кутузке, с Гоноренко общается. И, он – не рыжий.

– Точно, поймали? – обрадовалась Карташиха свежим новостям. – Ух, как здорово! Надобно Клавке из тридцатой квартиры сказать про маньяка, а, то она дома сидит, как пришитая, в поликлинику не идет, потому, как стригуна с ножницами опасается. И про Лидку сказать, бешеную.

– Это, кто тут бешеный? – неизвестно с какой стороны появилась та самая, отравленная олениной, владелица Тяпы. – Про себя, что ль, речь ведешь, рожа неумытая? Ты, Карташиха, совсем с катушек слетела, как я погляжу? Да я тебя, за слова такие, в луже утоплю и сверху сяду, чтоб не всплыла раньше времени.

– Объявилась, не запылилась, бесстыдница. – обрадова-

лась новому поводу позлословить тетка Карташиха и проход, наконец-таки, освободила. – Оклемалась, смотрю? Со всем совесть потеряла, злыдня. Кто на парня молодого собаку свою прожорливую навесил? Не ты ль, скажешь? Сама, значит, в больницу залегла, на все готовое пристроилась, дома харчи экономишь, государство наше несчастное объедаешь, а пса своего, прожорливого, сбагрила, на радостях? Вон, он, с детворой чужой прогуливается, шкура лохматая, да Аполлончика нашего утомляет. Аполлон, он может быть, девицу какую в гости пригласить возжелает, а в квартире такая образина шерстяная полы топчет и атмосферу отравляет зубами нечищеными и лапами немытыми.

– Уж, не твою ли Светку наш Аполлон приглашать вздумал? – подперла бока кулаками Лидия Николаевна, бледный цвет лица которой, медленно менялся на бурчный. – Так она, мало того, что не девица давно, так, к тому же, и даром никому не нужна. Свою козу вертлявую парню порядочному присватать желаешь? На шею хомутом посадить?

– Почему сразу – хомутом? – возмутилась Карташиха, надвигаясь на соседку всей своей упитанной тушкой. – Светка моя – красавица, не иным чета.

– Это, кому-тому, не иным?

Лидия Николаевна уступать не желала и стояла, как вкопанная, а, Тяпа, которого подростки вернули Кучкину, широко раззявив пасть и вывалив язык прислушивался к разгоревшемуся скандалу. Пес был привычным – хозяйка регу-

лярно ругалась с противной Карташихой, и сенбернар знал, что это надолго.

– Так племяшке твоей, живоглотистой. – победно усмехнулась Карташиха, размахивая руками. – Ишь, приехала, к тетке погостить, да тетку сродную и угробила – тухлятиной накормила. Вся семейка у вас такая – тухлая.

– А, Светка твоя – дура неумытая! – не осталась в долгу Лидия Николаевна. – Как по мужикам шляться, так, она – первая, а, как работать идти, так у нее – нервы. Какие-такие нервы, в двадцать пять лет, скажи на милость? Вырастила тунеядку и хочешь ее на шею Аполлоше нашему присадить.

– За тобой разве успеешь? Ты уже присадила, – надрывалась горластая Карташиха, не желавшая оставлять последнее слово за соседкой. – пса своего прожорливого и присадила. Я, может, за парня душой болею, а ты беспокойство устраиваешь, одно для всех. И гадит твой пес кучно, общий газон засрал бесстыдник, и гавкает на весь дом, и шерсть роняет, и..

– А, Светка твоя распрекрасная, весь подъезд закурила, пепельница на ножках. – Лидия Николаевна, сверкая глазами, не поддавалась натиску заклятой соседки. – У вас имеется отдельный балкон, пушай там и дым пускает, злыдня. Нет, надобно в подъезд общественный переться, нас травить. У меня, между прочим, в легких екает от дыма табачного, а, она..

– Это у тебя брюхо урчит от оленины тухлой. – ехидно

оскалилась Карташиха, воинственно размахивая авоськой. – Жрать меньше надо, тогда и распирать не будет, а то пухнешь, смотри, как на дрожжах.

– Да, ты сама, бурдюк прожорливый..

– А, ты – туша необъятная..

– А, ты..

Аполлон Кучкин, пожав плечами, вернулся обратно в квартиру, поняв, что склока затянулась и тётки, соскучившиеся друг по дружке и дорвавшиеся до скандала, не угомонятся, пока не спустят пар, а, пару, судя по всему, накопилось немало.

Тяпа, понутив лобастую башку, плелся за Кучкиным, чутко принохиваясь и роняя слюни на ступени – пусть пельмени, но сейчас. И, много. А, хозяйка потом еще раз покормит, когда с, накопившимися за время ее отсутствия, проблемами разберется.

Успевший переодеться Кучкин, покормив Тяпу и Баську, расположился на кухне – допивать остывший чай и читать ту самую газету, имеющую говорящее название «Свекруха».

Писали в той газетке, чаще всего, чушь несусветную. Особенно извращался, известный всему району, господин Капустка, умудрявшийся, сплошь и рядом, находить всяко-разное, неопознанное и удивительное.

Этим самым летом, Капустка ухитрился поразить общественность, уставшую от неустроенностей жизни, новостями про так называемого «Шмурыгинского душителя», которого

он именовал для краткости, зверем редким, реликтовым – чупакабра.

Как уяснил лично для себя Кучкин – а не верить глазам своим он не мог, хотя смутные сомнения и продолжали терзать недоверчивую натуру Аполлона Михайловича. – фото той самой чупакабры изловчились раздобыть шустрые подружки, Маргарита и Наталья, повстречавшие непонятное создание на территории дачного поселка.

Снимок чупакабры мог соперничать лишь с фотографией таинственного «Чёртова цокальщика», терроризировавшего жителей города Каменска и, хотя Кучкин пребывал в твердой уверенности в том, что синих, тем более – цокальщиков, на свете не существует, фотография, опубликованная в газете «Свекруха», доказывала обратное.

«Чёртов цокальщик» выглядел ужасно – неестественно яркого синего цвета, со вздыбленной шерстью, растопыренными лапами и внушительными зубищами.

Зубы особенно впечатляли разных дамочек, которые, сразу же после выхода статьи в газете, принялись названивать в редакцию и жаловаться на того самого цокальщика, якобы их покусавшего и требовать денежной компенсации от городских властей, допустивших подобное безобразие и не изолировавших странное и опасное существо от добропорядочных гражданок, от него пострадавших.

Безвинно оклеветанный Кельбас, на взгляд Кучкина, если что и мог слегка погрызть, так это кочан капусты или мор-

ковь, выделенную капибаре для пропитания Жизель Малявкиной, в одночасье ставшей его хозяйкой.

В остальном, зверек казался безобидным – чем-то там шуршал в своей клетке, копошился, перебирал лапками, периодически насвистывая и ныряя в объемный таз, установленный специально для него.

Ничего сверхъестественного в крупном, действительно, крупном грызуне, Кучкин не углядел, разве что, цвет меха выглядел слегка экзотично, но Аполлон Михайлович совершенно точно знал о том, каким образом Кельбас обзавелся столь экстравагантной окраской.

Происки конкурентов. Просто бизнес и ничего личного.

– Так и рождаются городские легенды. – меланхолично вздохнул Аполлон, отодвигая вздорный газетный листок в сторону. – Говорят, что в Шмурыгино организовали музей той самой чупакабры и проводят экскурсии, таская доверчивую публику по местам, якобы, обитания легендарного хищника. Находятся же простаки, готовые платить деньги за подобную дичь.

Кучкин пренебрежительно фыркнул – вот он, личность здравомыслящая и никогда бы не поддался на подобную провокацию. Но, то – он, а, все остальные – кто знает?

Тяпа, внезапно насторожившись, рывком поднял свое массивное тело с пола и очутился возле входной двери.

– Не иначе, как Лидия Николаевна пожаловала. – обрадовался Кучкин, направляясь к дверям. – Наговорившись с со-

седкой, вспомнила о своей собаке и пришла за питомцем.

– Ну, что, дружок, будем прощаться? – Аполлон погладил по голове своего временного пса и распахнул двери. – Лидия Николаевна, – удивился Кучкин, заметив в руках у соседки большой, черный пакет. – вы, что, снова куда-то уезжаете?

Лидия Николаевна, а это оказалась именно она, вздохнув, взглянула на молодого соседа виноватым взглядом, а, на Тяпу, пытавшегося ластиться к своей хозяйке, старалась и во все не смотреть.

– Аполлон.. – замаявшись, соседка развела руками. – Так получилось, что после отравления, я сильно изменилась, пересмотрела, так сказать, свои взгляды на жизнь, в частности, на свое питание. Мы – то, что мы едим, Аполлон. Все мои беды случились из-за того, что я ела мясо. Мясо, Аполлон! – стенала, точно чайка на подлете, Лидия Николаевна, утирая, капающие из глаз, слезы белоснежным платочком. – Я безжалостно пожирала плоть невинно убиенных живых существ, и природа покарала меня за это. С недавних пор я стала убежденной вегетарианкой и совсем не могу есть мясо. Я его на дух не переношу! К тому же, мне необходим режим, диета и постоянный уход. Поэтому.. – соседка запнулась, а лицо Кучкина слегка вытянувшееся к низу, застыло в ожидании очередной подянки. – Поэтому, – Лидия Николаевна решительно сунула в руки Кучкина свой объемный пакет. – я решила подарить Тяпу тебе. Не благодари, не на-

до. Это, конечно же, дорогой подарок, но, прежде всего, я забочусь о вас. – соседка замахала руками и добавила. – Я вижу, что вы отлично поладили и моему милому Тяпивару хорошо с тобой. Здесь – женщина указала на объемный пакет. – все Тяпины вещи – его любимый мячик, косточка, поводок и матрасик. Понимаешь, – женщина отступила на пару шагов назад, отдаляясь от Кучкина и своего пса. – я совсем не могу терпеть мясные запахи, а, Тяпа, он не сможет существовать на растительной диете. Собака не должна страдать из-за моих убеждений. Он – хищник и осознание того, что рядом находится существо, способное пожирать несчастных животных, угнетает меня. Тяпа в этом не виноват, но, все же – так сложились обстоятельства. К тому же, я уезжаю жить к племяннице, а у нее жуткая аллергия на собачью шерсть. В приюте Тяпа будет чувствовать себя некомфортно, одиноко и не привычно, а, ты, как-никак, добрый и отзывчивый человек, любящий животных.

«Добрый и отзывчивый» Кучкин, стоя с открытым ртом, так ничего и не смог сказать в ответ на коварство Лидии Николаевны, которая сочла свою миссию исполненной и поспешно удалилась. Аполлон отлично слышал, как соседка запирается на все замки, наверное, опасаясь, что пораженный широтой и щедростью её природы, Кучкин бросится в погоню и силой возвратит сенбернара в родные пенаты.

– Что это такое сейчас было? – Аполлон Михайлович, тяжело вздохнув, взглянул на осиротевшего Тяпу. – Тебя, мой

друг, только что кинули, но не огорчайся – я с младенчества нахожусь в точно такой же ситуации и, как видишь, до сих пор жив и здоров.

Сенбернар печально вздохнул, шмыгнув носом, точно человек. Умный пес все понял. Осознав глубину предательства своей любимой хозяйки, Тяпа, вильнув хвостом, уткнулся в ноги своему временному хозяину, словно говоря ему:

– Ну, что, человек? Ты тоже предашь меня? Выгонишь на улицу несчастного пса, мерзнуть на холоде и мокнуть под дождем?

Кучкин потрепал здоровяка по мохнатой шерсти и распахнул двери.

– Пошли, сиротинушка. Никто тебя выгонять не собирается, разве что, Барселона слегка пошипит, сетуя на превратности судьбы. Но, с кошкой свои проблемы решай самостоятельно. Прости, но в этом я тебе не помощник.

Не иначе, как седьмым чувством, но Баська поняла, что временный пес собирается поселиться на ее законных квадратных метрах на постоянной основе.

Печального и преданного бывшей хозяйкой Тяпу встретила раздраженно шипящая фурия, выгнувшая спину дугой и воинственно ощерившаяся.

Пес не обратил на шипение кошки ни малейшего внимания, спокойно пройдя мимо и улегся возле своей миски, в которой остывал один-единственный, недоеденный пельмень.

Кучкин не собирался мешать Тяпе грустить. Он понимал, что собаке просто необходимо побыть в одиночестве.

Истошно вопящую кошку поспешно отправили в изгнание и заключили в темницу – в ванной комнате имелся мягкий коврик, и Аполлон пребывал в твердой уверенности, что хвостатая проныра, через некоторое время, утомившись орать, ляжет в спячку и проснется, лишь после того, как учует запах ужина.

– Обед! – Аполлон Михайлович хаотично заметался по квартире, распахивая разбросанные в беспорядке вещи в, подходящие для этих целей, места. – Скоро придет Жизель. Она обещала мне борщ и котлеты.

Жизель и в самом деле направлялась к дому, в котором проживал специалист по решению вопросов.

Девушка твердо вознамерилась достойным образом отблагодарить Кучкина за помощь в решении ее огромной проблемы.

Кельбас послушно двигался рядом, совершенно не противясь тому, что его упитанную шею сдавливает ошейник. Капибара отлично умела слушаться команды и не протестовала против поводка. По-иному, и быть не могло – в отличие от Густава, купленного контрабандным способом на Птичьем рынке, мадам Кололосникова приобрела Кельбаса в питомнике, где сотрудники самым ответственным образом подходили к воспитанию своих подопечных.

Последнее купание смыло остатки синей краски с шерсти

животного, и никто не смог бы признать в воспитанном и обаятельном самце капибары того самого «Чёртова цокальщика», наводящего ужас на жителей города.

К счастью, Жизель не читала статью в газете «Свекруха» и не знала о том, какие разные ужасные сплетни ходят про ее милого питомца.

К делу возвращения долгов и проявлению благодарности, Жизель подошла ответственно.

Разумеется, девушка предпочла бы расплатиться деньгами, но, раз уж Кучкин решил востребовать долг натурой, то...

Вооружившись знаниями, почерпнутыми из электронной поваренной книги, Жизель, закупив необходимые для приготовления борща и котлет, продукты, надеялась на то, что уж в этот раз, сумеет довести свои кулинарные шедевры до приемлемого состояния и, что Кучкин, так много сделавший ради благополучия самой Жизели, выживет после того, как эти самые кулинарные шедевры попробует.

Сумка с продуктами оттягивала плечо и Жизель с благодарностью взглянула на незнакомого мужчину, распахнувшего перед девушкой подъездную дверь.

– Спасибо огромное. – пропустив вперед Кельбаса, произнесла Жизель, сделав вид, что не заметила округлившихся глаз незнакомца, рассматривавшего капибару. Упитанную тушку Кельбаса молодая грумерша упрятала в теплый комбинезон из стеганной ткани, синей, в крупный красный го-

рошек, и экзотический питомец Малявкиной выглядел хоть и внушительно, но, при этом ещё и слегка забавно.

Мужчина что-то невразумительно буркнул в ответ, топчась на входе, но Жизель особо не прислушивалась – борщ и котлеты занимали все ее мысли. Девушка, стуча каблучками, направилась к лифту – чего опасаться? Маньяка, терроризировавшего город, накануне поймала полиция, при её, Жизели, самом непосредственном участии, так что посторонние мужчины больше не казались девушке опасными.

Очень зря Малявкина столь легкомысленно отнеслась к неразговорчивому мужчине – недолго думая, тот, в один длинный шаг, догнал владелицу салона «Лампапудель» и запрыгнул в лифт, набиваясь в попутчики.

– Вы так стремительно ворвались! – возмутилась поведением незнакомца Жизель. – Перепугали моего друга и не подумали извиниться.

Недовольный Кельбас громко цокая, переминался с лапы на лапу, расторопный мужчина, продолжая что-то бурчать себе под нос, повернулся к Малявкиной спиной, демонстрируя гладко выбритый затылок, а девушка, так и не дождавшись извинений, гордо задрал носик, вышла на нужном этаже и направилась к квартире специалиста по решению вопросов.

– Жизель пришла. – обрадованный Кучкин, подмигнув понурому Тяпе, подскочил к дверям. Всегда приятно встречать хорошенькую девушку, а уж если эта девушка намерена

накормить тебя вкусным обедом, то приятностей становится вдвое больше.

– Входите, Жизель. – гостеприимно распахнул двери Кучкин, нацепив при этом на лицо свою самую широкую улыбку. – Мы очень рады вас видеть.

Жизель, а это оказалась она – кто же, еще? – что-то пискнула в ответ, не пытаясь двигаться. Подскочивший к дверному проему Тяпа, злобно рыкнув, оскалил зубы, а Кучкин, только теперь заметил, что за плечом девушки маячит чья-то зловещая фигура.

К белому горлу Жизели, прикрытому легкомысленным шелковым платочком, оказался приставлен нож и его лезвие тускло отсвечивало в полутьме лестничной площадки.

– Не надо делать глупостей. – предупредил Кучкин агрессивного незнакомца, лихорадочно пытаясь сообразить, как ему поступить в подобной ситуации.

– Неужели мы поймали не того маньяка? – простонал Аполлон Михайлович, наткнувшись на, умоляющий о помощи, взгляд беззащитной девушки. – Как же так получилось?

Нельзя было просто взять и броситься на негодяя с кулаками – тот незамедлительно проткнет ножом горло несчастной Жизели.

– Чего вы хотите, милейший? – закипая от злости, процедил Кучкин. – Денег? У меня не так много денег, но, я готов..

– Отдайте мне куртку. – прошипел незнакомец, старательно прячущий лицо за копной рыжих локонов перепуганной

грумерши. – Отдайте куртку и получите свою подружку целиком, а не по частям.

– Куртку? – опешил Кучкин и развел руками. – Извольте. Это, правда, не моя вещь, но, если вы так нуждаетесь, что готовы принять в качестве выкупа поношенную куртку, то, ради Бога, возьмите.

– Меньше слов. – незнакомец, успешно спрятавший свое лицо под большим козырьком черной бейсболки, удивительно ловко выхватил из рук специалиста теплую куртку, случайно присвоенную Кучкиным той памятной ночью, частично проведенной специалистом у контейнеров с мусором и толкнул испуганную девушку прямо в жаркие объятия Аполлона Михайловича.

– Ах! – воскликнула Жизель, падая на руки Кучкина.

– Р-гав! – возмутился Тяпа в полумрак лестничной площадки.

Но, негодяя, напавшего на Жизель, уже и след простыл, а Кучкин не собирался бросаться в погоню, помня о том, какой величины ножом размахивал неадекватный тип, так ловко отжавший чужую куртку.

– Может, воды? – Жизель слегка потряхивало от пережитого волнения и Аполлон решил проявить участие.

Девушка благодарно кивнула, принимая стакан с минералкой. Ее зубы дробно стучали по краю стакана. Она, до сих пор, выглядела перепуганной и вздрагивала при малейшем шорохе.

– Все хорошо, Жизель. – специалист по решению вопросов осторожно погладил девушку по плечу, недовольно цокающий Кельбас потерся о ногу хозяйки, а Тяпа, молча подошел к грумерше и положил свою тяжелую голову ей на колени.

– Он напал на меня из-за куртки? – удивилась Жизель. – Неужели, у негодня нет денег на теплые вещи?

– Не знаю.. не знаю.. – развел руками Кучкин, не желая признаваться в том, что куртка, была, скажем так, не очень законно позаимствована самим Кучкиным в личных целях. Возможно, данная вещь оказалась слишком дорога хозяину, вот он и напал на Жизель, требуя выкупа.

– Каких только дураков не бывает на свете. – вздохнула Жизель, успокаиваясь и поглаживая животных – одной рукой Кельбаса, второй – Тяпу. – Извините меня, Аполлон Михайлович – вечно от меня проблемы. Хотите, я куплю вам новую куртку, взамен той, что унес этот негодяй?

Кучкину стало очень неудобно – узнай Жизель, как в действительности обстоят дела, то не разговаривала бы с Кучкиным милым и виноватым голосом, а метала бы громы и молнии.

– Не стоит. – отмахнулся Аполлон, добавив про себя: «Легко пришло, легко и ушло». – У меня хватает одежды. – а сам, с тоской подумал о том, что его собственная куртка, равно, как и пиджак, все еще дожидаются химчистки, пребывая в плачевном состоянии.

Окончательно успокоившись, девушка вспомнила о цели своего визита. К счастью, мерзавец не покусился на сумку с продуктами – по всей видимости, он продрог, а не проголодался.

– Со мной уже все в порядке. – решительно произнесла Жизель, заставляя себя избавиться от воспоминаний, в которых фигурировал мерзавец с ножом. – Займусь обедом, – мило покраснев, распорядилась девушка. – а, вы, пока, ступайте на улицу. На дворе прекрасная погода – солнышко, ветра нет. Нагуляйте аппетит и возвращайтесь.

«Аппетит? – Тяпа заинтересованно взглянул на зарумянившуюся Жизель. – Чего его выгуливать, чай он не собака? Мой аппетит всегда при мне, и я на него не жалуюсь.»

Но, мнением сенбернара, как обычно, поинтересоваться забыли, поэтому Кучкин, натянув на себя свитер толстой вязки, прихватил пакет с одеждой, решив прогуляться до химчистки, совместив, так сказать, приятное с полезным – и животных выгулять, и дело сделать.

Тяпа с Кельбасом отлично поладили – пес не пытался нападать на грызуна, а капибара не почувствовала в сенбернаре угрозы. Поэтому, прогулка обещала послужить отличным стимулом для поднятия аппетита и способом улучшить настроение слегка хандрящему, осиротевшему сегодняшним днем, Тяпивару.

*

Василий Иванович Петриков, очень обрадованный тем,

что опасная улика, потерянная им на месте несостоявшегося преступления, вернулась к нему целой и невредимой, любовно поглаживал оттопыренный карман своей верной, испытанной и привычной, куртки.

Выяснить, куда собственно, подевалась его рабочая одежда, труда не составило – почти благородный разбойник случайно увидел Кучкина, выгуливавшего на улице не только лохматого пса, но и чужую куртку. Разузнав адрес специалиста, Петриков решил вернуть свою потерю и нанести Аполлону внезапный визит. Жизель просто не повезло – она удачно подвернулась Петрикову и облегчила процедуру возврата.

Разумеется, «мокруха» в планы почти благородного разбойника не входила – Кучкин и не подумал сопротивляться, отдав чужую вещь по первому требованию.

В кармане, как и раньше, находился набор ключей и отмычек, использовавшихся почти благородным разбойником в его, совсем не благородном ремесле. Отмычки в карман сунул, понятное дело, Кучкин, потом благополучно о них позабывший.

Петриков испытывал сожаление о том, что ему пришлось напугать такую славную девушку, как Жизель, ведь он голосовал за её кандидатуру и надеялся, что рыжеволосая девица победит в городском конкурсе «Игривая кудряшка».

– Но, – утешал себя Петриков. – нож я использовал не настоящий, а, значит и преступления никакого не случилось. Что касается испуга, то, что тут сказать – девушки пугаются

совершенно разных вещей – мышей, гусениц, визга тормозов и громкого звука автомобильного клаксона. Жизель, вот, испугалась обычного предмета для розыгрыша.

Почти благородный разбойник поспешно нырнул в узкий переулок – по улице медленно ехала полицейская машина. Разумеется, Петрикову нечего было бояться полиции, но, по укоренившейся за долгие годы, привычке, Василий Иванович предпочел свернуть на лево и пройти проходными дворами.

Как говорится – от греха подальше.

*

Захлопнув дверь за Кучкиным и маленьким зверинцем из двух мужских особей, Жизель, к своему изумлению, легко отвлекшись от мыслей про пережитое потрясение, без промедления, приступила к приготовлению обеда.

Страшный незнакомец из лифта, девушку, разумеется напугал, но, подумав, Жизель поняла, что убивать ее, он намерений не имел.

Нож в руках негодя оказался ненастоящим!

Этот самый нож, приставленный к горлу рыжеволосой грумерши, был изготовлен из качественной пластмассы и напоминал игрушку.

Разумеется, и игрушечным ножом можно нанести увечье, если задастся такой целью, но, целью преступника было получение куртки.

Теперь-то Жизель это понимала, но, там, в лифте, а затем

и на пороге квартиры Кучкина, жутко напуганная, не смогла выдать из себя ни единого слова.

Заряд адреналина очень быстро закончился и Жизель, нервно дернув плечами, направилась на кухню, решив, что приготовление обеда благотворно скажется на состоянии её нервной системы.

Как подозревала девушка, хороший аппетит нагуляется быстро, возможно, гораздо быстрее, чем приготовятся оба, обещанных блюда, потому, несведущей кулинарше следовало поторопиться.

Для начала, неопытная повариха решила освежить в памяти рецепт и принялась, заглядывая в телефон, раскладывать продукты по кучкам – отдельно на борщ, отдельно – на котлеты.

– Угу.. – бурчала Жизель, забрасывая в кипящую воду овощи, порезанные, вроде бы так, как надо – бульон, картофель, свекла, морковь... И... А! – девушка, сунув нос в парующую кастрюлю, проворно засунула в нее забытый ингредиент. – Чеснок! Лавровый лист! Соль!

Приплясывая вокруг плиты с половником наголо, словно танцуя странный, шаманский танец, Жизель, принявшись к аромату, исходящему от варева, пыталась определить степень съедобности готовящегося блюда.

Решив, что борщ томатами не испортишь, девушка бахнула в заправку целую банку томатной пасты и меланхолично помешивая бурое месиво, пристально следила за тем, чтобы

не пригорело.

– Котлеты.. Котлеты.. – бормотала Жизель, не обращая никакого внимания на вислоухую кошку, хищно следившую за пакетом с мясным фаршем азартно горевшими янтарными глазами. Охотиться за фаршем Барселоне еще не приходилось, но, все надо когда-то попробовать. К тому же, вряд ли коробка с фаршем окажет активное сопротивление.

– Даже не думай. – Жизель погрозила кошке половником и та, сразу поскучев, принялась вылизывать шерстку с самым безобидным видом – мол, я и вовсе ничего такого не замышляла. Вам показалось, девушка.

– Как же – показалось мне! – фыркнула опытная грумерша, не понаслышке знавшая о том, как коварны и изворотливы представители семейства кошачьих. – Смотри мне, хитрюга! Я тебя насквозь вижу!

Барселона, фыркнув еще раз, продолжала вылизывать лапки, внимательно при этом присматривая за мясным фаршем – а, вдруг? Вдруг наглая девица отвлечется?

– Упади! Упади! Упади на пол! – молила кошка своего кошачьего бога, но тот не желал слушать просьб вислоухой хитрули – фарш упал туда, куда ему полагалось. В большую миску, где его проворно смешали с белым, отваренным до полуготовности, рисом, солью, черным перцем, мелко покрошенным луком, яйцами и капустой.

– Так-так-так. – глаза Жизель бегали по рецепту – Четыреста грамм фарша, полкило, мелко шинкованной, капусты,

отварной рис, сто грамм, два яйца, соль, лук, перец. – девушка перевела дух и сдула со лба непослушную прядь волос. – Кажется, все правильно. Налепить котлеты, сложить в кастрюлю и залить томатной пастой.

Шотландская вислоухая громко зафырчала.

– Капуста? Какие глупости! Да, кому нужна, эта капуста, особенно в котлетах?

Зачем в котлетах капуста, Жизель, спроси ее об этом, затруднилась бы ответить, но, капусты на борщ, она накрошила много и ее было решено пристроить к делу. Не выбрасывать же добро? Кстати и рецепт обнаружился. Подходящий.

Капусту требовалось перетереть с солью, чтобы она пустила сок и размякла. Жизель и перетерла, представляя на месте капусты, того самого негодяя, угрожавшего ей ножом.

«Мужчины – всегда голодные. – подумала Жизель, шустро лепя мясные шарики, из которых, во все стороны торчала капуста. – Мясо и овощи они готовы употреблять тоннами, авось и моя стряпня Аполлону Михайловичу покажется съедобной.»

Сама же Жизель, собственную стряпню пробовать решилась бы, лишь под угрозой расстрела. Уж она точно знала, что нет в ее организме никаких кулинарных талантов. Нет, и никогда не было.

Одна надежда – на книгу с поваренными рецептами.

– Вроде бы, всё получилось, как надо. – Жизель, с сомнением взглянула на кастрюлю с борщом. Красная жидкость

пахла приятно и выглядела, как ей положено – аппетитно, но, какова она на вкус?

Нужен был подопытный и взгляд Жизель устремился на кошку.

– Я? – оскорбленная в лучших чувствах Барселона принялась яростно фыркать. – Я и борщ? Никогда!

Тогда Жизель решила подманить вислоухую охотницу на фарш своими странными котлетами. Котлеты послушно шипели на сковороде, румянились и вели себя достойно – не разваливались и не пригорали. Разве же голодная кошка сможет отказаться от подобной прелести?

Баська и не отказалась – она подозрительно принюхивалась, мутузила еще горячую котлету, лапой, недовольно шипела, фыркала и дергала усами.

Жизель, дожарив последнюю порцию, залила котлеты соусом и поставила на плиту – пропариться.

Во всяком случае, девушка точно следовала, вычитанной в поваренной книге инструкции.

Кошка вильнула хвостом и, устав ждать, впилась в котлету зубами. Зубы у Баськи были белые и крепкие, поэтому, впилась она глубоко и страстно, намереваясь откусить как можно больше от вкусной, истекающей соком, котлеты.

Затаив дыхание, Жизель наблюдала за процессом откусывания, по – всякому обзывая саму себя – и живодером, и эгоисткой, и прочими неприятными словами.

Очень надеялась Жизель на то, что, хотя бы кошка оценит

ее старание.

Поначалу, дело, вроде пошло – Баська, откусив приличный кусок котлеты, блаженно прикрыв глаза, отдалась процессу поглощения питательного продукта целиком и полностью, но уже через мгновения, глаза кошки распахнулись, она фыркнула, заорала и, выплюнув котлету, принялась метаться по комнате, точно сумасшедшая.

– Что с ней такое случилось? – озадачила себя вопросом Жизель, расстроено шмыгая носом. – Чего это она, ведь все так хорошо шло?

В это время распахнулись входные двери и троица, вернувшись с прогулки, голодных индивидов, начала водить носами, принюхиваясь к вкусным запахам, витавшим по квартире.

– Пахнет хорошо. – Кучкин, продрогший в своем свитере, радостно умчался мыть руки. Он страшно проголодался и был готов слупить три тарелки борща и обещанные котлеты. Лучше, с гарниром, но и без гарнира, тоже.

– Мы сейчас наблюдали очень странную картину. – оживленный Аполлон Михайлович с умилением смотрел на то, как Кельбас, избавленный от поводка и шлейки, прыгает вокруг своей рыжеволосой хозяйки, выпрашивая сочную морковку, оставшуюся после приготовления борща. – По двору прогуливалась наша соседка, Наталья Медисовна, вертевшая в руках огромный и страшный нож, очень напоминающий то самое орудие, которым вам угрожал негодяй, умыкнувший

мою куртку. Нам она сказала, что обнаружила эту штуковину возле лифта. Вы знаете, Жизель, – Кучкин неловко развел руками, с которых немедленно потекла вода. – нож оказался из пластика. Игрушка. Очень небезобидная, но, игрушка. Извините, что так получилось – ума не приложу, кто этот тип и зачем ему понадобилась несчастная куртка.

– Я только потом поняла это. – Жизель снова вздрогнула, припомнив пережитый некоторое время назад, ужас. – Вы ни в чем не виноваты, Аполлон Михайлович. Возможно, человек продрог и подумал, что может решить свою проблему за чужой счет. – Девушка стеснительно улыбнулась, приглашая хозяина квартиры к столу и, тут же, набросилась на Барселону, вознамерившуюся облизывать обувь, слишком уж наглой, гостью.

– Прочь, пошла прочь, негодяйка!

Жизель, наблюдавшая за кошкой, не успела опомниться, как борщ оказался разлит по тарелкам и мискам – да-да, Тяпа и не думал отказываться от своей порции, хлеб разложен, а ложка, заняла свое место в руках проголодавшегося специалиста.

– Да вы чудесница, Жизель! – Кучкин, откусив от корочки хлеба, большой кусок, поспешил похвалить девушку. – Выглядит сногшибательно и пахнет вкусно.

Несчастливая Жизель, сжавшись в комочек, напряженно ожидала вердикта ценителя.

Кучкин, азартно запихивал ложку за ложкой в рот и ка-

зался почти счастливым.

– Слегка густовато. – вынес свой приговор Аполлон Михайлович и ложку облизал. – Но, в целом, очень даже вкусно. Нам в детском доме такого борща не готовили. В нашем борще, обычно, капуста гонялась за картошкой, ныряя в жидкий бульончик.

Жизель вздохнула с облегчением – по крайней мере, она никого не отравила своей стряпней, хотя, тут еще бабушка надвое сказала – чтобы судить наверняка, надобно подождать пару часиков, пока продукты усвоятся. Если Кучкин не занедужит, значит, не так все скверно обстоит у Жизель с готовкой.

Как обычно, макароны у Жизель не получились. Свариться они, конечно, сварились, куда им деваться, но, зато, они ухитрились слипнуться в один дружный ком и, таким же образом – то есть, комом, отправились к Аполлону в тарелку.

Кучкин на слипшиеся макароны не обратил никакого внимания. Он варил их почти тем же способом, что и Жизель, и результат ему казался правильным. Пожалуй, Кучкин и в самом деле думал, что макароны должны выглядеть именно так. Те, что дают в столовой, наверно, какого-то другого сорта, или вида.

– Котлеты! – Тяпа вилял хвостом и требовательно смотрел на Кучкина. Его новый, постоянный хозяин был просто обязан поделиться вкусеньким со своей голодной собакой, которая, всю последнюю неделю, питалась исключительно

пельменями и конфетами, которые удавалось выпросить у девочки по имени Маргарита.

– Обжора. – тот ласково пожурил пса, с недавних пор принадлежавшего, лично ему, Кучкину. – Не хочешь записаться в ряды вегетарианцев, как Лидия Николаевна?

Морда пса, перепачканная борщом, выразила обиду и недоумение.

– Я? – недоумевал Тяпа. – Вегетарианец? Ну, уж нет! Я – хищник, который любит котлеты! Очень сильно любит котлеты!

– Я приготовила «ленивые голубцы», – пискнула Жизель. – по рецепту.

– Хорошо-хорошо. – рассмеялся Аполлон, жертвуя на пропитание Тяпы пару странных котлет, которые рыжеволосая грумерша обозвала «ленивыми голубцами». Аполлону было непонятно – почему, «ленивые»? Но он особо не заморачивался – фиг с ним, что «ленивые», лишь бы съедобные и много. – А, вы, Жизель, не присоединитесь? Мне неудобно одному употреблять шедевры вашего кулинарного творчества.

Автор «шедевров» с опаской взглянула на результат своей стряпни, содрогнулась от дурных предчувствий и поискала глазами кошку. Баська потерялась где-то на просторах кучкинской квартиры, пропав со всех радаров.

– Надеюсь, кошка жива. – барышня-кулинар, краснея всем лицом, поднесла ложку ко рту – ей очень хотелось ку-

шать. Волнуясь за оплату натурой, требовавшую специалиста, Жизель забыла позавтракать, а время уже приближалось даже не к обеду, а к полднику. – Борщ, так борщ. – отважно решила Жизель, засовывая ложку в рот. – Ой, вкусно!

– Добавим горчицы. – Аполлон Михайлович щедро намазал котлеты горчицей. – Люблю, знаете ли, чтобы было поострее! – и, лихо разделав котлету на кусочки, сунул один из них в рот.

– Я так и знала. – сокрушенно мотнула головой Жизель, наблюдая за тем, как лицо специалиста, благодетельствованного её неумелой стряпней, медленно наливается краснотой. – Отравила! Как есть, отравила!

– Воды.. – прохрипел Кучкин, шлепая ладонью по столу и Жизель, тут же, подсунула несчастному стакан воды.

– Вы, как? – малоопытная стряпуха казалась несчастной и подавленной. Из-за угла выглядывала кошка и с жалостью поглядывала на хозяина – хоть и нелепый, но свой, родной. За что его так?

– Не вкусно, да? – робко поинтересовалась Жизель, роняя слезы в тарелку с борщом. – Я сделала что-то не так?

– Все, так. – Кучкин, тщательно перемешав котлеты с макаронами, засунул ложку в рот. – Это я положил слишком много горчицы. Переборщил.

Жизель, видя, что макароны исчезают с тарелки, приободрилась, а Кучкин, запивая водой каждую ложку продукта, жалел о том, что не озаботился спрятать баночку с перцем

куда подальше.

На удивление бодрый, потому что, сытый, Тяпа, казалось и вовсе не заметил излишки перца в котлетах, слопал и борщ, и все, что положили в его миску потом.

Единственной пострадавшей, оказалась Барселона – ей попалась особо перченая ленивая котлета, заставившая кошку разочароваться в этом мясном блюде навсегда.

Единственный вегетарианец в этой компании, Кельбас, наслаждался сочной морковью и в ус не дул – морковь ему выдали сладкую и без горечи, так что печалиться капибаре было совершенно не, о чем.

– О! Вы читаете «Свекруху». – удивилась Жизель, хватая злополучный газетный листок. – Никогда бы не подумала, что вы любитель желтой прессы.

– Я? Нет, что вы.. – начал было оправдываться Кучкин, но Жизель уже впиалась глазами в злополучную статью.

– Как он смеет! – разгневанная девушка, потрясая над головой газетой, металась по квартире специалиста, разогнав по углам животных. – Негодяй! Он опорочил светлый образ Кельбаса! Кто теперь придет в мой салон? Все решат, что в нем обитает чудовище и станут бояться миролюбивой и безобидной капибары.

Кучкин пожал плечами – вряд ли жители города опознают в Кельбасе, облаченном в яркую попону жуткого монстра по имени «Чёртов цокальщик». Так что, по мнению Кучкина, зря Жизель беспокоилась и создавала проблему на ровном

месте – экзотической крысе ничего не грозило.

– Ты – моя радость. – обнимая капибару, пробормотала Жизель. – Синий ты или зеленый, не важно. Главное, ты принес в мою скучную жизнь счастье и познакомил меня с многими замечательными людьми.

Аполлон, расслышавший лишь окончание, сказанного Жизель, развел руками – да, он такой, замечательный и единственный в своем роде.

– А, не пойти ли нам прогуляться? – предложил Кучкин. Во рту специалиста все еще горело после съеденных котлет и эту горечь было необходимо срочно чем-то притушить. – Мороженое, Жизель? Я угощаю.

На улице успели залечь синие тени, оповещая о приближающемся вечере, но никто не мог остановить парочку молодых людей, мечтающих о мороженом и их животных, спешащих на прогулку.

Жизель чувствовала себя счастливой – бывший синий Кельбас, приятный вечер и, неожиданно получившийся вкусным, борщ, настраивали ее на умиротворенный, миролюбивый лад.

– Прошу вас. – Кучкин распахнул дверь подъезда, намереваясь пропустить свою даму, но, едва не был сбит с ног незнакомым мужчиной, совершенно дикого вида и в растерзанной одежде.

– Не здесь ли проживает Аполлон Кучкин? – закричал мужчина, крепко вцепившись в свитер Аполлона Михайло-

веча. – Мне срочно требуется консультация по совершенно секретному и конфиденциальному вопросу!

Конец.